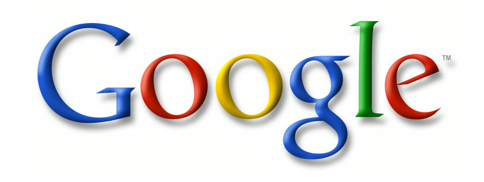
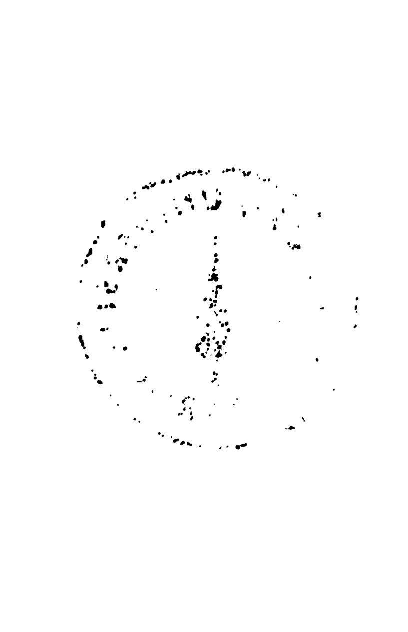
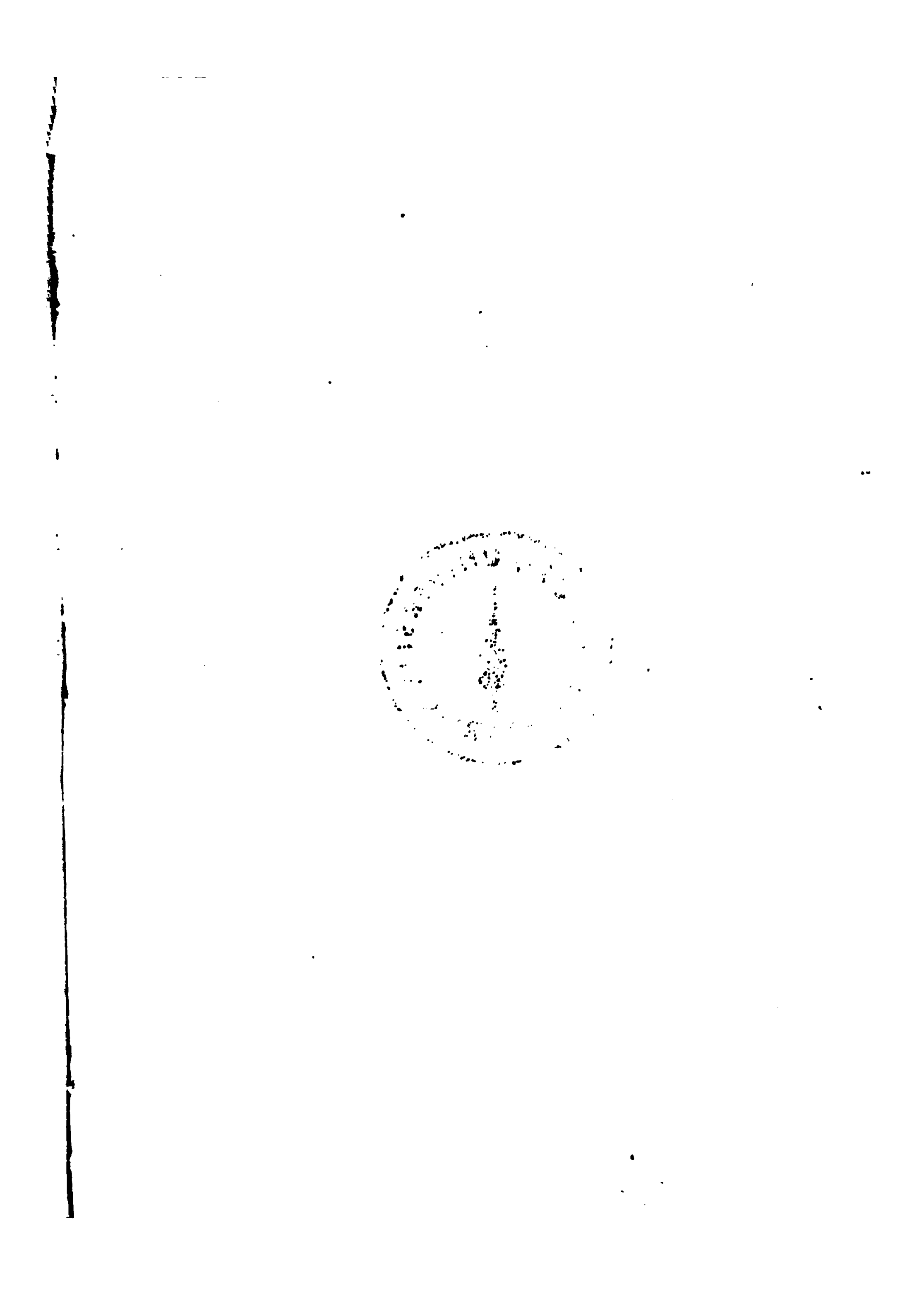

Russ.
misc

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА

АХШАРУМОВА.

Томъ 1-ый.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1894.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (В. О., 8 линія, № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (В. О., 8 линія, № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

БАБУШКА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ главномъ казначействѣ, на углу Литейной и Кирочной, была толпа народа, и давка около казначейскихъ столовъ. Наступило 1-е число, день выдачи пенсій за истекшій мѣсяцъ,—день, давно желанный и ожидаемый съ нетерпѣніемъ всѣми, у кого карманы отощали, а такихъ было много и ждать приходилось долго. Дождешься ли своей очереди сегодня или придется ждать и завтра?—вотъ вопросъ, который волновалъ всѣ умы и былъ немаловажнымъ для многихъ. Дома ни гроша, карманы давно опустѣли и вернуться домой безъ денегъ являлось часто вопросомъ жгучимъ, обѣда или голоданья на завтрашній день. На лицахъ выражалась тоска; всѣ тискались къ длиннымъ столамъ, протянутымъ чрезъ всю залу, и со страхомъ поглядывали на большіе стѣнные часы, хорошо знакомые всѣмъ пенсіонерамъ казначейства. Дойдетъ стрѣлка до роковой цифры, пробьютъ часы: *два*, и шабашъ: кассы закроютъ до завтра.

Зала была биткомъ набита, всѣ скамейки заняты, и даже на лѣстницахъ и въ коридорахъ толпился народъ. Измученные казначейскіе чиновники метались изъ угла въ уголъ: вдовы и сироты, отставные военные и статскіе, убогіе старички и старушки—всѣ ждали съ нетерпѣніемъ своей очереди, и только счастливцы, которые успѣли попасть къ кассѣ и получить свою пенсію, уходили умиротворенные, съ улыбкой на губахъ. Порой появлялись въ залѣ важный генералъ съ красными лампасами или нарядная молодая дама и быстро справляли свои дѣла. Они, какимъ-то чудомъ, попадали не въ очередь къ кассамъ и уходили величаво, не мѣшаясь съ остальной публикой. *)

Въ числѣ ожидающихъ сидѣла на скамейкѣ маленькая, худенькая старушка и тоже ждала своей очереди съ видимымъ нетерпѣніемъ, но очередь ея почему-то не наступала. Она пришла раньше всѣхъ, но пришедшіе позже ея уходили, получивъ пенсію; за ними являлись другіе и тоже получали удовлетвореніе, а старушка все сидѣла да ждала. На нее никто не обращалъ вниманія, ее ни разу не выкликали и даже не отбирали пенсіонной книжки; да и не было у нея книжки, какъ у всѣхъ другихъ, а былъ въ рукахъ большой кожаный ридикюль старомоднаго фасона, вышитый бисеромъ съ одной стороны и холщевый широкій зонтикъ, съ синей каемкой по краямъ. Ридикюль она прижимала къ своей груди, какъ будто бы въ немъ хранились великія сокровища, а зонтикъ

*) Разсказъ относится до прошедшаго времени. Нынѣ порядки въ казначействѣ образцовые.

ставила возлѣ и все поглядывала, не стащилъ ли его кто нибудь. По временамъ, она вставала, протискивалась къ столу, гдѣ бѣлокурый чиновникъ съ добродушнымъ лицомъ принималъ и выдавалъ пенсіонныя книжки по военному вѣдомству, умильно глядѣла на него, улыбалась и что-то бормотала, но чиновникъ ничего не отвѣчалъ ей, пожималъ плечами и обращался къ другимъ пенсіонерамъ, а старушка, потоптавшись около стола, возвращалась на свое мѣсто.

На ней былъ надѣтъ старомодный ватный салопъ, истрепанный и полинялый, допотопная шляпка на головѣ едва прикрывала сѣдые ея волосы, завитые букольками на вискахъ, а на шеѣ, не смотря на жару и духоту въ залѣ, былъ намотанъ толстый шерстяной шарфъ, съ запрятанными подъ салопъ концами. Лицо было сморщенное, испитое; носъ вытянутъ отъ худобы; маленькіе каріе глазки тревожно бѣгали и безпрестанно моргали; старушка улыбалась пріятною, доброю улыбкой и часто заговаривала съ сосѣдями.

Пробило *два* на завѣтныхъ часахъ казначейства, кассы стали закрывать одну за другою, и публика начала расходиться. Скоро залы совсѣмъ опустѣли и остались одни чиновники подсчитывать свои книги, громко щелкая на счетахъ; наконецъ, и чиновники разошлись, остались одни сторожа убирать и подметать комнаты, а старушка все сидѣла со своимъ ридикюлемъ и добродушно улыбалась, поглядывая на опустѣвшую залу. Одинъ изъ сторожей подошелъ къ ней, дернулъ за рукавъ и грубо сказалъ ей: — уходите, чего сидѣть тутъ?

Она послушно встала, вздохнула и пошла внизъ по

лѣстницѣ. На другой день, какъ только открыли казначейство, старушка была уже тамъ съ зонтикомъ и ридикюлемъ, и опять повторялась та же исторія: опять она пришла раньше и ушла позже всѣхъ, не получивъ ни гроша; опять улыбалась, вздыхала и подходила къ бѣлокурому чиновнику, топталась у его стола, и опять сторожъ, когда всѣ разошлись, выпроводилъ ее на лѣстницу.

И такъ каждый день. Въ казначействѣ всѣ знали ее, смѣялись надъ нею, сначала сердились и гнали прочь, но потомъ привыкли и оставили ее въ покоѣ.

Былъ холодный ноябрьскій день, сумерки быстро наступали и на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло, когда старушка, выпровожденная, по обыкновенію, сторожемъ изъ казначейства, вышла на улицу. Вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ дулъ ей прямо въ лицо, рвалъ полы салопа и трепалъ ея сѣдые жидкіе волосы; она старалась укрыться отъ непогоды своимъ широкимъ зонтикомъ съ синей каемкой, но зонтикъ рвало вѣтромъ изъ рукъ и выворачивало на изнанку. Старушка шагала бодро, храбро сражаясь съ вѣтромъ и дождемъ; она шла привычной дорогой, съ Кирочной на Пески и, дойдя до Шестой улицы, вошла въ ворота каменнаго большаго дома и стала взбираться вверхъ по темной лѣстницѣ, но наверху появился свѣтъ и черноволосенькая, черноглазенькая дѣвочка сбѣжала къ ней внизъ на встрѣчу, со свѣчкой въ рукахъ.

— Бабушка, ты вся мокрая!—воскликнула она, отнимая у нея зонтикъ:— пойдемъ скорѣе наверхъ.

Она побѣжала впередъ, въ растворенную дверь, въ четвертомъ этажѣ, и въ передней стала раздѣвать бабушку: размотала шарфъ, сняла салопъ и шляпку, и бе-

режно обтерла полотенцемъ ея намокшій лобъ и сѣдыя букольки.

— Милая бабушка,—повторяла она, цѣлуя ея руки и морщинистыя щеки:—ты иззябла совсѣмъ, иди скорѣй въ комнату.

Онѣ вошли въ комнату, гдѣ топилась печь и горѣла лампа на кругломъ обѣденномъ столѣ; тутъ же стояли двѣ кровати, комодъ краснаго дерева подъ надтреснутымъ зеркаломъ, нѣсколько плетеныхъ стульевъ и старое кожаное кресло съ высокой спинкой, въ которое бабушка тотчасъ опустилась, какъ только вошла въ комнату. Она, видимо, устала и прозябла, но не хотѣла сознаться въ этомъ внучкѣ; въ рукахъ она все держала свой ридикюль и, открывъ его, стала выкладывать разныя сокровища: желтую чайную скатерть съ вытканными на ней птицами и узорами, большія ножницы, тетрадку, всю исписанную цифрами, кожаный порыжѣлый бумажникъ и пустой вязанный кошелекъ, съ кольцами на концахъ. Кошелекъ и бумажникъ она поспѣшно спрятала въ столикъ, стоявшій передъ кресломъ, заперла ящикъ и положила ключъ въ карманъ; она дѣлала это каждый день, какъ будто запирала въ столъ крупныя и мелкія деньги, принесенныя изъ казначейства, и тщательно скрывала ото всѣхъ, что бумажникъ и кошелекъ совсѣмъ пусты.

Въ комнату вошла здоровая деревенская баба въ грязномъ сарафанѣ и дырявыхъ башмакахъ на босу ногу; она поставила на круглый столъ два прибора.

— Подавать что ли? спросила она угрюмо.

Бабушка ничего не отвѣчала, а внучка закивала ей

головой, весело улыбаясь, и сама побѣжала вслѣдъ за ней въ кухню.

Обѣдъ состоялъ изъ миски жидкаго супа, съ кусками разваренной говядины, и тарелки картофеля съ масломъ. Но бабушка и внучка такъ уписывали эти незатѣйливыя кушанья, какъ будто они были приготовлены у Донона или Бореля. Къ концу обѣда кухарка опять появилась.

— Денегъ въ мясной требуютъ,—объявила она, подойдя вплотную къ столу.

— Денегъ, Маланьюшка, денегъ,—засуетилась бабушка и, вся вспыхнувъ, стала шарить въ карманахъ, но вдругъ, какъ будто вспомнивъ что-то, гордо объявила:

— Завтра пришлю; скажи имъ всѣмъ, что завтра.

— Знаемъ мы ваши завтра,—проворчала Маланья:— давно вы насъ завтраками-то кормите.

— Ахъ ты, дура, да ты какъ смѣешь,—загорячилась старушка.—Тебѣ говорятъ завтра: ну, и жди. Сегодня не выдали мнѣ пенсіи изъ казначейства, много народу было, 1-ое число.

— Знаемъ мы ваши пенсіи—продолжала кухарка:— лучше бы дома сидѣли, чѣмъ башмаки даромъ стаптывать.

Бабушка вскочила и вся затряслась отъ гнѣва, но дѣвочка бросилась сначала къ ней и усадила опять за столъ, потомъ къ Маланьѣ, стала обнимать ее, шептать что-то на ухо и, подталкивая понемногу, выпроводила въ кухню. Кухарка ушла, но въ дверяхъ категорически объявила, что завтра готовить не будетъ и даже плиты не разведетъ.

— Все равно варить нечего, только дрова жечь даромъ.

Перспектива остаться безъ обѣда на завтра возникала часто въ этой семьѣ и жестокія бури разражались по этому поводу между кухаркой и барыней. Но къ вечеру обыкновенно все улаживалось; приходилъ домой жилецъ, Семенъ Петровичъ, и призывалъ къ себѣ въ комнату на совѣщаніе дѣвочку Иришу и кухарку Маланью. О чемъ они совѣщались, оставалось тайной, но поутру Маланья разводила плиту, какъ ни въ чемъ не бывало, и стряпала обѣдъ, а послѣ обѣда подавала иногда кофе; тогда праздникъ былъ полный. Ириша хлопала въ ладоши, а бабушка улыбалась и обѣщала всѣмъ на завтра золотыя горы: Маланьѣ шерстяной сарафанъ, Иришѣ большую куклу и книжку съ картинками, а всѣмъ вмѣстѣ — изюму и мармеладу. Послѣ обѣда, Дарья Яковлевна, — такъ звали бабушку, — обыкновенно засыпала въ креслахъ, съ чулкомъ въ рукахъ, но къ чаю просыпалась и посылала Иришу за жильцомъ, Семеномъ Петровичемъ, который всякій день являлся къ чаю и почтительно привѣтствовалъ хозяйку.

Семенъ Петровичъ былъ человѣкъ средняго роста, плотный, съ рыжими волосами и бакенбардами; лѣтъ онъ былъ неопредѣленныхъ, такъ какъ всякій, кто зналъ его 20 лѣтъ тому назадъ, зналъ такимъ же, какимъ онъ былъ и теперь; все тѣ же рыжіе жесткіе волосы и бакенбарды, только посѣдѣвшіе немного, тѣ же зеленые добрые глаза, большой ротъ съ бѣлыми крѣпкими зубами, тѣ же морщины на лбу и около глазъ, ни одной больше, ни одной меньше. Усовъ и бороды онъ не носилъ и тщательно про-

бривалъ себѣ подбородокъ и верхнюю губу, но зато волосами своими совсѣмъ не занимался; они всегда имѣли видъ нечесанный и торчали вверхъ жесткой щетиной. Это, впрочемъ, происходило отъ того, что онъ постоянно ихъ ерошилъ, въ особенности когда писалъ или говорилъ съ жаромъ. Онъ одѣвался утромъ въ вицмундиръ, съ орденомъ на шеѣ, а вечеромъ—въ плисовый темнокоричневый пиджакъ, который всѣ помнили также давно, какъ и его самого. Пиджакъ этотъ имѣлъ особое свойство,—онъ былъ нетлѣнный и, разъ порыжѣвъ еще въ молодости, сохранилъ свой цвѣтъ до глубокой старости. У Семена Петровича была еще одна особенность: два пальца его правой руки были всегда въ чернильныхъ пятнахъ, а два пальца лѣвой, въ табачной копоти; это происходило оттого, что правой рукой онъ постоянно писалъ, а лѣвой набивалъ трубку и тыкалъ пальцами въ табачный пепелъ. Какъ онъ ни старался отмыть эти пятна, но не могъ даже въ банѣ, такъ они въѣлись въ его кожу и продубили ее насквозь.

— Дарьѣ Яковлевнѣ мое почтеніе,—сказалъ Семенъ Петровичъ, входя въ комнату и почтительно кланяясь.

— Здравствуйте, Семенъ Петровичъ,—отвѣчала бабушка.—Садитесь, пожалуйста; чайку не угодно ли?

Семенъ Петровичъ сѣлъ, причемъ Ириша тотчасъ же прыгнула къ нему на колѣни и обняла его за шею. Дарья Яковлевна, всегда сама разливавшая чай по вечерамъ, подала ему чашку и погрозила пальцемъ Иришѣ.

— Стыдно — сказала она: — большая дѣвочка, а на колѣни къ мужчинамъ прыгаешь.

Ириша посмотрѣла на нее своими большими глазами,

но не шевельнулась и только крѣпче прижалась къ Семену Петровичу. „Развѣ это мужчина?“ говорили ея глаза:—„это Семенъ Петровичъ“. Но бабушка покачала головой и повторила:

— Стыдно!

— Оставьте ее, Дарья Яковлевна; мы съ ней большіе друзья,—и Семенъ Петровичъ погладилъ дѣвочку по головкѣ.

— Такъ-то такъ, а все жъ нехорошо, вѣдь большая.

— А сколько ей лѣтъ?

— Да вотъ 12-ть минетъ въ этомъ мѣсяцѣ.

Семенъ Петровичъ пришелъ въ недоумѣніе: два дня тому назадъ, бабушка говорила, что дѣвочкѣ только десятый годокъ пошелъ, а за недѣлю передъ тѣмъ увѣряла, что ей минуло 13. Но не въ этомъ одномъ путалась бѣдная бабушка; она, очевидно, перезабыла многое изъ своего прошлаго и много придумала такого, чего и не было вовсе. Она не говорила, напримѣръ, о родителяхъ Ириши и, казалось, забыла совсѣмъ, что они существовали когда-то; сама Ириша тоже ихъ не помнила и думала,—когда была поменьше,—что произошла на свѣтъ отъ бабушки. Семенъ Петровичъ не допрашивалъ о происхожденіи своей любимицы и слышалъ только, что ея мать звали Елизаветой, что она умерла давно и что дѣвочка была живымъ ея портретомъ. Болѣе онъ ничего не зналъ, живя четвертый годъ на квартирѣ у Дарьи Яковлевны и, какъ человѣкъ скромный, не допытывался. Онъ, впрочемъ, и самъ имѣлъ свои странности: нанявъ случайно комнату у Дарьи Яковлевны, онъ скоро такъ привязался къ семьѣ своей квартирной хозяйки, что болѣе не раз-

ставался съ нею и путешествовалъ съ бабушкой и внучкой съ квартиры на квартиру. Въ первый годъ у бабушки еще водились кой-какія деньжонки, но на второй—жильцу пришлось самому покупать дрова и уплачивать за квартиру домохозяину, а на третій годъ нерѣдко выдавать и деньги Маланьѣ на столъ, чтобы помирить кухарку съ барыней и не оставить безъ обѣда ни въ чемъ неповинную Иришу. И онъ уплачивалъ все, нисколько не смущаясь такимъ порядкомъ; онъ все-таки считалъ себя жильцемъ, а Дарью Яковлевну хозяйкой квартиры, и въ этомъ качествѣ отдавалъ ей достодолжное уваженіе.

По утрамъ онъ уходилъ на службу, обѣдалъ гдѣ придется, иногда дома, но по вечерамъ неизмѣнно пилъ чай у Дарьи Яковлевны, ласкалъ Иришу и разсказывалъ бабушкѣ разныя городскія и газетныя новости; при этомъ въ карманахъ его плисоваго пиджака часто оказывались фунтики съ пряниками и леденцами, которые Ириша вытаскивала поочередно, и быстро уничтожала съ помощью бабушки. Въ 10-ть часовъ жилецъ уходилъ къ себѣ, а Дарья Яковлевна и Ириша укладывались спать. Но бабушкѣ долго не спалось, и по ночамъ ея фантазія разыгрывалась съ полной силой. Она зажигала свѣчку, вставала на цыпочкахъ, чтобъ не разбудить Ириши, и вытаскивала изъ комода всѣ свои сокровища: ридикюль, салфетку, ножницы, тетрадку,—все, что̀ сопровождало ее каждый день въ казначейство,—раскладывала ихъ и кончала тѣмъ, что, надѣвъ очки, открывала тетрадку и вписывала въ нее новыя цифры. Самый опытный бухгалтеръ не могъ бы разобраться въ этихъ цифрахъ, но старушка

бойко читала свою книжечку и дѣлала въ ней карандашемъ разныя помѣтки. Всѣ онѣ клонились къ одной цѣли: высчитать до копѣйки, сколько ей придется завтра получить пенсіи изъ казначейства, причемъ она ни минуты не сомнѣвалась, что на этотъ разъ получитъ все сполна, — все, что̀ ей слѣдовало со дня пожалованія пенсіи, и даже проценты на капитальную сумму, за время неправильной задержки денегъ. Высчитавъ такимъ образомъ приходъ, она принималась за смѣту расхода, и чего только не придумывала она въ эти ночные часы, — какихъ нарядовъ она накупитъ Иришѣ, книгъ, игрушекъ, лакомствъ разныхъ, два сарафана Маланьѣ, — одинъ шерстяной, другой ситцевый; Семену Петровичу тоже купитъ подарокъ — хорошій, но какой, она еще не рѣшила, тамъ будетъ видно. На всѣ остальныя деньги она возьметъ серій въ казначействѣ и будетъ стричь ножницами купоны; при этомъ она схватывала ножницы и съ азартомъ начинала чиркать ими по воздуху, воображая, что уже стрижетъ купоны. Убѣдившись, что ножницы отлично исполняютъ свое дѣло, она укладывала ихъ обратно въ комодъ, вмѣстѣ съ остальными вещами, подходила къ постелькѣ Ириши, крестила ее, цѣловала, укутывала одѣяломъ и шептала при этомъ:

— Все тебѣ, все тебѣ отдамъ, мнѣ ничего не нужно.

Какъ велики были капиталы маленькой Ириши, сладко спавшей въ своей кроваткѣ,—это составляло тайну ея бабушки, которая, впрочемъ, и сама врядъ ли могла бы опредѣлить цифру этихъ капиталовъ, такъ какъ они росли каждую ночь съ ужасающею быстротою, и завѣт-

ная тетрадка была до того переполнена цифрами, что уже некуда было болѣе писать.

Утромъ, въ восьмомъ часу, Дарья Яковлевна была уже на ногахъ, справляла свой туалетъ и торопилась въ казначейство. Какъ ни упрашивала ее Ириша остаться хотя одинъ день дома и отдохнуть, она не хотѣла и слушать.

— Смотри, бабушка, какая погода, — говорила дѣвочка, указывая на улицу, гдѣ лилъ дождь, какъ изъ ведра: — не ходи сегодня, простудишься.

— Что ты, въ умѣ ли, — сердилась старушка: — пусти, опоздаю. — И, схвативъ свой зонтикъ и ридикюль, куда Ириша предварительно укладывала всѣ ея сокровища, она торопливо сходила съ лѣстницы, держась за перила, и почти бѣгомъ пускалась по улицѣ, преслѣдуемая страхомъ опоздать въ казначейство.

— Бѣдная бабушка, — вздыхала Ириша, проводивъ ее на лѣстницу, и, только убѣдившись, что бабушка благополучно спустилась внизъ, она возвращалась въ комнаты, собирала свои тетрадки и книжки и уходила въ школу.

Дарья Яковлевна Бѣлоусова была вдова майора, умершаго 20-ть лѣтъ тому назадъ въ Воронежѣ, подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ. Къ несчастію, онъ былъ приговоренъ уже послѣ смерти и хотя лично избѣгнулъ наказанія, но не оставилъ своей семьѣ ничего, даже пенсіи за свою долголѣтнюю службу. Вдова его, любившая мужа безъ памяти и не вѣрившая въ его виновность, положила цѣлью своей жизни возстановить честь и доброе имя покойника; она собрала свои пожитки, про-

дала все, что̀ возможно было продать въ Воронежѣ, и пріѣхала въ Петербургъ—хлопотать о пересмотрѣ дѣла мужа и о пенсіи себѣ и своей дочкѣ Лизочкѣ, которая въ то время была еще дѣвочкой 10-ти лѣтъ.

Нашъ разсказъ начинается много лѣтъ спустя, когда почтенная Дарья Яковлевна уже бѣгала въ казначейство получать воображаемую пенсію, а вмѣсто дочки Лизочки у нея была внучка Ириша, которую она точно также любила, какъ и ея покойную мать. Какъ все это случилось, сколько горя, нужды и неудачъ пережила она, — Дарья Яковлевна не помнила теперь, отуманённая своими фантазіями, а когда ее спрашивали объ этомъ періодѣ ея жизни, то она молчала, улыбаясь, или начинала разсказывать о давнопрошедшемъ, о своей жизни въ Воронежѣ, которую ясно помнила, и о томъ, какой прекрасный человѣкъ былъ ея покойный мужъ, майоръ Бѣлоусовъ.

Жилецъ ея, Семенъ Петровичъ Вахрамѣевъ, былъ тоже большой чудакъ, какъ мы видѣли. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ живетъ на Пескахъ у помѣшанной старухи, когда могъ бы жить гораздо комфортабельнѣе и лучше, то онъ отвѣчалъ съ недоумѣніемъ: — Отчего же мнѣ не жить? помилуйте! Дарья Яковлевна — очень почтенная дама. Конечно, она имѣетъ свои странности, но кто жъ ихъ не имѣетъ, всѣ мы грѣшны.—И онъ приводилъ весьма убѣдительные примѣры.

— Вотъ нашъ казначей въ департаментѣ,—говорилъ онъ:—на что̀ ужъ человѣкъ умный, а все жалованье въ карты проигрываетъ, такъ что семьѣ ѣсть нечего. А сторожъ нашъ Савельичъ, какъ уйдетъ со службы, такъ сейчасъ же пьянъ напивается и проводитъ часы досуга въ

томъ, что колотитъ свою жену до полусмерти. Ну, чѣмъ же они лучше Дарьи Яковлевны, помилуйте? та, по крайней мѣрѣ, никого не обижаетъ.

Вообще, Семенъ Петровичъ былъ философъ и имѣлъ свои особыя воззрѣнія на жизнь и на людей. Онъ въ молодости занимался науками и былъ учителемъ въ гимназіи, но принужденъ былъ оставить это поприще, такъ какъ ученики безпощадно смѣялись надъ нимъ и дѣлали ему всевозможныя каверзы въ классахъ. Наскучивъ войною съ молодымъ поколѣніемъ, Вахрамѣевъ оставилъ педагогику и поступилъ на другую службу, но и на этомъ поприщѣ не пошелъ далѣе столоначальника и застылъ, что называется, на своемъ посту. Онъ, впрочемъ, не желалъ лучшаго и былъ лишенъ всякаго честолюбія и даже сребролюбія.

— Некуда дѣвать, — говорилъ онъ, — и того, что̀ имѣю, на что̀ мнѣ? Умру, некому оставить; вотъ развѣ Иришѣ?

Мысль объ этой дѣвочкѣ все чаще приходила ему въ голову, и онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе къ ней привязывался.

— Умна не по годамъ,—думалъ онъ,—и вѣдь никого у нея нѣтъ на свѣтѣ: одна бабушка, да и та съ изъяномъ.

Привязанность къ ребенку вкралась незамѣтно въ душу этого стараго холостяка и была для него чувствомъ совершенно новымъ и отраднымъ. Онъ даже самъ не понималъ, какъ это случилось, и рѣшилъ наконецъ, что случилось потому, что Ириша совсѣмъ особый ребенокъ, не такой, какъ другіе.

— Всѣ дѣти — эгоисты, — разсуждалъ онъ самъ съ собой, — деспоты, тираны, а эта дѣвочка не доспитъ, не доѣстъ, все думаетъ о своей бабушкѣ и бережетъ ее, точно будто она взрослая, а бабушка — ребенокъ.

И, дѣйствительно, между бабушкой и внучкой установились совсѣмъ особыя отношенія; съ виду бабушка была главою въ домѣ, но въ дѣйствительности всѣмъ распоряжалась внучка; она оберегала бабушку отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, совѣщалась съ Маланьей, заказывала обѣдъ и даже заботилась о туалетѣ бабушки, чтобъ у нея носовой платокъ всегда былъ въ карманѣ, чтобы букольки были причесаны и завиты какъ слѣдуетъ, чтобъ она не простудилась, выходя изъ дому, и не забыла калошъ или теплаго шарфа.

Дарья Яковлевна тоже заботилась объ Иришѣ, но только совершенно своеобразно. Она присмотрѣла большую куклу на Литейной въ игрушечномъ магазинѣ и все мечтала о томъ, какъ она купитъ эту куклу для Ириши, когда получитъ пенсію изъ казначейства, завернетъ ее въ желтую чайную скатерть съ птицами и принесетъ домой; какъ онѣ обѣ будутъ эту куклу каждый день одѣвать, раздѣвать и укладывать въ кроватку. Присмотрѣла даже кроватку для куклы, туалетъ съ зеркальцемъ и кисейкой; но — увы! — кукла все стояла въ окнѣ магазина и не давалась въ руки, какъ кладъ, какъ пенсія и серіи въ казначействѣ, какъ изюмъ и мармеладъ, которыми старушка мечтала каждый день угощать своихъ домочадцевъ.

II.

Наступила зима съ ея стужами и вьюгами, а бабушка все бѣгала въ казначейство, не смотря ни на какую погоду; мысль не пойти туда, хотя одинъ день, не приходила ей въ голову и показалась бы настолько же странною, какъ честному человѣку совершить уголовное преступленіе, или старому солдату — отлучиться съ своего поста. Наконецъ, она добѣгалась до того, что простудилась, всю ночь пролежала въ жару и пробредила, а къ утру уже не въ силахъ была встать. Послали за докторомъ; онъ нашелъ болѣзнь серьезною и приказалъ держать больную въ постели. Дарья Яковлевна пришла въ отчаяніе; она была убѣждена, что именно въ этотъ самый день, въ этотъ часъ, бѣлокурый чиновникъ выкликаетъ ее въ казначействѣ.

— Вдова Бѣлоусова! — громко раздается по всей залѣ:—гдѣ же она?

Всѣ ищутъ вдову Бѣлоусову, но ея нѣтъ на обычномъ мѣстѣ.

О, Боже! какое мученье, столько лѣтъ ждать, надѣяться, мечтать, дежурить, какъ безсмѣнный часовой, и не оказаться на мѣстѣ, когда насталъ наконецъ вожделѣнный часъ, когда мечты сбылись, надежды осуществились и все готово: пенсіонныя книжки за много лѣтъ лежатъ на столѣ у бѣлокураго чиновника, груды денегъ въ кассѣ,—стоитъ только протянуть руку и взять, но ее не пускаютъ. Бабушка горько плачетъ и умоляетъ отпустить ее хоть на одинъ часъ, только сбѣгать туда,

взять, получить, спрятать все въ ридикюль, а потомъ опять она ляжетъ въ постель и будетъ лежать, сколько угодно. Ириша плачетъ вмѣстѣ съ бабушкой, а Маланья стоитъ у дверей, подперши рукою подбородокъ, и причитаетъ:

— Ишь ты, сердечная, какъ измаялась: аль и впрямь у нея тамъ деньги лежатъ?

Жаръ усиливается у больной, и она начинаетъ бредить: ей чудится теплый лѣтній день и домикъ на окраинѣ города, съ тѣнистымъ садомъ; передъ балкономъ цвѣтникъ, а на балконѣ сидитъ она, Дарья Яковлевна, и вышиваетъ коверъ; въ саду бѣгаетъ съ мохнатой бѣленькой собачкой ея дочка Лизочка. Калитка скрипнула и въ садъ входитъ высокій, бравый мужчина въ военномъ сюртукѣ, съ длинными усами, — это мужъ ея, Никаноръ Евграфовичъ; Лизочка съ крикомъ бросается на встрѣчу къ отцу, онъ подхватываетъ ее на руки и высоко подымаетъ; они громко хохочутъ, собачка лаетъ.

Картина мѣняется и темнѣетъ, случилось что-то ужасное: мужа арестуютъ, доносъ, слѣдствіе и судъ... Дарья Яковлевна силится еще что-то припомнить, но не можетъ: — все заволокло туманомъ и мракомъ. Мало-по-малу, изъ тумана въ памяти ея выплываетъ большой городъ съ многолюдными, шумными улицами. Онѣ живутъ въ этомъ городѣ съ дочкой Лизой, совсѣмъ уже взрослой, толкаются по пріемнымъ и переднимъ, пишутъ вмѣстѣ письма и прошенія, подаютъ ихъ, хлопочутъ — все напрасно...

Бабушка стонетъ и мечется въ постели, она опять видитъ что-то страшное: въ комнатѣ гробъ, а въ гробу

Лиза; ее уносятъ на далекое кладбище, а у бабушки на колѣняхъ остается внучка Ириша.

— Ириша, Ириша!—кричитъ больная въ испугѣ и просыпается. Передъ ней дѣтская кудрявая голова и большiе темные глаза, наполненные слезами.

Ириша подаетъ ей пить изъ старинной фарфоровой чашки съ крупными тюльпанами по бокамъ. Дѣвочка не отходила отъ своей бабушки и три недѣли просидѣла у ея изголовья. Носикъ у нея заострился, глаза стали еще больше, личико осунулось и поблѣднѣло. Семенъ Петровичъ уговаривалъ ее отдохнуть и самъ дежурилъ у постели больной. Маланью тоже заставляли дежурить, но она тотчасъ же засыпала, какъ только садилась въ кожаное кресло, и подымала такой храпъ, что Ириша вскакивала въ испугѣ со своей постельки и, уславъ Маланью въ кухню, сама снова водворялась въ старое кресло.

Наконецъ, Дарьѣ Яковлевнѣ стало лучше; она встала съ постели и начала понемногу поправляться. Радость въ домѣ была общая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общiй страхъ, какъ бы бабушка не убѣжала въ казначейство и не простудилась опять. Она уже подговаривалась къ этому, говорила, что совсѣмъ здорова, что погода, кажется, хорошая; но докторъ запретилъ ей выходить до полнаго выздоровленiя.

— Простудитесь,—объявилъ онъ строго:—сдѣлается рецидивъ, и тогда будетъ худо.

Дарья Яковлевна, не знавшая, что̀ такое за болѣзнь „рецидивъ“, тѣмъ не менѣе прикидывалась послушной, хотя въ душѣ таила злыя козни. Она уже совсѣмъ истомилась и рѣшила во что бы то ни стало сбѣгать на Ки-

рочную, хотя на одну минуточку, и однимъ глазкомъ взглянуть, чтò тамъ безъ нея творится. Она стала уговаривать Иришу пойти въ школу, гдѣ дѣвочка не была со времени болѣзни бабушки.

— Сходи, Иришенька,—говорила она,—сколько времени не была, совсѣмъ все перезабудешь.

Но дѣвочка поглядѣла на пее недовѣрчиво.

— А ты уйдешь безъ меня?—спросила она.

— И, что ты, куда жъ я пойду, больная?

Ириша знала, куда, но не хотѣла обидѣть бабушку; ей самой смерть какъ хотѣлось сбѣгать въ школу, но она боялась оставить больную.

— Побожись,—сказала она,—что не уйдешь никуда безъ меня.

— Ей богу не уйду,—поклялась Дарья Яковлевна, обидѣвшись даже, что ее, старуху, заставляютъ божиться.

— Смотри же! — И, наказавъ строго Маланьѣ не отлучаться никуда изъ дому, Ириша рѣшилась сбѣгать ненадолго въ свою школу, узнать только, что тамъ прошли безъ нея и много ли ей придется догонять.

Какъ только она ушла, Дарья Яковлевна, уже давно все обдумавшая, достала изъ тощаго кошелька завѣтный двугривенный, лежавшій тамъ на примѣту, и отдала его Маланьѣ.

— Сдѣлай милость, Маланьюшка, — стала она просить ее:—сбѣгай въ лавочку, купи мнѣ полфунта леденцевъ, кашель совсѣмъ одолѣлъ, да и Иришу хочу попотчивать ужо, какъ вернется.

У Маланьи какъ разъ въ этотъ часъ было назначено свиданіе въ лавочкѣ, и она думала и безъ того юркнуть

туда „на минуточку“, а потому обрадовалась порученію барыни и, тоже наказавъ ей не отлучаться, накинула платокъ на голову и убѣжала внизъ по лѣстницѣ. Собрать свои вещи въ ридикюль, надѣть салопъ и шляпку, намотать шарфъ на шею — было дѣломъ одной минуты для Дарьи Яковлевны, сгоравшей нетерпѣніемъ побывать на Кирочной и убѣжденной, что принесетъ оттуда золотыя горы. Ну, и простятъ ее тогда за то, что обманула,—думала она,—въ особенности, когда всѣмъ принесетъ подарки.

„Минуточка“ Маланьи въ лавкѣ длилась болѣе получаса, а когда она вернулась домой, то нашла всѣ двери настежъ открытыми и квартиру пустою.

— Ахти! — воскликнула она, всплеснувъ руками: — убѣгла!—И бросилась внизъ за бабушкой, но ея и слѣдъ простылъ.

Въ третьемъ часу пришла Ириша и, узнавъ о бѣгствѣ бабушки, горько заплакала.

— Вотъ только на одну минуточку и ушла въ лавочку,—оправдывалась Маланья,—а она и убѣгла.

Ириша придумала ѣхать вмѣстѣ съ Маланьей въ казначейство, искать бабушку, которая навѣрно простудилась и опять сляжетъ.

— Вотъ и калоши забыла!—Но оказалось, что ни она, ни Маланья не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое казначейство и гдѣ оно находится; пришлось ждать, покуда не вернется сама бабушка; но время проходило, а Дарья Яковлевна не возвращалась. Ириша была въ полномъ отчаяніи.

— Не вернется,—говорила Маланья, въ видѣ утѣшенія:—гдѣ ужъ тамъ, коли изъ дому убѣгла. Покушай,

что ли,—съ утра не ѣмши сидишь.—Но Ириша отказалась обѣдать безъ бабушки.

Наконецъ пришелъ Семенъ Петровичъ и, узнавъ о случившемся, тотчасъ поѣхалъ въ казначейство, обѣщая привезти оттуда бабушку. Но онъ вернулся одинъ и объявилъ, что Дарья Яковлевна такъ сильно захворала въ казначействѣ, что отъ нея не могли добиться адресса и свезли въ больницу, но и въ больницу его не пустили, такъ какъ было уже поздно, и велѣли придти на другой день.

— Не вернется, — повторяла Маланья: — гдѣ ужъ тамъ, коли больная изъ дому убѣгла.

Семенъ Петровичъ прикрикнулъ на нее и сталъ успокоивать Иришу, но дѣвочка была неутѣшна. Она не понимала жизни безъ бабушки, на ней сосредоточивалась вся ея любовь, всѣ порывы дѣтскаго сердца. Она проплакала всю ночь и только къ утру забылась тяжелымъ, тревожнымъ сномъ. Утромъ Дарью Яковлевну привезли наконецъ домой въ каретѣ, но она была безъ памяти и никого не узнавала. Ириша водворилась опять у постели больной, и никакія просьбы и уговариванья не могли заставить ее отойти отъ бабушки. Когда ее упрашивали и, просто, приказывали лечь въ постель и уснуть, то она бросалась на колѣни и умоляла оставить ее при бабушкѣ. Оставаясь одна съ больною, она хватала ея костлявую, изсохшую руку и прижимала къ своимъ губамъ.

— Не умирай, бабушка,—шептала она,—милая бабушка, не умирай,—я такъ люблю тебя!..

Но Дарья Яковлевна не послушалась своей внучки и, на третій день, скончалась. Передъ смертью она пришла

въ себя, хотѣла сказать что-то, но только шевелила губами и не могла выговорить ни слова. Она глядѣла съ тоской и тревогой прямо въ глаза Семену Петровичу, усердно сморкавшемуся въ фуляровый платокъ, — наконецъ ей удалось поднять руку и указать на Иришу, стоявшую тутъ же, съ испуганнымъ лицомъ и распухшими отъ слезъ глазами. — Семенъ Петровичъ еще усерднѣе сталъ сморкаться въ свой фуляръ, но понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, обнялъ дѣвочку за шею и прижалъ ея головку къ своей груди. Бабушка тоже поняла и, казалось, успокоилась. Къ вечеру она лежала на столѣ.

Похороны Дарьи Яковлевны Вахрамѣевъ принялъ на свой счетъ, такъ какъ, при всѣхъ розыскахъ, у его квартирной хозяйки не оказалось ни гроша. Гробъ везли четверкой, провожалъ священникъ и пѣлъ хоръ пѣвчихъ впереди; но за гробомъ шли только двое; жилецъ Семенъ Петровичъ, въ мундирѣ и орденахъ, и Ириша въ капорѣ и салопчикѣ; никакихъ другихъ родныхъ или знакомыхъ у вдовы Бѣлоусовой не оказалось. Когда гробъ опустили въ могилу и засыпали землею, Семенъ Петровичъ вздохнулъ, перекрестился и, взявъ дѣвочку за руку, сказалъ ей:

— Ну, дочка, пойдемъ со мной.

III.

Когда они пріѣхали домой, Маланья, оставшаяся прибирать квартиру послѣ покойницы, встрѣтила ихъ съ видимой тревогой. Она объявила, что, только что увезли барыню, позвонилъ какой-то человѣкъ, — „кульеромъ“

себя называлъ, — и оставилъ письмо, Богъ его знаетъ откуда. Говорилъ что-то, да не поняла.

Семенъ Петровичъ взялъ пакетъ, присланный изъ главнаго штаба военнаго министерства и адрессованный на имя покойницы. Онъ вскрылъ конвертъ и поблѣднѣлъ, прочтя бумагу. Бумагой этой вдова Бѣлоусова извѣщалась, что, по пересмотрѣ, въ установленномъ порядкѣ, дѣла покойнаго мужа ея, онъ оправданъ во всѣхъ взведенныхъ на него преступленіяхъ, причемъ вдовѣ его, по представленію начальства, пожалована пенсія, по разсчету со дня смерти ея мужа. Для выдачи ей свидѣтельства на полученіе этой пенсіи изъ главнаго казначейства, вдова Бѣлоусова и вызывалась въ главный штабъ военнаго министерства.

— Не дожила! — воскликнулъ Семенъ Петровичъ, — трехъ дней не дожила! — и выронилъ бумагу изъ рукъ. Ириша подняла ее.

— Ириша, — сказалъ онъ: — бабушкѣ пенсію дали, прочти.

Но дѣвочка глядѣла въ бумагу сквозь слезы и, казалось, ничего не понимала. Смерть бабушки точно пришибла ее; но, при словѣ „пенсія“, она отбросила отъ себя бумагу и вся затряслась. Она думала, что эта пенсія и была всему виною и что отъ этого страшнаго слова бѣдная бабушка и сошла въ могилу.

Вахрамѣевъ, какъ былъ въ мундирѣ, такъ и поѣхалъ, не переодѣваясь, въ главный штабъ. Тамъ онъ узналъ слѣдующую исторію: дѣло, возникшее много лѣтъ тому назадъ, по просьбѣ Бѣлоусовой, о пересмотрѣ обвиненій, павшихъ на ея покойнаго мужа, валялось по канцеля-

ріямъ, покуда не попало случайно на глаза одному важному генералу, бывшему сослуживцу и старому товарищу майора Бѣлоусова.

— Бѣлоусовъ?—спросилъ генералъ, останавливая чиновника, докладывавшаго ему дѣло,—какой Бѣлоусовъ?— Навели справку и оказалось, что это тотъ самый Бѣлоусовъ, котораго зналъ его превосходительство.

— Не можетъ быть!—закричалъ сердито генералъ:— не вѣрю, чтобъ Бѣлоусовъ былъ воромъ, — кто это совралъ? Пересмотрѣть все дѣло.

Послѣдствіемъ такого приказанія и была бумага, полученная Дарьей Яковлевной не очень-то своевременно,— въ самый день ея похоронъ.

Услышавъ такой разсказъ, Вахрамѣевъ погоревалъ и потужилъ о покойницѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовался. „Ириша-то моя,—подумалъ онъ,—будетъ теперь наслѣдницей, получитъ всѣ эти деньги, накопившіяся годами, а, можетъ быть, и самую пенсію? Стóитъ только похлопотать у того же добраго генерала“. Его даже обнадежили знакомые чиновники въ штабѣ и обѣщали доложить о внучкѣ, оставшейся въ живыхъ.

Полный радужныхъ надеждъ, Семенъ Петровичъ вернулся домой и сталъ рыться въ бумагахъ покойной Дарьи Яковлевны, съ цѣлью найти тѣ документы, которые были необходимы для удостовѣренія законныхъ правъ Ириши на наслѣдство. Но, увы! такихъ документовъ не оказалось. Семенъ Петровичъ нашелъ только метрическое свидѣтельство дѣвочки, но изъ него и изъ приложеннаго письма онъ несомнѣнно убѣдился, что внучка была—*незаконная*...

— Эхъ, горемычная, — вздохнулъ онъ, — и того не удалось. —Ириша!—кликнулъ онъ, и дѣвочка прибѣжала къ нему.

— Ты моя дочка теперь—слышишь ли? такъ и называй меня *папой*.

Онъ положилъ ей руку на голову. Она схватила эту руку и крѣпко прижала къ своимъ губамъ.

ПРА́ЧКА.

Разсказъ.

I.

Было около двухъ часовъ ночи и въ домѣ царила мертвая тишина. Я сидѣлъ одинъ за работою въ кабинетѣ. Она была спѣшная, и я такъ углубился въ нее, что не слышалъ, какъ отворилась дверь и кто-то вошелъ; тяжелые вздохи за кресломъ заставили меня обернуться; передо мною стояла старая няня, въ ночномъ туалетѣ, прикрытомъ полинялою, ватною куцавейкой, хорошо знакомою мнѣ съ давнихъ лѣтъ.

— Что ты, няня? спросилъ я съ удивленіемъ,—не захворалъ-ли кто изъ дѣтей?

— Оборони Богъ! спятъ, ангельчики.

— Такъ что же ты?

— Воля ваша, Николай Петровичъ, а у насъ въ домѣ неблагополучно.

— Что за вздоръ!

— Ей Богу, сударь; сами извольте посмотрѣть.

— Да гдѣ?.. что?..

— На чердакѣ-съ. Ужъ которую ночь все кто-то тамъ ходитъ, вздыхаетъ, даже голосъ человѣческій слышенъ.

— У васъ изъ дѣтской?

— Нѣтъ, не изъ дѣтской, а изъ коридора, тутъ и есть.

— Въ коридорѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ, а только изъ коридора слыхать.

Я всталъ, взялъ свѣчу и пошелъ за няней въ коридоръ. Дорóгой она все твердила мнѣ, что надо молебенъ отслужить, святой водой чердакъ окропить.

— Да вѣдь служили, когда на квартиру переѣхали, сказалъ я.

— Давно, батюшка, надо опять отслужить, эта нечисть скоро заводится.

И няня перекрестилась.

— Какая нечисть?

— Извѣстно какая.

— Домовой что-ли?

— Надо-быть онъ и есть.

Мы пришли въ коридоръ, но тамъ было все тихо, и я съ улыбкою посмотрѣлъ на няню, думая, что ей во снѣ померещилось.

Вдругъ наверху, надъ самою головой, послышались шаги и глубокій вздохъ; мнѣ показалось даже, что кто-то плачетъ. Я быстро пошелъ къ концу коридора, упиравшагося въ лѣстницу на чердакъ, но няня схватила меня за полу халата.

Весь разговоръ, какъ предыдущій, такъ и послѣдующій происходилъ шепотомъ, причемъ старуха выражала явные признаки страха: крестилась, чуть не плакала и горячо убѣждала меня не ходить туда, т. е. на чердакъ, представлявшійся ей какимъ-то мѣстомъ ночнаго сборища нечистой силы; но я упорствовалъ. Тогда она стала просить позволенія разбудить Спиридона, кухоннаго мужика, изображавшаго единственную мужскую прислугу у насъ въ домѣ; но я ей сказалъ, что не нужно, и храбро пошелъ вверхъ по лѣстницѣ. Няня убѣжала въ ужасѣ: будить-ли Спиридона или самой спасаться, не знаю, только она исчезла и я остался одинъ.

Взобравшись наверхъ, я медленно подвигался впередъ, освѣщая свѣчой свой путь. Но тусклое пламя ея озаряло только весьма небольшое пространство, все остальное тонуло въ глубокихъ потемкахъ...

Вдругъ изъ нихъ выплыла женская фигура и съ плачемъ повалилась мнѣ въ ноги. Вглядываясь, я въ ней узналъ нашу прачку, женщину тихую и скромную, жившую у насъ уже около года. Полуодѣтая, съ растрепанными волосами, она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Я поднялъ ее.

— Настасья, спросилъ я ее,— что̀ ты тутъ дѣлаешь ночью, на чердакѣ?

Въ эту минуту изъ глубины донесся шорохъ и, направляясь туда, я разглядѣлъ въ самомъ углу чердака грязный изорванный тюфякъ, а на немъ какого-то мужчину, не менѣе грязнаго и оборваннаго. Онъ не всталъ при моемъ приближеніи, а только промычалъ что-то и выругался площадною бранью.

— Что это значитъ, Настасья? спросилъ я строго.— Кто это?

— Мужъ, батюшка, простонала она,—мужъ мой!.. Не погуби!

Настасья была женщина еще не старая, съ добрымъ, пріятнымъ лицомъ; ее всѣ любили у насъ въ домѣ за ея услужливость и привѣтливый нравъ.

Принять противъ нея крутыя мѣры мнѣ не хотѣлось.

— А если мужъ, спросилъ я,—то зачѣмъ же онъ тутъ валяется? Неужели у него нѣтъ другаго ночлега?

— Нѣтъ, батюшка, отвѣчала она, продолжая всхлипывать,—пьетъ больно, нигдѣ не держатъ.

— Но какъ онъ сюда попалъ?

— Пришелъ разъ совсѣмъ пьяный, прочь нейдетъ, какъ ни гнала, ну я и спрятала его на чердакѣ, проспаться, благо тамъ старый тюфякъ валялся. Потомъ самъ повадился, продолжала она,—каждую ночь приходитъ, отбиться не могу.

— И это давно такъ?

— Вотъ уже третья недѣля, сказала она, очевидно сама сознавая свою вину.

Я начиналъ сердиться.

— Этого нельзя, Настасья, такого безпорядка никто не потерпитъ. Пьяный бродяга, нигдѣ не прописанный, тайно ночуетъ на чердакѣ, и вы не скажете никому ни слова. Мнѣ бы сказали, я бы съумѣлъ избавить васъ отъ такого мужа; да полно, мужъ-ли еще?

— Мужъ, батюшка, вотъ-те Христосъ, мужъ.

И она опять порывалась броситься мнѣ въ ноги, но я удержалъ ее.

— Ну, пускай мужъ, все-таки это крайній безпорядокъ. Я сейчасъ пошлю за дворникомъ и отправлю его въ участокъ.

Въ эту минуту появился свѣтъ сзади меня, и обернувшись, я увидѣлъ Спиридона, который съ крайнею осторожностью и страхомъ двигался впередъ, съ фонаремъ въ рукахъ, очевидно недоумѣвая, кого онъ видитъ передъ собой: настоящаго барина или домоваго, и что за фигуры копошатся тамъ въ углу чердака — люди или черти? Но убѣдясь, что баринъ по крайней мѣрѣ заправскій, онъ храбро ко мнѣ подошелъ...

— Спиридонъ, сказалъ я ему,—вонъ тамъ пьяный валяется, его надо отправить въ полицію.

Спиридонъ двинулся впередъ со своимъ фонаремъ, но Настасья опять повалилась мнѣ въ ноги.

— Батюшка, не губи, не надо полиціи! Я и сама уведу, дай только его растолкать.

И она принялась будить мужа, съ помощью Спиридона, который, смекнувъ въ чемъ дѣло, совсѣмъ расхрабрился.

Справиться съ пьянымъ однако-же оказалось не такъ легко. Онъ стоналъ, ругался, дрался, нѣсколько разъ получалъ здоровую сдачу отъ Спиридона, но привести его въ сознаніе не было никакой возможности.

— Оставьте его, сказалъ я, боясь перебудить и напугать весь домъ.

И поручивъ Спиридону наблюсти, чтобы пьянаго выпроводили, когда онъ опомнится, самъ пошелъ спать.

На другой день я узналъ, что мужъ Настасьи ушелъ рано утромъ, а съ нимъ ушла и его жена. Она верну-

лась домой только къ вечеру и стала просить паспорта и расчета. Мнѣ было жаль ее, да и жена, ее полюбившая, стала уговаривать ее остаться.

— Нѣтъ, милая барыня, отвѣчала прачка,—спасибо вамъ, только мнѣ ужъ не мѣсто у васъ послѣ такого сраму... Вотъ сколько лѣтъ такъ, прибавила она, вздыхая,—нигдѣ не могу ужиться. Либо сама уйдешь, либо прогонятъ.

— И все изъ-за мужа?

— Изъ-за него, матушка.

— Охота же тебѣ съ нимъ возиться, сказалъ я.— Отъ него легко избавиться; хочешь, я тебѣ это устрою?

— Нѣтъ, Николай Петровичъ, Христосъ съ нимъ.

— Неужто тебѣ жалко его? спросила моя жена.

— Жалко, барыня. Какой ни на есть, а все-таки мужъ. Некому, такъ хоть я поберегу, а то совсѣмъ пропадетъ. Спьяна либо утонетъ, либо замерзнетъ подъ мостомъ.

— Нельзя-ли его опредѣлить на мѣсто?

— Гдѣ тамъ! Ужъ пробовали. Оборванный весь, почти голый, нигдѣ не берутъ, а одѣнешь его—опять все пропьетъ.

— Господи, вотъ несчастье! сказала жена.

Долго она уговаривала Настасью разстаться съ мужемъ, предлагая свою посильную помощь. Но та только качала головой.

— Гдѣ же онъ деньги беретъ, чтобы пить? допрашивали мы несчастную.

— У меня беретъ.

— А ты не давай.

— Упаси Богъ, матушка, изобьетъ до смерти. Хотя бы и малость, а все уже что-нибудь да дашь.

Такъ мы и отпустили ее.

На прощаньи она горько плакала, называла насъ добрыми господами, и по просьбѣ моей разсказала горестную исторію своей жизни. Я записалъ этотъ разсказъ, насколько могъ возсоздать его изъ отрывочныхъ фразъ, перебиваемыхъ плачемъ, и изъ картинъ, которыя она рисовала, сама не сознавая ихъ яркости.

Настасья Ефимова родилась въ крестьянской семьѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ одной изъ великорусскихъ губерній. Отецъ ея былъ сначала зажиточный мужикъ и держалъ мелочную лавку въ селѣ; оттуда онъ ѣздилъ черезъ два дня на третій въ ближайшій городъ за товаромъ и дѣла его повидимому процвѣтали. Семья состояла изъ жены и четверыхъ дѣтей. Два сына ходили по промысламъ, старшая дочь вышла замужъ, а младшая, Настюшка, жила дома. Она худо помнила время благосостоянія своихъ родителей, и знала объ этомъ только по наслышкѣ. Явственныя воспоминанія ея начинаются съ того времени, когда въ домѣ появилась нужда и общій упадокъ хозяйства. Отецъ сталъ пить, особенно при поѣздкахъ въ городъ, и часто пріѣзжалъ домой безъ денегъ и безъ клади. Разъ лошадь вернулась одна, а его нашли во рву мертвецки пьянымъ. Съ тѣхъ поръ мать не рѣшалась болѣе отпускать его безъ провожатаго; а такъ какъ другаго не было, то она и придумала посылать съ отцомъ Настюшку, которой было тогда всего восемь лѣтъ.

Такое порученіе, разумѣется, показалось бы чистымъ безумствомъ въ нашемъ быту, но въ деревнѣ дѣти рано зрѣютъ умомъ и характеромъ.

Дѣвочка скоро уразумѣла въ чемъ заключались ея новыя обязанности. Удержать отца отъ пьянства она, конечно, не могла, но караулила лошадь и товаръ, сидѣла на возу, покуда отецъ проклажался въ кабакахъ, мокла, дрогла и зябла терпѣливо; и ни разу мысль осудить отца не приходила ей въ голову, не только тогда, когда она была ребенкомъ, но и теперь, послѣ всего пережитаго за тридцать лѣтъ. Память объ отцѣ осталась въ сердцѣ ея священною, несмотря на все горе, которое она отъ него вытерпѣла, несмотря на колотушки пьянаго и на непристойную его ругань. Зимой въ особенности Настюшкѣ приходилось жутко: облѣзлый, дырявый тулупчикъ, которымъ мать снабжала ее на дорогу, плохо защищалъ ее и дѣвочка дрогла по цѣлымъ часамъ, не зная чѣмъ согрѣться и боясь заснуть на морозѣ. „Оборони Богъ спать, замерзнешь", говорила ей мать, и Настя храбро боролась со сномъ и непогодой, таращила глаза, соскакивала съ воза, бѣгала около и хлопала въ ладоши.

Разъ отецъ, сжалясь надъ ней, взялъ ее въ кабакъ и поднесъ водки. Настюшка сперва не хотѣла пить, но онъ задалъ ей треуха—и она выпила. Ее зажгло внутри, но она тотчасъ же согрѣлась, и съ тѣхъ поръ не отказывалась отъ водки, когда отецъ или кто-нибудь изъ мужиковъ, бывшихъ въ кабакѣ, подносилъ ей.

— Замерзла, сердечная! говорилъ какой-нибудь жалостливый мужикъ, гладя ее по головкѣ.

Другіе шутили и смѣялись надъ ней.

— Ишь ты, шустрая, водку какъ тянетъ!

Дѣйствительно дѣвочка стала привыкать къ водкѣ и разъ вернулась домой совсѣмъ пьяная, вмѣстѣ съ отцомъ. Мать уложила ее спать, но на утро задала такую трепку, что бѣдная дѣвочка проревѣла цѣлый день и три дня не могла сѣсть не охая.

— О, Господи! вздыхала Настасья, разсказывая намъ этотъ періодъ своей жизни.—Бѣдная матушка, чего только она не натерпѣлась!

Вообще при всѣхъ своихъ воспоминаніяхъ она жалѣла другихъ, главнымъ образомъ отца и мать, впослѣдствіи мужа, себя же не признавала несчастною, а считала естественно призванною жить для другихъ.

Такъ маялась дѣвочка нѣсколько лѣтъ, и чего только не натерпѣлась. Разъ волки гнались за ними въ лѣсу и совсѣмъ было съѣли, да обозъ попался навстрѣчу. Другой разъ отецъ пьяный выпалъ изъ саней и она никакъ не могла ни разбудить, ни поднять его; умная лошадь выручила ихъ изъ бѣды: соскучивъ стоять попусту, она убѣжала домой и появленіемъ своимъ съ пустыми санями подняла тревогу... Ихъ нашли полузамерзшими на дорогѣ, причемъ дѣвочка все теребила отца, растирала его, и сама, чуть живая, ходила кругомъ, падала, опять вставала, плакала, звала на помощь, но не покидала отца, понимая, что безъ нея онъ замерзнетъ.

О грамотѣ, о школѣ не было и помину, нужда у нихъ въ домѣ была такъ велика, что немыслимо было издержать два-три рубля на школу, они нужны были на хлѣбъ, на водку; но и хлѣба часто не хватало и семья голодала по цѣлымъ днямъ. Тогда Настюшку посылали къ сосѣд-

камъ выпрашивать хлѣбца или мучицы, и если она приходила съ пустыми руками домой, колотили.

Поѣздкамъ въ городъ пришелъ скоро конецъ. Настюшка захворала и слегла въ постель, а отецъ, поѣхавъ одинъ, потерялъ лошадь съ возомъ и отморозилъ себѣ руки и ноги. Лошадь нашли, но отмороженные члены такъ разболѣлись, что мужикъ уже перестал быть работникомъ и только валялся на печи да охалъ. Настасья очень живо разсказывала, какъ отецъ ея мучился и какъ мать его лѣчила.

— Очень ужъ мы жалѣли его, говорила она,—инда сердце надрывалось. Старикъ метался, стоналъ и все просилъ водки. Денегъ не было ни гроша, продолжала она,—ну, матушка продала куцавейку свою и купила для батюшки водки; потомъ когда водка вся вышла, хлѣбъ печеный стали продавать, сама голодала сердечная, а больному все водочки подносила, да онъ почитай и не ѣлъ ничего, все только водочки просилъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что отъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ остались у отца однѣ почернѣвшія косточки, которыя частію отвалились сами, а частію мать отпилила ихъ ножемъ.

Вотъ какія воспоминанія остались у нашей прачки отъ ея дѣтства! Юность была не лучше. Настюшка выросла въ высокую, красивую дѣвушку, за которой бѣгали всѣ парни въ деревнѣ, но сердце у нея лежало къ одному. На сцену является пригожій Ваня и деревенскій романъ во всей его простотѣ. Они сразу слюбились и сразу рѣшили пожениться.

— Ужъ больно я жалѣла его (т. е. любила), вздыхала

Настасья,—и онъ меня жалѣлъ, да не въ добрый часъ мы слюбились, не даромъ воронье все каркало надъ нами, когда мы подъ вечеръ за огородомъ сходились. „Кшишь вы, проклятыя!“ пугалъ ихъ мой Ваня, а я все жалась къ нему отъ страха, такъ жутко было, инда теперь помню.

Семья Вани была изъ богатыхъ и не захотѣла взять въ домъ бѣдную невѣсту. А чтобъ выбить блажь изъ головы Вани, его отправили въ Питеръ, къ дядѣ на заработки. Тамъ онъ закурилъ, завертѣлся и забылъ свою Настю, а ее тоже скоро окрутили, выдали замужъ за Прокопа, теперешняго ея мужа. Вотъ и весь романъ. Далѣе опять идетъ горькая жизнь и безропотная борьба съ нуждой.

Черезъ годъ у Настасьи родился сынъ, и она четыре мѣсяца кормила его своею грудью. Воспоминанія объ этомъ ребенкѣ остались незажившею раной въ ея сердцѣ, она такъ и захлебнулась слезами, когда дошла до него въ своемъ разсказѣ.

— Митьку-то отняли у меня, всхлипывала она, утирая глаза передникомъ,—къ чужому приставили кормить, къ барчуку въ городъ. Тамъ я прожила цѣлый годъ, а когда вернулась домой, такъ и узнала, что Митька мой померъ. Только имъ и жила, барыня, прибавила она, обращаясь къ моей женѣ,—все о немъ думала, гостинцы посылала, а онъ ужъ и тогда померши былъ, да мнѣ не сказали. О-охъ!.. барыня, ты сама мать и знаешь каково мнѣ было!

На деревенскомъ кладбищѣ была могилка Мити; она отыскала ее и ходила туда каждый день. Собирала цвѣты

въ полѣ и бережно укладывала ихъ на могилку. Но цвѣты завяли, а могилку занесло снѣгомъ зимой. Другихъ дѣтей не было, и мужъ Настасьи, Прокопъ, обругавъ ее безпрокой, ушелъ подъ весну на заработки. Настасья осталась одна въ семьѣ Прокопа. Тамъ жизнь ея тоже оказалась не сладкою: свекровь, сварливая, злая баба, обратила невѣстку во вьючную лошадь, ѣла ее поѣдомъ и свалила на нее всю работу въ домѣ.

Семья была не изъ богатыхъ, а работы поверхъ головы, но Настасья и тутъ не жаловалась, работая за троихъ. Одно только возмущало ее: свекровь все попрекала, зачѣмъ она, баба молодая, здоровая, такъ долго не угодила опять въ кормилицы.

Цинизмъ этого упрека возмущалъ честную душу Настасьи и она все старалась объяснить женѣ, что она въ этомъ дѣлѣ не виновата.

Дѣло однако еще усложнилось, когда въ деревню ихъ на побывку пришелъ тотъ самый Ваня, котораго она до замужества такъ жалѣла, и романъ ихъ, кажется, возобновился, но чѣмъ кончился—Настасья умолчала. Вообще этотъ періодъ ея жизни, вѣроятно единственно свѣтлый, остался въ туманѣ; прачка вдругъ оборвала, какъ бы спохватясь, зачѣмъ она упомянула о Ванѣ, и только передохнувъ и оправясь, продолжала свой разсказъ.

Мужъ вытребовалъ ее въ Петербургъ, гдѣ онъ работалъ на фабрикѣ, и опредѣлилъ ее туда же.

— Ну что же, тамъ какъ жилось? спросилъ я.

— Извѣстно какъ, отвѣчала она,—дѣло фабричное, жалованье малое, кормы худые, а ужъ фатеры и не приведи Богъ, всѣ въ повалку такъ на нарахъ и спали.

— Развѣ фабричные семейные не живутъ на особыхъ квартирахъ?

— Живутъ, баринъ, какъ не жить, да только и семейныя-то фатеры не лучше, въ подвалахъ или на чердакахъ, холодъ, сырость. Хотѣла я на мѣсто поступить, да мужъ не пустилъ: „живи, говоритъ, при мнѣ“, — ну и жила. Такъ два года промаялись. Наконецъ мужъ самъ опредѣлилъ меня на мѣсто, судомойкой къ купцамъ. Тамъ полегче жить стало, только Прокопъ мой началъ баловаться, пить сталъ шибко и у меня все жалованье отбиралъ. Бывало просишь-просишь, еле выпросишь, чтобъ хоть рубль оставилъ.

— Тебѣ, говоритъ, на что?

— Какъ, говорю, на что,—совсѣмъ обносилась, надѣть нечего.

— Ишь барыня какая, рядиться захотѣла!

И отберетъ все до копѣйки.

— Ты сама виновата, замѣтила жена, — слишкомъ много мужу поблажки дала; съ самаго начала отказать и конецъ.

— Охъ, матушка, вздохнула Настасья,—какъ тутъ отказать, вѣдь мужъ, да и драться сталъ больно. Разъ избилъ совсѣмъ, чуть не до смерти, за то, что въ деньгахъ отказала, да спасибо люди заступились, гдѣ я жилато. За это онъ осерчалъ больно на меня и взялъ съ хорошаго мѣста.

— Живи, говоритъ, опять со мной на фабрикѣ.

Только и съ фабрики насъ прогнали, больно ужъ сталъ пьянствовать. Совсѣмъ мы тогда сбились, ѣсть было не-

чего и стала я ходить въ поденщицы къ прачкѣ; тѣмъ только и жили.

— А мужъ ничего не заработывалъ?

— Работалъ по-малости, да только все пропивалъ. Наконецъ на кирпичные поступилъ и меня туда взялъ. Чего уже мы тамъ натерпѣлись—и разсказывать тошно. Осенью поздно въ сараѣ ночевали, и прикрыться-то было нечѣмъ—все продали и заложили. Тамъ я и простудилась должно-быть; горячка меня схватила или другая какая болѣзнь, ужъ не знаю, а только въ больницу меня свезли, и тамъ я долго промаялась. Говорятъ, чуть не померла. Когда меня виписали, я поплелась на кирпичный къ мужу. Денегъ не было на извозчика и я пошла пѣшкомъ, шатаясь отъ слабости, какъ пьяная. На кирпичномъ я мужа не нашла: его прогнали оттуда, и куда онъ дѣвался — никто не зналъ. Въ больницу онъ ко мнѣ ни разу не приходилъ, и я осталась одна на улицѣ. Не знала куда дѣваться и что̀ мнѣ дѣлать, продолжала Настасья свой разсказъ.—Въ деревню ѣхать было не на что; всего семь копѣекъ въ карманѣ осталось, вещей тоже никакихъ, чтобы продать или заложить,—въ узелкѣ была одна рубаха, совсѣмъ изштопанная, да пара шерстяныхъ чулокъ драныхъ. Пошла я по улицѣ, сама не зная куда,—иду и плачу. Вдругъ навстрѣчу мнѣ какая-то барынька, одѣтая вся въ черномъ, пригожая такая, молодая.

— „О чемъ, говоритъ, ты плачешь, голубушка?“

Я ей разсказала. „Изъ больницы, говорю, вышла, сударыня, мужъ пропалъ, не знаю куда и дѣваться“.

— „Ну, коли такъ, говоритъ, пойдемъ со мной, *сестра моя*“.

Но я ужъ и идти не могла, шаталась, чуть не падала. Она кликнула извозчика, усадила меня на дрожки, сама сѣла возлѣ и увезла къ себѣ.

Долго-ли оставалась Настасья у барыни, оказавшей ей помощь на улицѣ, неизвѣстно, потому что она опять слегла и впала въ безпамятство; но барыня была дѣйствительно добрая, она не отправила ее въ больницу, а оставила у себя и сама ухаживала за нею во время болѣзни.

Очнувшись, Настасья увидѣла себя въ большой свѣтлой комнатѣ, на мягкой постели, и не могла придти въ себя отъ удивленія, гдѣ она, и какъ попала въ такую роскошь. Скоро дверь отворилась и въ комнату вошла молодая дама, одѣтая въ черное, съ „ангельскимъ ликомъ", точно видѣніе какое, какъ выражалась Настасья.

Она стала говорить съ ней тихо, ласково, разсказала какъ встрѣтила ее и подала ей помощь на улицѣ. Сидѣла подолгу у ея постели и читала ей вслухъ Святую книгу (Евангеліе). Утѣшила ее, успокоила, обѣщала помочь и не оставить.

Настасья повидимому такъ и осталась въ убѣжденіи, что ея благодѣтельница была сверхъестественное существо, нѣчто среднее между ангеломъ и человѣкомъ, и что вообще въ этотъ періодъ ея жизни съ ней случилось что-то чудесное.

Барыня учила больную отреченію отъ мірской суеты, проповѣдывала ей горячую вѣру въ Христа и все повторяла, что „кто увѣровалъ, тотъ спасенъ будетъ".

Мы думали, что это была одна изъ послѣдовательницъ ученія Пашкова, и кажется не ошиблись.

Но Настасья все повторяла, что у барыни былъ ликъ ангельскій и что говорила она не какъ люди, а все по Божески и книги читала Божественныя.

Какъ бы то ни было, но барыня съ ангельскимъ ликомъ облагодѣтельствовала Настасью: вылѣчила ее, выходила, одѣла, одарила чѣмъ могла и, наконецъ, опредѣлила на мѣсто, въ дѣтскій пріютъ, которымъ сама завѣдывала. Что касается нравственнаго ученія, то прачка не поняла его. Она и безъ того жила всю жизнь не для себя, а для другихъ, вѣрила во Христа, постилась, ходила въ церковь; чего же еще отъ нея требуютъ — она не могла взять въ толкъ и называла себя за это великой грѣшницей.

Въ пріютѣ, гдѣ она завѣдывала бѣльемъ и платьемъ, Настасья совсѣмъ отдохнула, жила спокойно и счастливо; но къ концу года ея мучитель-мужъ опять появился на сцену, а съ нимъ воротилось и прежнее горе. Опять онъ сталъ отбирать у нея всѣ деньги и кончилъ такимъ скандаломъ, что его вынуждены были отправить въ полицію. Съ нимъ вмѣстѣ ушла и Настасья, которая повидимому поставила себѣ за правило не оставаться на мѣстахъ, гдѣ учинялъ скандалы ея супругъ, и дѣлала это изъ стыда и совѣсти передъ людьми.

Такъ было съ мѣстомъ въ пріютѣ, такъ было и у насъ. Прачка наша ушла, и мы потеряли ее изъ виду.

II.

Прошло два года, если не больше. Разъ какъ-то жена моя, гуляя съ дѣтьми, встрѣтила на улицѣ Настасью,

которая сильно обрадовалась, увидавъ ее, и стала опять проситься къ намъ въ домъ, въ услуженіе.

На другой день явилась и сама Настасья. Мы взяли ее охотно, тѣмъ болѣе, что мужъ былъ въ деревнѣ и, какъ казалось, въ надежныхъ рукахъ. Онъ до того запьянствовался въ Петербургѣ, что его выслали по этапу на родину и водворили на жительство къ отцу, свекру Настасьи.

По словамъ ея, свекръ этотъ, старикъ крутой, не любилъ давать потачки, и была основательная надежда, что онъ не выпуститъ болѣе сына изъ-подъ своего надзора, а запряжетъ его въ деревнѣ въ тяжелую работу.

— Только бы меня туда не потребовали, говорила Настасья,—а ужъ ему батька потачки не дастъ, дурь изъ головы выбьетъ: самъ-то трезвый, да и Прокопъ мой въ деревнѣ капли въ ротъ не бралъ.

Словомъ, надежды были розовыя. Настасья помолодѣла, повеселѣла и ее еще больше полюбили у насъ въ семьѣ. Пѣсни ея раздавались часто по дому и въ особенности, когда мы лѣтомъ переѣхали на дачу.

— Вотъ какъ весело живется безъ мужа! пошутилъ я однажды, проходя мимо нея по двору, гдѣ прачка развѣшивала сушившееся бѣлье и заливалась звонкою пѣснею про какую-то березу, стоявшую одиноко на горѣ.

Она покраснѣла, замолкла на минуту, но пѣсня раздалась громче прежняго, какъ только я прошелъ въ садъ, гдѣ сидѣла на балконѣ жена.

— Люблю эту бабу, сказала она,—люблю и пѣсни ея. Какъ славно поетъ!

— Хорошая женщина, отвѣчалъ я,—такихъ мало и въ нашемъ быту.

— Еще бы! Знаешь что, я хочу ее въ няньки перевести, къ дѣтямъ.

— И дѣльно.

Къ сожалѣнію, планы эти не сбылись. Осенью, когда мы переѣхали въ городъ, прачка получила изъ деревни письмо, которое повергло ее въ отчаяніе. Прокопъ ея пропалъ безъ вѣсти, покинувъ самовольно родительскій кровъ. Должно быть солоно ему пришлось подъ командой отца или по водкѣ ужъ очень стосковался,—только пропалъ безъ вѣсти. Сколько ни искали, ни справлялись всюду, — не нашли, и въ деревнѣ начали поговаривать, что съ нимъ случилось что-нибудь недоброе: лѣшій завелъ куда, или злой человѣкъ сгубилъ.

Настасья заливалась слезами.

— Ну, чего ты ревешь, утѣшала ее жена,—по такомъ мужѣ не плачутъ; слава Богу, коли пропалъ.

— А все же жаль, барынька, отвѣчала Настасья, вытирая передникомъ глаза.

— Да чего жаль, развѣ ты его любила?

— Гдѣ тамъ любить, опостылъ давно, и замужъ-то выходила не любя.

— Такъ чего же ты?

— И сама не знаю. Такъ... жалко.

Послѣдовало молчаніе. Настасья не выходила изъ комнаты и стоя у дверей всхлипывала.

— Хотя бы своею смертію померъ, продолжала она жалобиться,—я бы еще ничего.

— Не все-ли равно?

— Какъ можно... Панихидку бы по немъ отслужила, поминки сдѣлала, а то ни живъ, ни мертвъ, кто его знаетъ, можетъ му́ку еще какую принялъ.

— Какую му́ку?

— А какъ лѣшій куда его завелъ, отвѣчала вздыхая Настасья.

— Куда же?

— У насъ есть, сударыня, такое болото въ лѣсу, такъ его увидать невозможно, а лѣшій дорогу знаетъ— заведетъ туда человѣка и утопитъ.

— Какой вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ, болото такое, засосетъ человѣка и не вылѣзешь.

— Да лѣшаго-то видѣлъ кто?

— Какъ не видать, видали.

— Кто же видѣлъ, ты что-ли?

— Нѣтъ, я не видала, а вотъ бабы наши такъ не разъ видали.

— Все это вздоръ! сказала жена, желая прекратить разговоръ.—Ты вотъ по мертвомъ мужѣ плачешь, а какъ онъ живой вдругъ явится, да начнетъ тебя опять колотить.

— Ай, батюшки! воскликнула Настасья, всплеснувъ руками,—оборони Богъ!

Она сразу перестала плакать и поблѣднѣла отъ испуга.

— Вотъ видишь-ли, Настасья, какая ты дура, не въ обиду тебѣ будь сказано; по мертвомъ плачешь, а скажутъ, что можетъ быть живъ, ты пугаешься.

— Дура я, барыня, и есть, извѣстно дура; гдѣ же мнѣ ума было набраться.

Прачка наша продолжала тосковать по мужѣ, писала въ деревню, хотѣла сама ѣхать туда, разыскивать пропавшаго, какъ вдругъ Прокопъ самъ объявился. Онъ оказался живъ, и не думалъ помирать, а сидѣлъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ душегубствѣ. Къ несчастію, преступленіе было совершено въ окрестностяхъ Петербурга и преступники посажены въ петербургскую тюрьму предварительнаго заключенія.

Оттуда Прокопъ сталъ бомбардировать жену письмами со всевозможными просьбами и порученіями,—то ему денегъ принеси, то чаю и сахару, табаку, гостинцевъ разныхъ, словомъ всего ему было нужно.

Съ перваго же письма она побѣжала въ тюрьму и принесла туда цѣлую кучу всякой всячины. Половину ей не позволили передать арестанту, но она все-таки оставила въ тюрьмѣ. Послѣ свиданія съ мужемъ, Настасья вернулась домой совсѣмъ растерянная.

— Напраслина! объявила она намъ. — Злые люди моего Прокопа сгубили.

— Почемъ ты знаешь? сталъ я ее допрашивать.

— Самъ сказалъ.

— Ну, это еще немного.

— Свою вину, говоритъ, на меня свалили. Ты, говоритъ, Настасья, не вѣрь, не проливалъ я крови человѣческой, другіе это сдѣлали, а не я. Не вѣрь, говоритъ, напраслина!

— Ну, а ты что?

— Я такъ и повалилась ему въ ноги, уцѣпилась за сапогъ, идти прочь не хочу, жандаръ ужъ силой оттащилъ.

Съ этого дня Настасья точно ошалѣла, бросила всякую работу и каждый день бѣгала въ тюрьму. Ее, конечно, такъ часто на свиданіе съ мужемъ не пускали, но она топталась въ тюремныхъ коридорахъ, просила, клянчила, оставляла въ конторѣ для него гостинцы и возвращалась домой совсѣмъ больная и истерзанная.

Прокопъ, безвинно обвиняемый въ душегубствѣ, Прокопъ, терпящій напраслину, вдругъ выросъ въ ея глазахъ въ какого-то героя. Она забыла все прошлое: обиды, ругань, побои, всю жизнь нужды и тяжкаго горя, и помнила только одно: мужъ терпитъ напраслину, мужъ въ Сибирь пойдетъ изъ-за злыхъ людей. Сердце ея надрывалось, и она валялась у меня въ ногахъ, умоляя о помощи.

По просьбѣ ея, я отправился въ окружной судъ и узналъ чрезъ знакомыхъ въ чемъ дѣло.

Мужъ нашей прачки обвинялся въ убійствѣ съ цѣлью грабежа, при участіи двухъ другихъ лицъ—мужчины и женщины. Убита была старуха, жившая въ собственномъ домѣ, на окраинѣ города; она была тайная ростовщица, закладчица, и у ней ограбили деньги и вещи, послужившія уликой противъ преступниковъ. Главнымъ виновникомъ былъ Прокопъ, мужъ Настасьи, участниками—дворникъ и кухарка убитой.

Оба они сознались въ преступленіи и оговорили Прокопа, но онъ упорно отрицалъ всѣ обвиненія и твердилъ одно, что его оговорили по злобѣ. Тѣмъ не менѣе, виновность его была несомнѣнна; онъ первый нанесъ топоромъ ударъ въ голову старухѣ и первый наложилъ руки на ея деньги и вещи. Опытный, извѣстный адвокатъ,

назначенный ему судомъ въ защитники, считалъ его дѣло погибшимъ и надѣялся только добиться смягченія наказанія.

Но не такъ смотрѣла на дѣло Настасья.

Когда я, вернувшись домой изъ суда, объявилъ ей о печальныхъ результатахъ моихъ справокъ, она вышла изъ себя, наговорила мнѣ дерзостей и чуть не заподозрила и меня въ злыхъ козняхъ противъ ея Прокопа.

Она бросилась сама къ адвокату, валялась у него въ ногахъ, клялась, божилась, что мужъ ея невиненъ, умоляла защитить его отъ каторги.

Наконецъ она вынула изъ-за пазухи какой-то свертокъ и положила его на столъ передъ адвокатомъ.

— Что это? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Деньги, батюшка, деньги, все что̀ есть за душой, послѣднія, на̀ возьми, не откажи только, спаси его.

Адвокатъ, конечно, денегъ не взялъ, но встрѣтясь со мной, разсказывалъ бывшую сцену и удивлялся глубокой вѣрѣ этой женщины въ невинность мужа.

— Знаете, говорилъ онъ,—она такъ глубоко вѣритъ, что право тронула бы на судѣ присяжныхъ и лучше меня защитила бы своего Прокопа.

Но откуда могла родиться такая вѣра?.. Сколько я ни старался выяснить себѣ этотъ мудреный вопросъ, отвѣтъ былъ всегда одинъ.

Въ головѣ у этой женщины, доброй и жалостливой, не умѣщалась мысль, что единственный близкій ей человѣкъ могъ хладнокровно убить безпомощную старуху. Это казалось ей чѣмъ-то чудовищнымъ, дьявольскимъ. Пятясь отъ этого ужаса и защищаясь отъ него всѣми средствами,

она уцѣпилась за вѣру въ невинность мужа, какъ утопающій за соломенку, и до конца не выпускала ее изъ рукъ. Это одно могло удивлять людей не знавшихъ Настасью. Но разъ допустивъ это объясненіе, какъ я вынужденъ былъ допустить,—все остальное становилось понятно. Жалость ея къ невинно-страдающему была безпредѣльна; а жалость въ сердцѣ у русскаго человѣка—это та-же любовь.

И вотъ она полюбила отверженнаго, какъ не любила его никогда, простила ему все пережитое горе, всѣ притѣсненія и обиды.

Чѣмъ ближе подходилъ судъ, тѣмъ тревожнѣе становилась Настасья. Наконецъ она совсѣмъ расхворалась, и мы уложили ее въ постель. Но въ день судебнаго засѣданія никакія силы не въ состояніи были удержать ее; она вскочила и убѣжала. За нею, чтобы не оставить ее одну, послѣдовали и мы.

Масса народу спѣшила въ судъ, какъ въ театръ, смотрѣть на паденіе и позоръ своихъ ближнихъ. Зала была биткомъ набита; судьи сидѣли за краснымъ столомъ, присяжные на своихъ мѣстахъ; противъ нихъ, на скамьѣ, подсудимые. Ихъ было трое: женщина и двое мужчинъ. Между послѣдними былъ и Прокопъ.

Я въ первый разъ разглядѣлъ его: это былъ мужикъ лѣтъ за сорокъ, съ красной, опухшей отъ пьянства рожей, съ рыжею бородой и нахальнымъ взглядомъ. Онъ храбро смотрѣлъ на публику, на судей и на присяжныхъ, и казалось вовсе не ожидалъ, что его осудятъ.

Дворникъ, молодой парень съ русой бородкой и во-

лосами, сидѣлъ опустивъ голову, съ выраженіемъ глубокаго горя и стыда на лицѣ.

Женщина, кухарка убитой, была брюнетка, съ большими черными глазами, уже не молодая, но съ остатками прежней красоты. Она любовно глядѣла на молодаго парня и, казалось, кромѣ него никого не видѣла во всей залѣ.

На судѣ обнаружено, что она была нравственною виновницей всего дѣла, составила планъ убійства и навела на него другихъ. Прокопъ былъ главнымъ его исполнителемъ, такъ какъ онъ убилъ старуху ударомъ топора въ голову, а молодой парень, дворникъ, только допустилъ дѣло. Онъ видимо находился подъ вліяніемъ кухарки и не осмѣливался ни въ чемъ ей перечить.

Судебное слѣдствіе затянулось долго, такъ какъ Прокопъ упорно не сознавался и нужно было допрашивать много свидѣтелей, чтобы его уличить. Онъ увѣрялъ, что кухарка съ дворникомъ „спроворили“ старуху, а онъ былъ только случайнымъ свидѣтелемъ происшествія, видѣлъ какъ они вытаскивали трупъ изъ дому, причемъ они дали ему десять рублей за молчаніе.

Къ ночи только окончилось слѣдствіе и сдѣланъ былъ перерывъ на полчаса. Въ залѣ стояла жара и духота нестерпимая.

Бѣдная наша Настасья совсѣмъ изнемогала. Мы уговаривали ее уѣхать домой, но она только махала руками, охала и тряслась.

Прокуроръ началъ воззваніемъ къ судьямъ и присяжнымъ о важности настоящаго дѣла, о той опасности, которую оно представляетъ для общества, и просилъ при-

мѣнить къ преступникамъ полную строгость закона. Затѣмъ онъ обрушилъ всѣ громы своего негодованія на злосчастнаго Прокопа, блистательно опровергъ его оправданія и выставилъ его закостенѣлымъ злодѣемъ, заслуживающимъ примѣрной кары. Прокуроръ былъ неумолимъ; онъ не допускалъ снисхожденія и для другихъ подсудимыхъ, даже и для молодаго парня съ русой бородкой, очевидно попавшаго въ это дѣло, какъ куръ во щи.

Но онъ замолкъ и полились сладкія рѣчи адвокатовъ. Они мазали бѣлой краской все то, что̀ чернилъ прокуроръ, говорили о милосердіи, о любви къ ближнему и видѣли этого ближняго въ подсудимыхъ.

— Да, они жертвы! воскликнулъ одинъ молодой ораторъ, трагическимъ жестомъ указывая на подсудимыхъ,— жертвы нужды и невѣжества. Всякій изъ насъ, подъ давленіемъ тѣхъ же общественныхъ золъ, могъ бы легко сдѣлать то-же, и обратно, родись они въ нашемъ кругу, они можетъ-быть сидѣли бы въ эту минуту не на скамьѣ подсудимыхъ, а между судьями или присяжными, и т. д.

Онъ видимо собирался закончить рѣчь вопросомъ: великодушно-ли осуждать троихъ тамъ, гдѣ всѣ поголовно и безъ изъятія одинаково виноваты; но предсѣдатель остановилъ его, приглашая не говорить вещей не касающихся дѣла, и пылкій ораторъ сѣлъ.

Поднялся опять прокуроръ и выкрасилъ опять въ черное все, что̀ обѣляли его противники. Нѣсколько разъ продѣлывали они эту штуку. Но черная краска взяла, наконецъ, перевѣсъ, и всѣ трое признаны были виновными.

Когда былъ объявленъ вердиктъ присяжныхъ, среди

публики послышался слабый крикъ и одну женщину вынесли замертво изъ залы суда.

Это была наша Настасья.

Мнѣ остается сказать не много. Прокопъ приговоренъ былъ въ рудники на 12 лѣтъ.

Когда мы объяснили Настасьѣ, что за потерею мужемъ ея всѣхъ правъ состоянія, она по закону свободна, она, покачавъ головой, спросила только:

— Куда-жъ онъ, сердечный, пойдетъ?

— Въ Сибирь.

— А мнѣ за нимъ можно?

— Если желаешь, да.

— Желаю! желаю!.. воскликнула она, вся просіявъ, и кинулась обнимать жену.

Какъ мы ни отговаривали ее, сколько ни говорили ей о лишеніяхъ и нуждѣ, которыя ожидаютъ ее въ Сибири, она ничего не хотѣла слышать.

— Пойду за нимъ, твердила она.—Пойду! Гдѣ же ему, сердечному, одному безъ меня?

Она не плакала болѣе и казалась совсѣмъ спокойною. Рѣшеніе, непоколебимо принятое, умиротворило ее вполнѣ, и всѣ усилія наши пропадали даромъ.

Поѣздъ, отходившій въ Москву въ 12 часовъ пополудни, имѣлъ въ составѣ своемъ арестантскій вагонъ, съ конвоемъ внутри и снаружи. Въ этомъ вагонѣ отправляли ссыльныхъ до Нижняго, а отъ Нижняго дальше на баржахъ, по Волгѣ и Камѣ, въ Сибирь.

Въ вагонѣ сидѣлъ Прокопъ, закованный въ кандалы, но его не видно было съ платформы. У одного изъ бли-

жайшихъ вагоновъ III класса стояла Настасья, ѣхавшая въ томъ же поѣздѣ. Мы провожали ее, снабдивъ на дорогу, чѣмъ только могли, чтобъ облегчить ей тяжелый путь. Настасья не плакала и казалась спокойною, какъ человѣкъ исполняющій ясно сознанный долгъ; но жена моя вытирала себѣ глаза платкомъ и казалось готова была зарыдать.

На разставаньи однако же и отъѣзжающая заплакала.

— Прощай, говорила она, горячо обнимая жену. — Прощай, желанная! Да хранитъ тебя Царь Небесный!

Она убѣжала въ вагонъ, и мы ее больше не видѣли.

Раздался свистокъ... Поѣздъ тронулся и скоро исчезъ изъ глазъ.

Мы медленно пошли къ выходу по опустѣвшей платформѣ и я думалъ невольно о томъ, къ какому разряду людей слѣдуетъ отнести нашу прачку: героиня она, или помѣшанная?

— Что ты объ этомъ думаешь, спросилъ я жену, высказавъ ей мои мысли. Она ничего не отвѣтила и только плакала, но слезами такіе вопросы не разрѣшаются, на душѣ-же у насъ обоихъ было слишкомъ тяжело, чтобы мы могли отвѣтить на нихъ.

МАІОРЪ БЕЗСОНОВЪ.

Разсказъ.

I.

Раннею весною 1878 г. передовыя войска наши стояли въ С. Стефано, подъ Константинополемъ. Прелестный городокъ этотъ, еще недавно тихій и спокойный, кипѣлъ народомъ. Война была окончена, пушки замолкли, и заговорилъ другой языкъ — человѣческій, началась мирная жизнь, съ ея торговыми и промышленными интересами. Масса разнаго народа — турокъ, грековъ, итальянцевъ, французовъ—нахлынула въ С. Стефано; множество лавокъ, ресторановъ, театровъ, кафе-шантановъ появилось, волшебствомъ, на берегахъ Мраморнаго моря. Маленькое мѣстечко закипѣло жизнію большаго города и превратилось въ столицу; въ немъ находилась русская главная квартира, и на него обращены были взоры всей Европы.

Тѣсно стало въ С. Стефано отъ наплыва войска, куп-

цовъ, военныхъ агентовъ, корреспондентовъ разныхъ газетъ и другаго разношерстаго и разноплеменнаго люда, до того тѣсно, что вновь прибывающій находилъ съ трудомъ для себя помѣщеніе.

Близость моря и Константинополя ($^1/_2$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ или часъ на пароходѣ) придавала всему этому особую окраску, а военный лагерь и яркое, весеннее солнце довершали картину.

Хорошо и весело жилось тогда въ С. Стефано. Общество было многолюдное и самое разнообразное; къ нашимъ офицерамъ, отдыхавшимъ отъ тяжкихъ трудовъ похода, наѣхали ихъ жены изъ Россіи, и всѣ чаяли возвращенія на родину, хотя суровую, но милую сердцу.

Погода стояла великолѣпная, южное солнце свѣтило и грѣло, все цвѣло и благоухало вокругъ, а днемъ становилось такъ жарко, что мы, русскіе, не привыкшіе къ теплу, уже начинали купаться въ синихъ волнахъ моря.

По вечерамъ въ городѣ, въ разныхъ концахъ его, гремѣла музыка и зажигалась цѣлая иллюминація, составлявшаяся изъ ярко освѣщенныхъ лавокъ, театровъ и ресторановъ.

Да, хорошо жилось тогда въ маленькомъ городкѣ, обращенномъ волею судебъ въ своего рода столицу, и кто самъ не видалъ этой жизни, тотъ не можетъ составить себѣ о ней понятія по однимъ разсказамъ и описаніямъ. Чего тамъ ни было въ то время: даже итальянская опера открыта была на площади, въ какомъ-то досчатомъ сараѣ, и услаждала звуками оперъ Верди и Россини волшебные берега Мраморнаго моря.

Сарай былъ въ одну доску, совсѣмъ сквозной, и

отдѣлялся такой же перегородкой отъ ресторана, куда входъ былъ безплатный. Спросивъ себѣ стаканъ чаю или бутылку пива, легко было прослушать всю оперу даромъ, чѣмъ и пользовались меломаны, не любившіе платить за мѣсто въ театрѣ.

Днемъ на рейдѣ виднѣлись военныя и коммерческія суда, прибывшія изъ Россіи, и противоположный берегъ залива съ силуэтами его живописныхъ горъ въ туманѣ, а вдали дымились большіе пароходы, спѣшившіе со всѣхъ концовъ свѣта къ Босфору.

Въ числѣ ресторановъ, открытыхъ въ С. Стефано, былъ одинъ, совсѣмъ лѣтній, на берегу моря, въ рощѣ изъ старыхъ, тѣнистыхъ липъ и дубовъ. Буфетъ и кухня помѣщались въ шатрахъ, а для публики были поставлены столы и столики на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Столы эти были почти всегда полны въ обѣденное время, такъ какъ въ ресторанѣ кормили недурно, хотя и дорого.

Въ ресторанъ этотъ мы пришли какъ-то разъ пообѣдать въ большой компаніи и заняли цѣлый столъ подъ сѣнью столѣтняго дуба.

Обѣдъ былъ веселый, шумный, а воздухъ и видъ на море такіе, за которые охотно можно было простить многія погрѣшности противъ кулинарнаго искусства.

Обѣдъ нашъ близился къ концу, когда къ одному изъ сосѣднихъ столиковъ подошелъ толстый армейскій маіоръ въ сопровожденіи мальчика, одѣтаго въ русское платье съ примѣсью турецкаго костюма. Маіоръ сѣлъ, а мальчикъ остался стоять возлѣ него; онъ спросилъ обѣдъ на одного, вслѣдствіе чего ему поставили одинъ приборъ;

но при всякомъ новомъ блюдѣ происходило слѣдующее: маіоръ бралъ къ себѣ на колѣни ребенка и предоставлялъ ему кушать сколько угодно изъ своей тарелки, за симъ снималъ его съ колѣнъ и ставилъ опять возлѣ себя, а самъ доѣдалъ остатки и запивалъ ихъ обильно пивомъ, давая по нѣсколько глотковъ и мальчику.

Такой способъ насыщенія обратилъ на себя мое вниманіе, тѣмъ болѣе, что раздѣлявшіе трапезу были вовсе не похожи другъ на друга и нельзя было допустить, чтобы они были связаны между собою близкимъ родствомъ: маіоръ былъ толстъ, съ одутловатомъ лицомъ, имѣлъ бѣлокурые, съ просѣдью, волосы и плѣшь на головѣ, маленькій красный носъ и добродушнѣйшую улыбку,— спутникъ его былъ худощавый смуглый мальчикъ, съ черными, какъ смоль, волосами и строгимъ красивымъ профилемъ; глаза у него горѣли, какъ уголья, и онъ озирался ими испуганно кругомъ.

Послѣ третьяго кушанья маіоръ, нѣсколько раскраснѣвшійся, такъ какъ, кромѣ пива, употреблялъ еще за обѣдомъ и водочку, обратился ко мнѣ, ближе всѣхъ къ нему сидѣвшему, и, погладивъ ребенка по головѣ добродушно сказалъ.

— А вотъ Богъ мнѣ сынка далъ въ походѣ.

— Какъ такъ? спросилъ я, заинтересованный его словами.

— Да такъ. И онъ словоохотливо разсказалъ, какъ, всходя на Шипку со своимъ баталіономъ въ одно холодное декабрское утро, онъ нашелъ близь дороги, въ канавѣ, ребенка полузамерзшаго въ снѣгу, поднялъ его изъ жалости и положилъ въ свой тарантасъ, ѣхавшій сзади

съ войсковымъ обозомъ; какъ, придя на ночлегъ, онъ отогрѣлъ маленькаго больнаго, напоилъ его горячимъ чаемъ и уложилъ собственноручно спать, укутавъ буркою. На другое утро мальчикъ проснулся совсѣмъ здоровый, и съ тѣхъ поръ они неразлучны.

— Вотъ ужо вернемся домой, продолжалъ онъ: — возьму съ собой; куда же его дѣвать? Сирота!

— А можетъ быть у него родители здѣсь найдутся? спросилъ я у добраго маіора.

— Гдѣ тамъ, батюшка, отвѣчалъ онъ: — ужъ я искалъ вездѣ, даже объявленія вывѣшивалъ съ переводомъ на турецкій и болгарскій языки, ни, ни, никто не откликнулся, должно быть родители погорѣли, какъ деревни жгли въ походѣ.

— Куда же вы его дома дѣнете? полюбопытствовалъ я: — вы женаты, семью имѣете!

— Нѣтъ никого, одинъ, какъ перстъ, а теперь вдвоемъ будемъ.

Онъ съ любовью посмотрѣлъ на ребенка, и я невольно подумалъ, что найдись родители, онъ счелъ бы это для себя большимъ горемъ и неохотно отдалъ бы имъ своего найденыша.

Скоро вся наша компанія заинтересовалась разсказомъ маіора и его пригласили пересѣсть къ нашему столу и выпить шампанскаго, на что̀ онъ охотно согласился, но, осушивъ бокалъ, объявилъ, что заморскія вина, конечно, не худы, въ особенности въ мирное время, но что въ походѣ наша русская водочка не въ примѣръ лучше.

Мы приласкали и ребенка, стали пичкать его раз-

ными сластями, которыя онъ кушалъ исправно, но продолжалъ глядѣть на насъ испуганно и ничего не отвѣчалъ на наши вопросы.

— Дикарь, пояснялъ маіоръ:—точно волченокъ, только ко мнѣ сталъ привыкать немного, а то всѣхъ боится.

— По русски понимаетъ? спросилъ кто-то изъ нашей компаніи.

— Начинаетъ понимать немножко, отвѣчалъ маіоръ: — и то больше, когда я говорю съ нимъ, а вотъ деньщикъ мой совсѣмъ съ нимъ столковаться не можетъ—не понимаютъ другъ друга, хоть убей!

— Какой онъ націи?

— А Богъ его знаетъ, должно быть турченокъ, кабы болгарушкой былъ, все понималъ бы по нашему хоть немножко, а то бормочетъ что-то по своему—не разберешь ничего. Ну, да все равно, продолжалъ маіоръ, выпивъ еще шампанскаго: — я его окрестилъ въ православную вѣру и Александромъ назвалъ—въ честь нашего Царябатюшки; меня Николаемъ зовутъ, вотъ и будетъ Александръ Николаевичъ. Ужо, какъ вернемся въ Россію, усыновлю его и фамилію свою дамъ—будетъ Безсоновымъ и еще родъ нашъ дворянскій продолжитъ; самъ я старый холостякъ и на это дѣло негожъ.

Маіоръ Безсоновъ крякнулъ и проглотилъ рюмку коньяку, такъ какъ шампанское очевидно его не удовлетворяло. Его примѣру послѣдовали и мы, выпивъ за здоровье новаго представителя рода Безсоновыхъ и пожелавъ ему счастья и всевозможныхъ успѣховъ въ жизни.

— Я его въ военную службу отдамъ! воскликнулъ маіоръ, воодушевляясь:—генераломъ будетъ!

И онъ съ такою гордостію посмотрѣлъ на будущаго генерала, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ уже прославилъ и воскресилъ вымирающій родъ Безсоновыхъ.

Вообще отношенія маіора къ своему пріемному сыну были трогательны. Маіоръ былъ старый холостякъ, очевидно любившій выпить, о чемъ свидѣтельствовали его красный носъ и пристрастіе къ коньяку и водочкѣ. Въ жизни своей онъ испыталъ много невзгодъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, но никогда не роталъ на судьбу и сохранилъ свѣжесть сердца и способность увлекаться, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ съ хвостикомъ. Вотъ эту-то способность онъ и перенесъ всецѣло на посланнаго ему Богомъ сынка, какъ называлъ своего пріемыша, и полюбилъ его такъ нѣжно, какъ можетъ любить только преданная мать свое родное дѣтище.

Обѣдъ нашъ окончился, но случайное знакомство мое съ маіоромъ Безсоновымъ не прекратилось. Онъ такъ полюбился мнѣ, что мы стали часто видѣться и скоро съ нимъ подружились.

Николай Гавриловичъ Безсоновъ былъ типъ стараго холостяка, рѣдко встрѣчающійся въ наше время.

Люди эти черствѣютъ обыкновенно съ годами и становятся крайними эгоистами, но маіоръ былъ добръ до безконечности, готовъ былъ снять съ себя послѣднюю рубашку и отдать ее ближнему. Онъ былъ не глупымъ человѣкомъ, хотя получилъ весьма плохое образованіе, но много видѣлъ на своемъ вѣку и умѣлъ наблюдать; разсказы его изъ походной жизни и вообще о своей

службѣ въ полку были очень интересны и даже назидательны. Командуя ротой и баталіономъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, онъ изучилъ основательно своего подчиненнаго — русскаго солдата, а въ походѣ сжился съ нимъ, какъ съ товарищемъ.

— Солдатикъ, говорилъ онъ, прихлебывая чай, обильно разбавленный ромомъ:—это, сударь мой, такой субъектъ, котораго понять надо; понялъ ты его—и онъ тебя уразумѣетъ, а не понялъ—все дѣло дрянь выйдетъ. Видывалъ я много на своемъ вѣку офицериковъ, но не всякій это дѣло разумѣлъ. Иной и близко къ солдату подойти боится, брезгливо смотритъ на него: пахнетъ отъ него родименькаго и насѣкомыя въ одеждѣ его водятся, безъ этого нельзя, особливо въ походѣ. За это ты не взыщи съ него и не все въ морду тычь, а приласкай иногда солдатика, вѣдь онъ тоже сирота. Вотъ и ищетъ онъ къ кому бы привязаться на службѣ и ежели откликъ найдетъ въ сердцѣ начальника, тогда ты спи спокойно—не выдастъ онъ тебя ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, и ты изъ него, что хошь, то и дѣлай, хоть веревки вей, все стерпитъ и роптать не станетъ.

— А какъ же, перебилъ я его:—Николай Гаврилычъ, дисциплина въ войскѣ, вѣдь она строгихъ мѣръ требуетъ?

— Еще бы! воскликнулъ онъ:—на солдата палка нужна и въ морду его ткнуть можно—ничего, особливо въ походѣ, да только ты не все его бей, а приласкай хоть изрѣдка, онъ и возлюбитъ тебя, да какъ возлюбитъ! пуще самого себя.

Николай Гаврилычъ замолчалъ и сталъ опять при-

хлебывать свой чай съ ромомъ, а я подумалъ, что солдаты навѣрно любили своего маіора, хотя, можетъ быть, онъ и поучалъ ихъ, отечески, собственноручно.

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ въ ресторанѣ возлѣ театра, гдѣ шла въ это время опера „Трубадуръ" Верди. Маіоръ былъ со мною одинъ, безъ своего маленькаго адъютанта. На вопросъ мой—что онъ дѣлаетъ?—отвѣтилъ, что спитъ—Христосъ съ нимъ, умаялся. Деньденьской за мной топчется, а я, какъ маятникъ, болтаюсь съ утра до вечера и по дѣлу, и по бездѣлью. Вотъ уложилъ его спать, да къ вамъ и пришелъ сюда.

Маіоръ всегда самъ укладывалъ спать своего пріемнаго сынка, чему я неоднократно былъ свидѣтелемъ, и никому не довѣрялъ этого важнаго дѣла, онъ, какъ нянька, ухаживалъ за нимъ, умывалъ, раздѣвалъ, укладывалъ въ постель, крестилъ его на сонъ грядущій и не отходилъ отъ него, покуда ребенокъ не засыпалъ.

Въ эту минуту теноръ за стѣной театра запѣлъ вдругъ такъ громко и затянулъ такую высокую ноту, что даже маіоръ обернулся.

— Экъ его разбираетъ! сказалъ онъ, улыбаясь:—вѣдь тоже жрать хочетъ, оттого и воетъ. Поди ты, вѣдь и имъ трудно, все равно что на канатѣ ходить.

— Что вы, Николай Гаврилычъ, артиста, пѣвца, съ канатнымъ танцоромъ сравнили, развѣ это можно?

Но маіоръ махнулъ рукой—въ знакъ того, что считалъ ихъ на одной ступени той лѣстницы, которая называется практической пользой въ жизни человѣческой, и мы вышли съ нимъ изъ ресторана.

Ночь была волшебная, звѣзды ярко горѣли на небѣ,

море тихо плескалось о берегъ; тепло было такъ, какъ у насъ въ іюлѣ.

— Экая ночь! сказалъ я, вдыхая въ себя теплый ароматный воздухъ.

— Благодать Господня! возразилъ мой собесѣдникъ.— поди-ка у насъ теперь въ Питерѣ или Москвѣ снѣгъ глыбами лежитъ, а здѣсь цвѣты цвѣтутъ.

— Хорошо здѣсь, Николай Гаврилычъ, вѣкъ бы, кажется, прожилъ.

— Соскучитесь, батюшка, домой потянетъ, на родину.

— Можетъ быть, но на родинѣ холодно, а здѣсь тепло; смотрите ночь наступила, а мы съ вами гуляемъ въ кителяхъ. Какъ хотите, а первое благо въ жизни тепло и солнышко.

— Первое благо въ самомъ человѣкѣ, сказалъ маіоръ, помолчавъ съ минуту:— внутри его, а не снаружи, и въ Сибири люди живутъ и какъ еще! Жизнь наша, скажу я вамъ, все одно, что зеркало: какъ посмотришь въ него, такъ оно тебѣ и отвѣтитъ.

— Э, да вы, я вижу, философъ!

— Какой тамъ философъ! Я и не знаю, что такое ваша философія, не читалъ никогда.

— Хотите почитать? у меня книжка чудесная: обзоръ всѣхъ философій въ переводѣ на русскій языкъ, очень интересно.

— Не пойму я вашей книжки, отвѣтилъ маіоръ:— не по мнѣ она писана, мы на мѣдныя дѣньги учились. Вотъ ужо подростетъ мой мальчишка, мы его не такъ воспитаемъ, всему научимъ, всякой премудрости.

И тотчасъ, увлекшись своими мечтами, онъ сталъ развивать цѣлый планъ воспитанія, широко задуманный.

— До сихъ поръ я жилъ какъ скотъ, заключилъ онъ: —для себя одного и, грѣшнымъ дѣломъ, водочкой занимался, но теперь шабашъ—цѣль въ жизни есть, сынокъ, хоть не по плоти и крови, а все равно сынъ, Богомъ данный. Вотъ я и долженъ о немъ заботиться, коли принялъ на попеченіе, какъ о родномъ дѣтищѣ.

Я нисколько не сомнѣвался, что маіоръ исполнитъ свой долгъ и свои обязанности по отношенію къ пріемному сыну, и боялся только одного, какъ бы сынъ не измѣнилъ своимъ обязанностямъ и не понялъ, не оцѣнилъ такого отца. Но я, конечно, не высказалъ своихъ сомнѣній маіору и замѣтилъ только, что высшее образованіе дорого стоитъ и не всякому по средствамъ.

— Чтожъ, мы не нищіе, отвѣчалъ Николай Гавриловичъ:—есть у меня кое-какой грошъ, накопленный, да имѣньице небольшое, оставшееся послѣ родителя; недостанетъ наличныхъ—имѣніе по боку, а ужъ не пущу мальчишку неучемъ по свѣту, вотъ какъ я грѣшный.

Мы все шли далѣе, разговаривая и, выйдя за городъ, подошли къ русскому лагерю. Часовой окликнулъ насъ, но узнавъ своихъ, отдалъ честь и пропустилъ.

— Спятъ, родимые, сказалъ маіоръ, указывая на палатки:—а сколько ихъ тамъ полегло, позади, въ чужой землѣ... о-охъ! онъ вздохнулъ и набожно перекрестился.

— Случай, замѣтилъ я:—слѣпой случай, какъ много дѣлаетъ онъ въ жизни! на войнѣ, напримѣръ, шальная пуля...

Но маіоръ перебилъ меня.

— Не случай, сударь мой, воскликнулъ онъ сердито:—а воля Божія! пуля что̀, слѣпая дура, ударитъ кого по нашему не нужно, а кому жизнь надоѣла, кто самъ на смерть лѣзетъ, того пощадитъ. Вотъ что съ нами случилось въ походѣ, я вамъ доложу, по истинѣ удивительно, хотите разскажу?

— Сдѣлайте милость.

— Было это въ самый разгаръ войны, началъ свой разсказъ маіоръ:—прислали къ намъ въ полкъ офицерика и къ моему баталіону прикомандировали; молоденькій такой былъ, бѣленькій, румяненькій, точно красная дѣвица. Ну, думаю, этотъ въ огнѣ не бывалъ, какъ-то мы съ нимъ поладимъ? Изнѣженный такой, набалованный былъ, не приведи Богъ! сундуковъ однихъ да чемодановъ цѣлую кучу навезъ. Такъ нельзя, говорю я ему, Иванъ Александровичъ: въ походѣ подъ васъ однихъ генеральскій обозъ нуженъ, половину вещей надо бросить. Онъ на дыбы:—какъ, говоритъ, бросить?—все мнѣ необходимо!—Я махнулъ на него рукой, и какъ онъ ужъ тамъ размѣстился со своими чемоданами—не знаю; денегъ у него была куча, одѣтъ съ иголочки—ну, маменькинъ сынокъ, одно слово; только добрый такой былъ, со всѣми ласковый, даже съ простымъ солдатомъ. Вотъ пошли мы далѣе, и онъ съ нами; все распрашиваетъ:—гдѣ-жъ это непріятель, и скоро ли мы съ нимъ встрѣтимся?

— Увидите, говорю, не безпокойтесь.

— Съ нетерпѣніемъ, говоритъ, жду, для того и къ вамъ пріѣхалъ. Мать не выпускала меня на войну, на колѣняхъ умоляла не ѣздить, но я не послушалъ ее:—извѣстно, бабы, всего боятся.

— Ладно, думаю я, посмотримъ, какъ-то ты расхрабришься. Только недолго пришлось ему ждать: вечеромъ того же дня шли мы подъ дождичкомъ къ лѣску: онъ въ буркѣ кавказской храбро такъ шагаетъ. Направо поле и деревня, налѣво лѣсъ. Только мы поравнялись съ лѣскомъ, какъ оттуда пафъ, пафъ, пули непріятельскія на насъ такъ и посыпались. Оглянулся я, вижу, мой офицерикъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, да вражьимъ пулямъ такъ и кланяется.

— Что это значитъ? спросилъ я, какъ статскій, не бывавшій въ бою.

— А это значитъ, другъ ты мой, отвѣчалъ маіоръ, все больше и больше увлекаясь своимъ разсказомъ: — кто съ непривычки, тотъ пулямъ и кланяется, т. е. летитъ это пуля мимо него, онъ и нагнетъ голову, думаетъ укроется отъ нея; ну вздоръ, конечно, гдѣ-жъ тутъ укрыться, ударитъ она тебя куда ни попало: въ животъ, либо въ ногу, или въ ту же голову.

— Братцы, за мной! крикнулъ я, продолжалъ маіоръ свой разсказъ, — и самъ бросился въ лѣсъ. Дали два залпа такъ, не цѣлясь, туда, откуда пули сыпались; только должно быть горячо попало: послышались крики, стоны, и увидѣли мы, какъ непріятель, сидѣвшій въ засадѣ въ лѣсу, побѣжалъ оттуда, мелькая своими красными фесками. Преслѣдовать было некогда — ночь наступала, да и торопились мы къ большому нашему отряду, выступавшему на другое утро. Ну, стрѣльнули еще раза два въ догонку непріятелю, и я скомандовалъ — стой!

Стали считать своихъ, — чтожъ бы вы думали: всѣ цѣлы до единаго солдатика, ни на комъ ни царапины,

только офицерикъ мой новый пропалъ куда-то; ну, думаю: спрятался вѣрно въ канаву, сробѣлъ, а теперь вылѣзать стыдно; только успѣлъ я подумать это, а фельдфебель мой и кричитъ: „сюда, ваше высокоблагородіе, сюда пожалуйте, здѣсь они!“ Я подбѣжалъ, гляжу, лежитъ сердечный ничкомъ на травѣ у самой опушки лѣса; мы повернули его: пуля въ груди навылетъ, кровь такъ и сочится. Такъ мнѣ его вдругъ жалко стало и сказать не могу; солдатикъ одинъ побѣжалъ къ ручью, водицы досталъ, смочили мы ему лобъ, испить дали, онъ и очнулся. Доктора не было съ нами, я самъ ему раскрылъ рану, гляжу плохо, а онъ шепчетъ мнѣ: „помогите, умираю!“ а гдѣ тутъ помочь, капутъ совсѣмъ; кровь хлынула горломъ, откашлялся и опять шепчетъ что-то; я наклонился къ нему ухомъ, а онъ кольцо на рукѣ своей показываетъ, дорогое такое, такъ и блеститъ, „если умру, говоритъ, ей отдайте“, а кому ей и не сказалъ; сталъ на крестикъ на груди показывать, на золотой цѣпочкѣ висѣлъ: „это, говоритъ, матери; не послушался я ее и вотъ...“ Опять кровь хлынула у него изъ горла, и онъ не договорилъ. А кто мать, гдѣ живетъ, такъ и не добились мы отъ него: вздохнулъ еще разъ и померъ. Я даже заплакалъ, продолжалъ маіоръ, — повѣрите ли? И солдатики мои, кто поближе стоялъ, тоже заморгали. Ну, сняли мы шапки, перекрестились, я ему глаза закрылъ и молитву надъ нимъ прочелъ замѣсто попа.

Снялъ я съ него крестикъ и кольцо, бумаги какія при немъ были и деньги изъ кармана вынулъ (они и по сейчасъ при мнѣ); ужо вернемся въ Россію, все матери его отдамъ, коли розыщу ее, а ужъ кольцо пускай сама отдаетъ кому знаетъ — вѣрно невѣстѣ.

Здѣсь маіоръ прервалъ свой разсказъ, видимо самъ взволнованный.

— Чтожъ дальше было? спросилъ я его.

— А дальше что: вырыли мы ему могилу, опустили туда, въ барабанъ забили и землей засыпали; крестъ надъ нимъ поставили изъ сухихъ вѣтвей—какой съумѣли. Къ тому времени ночь наступила, продолжалъ онъ:—небо расчистилось и луна взошла, освѣтила она могилу и насъ грѣшныхъ, безъ шапокъ, вокругъ. Какъ теперь вижу все это: лѣсъ и могилку, и мостъ черезъ ручей, который мы перешли всѣ, оставивъ покойника одного на чужой землѣ. Такъ вотъ, сударь мой, какіе случаи бываютъ, заключилъ свой разсказъ маіоръ:—одинъ былъ между нами, никогда огня не видавшій, младенецъ, такъ сказать, его одного и пристукнуло, а насъ грѣшныхъ Господь помиловалъ. Ты говоришь случай, а я говорю воля Божія, какъ знаешь, такъ и называй.

Собесѣдникъ мой началъ говорить мнѣ ты для большей назидательности, но я не обратилъ на это вниманія, самъ растроганный его разсказомъ.

Мы повернули назадъ и опять прошли черезъ спящій лагерь, теперь ярко освѣщенный взошедшею полною луною.

— Николай Гаврилычъ, спросилъ я:—бывало ли вамъ когда нибудь досадно на то, какъ убійственно равнодушна природа къ намъ людямъ, къ нашимъ радостямъ и печалямъ. Вотъ луна, поглядите на нее—она одинаково свѣтитъ надъ живымъ и мертвымъ, надъ этимъ многолюднымъ спящимъ лагеремъ и надъ одинокою могилою вашего бѣднаго офицерика, такъ безвременно павшаго на чужой землѣ.

— Что дѣлать, батюшка. что дѣлать! повторилъ маіоръ—на то воля Божія.

— Конечно такъ, отвѣтилъ я,—но все-таки жалко, и за кого онъ погибъ такъ рано, во цвѣтѣ лѣтъ?—за этихъ дрянныхъ братушекъ (такъ называли у насъ въ походѣ болгаръ), которые, повѣрьте, намъ пожалуй и спасибо не скажутъ за то, что мы проливали кровь за ихъ свободу.

— Это все равно, сказалъ маіоръ:—не за спасибо добро дѣлаютъ.

— А за что же? спросилъ я, желая услышать его часто оригинальные отвѣты.

— За что? и онъ задумался на минуту,— а за то, что братушка, хотя и дрянь человѣкъ, а все же намъ братъ по Христу и по вѣрѣ.

— Ну, а еслибы онъ былъ нехристь. За турку, напримѣръ, пошли бы вы сражаться?

— Пошелъ, коли бы было приказано, на то я солдатъ, а впрочемъ, что же, и турка человѣкъ; вотъ мы разъ въ походѣ одного изъ нихъ подстрѣлили; лежитъ онъ и стонетъ; товарищи его всѣ тягу дали, онъ одинъ остался. Солдатики мои хотѣли его покончить, да я не позволилъ, за что? говорю, онъ тоже человѣкъ, живъ еще, можетъ и поправится.

Ну перевязали мы ему рану, напиться дали—раненые всегда воды просятъ—и донесли на носилкахъ до ближайшаго госпиталя.

— Что-жъ онъ живъ остался, поправился?

— А ужъ не знаю, батюшка, не знаю, на все воля Божья; только какъ уходили мы, схватилъ онъ

меня за руку и такъ поглядѣлъ, что я даже смутился. „Аллахъ, Аллахъ!“ воскликнулъ онъ и еще что-то бормоталъ по своему, пожимая мою руку, да я не понялъ.

Лагерь, который мы проходили съ Николаемъ Гавриловичемъ, былъ только однимъ звеномъ цѣпи, окружавшей Константинополь, такъ какъ по другую его сторону, примыкая къ Босфору, были тоже выдвинуты русскія войска. Стоило только сжать эту цѣпь, и многолюдная столица Оттоманской имперіи была бы въ нашихъ рукахъ. Но судьба рѣшила иначе — войска были отодвинуты назадъ, главная квартира переведена въ Адріанополь и С.-Стефано вымерло вдругъ такимъ же волшебствомъ, какимъ оно воскресло къ жизни.

Адріанополь не представлялъ ничего новаго для чиновъ главной квартиры; они проходили его на пути къ Царьграду, но тогда была весна въ сердцахъ и въ природѣ, а теперь наступила осень повсюду. Блестящія надежды на будущее не осуществились, и грозныя тучи надвигались на политическомъ горизонтѣ. Онѣ висѣли и на небѣ надъ нами; свѣтлые дни стали рѣдки, не видать было больше синяго моря и теплаго солнышка, а мнѣ не видать было и моего милаго маіора. Онъ уѣхалъ еще изъ С.-Стефано со своимъ полкомъ въ Россію. Сначала онъ писалъ мнѣ изъ Москвы и Рязани, но понемногу письма его стали приходить рѣдко, наконецъ совсѣмъ прекратились, и я потерялъ его изъ виду.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Многое пережитое было забыто, новые интересы возникли въ жизни, многихъ товарищей, знакомыхъ и родныхъ не стало больше на свѣтѣ.

Въ числѣ послѣднихъ оказалась одна старая тетушка моя, которой я былъ наслѣдникомъ.

Разъ какъ-то вернувшись домой со службы, я засталъ у себя на письменномъ столѣ телеграмму, извѣщавшую, что тетушка при смерти больна и чтобы я пріѣзжалъ немедленно. Вечеромъ того же дня я катилъ съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, откуда мнѣ предстоялъ дальнѣйшій путь, по другимъ желѣзнымъ дорогамъ, во внутреннія губерніи. По пріѣздѣ въ деревню, гдѣ жила тетушка, я однако не засталъ ее въ живыхъ и мнѣ пришлось только похоронить покойницу, со всею пышностію, которую допускала мѣстная обстановка.

Имѣніе, которое досталось мнѣ, было большое, хорошо устроенное, и я обратился сразу изъ чиновника, жившаго своимъ жалованьемъ, въ независимаго человѣка. При домѣ, гдѣ тетушка прожила свой вѣкъ, состоялъ цѣлый штатъ домашнихъ и прислуги, который она поручила моему попеченію, и первымъ моимъ долгомъ было распорядиться такъ, чтобы никого не обидѣть и не увольнять безъ нужды. Штатъ состоялъ изъ управляющаго, человѣка, повидимому, толковаго, буфетчика, старика Осипа, ключницы Степаниды, пользовавшейся, какъ говорили, большимъ авторитетомъ у покойницы, двухъ приживалокъ, дальнихъ

родственницъ тетушки, и затѣмъ прислуги, очень многочисленной. Сверхъ того былъ сѣрый попугай, въ большой металлической клѣткѣ. безпрестанно повторявшій: „барыня, барыня“, и двѣ собаченки, которыя неистово лаяли, покуда не привыкли ко мнѣ.

Въ письмѣ, оставленномъ на мое имя, тетушка просила меня: стариковъ оставить доживать свой вѣкъ въ имѣніи, въ томъ числѣ стараго попугая и двухъ собаченокъ, поручивъ ихъ попеченіямъ ключницы Степаниды, молодыхъ же разрѣшала уволить, если они мнѣ не нужны, но наградивъ каждаго и каждую, по моему усмотрѣнію, за ихъ вѣрную службу старой барынѣ.

Письмо тетушки заканчивалось благословеніями и просьбой заказать сорокоустъ по грѣшной душѣ ея и соблюдать въ чистотѣ и благолѣпіи ея могилу.

Соблюденіе необходимыхъ формальностей задержало меня нѣкоторое время въ деревнѣ, и я уже начиналъ скучать одиночествомъ, какъ вдругъ судьба послала мнѣ неожиданное утѣшеніе.

Разъ какъ-то утромъ, въ дождливый день (осень все болѣе и болѣе вступала въ свои права), я сидѣлъ въ бывшемъ кабинетѣ покойной и разбиралъ ея бумаги, когда вошелъ старикъ Осипъ и доложилъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ, который желаетъ меня видѣть.

— Кто такой? спросилъ я.

— Маіоръ Безсоновъ, отвѣчалъ Осипъ.

Я вскочилъ и быстро пошелъ на встрѣчу посѣтителю.

Неужели это онъ? думалъ я, мой милый маіоръ? Да, это онъ: знакомый голосъ послышался въ сосѣдней ком-

натѣ, дверь распахнулась, и маіоръ упалъ въ мои объятія.

— Вотъ радость! воскликнулъ я, усаживая его на диванъ и горячо пожимая ему руки.

— Николай Гавриловичъ, повѣрите ли, еслибы меня спросили за минуту передъ тѣмъ, кого я болѣе всѣхъ желаю увидѣть здѣсь, въ моемъ одиночествѣ, я бы назвалъ васъ, и вдругъ вы сами являетесь! Да что обо мнѣ толковать, лучше вы разскажите—какъ поживаете и какимъ чудомъ сюда попали?

— А сюда попалъ я, отвѣчалъ маіоръ: — по волѣ Божіей. Назначенъ я былъ опекуномъ къ одной дальней родственницѣ-сироткѣ; вотъ я и сталъ принимать сиротское имущество; вижу между прочимъ другимъ имѣньице въ вашемъ уѣздѣ, 200 слишкомъ десятинъ земли, усадьба, лѣсъ, покосы хорошіе, и все это, по доходу, значится въ минусъ 5 рублей ежегодно. Нѣтъ, думаю, шалишь, самому посмотрѣть надо; вотъ я и пріѣхалъ, а усадьба въ 6-ти верстахъ отъ насъ — *„Дядкино“* прозывается. Тутъ я и услыхалъ про васъ и про ваше наслѣдство: фамилію вашу, имя и отчество не разъ при мнѣ поминали. Дай, думаю, съѣзжу я, посмотрю—не мой ли это Василій Петровичъ, анъ онъ и есть.

И мы снова обнялись. Маіоръ провелъ у меня цѣлый день и даже ночевать остался по моей просьбѣ. Мы въ волю наговорились. Я узналъ, что онъ въ отставкѣ, на пенсіи, украшенъ Георгіемъ за храбрость и Владиміромъ съ бантомъ, что пріемный сынъ его здравъ и невредимъ и живетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москвѣ.

— И какое мнѣ Богъ въ немъ утѣшеніе послалъ— вы не повѣрите! говорилъ маіоръ;—одинъ я вѣдь былъ,

какъ перстъ, родные всѣ перемерли, жениться хотѣлъ, семьей обзавестись, да не выгорѣло.

— Что такъ?

— Да какъ вамъ сказать—карта не выпала.

И маіоръ разсказалъ, какъ онъ въ молодости былъ влюбленъ въ одну дѣвицу; красавицы такой, по его словамъ, не было другой на свѣтѣ; хороша была, умна и образована, ну словомъ всѣ совершенства въ себѣ соединяла; онъ же, Безсоновъ, ничего ровно въ себѣ не имѣлъ и самъ сознавалъ это.

— Чучеломъ съ молоду былъ, говорилъ онъ совершенно искренно.

— Куда мнѣ съ неумытымъ рыломъ къ такой красавицѣ свататься? Такъ нѣсколько лѣтъ и промаялся, все собирался посвататься, да не рѣшался, а она тѣмъ временемъ за другаго замужъ вышла.

— Напрасно, сказалъ я, — вы такъ нерѣшительно дѣйствовали: да за васъ бы всякая разумная дѣвица и теперь замужъ пошла, такой вы человѣкъ прекрасный.

— Ну, ужъ теперь! засмѣялся маіоръ:—а тогда похрабрѣе былъ бы, пожалуй бы и выгорѣло.

— Вы представьте себѣ, Василій Петровичъ, продолжалъ онъ съ примѣсью грусти: — встрѣтился я съ ней нѣсколько лѣтъ спустя, уже когда она замужемъ была,— узнать нельзя: похудѣла, выцвѣла, дѣтей цѣлая куча; мужъ негодникъ попался, мазурикомъ первой руки оказался. Жалко мнѣ ее стало, печальная такая, со мною ласковая. Я и брякнулъ ей: Марья Михайловна, говорю (ее Марьей Михайловной звали), а какъ я васъ любилъ! знаете ли вы?—Знаю, сказала она, вздохнувъ.

— И все собирался предложеніе вамъ сдѣлать. — Напрасно не сдѣлали, отвѣчала она: — я долго ждала и вышла бы за васъ, не задумавшись ни минуты.

— Какъ сказала она мнѣ это, меня даже за сердце захватило; три дня потомъ ходилъ какъ потерянный. Ну, да что дѣлать, вздохнулъ Николай Гавриловичъ: — назадъ не вернешь, близокъ локоть, да не укусишь. Такъ и остался бобылемъ на всю жизнь.

Вообще жизнь моего пріятеля была невеселая.

По его разсказамъ, онъ еще съ дѣтства много натерпѣлся. Отецъ его, небогатый помѣщикъ, жилъ въ деревнѣ и рано овдовѣлъ; матери своей Николай Гавриловичъ почти не помнилъ, а когда въ домѣ появилась мачиха, то она отравила молодую его жизнь, поѣдомъ ѣла ребенка и не только его, но и мужа и всѣхъ въ домѣ. Разсказы о злой мачихѣ очень обыкновенны въ нашей жизни, но въ устахъ Николая Гавриловича они получали особый колоритъ, какъ и все то, что онъ разсказывалъ.

— Ребенокъ, сударь мой, говорилъ онъ, — это такое растеніе, которое ухода требуетъ, забрось его, оно и одичаетъ. Ласка ребеночку нужна, все равно какъ тепло и солнышко травкѣ Божіей; а я вмѣсто ласки только затрещины получалъ отъ мачихи, какъ ни подойдешь къ ней — хлопъ въ ухо, либо за вихорь ухватитъ, да и отца била, чего грѣха таить. Разъ такъ въ него вцѣпилась, что я не вытерпѣлъ, заступился за него, какъ ни былъ малъ, и пошла у насъ тутъ потѣха: дрались мы всѣ трое, дрались до остервенѣнія, ужасъ какъ долго, такъ что прислуга даже вмѣшалась и розняла. Сраму что̀ было, синяковъ, вою, плачу, и не приведи Богъ.

Мачиха трое сутокъ въ постели пролежала, я горячкой захворалъ, чуть не померъ; а какъ выздоровѣли всѣ, опять давай драться. Я одичалъ совсѣмъ, повѣрите ли, Василій Петровичъ, въ лѣсъ убѣгалъ изъ дому, или въ деревню, тамъ у меня были пріятели, бабы и мужики, которые меня жалѣли. Одну бабу, въ особенности, по сію пору помню; теткой Аленой ее прозывали; какъ вздуютъ меня, бывало, дома, я сейчасъ къ ней съ воемъ и плачемъ; она меня утѣшитъ и приласкаетъ, вымоетъ лицо и голову, холодной водой синяки примочитъ.

— Желанный ты мой, бывало причитаетъ она надо мною, обнимаетъ меня и цѣлуетъ, а сама такъ и заливается слезами; добрая такая была, молочной сестрой моей покойной матери приходилась, и кабы не она, кажись не выжилъ бы. Отецъ мой тоже былъ добрый, продолжалъ свой разсказъ Николай Гавриловичъ, да только слабый, очень ужъ мачиха его заѣздила. Бывало какъ останемся мы съ нимъ вдвоемъ, онъ двери запретъ, высмотритъ все кругомъ — нѣтъ ли кого — и давай меня цѣловать.

— Бѣдный ты мой, Николаша! И оба мы въ слезы.

Наконецъ мы придумали съ отцомъ, что надо меня въ школу отдать въ ближайшій городъ, и мачиха на это согласилась. Но, повѣрите ли, и школа оказалась никуда не годной; содержалъ ее какой-то семинаристъ, не попавшій въ попы; и чтò онъ только съ нами, школьниками, не выдѣлывалъ, упаси Боже! Учить почти-что не училъ, а наказывалъ строго: линейкой по головѣ билъ и голодомъ морилъ. По цѣлымъ днямъ мы на дворѣ въ бабки играли, да прохожимъ на улицѣ скандалы устраи-

вали. Учился я въ этой школѣ до того плохо, что даже экзамена на юнкера не выдержалъ и отдали меня въ полкъ простымъ солдатомъ. Къ тому времени отецъ мой померъ, и мачиха осталась хозяйничать въ имѣніи; у ней былъ свой сынъ, сводный мой братъ, и ему-то она и хотѣла передать все наслѣдство, а меня устранить какъ-нибудь. Денегъ она мнѣ не высылала въ полкъ ни копѣйки, и я жилъ вмѣстѣ съ простыми солдатами, несмотря на то, что былъ дворяниномъ. Тутъ-то я и узналъ солдата, чтò онъ за человѣкъ такой, и всегда помнилъ и послѣ, когда въ офицеры попалъ. Тѣмъ временемъ къ намъ поступилъ въ полкъ одинъ поручикъ, изъ гвардіи за какой-то поступокъ переведенный. Этому поручику я и обязанъ всѣмъ въ жизни: онъ обратилъ на меня вниманіе, какъ на своего брата-дворянина и сталъ учить уму-разуму. И сколько онъ возился со мной—просто даже удивительно, бесѣдовалъ по цѣлымъ часамъ, книжки давалъ читать; я даже пристрастіе получилъ къ чтенію до того, что бывалъ за это штрафованъ по службѣ неоднократно. Онъ же, поручикъ этотъ, помогъ мнѣ и отъ мачихи отвязаться. Сынъ ея, мой сводный братъ, померъ, и я остался единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія. Мачиху мы живо скрутили, меня въ офицеры произвели, и съ тѣхъ поръ я все служилъ въ военной службѣ, дослужился до маіорскаго чина, былъ въ походѣ, какъ вы знаете, а теперь въ отставкѣ на полной пенсіи и живу себѣ припѣваючи, съ Богомъ даннымъ мнѣ сыномъ. Здѣсь онъ вернулся опять къ разсказамъ о своемъ Сашѣ и къ планамъ о его воспитаніи.

Я сталъ говорить о нашей жизни въ С.-Стефано, о

нашихъ прогулкахъ у береговъ синяго моря, но маіоръ все возвращался къ своему пріемышу. Оказалось, что онъ усыновилъ его, отдалъ въ кадетскій корпусъ въ Москвѣ, откуда мечталъ перевести въ какую-нибудь академію, чтобы онъ былъ ученымъ и карьеру военную могъ сдѣлать. Онъ самъ жилъ зимою въ Москвѣ, чтобы не разлучаться съ сыномъ, и только лѣтомъ, на каникулярное время, увозилъ его въ свою деревню.

Узнавъ печальную исторію жизни моего милаго маіора, я еще болѣе полюбилъ его и понялъ вполнѣ его горячую привязанность къ своему пріемышу. Доброе сердце его всегда жаждало любви, но, по странной случайности, любовь не давалась ему, какъ кладъ. Въ дѣтствѣ злая мачиха отравила ему жизнь, въ молодости неудачная привязанность къ дѣвушкѣ-красавицѣ, которой онъ не признавалъ себя достойнымъ и не рѣшился сдѣлать ей предложенія. Затѣмъ одинокая жизнь, безъ семьи, безъ родныхъ, безъ цѣли существованія, и вдругъ онъ нашелъ на дорогѣ, въ чужой землѣ, маленькое существо, полузамерзшее, беззащитное, всѣми покинутое. Онъ поднялъ его, пригрѣлъ и воскресилъ къ жизни; онъ тотчасъ же и полюбилъ его всѣми силами своей души.

Своего собственнаго, роднаго сына онъ не могъ бы полюбить такъ сильно: у родныхъ дѣтей бываютъ кромѣ отца, мать, братья, сестры, они не такъ беззащитны и безпомощны, какъ круглые сироты; ихъ любятъ, ласкаютъ и грѣютъ въ семьѣ. Пріемышъ же былъ одинъ на свѣтѣ, и его единственною связью съ жизнію оказался старый маіоръ; порвись эта связь, онъ погибъ бы вѣроятно; но связь эта не порвалась, она, напротивъ,

окрѣпла и выросла, обратилась въ горячую, самоотверженную любовь, которой давно жаждало сердце добраго старика. И онъ замѣнилъ сиротѣ все въ жизни: заботливую няньку, мать нѣжнѣйшую, отца, сестеръ и братьевъ.

„Дай Богъ“, подумалъ я, невольно, „чтобы такая любовь не была обманута!“.

III.

Завѣщанное покойной тетушкой имѣніе такъ мнѣ понравилось, что я рѣшился перевезти туда на лѣто свою семью и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Весь штатъ тетушки я оставилъ въ цѣлости, съ небольшими только сокращеніями, оставилъ въ неприкосновенности и всю обстановку въ домѣ, носившую на себѣ несомнѣнную печать старины; за нее какой-нибудь любитель далъ бы хорошія деньги, но я пожелалъ сохранить все, какъ было въ старомъ гнѣздѣ, на память о доброй старушкѣ, прожившей въ немъ столько лѣтъ.

Я только измѣнилъ нѣсколько конюшенный штатъ, въ которомъ тетушка мало понимала толку, да пригласилъ маіора Безсонова со своимъ сыномъ провести будущее лѣто съ нами въ деревнѣ, на что̀ онъ охотно согласился.

Я никогда не забуду первыхъ дней нашего пріѣзда въ деревню, въ маѣ слѣдующаго года. Все цвѣло и благоухало, воздухъ былъ такой, что, казалось, никакіе цѣлебные источники въ мірѣ не могли бы замѣнить его и

никакая болѣзнь въ человѣческомъ тѣлѣ не устояла бы противъ его живительнаго дѣйствія. Имѣніе находилось въ той полосѣ Россіи, гдѣ уже грѣетъ южное солнце, но гдѣ лѣса еще не вырублены, вòды не изсякли, и гдѣ природа является во всей своей свѣжей силѣ.

Погода стояла волшебная; жена моя и дѣти не могли нарадоваться на новое лѣтнее пребываніе послѣ наскучившихъ всѣмъ намъ петербургскихъ дачъ, и все казалось такъ хорошо вокругъ, все радовало насъ до послѣдняго куста въ саду, до малаго цвѣтка въ полѣ. Дѣти мои, какъ птички, выпущенныя изъ клѣтки, разлетѣлись по лѣсамъ и полямъ. Я и жена хозяйничали; всѣ были довольны; даже старый попугай, выставленный на балконѣ въ своей клѣткѣ, кричалъ неистово—должно быть отъ радости — и все повторялъ: „барыня, барыня!“.

Мѣсяцъ прошелъ, какъ одинъ день, а въ началѣ іюня пріѣхалъ маіоръ со своимъ сыномъ. Мы встрѣтили его какъ роднаго, и онъ живо освоился съ моею семьею, но сынокъ его долго дичился насъ и глядѣлъ какимъ-то волченкомъ.

Одѣтый въ кадетскую форму и обстриженный подъ гребенку, онъ, тѣмъ не менѣе, вовсе не походилъ на русскаго кадета: онъ былъ писанный красавецъ, и южный, своеобразный типъ ярко высказывался въ его лицѣ и всей фигурѣ; высокаго, не по годамъ, роста, со смуглой кожей, черными, какъ смоль, волосами и большими горящими глазами, онъ поражалъ своею наружностію, но, несмотря на то, въ лицѣ его было что-то жесткое и недоброе.

— Знаешь, сказала мнѣ жена на второй день послѣ пріѣзда нашихъ гостей:—твой маіоръ необыкновенно милъ, но сынка его я просто боюсь!

— Что ты! воскликнулъ я съ удивленіемъ:—развѣ можно бояться дѣтей?

— Да, сказала она: — но онъ смотритъ уже юношей и притомъ какимъ-то коршуномъ, или хищнымъ звѣремъ.

— Это по сравненіи съ нашими дѣтьми, засмѣялся я,—которыя все смотрятъ мокрокурыми.

— Тѣмъ страшнѣе для нихъ коршуны, замѣтила жена.

Понемногу однако коршунъ и куры познакомились и стали играть вмѣстѣ. Въ забавахъ этихъ Саша Безсоновъ былъ всегда зачинщикомъ и изобрѣтателемъ; онъ сочинялъ и устраивалъ разныя игры и отличался въ особенности въ гимнастическихъ упражненіяхъ: лазилъ, какъ кошка, на самыя высокія деревья, перепрыгивалъ широкіе рвы и канавы, плавалъ, какъ рыба, ѣздилъ верхомъ, какъ цыганъ. Я помню, какъ однажды мы вышли всѣ на дворъ полюбоваться на молодаго жеребца, котораго кучеръ вывелъ подъ уздцы изъ конюшни. Жеребецъ прыгалъ и рвался изъ рукъ, билъ задомъ, становился на дыбы и былъ до того рѣзвъ, что самъ кучеръ боялся сѣсть на него, но молодой Безсоновъ, у котораго глаза загорѣлись при видѣ лихаго коня, подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у кучера изъ рукъ узду, перекинулъ ее черезъ голову лошади и, вскочивъ на нее однимъ прыжкомъ, въ мигъ вылетѣлъ въ отворенныя ворота. Мы успѣли только ахнуть и выбѣжали на дорогу посмотрѣть — не

сбилъ ли его тутъ же бѣшеный конь, но увидѣли только пыль на поворотѣ, а конь и всадникъ уже исчезли изъ вида. Маіоръ, съ крикомъ, побѣжалъ за нимъ, кучеръ поскакалъ на другой лошади, но не прошло и четверти часа, какъ мы увидѣли Сашу, возвращающагося домой шагомъ, а вслѣдъ за нимъ кучера и запыхавшагося маіора. Лошадь была вся въ мылѣ, а всадникъ съ пылающимъ лицомъ и торжествующимъ взглядомъ красиво сидѣлъ на ней и трепалъ по шеѣ; подъѣхавъ къ намъ, онъ ловко соскочилъ и повелъ лошадь подъ уздцы; видно было, что конь и всадникъ познали другъ друга и насладились оба бѣшеной скачкой.

Съ тѣхъ поръ Саша сталъ часто кататься на жеребцѣ, и это сдѣлалось его любимой забавой.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда мы остались одни, жена высказала мнѣ свое предположеніе, что мальчикъ цыганъ, по происхожденію.

— Отчего ты думаешь? спросилъ я.

— Такъ, по всему видно. Да скажи, пожалуйста, Николай Гавриловичъ знаетъ ли самъ — какого рода и племени сынъ его.

— Нѣтъ, откуда же ему знать: онъ нашелъ его полумертвымъ на дорогѣ въ походѣ, призрѣлъ его и съ тѣхъ поръ о родителяхъ не было ни слуху, ни духу; они не откликнулись даже на неоднократныя объявленія о найденномъ ребенкѣ.

— Ну цыганъ навѣрное, объявила жена и съ тѣхъ поръ стала въ шутку называть Сашу Безсонова цыганомъ.

Николай Гавриловичъ былъ въ восторгѣ отъ своего

сынка; онъ любовался его красотой, восхищался удалью и не замѣчалъ только его недостатковъ, а въ числѣ ихъ былъ одинъ весьма крупный: мальчикъ былъ до крайности золъ и жестокъ. Однимъ изъ его любимыхъ занятій, напримѣръ, было смотрѣть какъ рѣжутъ куръ и цыплятъ на кухнѣ или телятъ на скотномъ дворѣ, и онъ самъ однажды выхватилъ ножъ у скотника и зарѣзалъ имъ собственноручно животное, любуясь, какъ оно корчилось въ предсмертныхъ судорогахъ. Кошекъ, собакъ и даже стараго попугая онъ постоянно дразнилъ, и разъ, когда попугай больно укусилъ его за палецъ, онъ выхватилъ его изъ клѣтки и навѣрное свернулъ бы ему шею, еслибы ключница Степанида, прибѣжавшая на крикъ несчастной птицы, не вырвала ее изъ рукъ *злодѣя*, какъ она называла потомъ нашего юнаго гостя.

Одну изъ собачекъ покойной тетушки (другая, старая, околѣла за зиму) онъ бросилъ, въ видѣ забавы, въ прудъ со всего размаха, и бѣдное животное, не привыкшее къ подобнымъ эволюціямъ, вѣроятно утонуло бы, если бы его не спасли случившіеся у пруда дворовые люди. Когда я сдѣлалъ ему за это замѣчаніе, то онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, ничего не отвѣтивъ мнѣ, но взглядъ, который онъ бросилъ на меня въ эту минуту, ясно говорилъ, что онъ самого меня утопилъ бы въ прудѣ, если бы былъ въ силахъ.

Любилъ ли онъ своего отца и благодѣтеля? Вотъ вопросъ, который я неоднократно задавалъ себѣ, но не могъ на него отвѣтить. Мнѣ казалось, что любилъ и не могъ не любить, но иногда сомнѣнія закрадывались невольно въ мою душу, и въ глазахъ этого мальчика, когда онъ

глядѣлъ на своего отца, я ловилъ какое-то враждебное къ нему чувство.

У меня была знакомая молодая дѣвушка, очень умная и хорошо воспитанная, которая увѣряла, что благодарность есть самое мучительное чувство въ сердцѣ человѣческомъ, и что она не въ силахъ заставить себя любить своихъ благодѣтелей. Круглая сирота, она была принята въ одно богатое семейство какъ дочь; ее любили наравнѣ съ родными дѣтьми и не дѣлали ни въ обращеніи съ нею, ни въ воспитаніи ни малѣйшей между ними разницы.

Наблюдая за пріемнымъ сыномъ маіора Безсонова, мнѣ приходило иногда въ голову—нѣтъ ли и у него въ сердцѣ подобной же аномаліи, еще не ясно имъ сознаваемой, но грозившей великимъ горемъ въ будущемъ. Мракъ, покрывавшій его происхожденіе, исторія его жизни и отношенія къ пріемному отцу были ему хорошо извѣстны, но онъ никогда не говорилъ о нихъ ни съ кѣмъ, даже съ дѣтьми моими, съ которыми подружился.

Одно случайное происшествіе подтвердило мои предположенія: въ домѣ у насъ проживали двѣ сестры, старыя дѣвицы и дальнія родственницы покойной тетушки, которыхъ она призрѣвала много лѣтъ по ихъ бѣдности и убожеству и которыхъ завѣщала мнѣ, письмомъ, съ прочими древностями наслѣдства. Я счелъ священнымъ долгомъ оставить этихъ дѣвицъ на прежнемъ положеніи, а по прибытіи нашемъ на лѣто въ деревню, ввелъ ихъ въ свою семью и старался окружить всевозможнымъ вниманіемъ; онѣ обѣдали и завтракали вмѣстѣ съ нами, вече-

ромъ пили чай за общимъ столомъ и только утромъ имъ подавали кофе въ ихъ апартаменты. Сестрицъ этихъ звали одну, Глафирой Дмитріевной, другую,—Анной Дмитріевной; онѣ были довольно безобидны, хотя не безъ претензій, и въ особенности чувствительны ко всякому сравненію ихъ теперешняго положенія съ тѣмъ, которое онѣ занимали при тетушкѣ; онѣ называли ее благодѣтельницей и святою и безпрестанно поминали ее, какъ попугай свою старую барыню. Жена моя, умѣвшая уживаться со всѣми, ладила и съ сими сестрицами; но дѣти и прислуга ихъ не любили, а старая ключница Степанида разсказывала, будто онѣ поѣдомъ ѣли покойную тетушку, а она терпѣла ихъ по своей добротѣ и по ихъ убожеству.

Какъ бы то ни было, но старыя дѣвицы эти составляли чуждый элементъ въ нашей семьѣ и нужно было быть постоянно насторожѣ, чтобы ихъ не обидѣть.

Разъ какъ-то, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ день именинъ одной изъ сестеръ, Анны, у насъ давали обѣдъ, на который былъ приглашенъ мѣстный священникъ со своею попадьею и еще одна мелкопомѣстная дворянка, пріятельница именинницы. Сестры явились къ столу разодѣтыя въ совершенно одинаковыя свѣтлыя платья, украшенныя одинаковыми бантами, и даже съ букетиками на груди и въ волосахъ.

Обѣдъ шелъ чинно, и все обстояло благополучно; маіоръ былъ милъ до-нельзя и отпускалъ комплименты сестрицамъ, что онѣ очень любили и за что сладко ему улыбались. Священникъ велъ душеспасительные разговоры со своимъ сосѣдомъ, нашимъ управляющимъ, какъ вдругъ

случилось неожиданное происшествіе, всѣхъ поразившее: послѣ жаркаго я велѣлъ подать крымскаго шампанскаго, котораго былъ у насъ запасъ на погребѣ. Когда бокалы были налиты, я всталъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье именинницы, и всѣ встали вмѣстѣ со мною, но когда пришлось садиться, то находившемуся возлѣ Глафиры Дмитріевны Сашѣ Безсонову пришла глупая мысль— отодвинуть ногой стулъ своей сосѣдки, вслѣдствіе чего несчастная дѣвица эта, садясь, плюхнулась самымъ скандальнымъ образомъ на полъ, свернувъ при этомъ свой парикъ на сторону.

Переполохъ произошелъ невообразимый: Глафира громко взвыла, Анна тоже, и всѣ повскакали со своихъ мѣстъ—поднимать упавшую. Не знаю—всѣ ли замѣтили, отчего произошло паденіе, но я видѣлъ ясно, какъ сосѣдъ Графиры отодвинулъ ея стулъ; это же видѣлъ и маіоръ, прочитавшій глубокое негодованіе въ моихъ глазахъ; онъ вспыхнулъ, въ одно мгновеніе обѣжалъ кругомъ стола, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ влѣпилъ увѣсистую оплеуху своему Сашѣ. Мальчикъ взвизгнулъ, какъ раненый звѣрь, помертвѣлъ и бросился на отца съ ножемъ въ рукахъ, который онъ выхватилъ откуда-то изъ-за пазухи; общій крикъ ужаса раздался въ комнатѣ, но храбрый маіоръ ринулся впередъ.

— Ты на меня! воскликнулъ онъ, внѣ себя отъ гнѣва и негодованія:—на, рѣжь! И онъ подставилъ ему свою грудь, но я уже успѣлъ выхватить ножъ изъ рукъ негоднаго мальчишки и крѣпко скрутилъ ему руки.

Съ минуту отецъ и сынъ глядѣли другъ на друга. Въ глазахъ отца я прочелъ глубокую тоску, смѣнившую

горячую вспышку гнѣва, въ глазахъ сына—ненависть и жажду мести; онъ тяжело дышалъ и бился въ моихъ рукахъ, но я выпустилъ его, видя, что маiоръ падаетъ на полъ, и мальчикъ въ два прыжка выскочилъ изъ комнаты. Я поспѣшилъ на помощь старику и увидѣлъ, что онъ лежитъ въ обморокѣ, вѣроятно первомъ въ своей жизни.

Николая Гавриловича отнесли въ постель, и я до утра просидѣлъ у его изголовья.

Сцены этой я никогда не забуду, и она произвела тяжелое впечатлѣнiе на всѣхъ присутствующихъ.

Обморокъ Николая Гавриловича былъ очень глубокiй. Когда онъ пришелъ въ себя, среди ночи и увидѣлъ меня у своей постели, то протянулъ мнѣ руку, но, казалось, не вдругъ могъ припомнить случившееся, а когда припомнилъ, то глухо застоналъ и сказалъ мнѣ: „простите!“.

Я сталъ утѣшать его и старался выставить все дѣтскою шалостью, которая останется безъ послѣдствiй; но я самъ понималъ, что шалостью можно было назвать паденiе Глафиры и несчастiе съ ея парикомъ, но никакъ не ножъ, поднятый Сашей на своего отца.

— Лучше бы онъ убилъ меня! говорилъ маiоръ:— чѣмъ пережить такое горе.

— Какое горе? спросилъ я.

— Помилуйте, если онъ теперь, бывши ребенкомъ, поднялъ на меня руку, что-жъ будетъ послѣ, когда онъ выростетъ?

— А выростетъ—поумнѣетъ, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, это не то, не то! Но что именно—боль-

ной не досказалъ, заснувъ въ неизнеможеніи. Я оставилъ его спать до утра.

Когда маіоръ проснулся, первою его заботою было узнать, гдѣ Саша, и первымъ желаніемъ повидаться съ нимъ. Но оказалось, что Саша съ обѣда не возвращался.

Тогда Николай Гавриловичъ, страшно встревоженный, просилъ меня разослать людей на поиски, и самъ уѣхалъ за тѣмъ же. Но въ отсутствіе его Саша вернулся; онъ былъ весь мокрый, въ грязи и съ изодраннымъ платьемъ; видно было, что онъ не ночевалъ подъ кровлей. Пройдя прямо въ свою комнату, онъ бросился на постель, какъ былъ нераздѣтый, и тотчасъ же крѣпко заснулъ.

Успокоенный насчетъ физической цѣлости своего любимца, маіоръ сталъ придумывать, какъ бы возстановить его и нравственно въ нашихъ глазахъ. Онъ скоро пришелъ къ странному заключенію, что не Саша, *еще ребенокъ*, а онъ, старикъ, *взрослый человѣкъ*, виноватъ во всемъ.

— Я ударилъ его въ лицо при всѣхъ, говорилъ онъ:—а такую обиду не легко снести! Да, дѣтей оскорблять нельзя, а бить, Боже избави! И какъ я могъ такъ забыться?

При такомъ настроеніи отецъ и сынъ скоро помирились, и все пошло попрежнему. Только Глафира Дмитріевна не могла простить Сашѣ пережитаго ею стыда, да попугай, которому онъ чуть не свернулъ шеи, сохранилъ на него затаенную злобу и громко кричалъ, когда врагъ подходилъ къ его клѣткѣ.

IV.

Саша Безсоновъ учился очень плохо и не ужился съ военной дисциплиной. Онъ не выдержалъ экзамена при переходѣ въ старшіе классы и, какъ замѣченный сверхъ того въ дурномъ поведеніи, былъ исключенъ изъ корпуса.

Мечты маіора о будущемъ разсыпались въ прахъ. Онъ пробовалъ опредѣлить сына въ гимназію, но и это не удалось. Наконецъ, съ моею помощью, молодой Безсоновъ былъ принятъ на службу въ одно желѣзно-дорожное правленіе и переѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ на жительство въ Петербургъ.

Дружба моя съ маіоромъ продолжалась по прежнему. Сначала сынъ его посѣщалъ насъ часто, такъ какъ у насъ собиралась молодежь и въ домѣ было весело, но мало-по-малу его посѣщенія стали рѣдки, и мы иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не видали его.

— Гдѣ это пропадаетъ вашъ Саша? спросилъ я однажды у маіора; но мой вопросъ замѣтно его смутилъ.

— Не знаю. Я и самъ по цѣлымъ днямъ не вижу его, отвѣчалъ онъ съ горечью.

— Ну, не печальтесь—онъ взрослый и няньки ему не нужны.

— Такъ-то такъ, Василій Петровичъ, да только общество, въ которомъ онъ вращается, мнѣ не нравится!

— Какое общество?

— А ужъ не знаю право, какъ и назвать... Всего понемножку, но, кажется, болѣе по картежной части.

— А вы ему не давайте денегъ, такъ поневолѣ отстанетъ.

— Это не такъ легко, какъ кажется, отвѣчалъ маіоръ: — не будешь давать — долговъ надѣлаетъ. Я и такъ платилъ за него два раза по векселямъ.

— Напрасно! Сразу бы осадили да и конецъ.

— Легко сказать — не заплатить по векселю! Сраму сколько, да пожалуй еще объявятъ несостоятельнымъ.

— Едва ли. А такъ оставить хуже всего: попадетъ въ лапы ростовщиковъ: его высосутъ, да и васъ раззорятъ.

— Какъ быть-то? сказалъ маіоръ, въ глубокомъ смущеніи.

— Усовѣстите его, уговорите.

— Пробовалъ, батюшка: обѣщаетъ исправиться, а тамъ, глядишь, опять векселекъ какой-нибудь вынырнулъ.

— А вы не платите. Серьезно вамъ говорю — безъ гроша останетесь.

— Знаете что, Василій Петровичъ, поговорите вы съ нимъ, онъ васъ скорѣе послушаетъ.

Я обѣщалъ и какъ-то, заставъ молодаго Безсонова у отца, когда маіора не было дома, началъ читать ему наставленія. Я говорилъ, что говорятъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, но отвѣтъ его удивилъ меня.

— Василій Петровичъ, сказалъ онъ, хмурясь: — я мало видалъ, какъ люди живутъ, но то, что видалъ, это такая гниль, что чѣмъ скорѣе придетъ ей конецъ, тѣмъ лучше... Вотъ вы говорите: не оправдалъ отцовскихъ надеждъ, а желалъ бы я знать, на что онъ надѣялся?.. Военная служба для человѣка, какъ я, безъ

связей и состоянія, это каторга. Знавалъ я армяшекъ... Стоятъ круглый годъ въ какомъ нибудь подломъ, жидовскомъ мѣстечкѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ непролазной грязи; выйти некуда, дѣлать съ собою нечего, ну и пьянствуютъ или дуются въ карты. Но и здѣсь, въ Петербургѣ, для бѣднаго человѣка немногимъ лучше. Возьмемъ, напримѣръ, хоть у насъ въ правленіи. Нарочно выдумывай, ничего скучнѣе не выдумаешь. Это тюрьма съ никому ненужной, но обязательной работой,—тюрьма, изъ которой тебя выпускаютъ въ сумерки. Иди куда знаешь и дѣлай съ собой до слѣдующаго утра, что хочешь; но дѣлать съ собою нечего, потому что жалованье грошовое. Если отецъ надѣялся, что я примирюсь съ такою жизнію, то жестоко ошибся; онъ оказалъ мнѣ плохую услугу, поднявъ меня на большой дорогѣ полузамерзшимъ. Вы говорите неблагодаренъ... А спрашивается: за что мнѣ его благодарить? Оставь онъ меня тогда, онъ бы теперь со мною не мучился; да и мнѣ бы одинъ конецъ. Ну, а поднялъ, такъ на меня не жалуйся, самъ виноватъ!

— Саша! воскликнулъ я съ ужасомъ. — Побойтесь Бога! Откуда у васъ въ ваши года такія чувства и убѣжденія?.. Вы говорите, гниль? Да вѣдь гниль-то не около васъ, а въ васъ, въ вашемъ собственномъ сердцѣ!

— Василій Петровичъ, я не одинъ такъ думаю. Вамъ хорошо говорить, потому что вы пожилой человѣкъ и обезпечены, а спросите любаго изъ нашего брата, что бьется, какъ рыба объ ледъ, въ этой поганой ямѣ, которая называется Петербургомъ. Всякій вамъ скажетъ то же.

— Господи! и это говоритъ молодой человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Саша, голубчикъ! да неужели это искренно?

— Съ чего мнѣ вамъ лгать?

— Неужели въ вашей жизни нѣтъ ничего, что бы васъ радовало и увлекало?

— Да я же вамъ говорю, что это не жизнь, а мученье!

— Такъ гдѣ же по вашему жизнь?.. Вѣдь есть же гдѣ нибудь люди довольные, даже счастливые?

Онъ задумался.—Да, гдѣ нибудь... Я не знаю гдѣ, только навѣрно не здѣсь... Здѣсь воздуху нѣтъ, простора! Прикованъ къ мѣсту и руки у тебя связаны!.. Василій Петровичъ, продолжалъ онъ, одушевляясь:—я задыхаюсь въ вашихъ домахъ и улицахъ! Меня тянетъ отсюда прочь, далеко!.. На вольную волю!.. Въ степь? — „Цыганъ!“ вспомнилъ я слова жены въ первые дни ея знакомства съ Сашей. Его въ таборъ тянетъ... Но я еще не терялъ надежды.

— Оставимъ это, перебилъ я его. — Скажите мнѣ просто: неужели возлѣ васъ нѣтъ ничего, что грѣло бы ваше сердце порой и хоть отчасти мирило васъ съ вашей долей? Ну, напримѣръ, хотя бы трогательная, самоотверженная любовь къ вамъ вашего нареченнаго отца?

Онъ вспыхнулъ при этомъ вопросѣ и мнѣ показалось, что я наконецъ задѣлъ его за живое.

— Да, отвѣчалъ онъ: — отецъ несомнѣнно любитъ меня, но...

Молодой человѣкъ замялся и опустилъ глаза.

— Что же „но“?

— Совѣстно вамъ признаться, но я не желаю вамъ

лгать. Еслибы вы знали, какъ эта нѣжная, самоотверженная любовь его для меня тяжела!.. Еслибы вы знали, какъ онъ меня мучитъ своими ласками и своими заботами обо мнѣ! Бѣжалъ бы, кажется, безъ оглядки, за тысячу верстъ, бѣжалъ бы, чтобы отъ нихъ избавиться!.. Да и что толку отъ этихъ его попеченій? Ни мнѣ, ни ему они не даютъ ни минуты счастья... Думаешь, вотъ, всю жизнь жили вмѣстѣ, а до сихъ поръ не понимаемъ другъ друга.

— Послушайте, Саша, сказалъ я, теряя терпѣніе,— вашихъ вкусовъ и взглядовъ на жизнь я не буду оспаривать, но я вынужденъ вамъ сказать, что они ни на волосъ не оправдываютъ вашего поведенія. Вы раззоряете отца, по своей слабости готоваго вамъ отдать послѣднюю рубашку... Развѣ это чѐстно?

Онъ взялъ меня за руки и началъ мнѣ клясться, что никогда не подпишетъ болѣе векселя. Но едва ли этотъ порывъ шелъ отъ сердца. Во всей манерѣ его замѣтно было какое-то принужденіе, словно онъ бросилъ мнѣ эту уступку нехотя, чтобы скорѣе отъ меня отдѣлаться. Во всякомъ случаѣ я уже больше не вѣрилъ ему. Мнѣ казалось, что я, наконецъ, понимаю его необузданную, но холодную и сухую натуру. Дичокъ! думалъ я, дичокъ, которому съ молоду не успѣли привить ничего культурнаго; а теперь уже поздно. Но съ нимъ предстоитъ еще много хлопотъ и отцу его много горя... Что дѣлать, чтобы ему помочь, я не зналъ. Единственное, что могло бы еще подѣйствовать, думалъ я, это не разговоры и увѣщанія, а крутыя мѣры... Къ несчастію, бѣдный мой Николай Гавриловичъ окончательно не способенъ на нихъ.

Я получилъ около этого времени командировку по службѣ, заставившую меня уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга. По возвращеніи я узналъ, что маіоръ мой приходилъ нѣсколько разъ къ намъ освѣдомиться—не пріѣхалъ ли я—и имѣлъ видъ весьма плачевный. На другой день онъ явился и самъ.

Трудно было узнать его, такъ онъ перемѣнился за нѣсколько мѣсяцевъ: похудѣлъ, осунулся, и даже маленькій носъ его вытянулся и пересталъ быть краснымъ.

— Николай Гаврилычъ! воскликнулъ я, уводя его въ свой кабинетъ и усаживая въ покойное кресло:—вы больны! что съ вами?

— Боленъ, другъ мой, нравственно, проговорилъ онъ мрачно.

— Вѣрно опять какія нибудь шалости вашего Саши?

— Раззорили насъ, въ конецъ раззорили! былъ его отвѣтъ.

— Какъ такъ?

— Подали ко взысканію всѣ векселя, ихъ было много; я и не зналъ.

— То есть векселей вашего Саши?

— Ну, конечно, я самъ отъ роду векселя не подписывалъ и не знаю даже какъ писать его.

— И вы заплатили?

— Заплатилъ.

— Что вы надѣлали! возможно ли это, вѣдь вы погубили себя!

— Въ конецъ погубилъ: все ушло, имѣніе заложилъ и того не хватило.

— Чѣмъ же вы будете жить?

— И самъ не знаю; изъ пенсіи моей даже вычеты дѣлаютъ, а велика ли пенсія, вы посудите.

— Боже мой, вѣдь я предупреждалъ васъ.

— Чтожъ дѣлать, Василій Петровичъ, не могъ же я не помочь ему и позволить этимъ разбойникамъ загубить своего сына, и безъ того дѣла его плохи.

— Да самъ-то онъ, самъ что? воскликнулъ я, въ негодованіи. — Неужели вы не говорили съ нимъ, не объяснили ему всей гнусности и всей нелѣпости его поступковъ?

— Говорилъ.

— Чтожъ онъ?

— Я, говоритъ, думалъ нажиться: лошадьми торговалъ, да прогорѣлъ.

— Вздоръ, не вѣрьте, на лошадяхъ не прогоритъ тотъ, кто въ нихъ понимаетъ толкъ, какъ вашъ сынъ; просто моталъ и игралъ въ карты.

— Да, и въ карты игралъ, отвѣчалъ печально маіоръ: — думалъ отыграться.

— Какъ странно дѣйствуютъ иные люди, сказалъ я съ досадой:—они оказываются злѣйшими врагами тѣхъ, кого любятъ больше всего на свѣтѣ. Вотъ вы, напримѣръ, вы злѣйшій врагъ своего Саши.

Маіоръ посмотрѣлъ на меня удивленно.

— Да, продолжалъ я: — вы своей непростительной слабостію испортили и развратили его; еслибы вы не платили его долговъ, у него не было бы кредита, и долговъ бы не было.

— Чтожъ дѣлать, сказалъ Николай Гавриловичъ:— можетъ быть я и ошибся, но теперь не вернешь назадъ.

— И еслибы за все это онъ сказалъ вамъ сердечное спасибо, а то... Я хотѣлъ разсказать отцу, какъ смотритъ на жизнь и на свои отношенія къ нему его сынъ, но не рѣшился огорчить человѣка и безъ того убитаго горемъ.

Я предложилъ ему посильную денежную помощь, но онъ отказался. Старикъ былъ гордъ и слабъ только въ своей безмѣрной любви къ сыну.

Съ этого дня я долго не видѣлся съ маіоромъ: какой-то ложный стыдъ мѣшалъ ему показываться мнѣ на глаза. Стороной я слышалъ, что молодой Безсоновъ вышелъ изъ правленія и пересталъ бывать въ обществѣ, даже въ томъ тѣсномъ кружкѣ, гдѣ онъ игралъ когда-то роль, благодаря своей красотѣ и ловкости; мнѣ говорили, что о немъ жалѣли многіе, въ особенности женщины.

Я все еще любилъ своего стараго пріятеля и поѣхалъ навѣстить его, но на прежней квартирѣ мнѣ сказали, что онъ выбылъ куда-то, никто не зналъ куда. Такъ я и не видалъ его.

Зима подходила къ концу, и я не имѣлъ никакихъ извѣстій о Безсоновыхъ, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Николая Гавриловича, въ которомъ онъ умолялъ меня навѣстить его; адрессъ былъ данъ на Выборгскую сторону. Я насилу розыскалъ его.

Домъ былъ деревянный, старый: грязная лѣстница вела со двора во второй этажъ. Я постучался въ указанную мнѣ дверь: отвѣта не было, и я вошелъ. Зрѣлище, которое мнѣ представилось, поразило меня: комната была холодная, сырая и почти безъ мебели — старый комодъ, два стула и поломанный столъ составляли всю ея обстановку; двѣ кровати стояли вдоль стѣны, изъ нихъ

одна была пустая, на другой лежалъ мой бѣдный маіоръ, еще болѣе блѣдный и исхудалый; въ старомъ халатѣ и туфляхъ. Онъ дремалъ, повидимому, и не вдругъ проснулся, когда я вошелъ. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ и вскрикнулъ отъ радости; сердце мое болѣзненно сжалось, когда я взялъ его за исхудалую руку.

— Николай Гаврилычъ! родной мой, да гдѣ же вы пропадали все это время? и не грѣхъ вамъ было совсѣмъ забыть насъ!

— Стыдно было на глаза показаться, Василій Петровичъ, проговорилъ онъ:—обносился совсѣмъ, обнищалъ, видите, какъ живу.

— А сынъ?

— Сынъ!.. И онъ тяжело вздохнулъ.

— Гдѣ же онъ, говорите, неужели васъ бросилъ?

— О, нѣтъ! отвѣтилъ онъ, какъ бы съ гордостью.

— Такъ отчего же вы одни? Вы больны, вамъ нуженъ докторъ, лекарства. И дѣйствительно глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ, горячая рука дрожала въ моихъ рукахъ.

— Сашу моего, проговорилъ онъ съ трудомъ: — арестовали, и онъ сидитъ теперь въ тюрьмѣ.

— За что?

— Ужъ не могу вамъ сказать. Купчиха была тутъ какая-то, вдова, богачка, какъ говорили, онъ съ нею и сошелся.

— Ну, что же? спросилъ я, видя, что онъ запнулся.

— Ну, она и объявила, будто онъ обворовалъ ее. Онъ всхлипнулъ и утеръ глаза.

Я былъ пораженъ и тотчасъ же рѣшилъ увезти его

изъ этой ужасной обстановки, взять къ себѣ, окружить заботами и лаской.

— Прочь отсюда! воскликнулъ я, вставая: — сейчасъ ѣдемъ ко мнѣ, въ мою семью, тамъ васъ утѣшатъ и вылечатъ.

— Нельзя, сказалъ онъ кротко: — нельзя, Василій Петровичъ.

— Отчего нельзя?

— Надо прежде Сашѣ помочь.

— А ну его къ чорту, вашего Сашу! чуть не сорвалось у меня съ языка, но я не рѣшился оскорбить его и спросилъ только: — чѣмъ же возможно помочь Сашѣ?

— Онъ въ тюрьмѣ, отвѣчалъ старикъ жалобно: — вотъ уже недѣлю, какъ его арестовали.

— Чтожъ дѣлать? придется высидѣть до суда, и если онъ не виновенъ...

— Не виновенъ, Василій Петровичъ, не виновенъ, перебилъ онъ меня: — все выдумала на него эта глупая баба изъ злобы и ревности.

Но мнѣ казалось, что онъ самъ не былъ убѣжденъ въ истинѣ своихъ завѣреній, и что догадка о справедливости обвиненія и была злобой дня его наболѣвшаго сердца.

— На поруки бы взять его, сказалъ онъ какъ-то робко; — измается въ тюрьмѣ!

Я молчалъ.

— Да залогъ нуженъ, продолжалъ онъ жалобно: — а у меня нѣтъ: все продали дочиста, имѣніе съ молотка пошло, вотъ я и хотѣлъ... Онъ остановился и отеръ потъ, выступившій на лбу. — Василій Петровичъ! и онъ опять

остановился, тяжело дыша и съ трудомъ выговаривая слова: — вы когда-то предлагали мнѣ помощь, но я отказался, помогите теперь, спасите его! И онъ съ плачемъ повалился мнѣ въ ноги.

Черезъ нѣсколько дней, по соблюденіи необходимыхъ формальностей, я пріѣхалъ съ Николаемъ Гавриловичемъ въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ содержался молодой Безсоновъ, для освобожденія его на поруки. Маіоръ былъ сіяющій и, увидѣвъ сына, бросился обнимать его. Сынъ тоже, казалось, обрадовался свиданію съ нимъ, но со мною обошелся холодно. Маіоръ поспѣшилъ объявить ему, что это я, по добротѣ своей, беру его на поруки, чтобы онъ благодарилъ меня и скорѣе собирался съ нами.

— Напрасно вы это сдѣлали, сказалъ молодой Безсоновъ, адресуясь ко мнѣ: — въ моемъ положеніи лучше сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ быть на свободѣ; а, впрочемъ, благодарю васъ, и онъ какъ-то злобно усмѣхнулся, протянувъ мнѣ руку.

Въ каретѣ Николай Гавриловичъ поспѣшилъ объявить сыну, что они ѣдутъ на новую квартиру, которую онъ нанялъ, благодаря моей же помощи, что въ квартирѣ тепло и хорошо, не такъ какъ въ той, въ которой они жили на Выборгской; что къ пріѣзду ихъ заказанъ обѣдъ, и онъ, бѣдный Саша, поѣстъ досыта и отдохнетъ въ хорошей постели. Но разсказы эти и нѣжныя заботы о немъ, казалось, мало тронули жестокосердаго Сашу; онъ все время переѣзда изъ тюрьмы на новоселье сидѣлъ волкомъ въ своемъ углу и упорно молчалъ. По пріѣздѣ я оставилъ ихъ вдвоемъ, пожелавъ обоимъ отдохнуть

хорошенько отъ всѣхъ треволненій послѣдняго времени.

Я мало разсчитывалъ на успѣхъ сдѣланнаго мною дѣла и взялъ обвиняемаго на поруки только для того, чтобы успокоить и утѣшить его отца. Что касается сына, то пѣсенка его казалась спѣтою. Кража была совершена со взломомъ и улики на лицо: воръ пойманъ съ поличнымъ и при немъ найдены деньги и цѣнныя вещи, которыя онъ не успѣлъ спустить. Участниковъ не было, все это онъ смастерилъ одинъ, пользуясь довѣріемъ любившей его женщины. Тѣмъ не менѣе онъ упорно не сознавался въ преступленіи и утверждалъ, что все обвиненіе подстроено нарочно, изъ личной къ нему злобы. Вѣрилъ ли ему отецъ его — я не знаю, но онъ несомнѣнно надѣялся на лучшій оборотъ дѣла на судѣ или по крайней мѣрѣ на спасеніе чести сына. Онъ сталъ попрежнему часто бывать у насъ, но имѣлъ деликатность не приводить съ собою Сашу. По правдѣ сказать, мнѣ и его посѣщенія стали тяжелы—не потому, чтобы я разлюбилъ его или осуждалъ за его слѣпую любовь къ сыну, а потому, что онъ все благодарилъ меня и постоянно допрашивалъ о томъ, что я думаю о дѣлѣ сына. А чтожъ я могъ сказать ему, кромѣ того, что сынъ его негодяй и недостоинъ его любви.

Дѣло близилось къ развязкѣ, и назначенъ былъ день судебнаго засѣданія, какъ вдругъ я получилъ увѣдомленіе изъ полиціи о томъ, что обвиняемый внезапно скрылся, и вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе, какъ поручитель, немедленно представить его къ суду. Одновременно съ симъ явился ко мнѣ и злосчастный маіоръ.

Ужасъ и отчаяніе были написаны на его лицѣ. Онъ молчалъ и боялся взглянуть на меня.

— Надо искать его, можетъ быть онъ вернется, сказалъ я въ видѣ утѣшенія, но онъ подалъ мнѣ письмо, найденное имъ на своемъ столѣ. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ, написанныхъ крупнымъ, твердымъ почеркомъ, вотъ оно:

„Не ищите меня—я не вернусь. Звѣрь, выпущенный изъ клѣтки, назадъ не прибѣжитъ. Если меня поймаютъ, я не дамся живымъ, а мертваго судите, пожалуй, если вамъ это занятно“.

Въ короткихъ словахъ этихъ было высказано многое: сознаніе въ своей винѣ, презрѣніе къ смерти, насмѣшка надъ обществомъ и его законами; не было только одного: теплаго слова къ отцу и благодарности за его горячую, самоотверженную любовь.

Вотъ это-то и убило окончательно бѣднаго маіора. Онъ все готовъ былъ забыть: позорное преступленіе, подлый поступокъ сына со мною, его поручителемъ, но одного не могъ онъ простить: черной неблагодарности и черстваго, закоснѣлаго сердца, никогда никого не любившаго, кромѣ себя.

— Вотъ я опять одинъ! проговорилъ онъ мрачно: — и опять мнѣ *не кого* любить!

— А меня-то, Николай Гаврилычъ, развѣ вы не любите? сказалъ я, протягивая ему обѣ руки: — не любите болѣе вашего стараго друга и товарища!

Онъ бросился ко мнѣ, схватилъ мои руки и сталъ ихъ цѣловать.

Занавѣсъ опускается надъ разсказомъ о старомъ

маіорѣ. Жизнь, наконецъ, сломила его, и здоровье его рухнуло. Онъ дожилъ свой вѣкъ у меня въ деревнѣ, но въ какомъ жалкомъ положеніи! разбитый параличомъ и едва волочившій ноги. За нимъ ковыляла, хромая на всѣ лапы, старая собачка покойной тетушки, та самая, которую его Саша когда-то чуть не утопилъ въ прудѣ. Животное это совсѣмъ одряхлѣло, также было разбито параличомъ и, по симпатіи должно быть, привязалось къ больному старику; онъ также полюбилъ ее остатками своего разбитаго сердца, и они стали неразлучны. Трогательно было видѣть, какъ они вмѣстѣ гуляли по саду: маіоръ на костыляхъ, въ военной фуражкѣ и длиннополомъ военномъ сюртукѣ безъ погоновъ, собака сзади, хромая и подвизгивая. Добравшись до какой нибудь скамейки, они оба садились, запыхавшись, — маіоръ на скамейку, собака на дорожку; но онъ неизмѣнно подымалъ ее лѣвой рукой (правая совсѣмъ не дѣйствовала), сажалъ къ себѣ на колѣни и гладилъ, а иногда и цѣловалъ въ посѣдѣвшую морду, когда думалъ, что никто ихъ не видитъ. Спали они тоже вмѣстѣ въ одной комнатѣ, маіоръ на постели, собачка на полу, у ногъ его, на особой подушкѣ, отданной въ ея пользованіе. Маіоръ самъ кормилъ ее и пряталъ для нея лучшіе куски за обѣдомъ; вообще онъ полюбилъ это животное тою же безкорыстною любовью, которою стремился всю жизнь свою, но, увы! такъ неудачно, любить своихъ ближнихъ.

Всѣ поиски за Александромъ Безсоновымъ оказались тщетными. Онъ пропалъ безъ вѣсти. Сложилъ ли онъ свою буйную голову гдѣ нибудь въ лѣсу или въ полѣ или, перебравшись на родину, началъ тамъ новую жизнь,

мнѣ неизвѣстно. Залогъ мой, внесенный при взятіи его на поруки, конечно, пропалъ, но я никогда не говорилъ объ этомъ съ его отцомъ. Не вспоминалъ никогда уже болѣе, въ разговорахъ со мной, о своемъ блудномъ сынѣ и самъ Безсоновъ.

СЕМЕЙСТВО БРЫЗГАЛОВЫХ.

Повѣсть.

I.

Въ департаментѣ, гдѣ служилъ Иванъ Ивановичъ Брызгаловъ, ходили зловѣщіе слухи. Толковали о важныхъ перемѣнахъ въ будущемъ и... о „сокращеніи штатовъ“.

Комиссія, занимавшаяся этимъ дѣломъ, давно окончила свои труды и представила ихъ по начальству, но они оставались въ тайнѣ, хотя извѣстно было, что предстоятъ, во всякомъ случаѣ, важныя перемѣны и много чиновниковъ останется за штатомъ. Кто будетъ въ числѣ этихъ несчастныхъ? — вотъ вопросъ, который волновалъ всѣ умы и, даже во снѣ, тревожилъ Ивана Ивановича и его сослуживцевъ. Въ связи съ новыми порядками, предстояла и перемѣна начальства: старый директоръ уходилъ на покой, а на его мѣсто назначался новый, молодой, изъ военныхъ, и какъ говорили; „у, какой крутой“!

— Еслибы его пр—во Николай Гавриловичъ не уходили отъ насъ,—разсуждалъ экзекуторъ, полный краснощекій мужчина, со Станиславомъ на шеѣ и брюшкомъ,— оно, конечно, ничего бы: всѣхъ насъ до единаго знаютъ, со мной 15 лѣтъ служили, а то вѣдь новое начальство! поди, разговаривай съ нимъ, да еще говорятъ: крутой!

— Конечно, кабы Николай Гавриловичъ оставались... — поддакивали чиновники и были до того встревожены, что бродили по департаменту, какъ очумѣлые, и совсѣмъ не занимались дѣлами, а все больше курили папиросы и болтали.

Столоначальникъ Брызгаловъ сидѣлъ за своимъ столомъ, на просиженномъ имъ самимъ кожаномъ креслѣ, и казался совсѣмъ пришибленнымъ, точно его обухомъ по головѣ хватили.

— Сидѣлъ, сидѣлъ 20 лѣтъ за этимъ столомъ и вдругъ—пошелъ вонъ!—разсуждалъ онъ самъ съ собою и даже сдѣлалъ кляксъ на бѣлой бумагѣ, чего прежде съ нимъ никогда не случалось.

Конечно, онъ можетъ разсчитывать, что его труды и долголѣтняя служба будутъ оцѣнены,—ну, а если нѣтъ? Морозъ подралъ его по кожѣ, и передъ нимъ предсталъ грозный образъ супруги его, Марьи Кузьминишны, со всѣми дѣтьми за нею, и даже съ кухаркой Ариной, съ ея голыми локтями и пестрымъ сарафаномъ, туго перевязаннымъ подъ толстою грудью. Иванъ Ивановичъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ, потирая себѣ лобъ. Онъ былъ невзрачный человѣкъ, въ особенности на первый взглядъ: худой и длинный, съ землистымъ цвѣтомъ лица, толстымъ носомъ и рыжими съ просѣдью волосами,

которые носилъ коротко обстриженными. Одѣтъ онъ былъ всегда въ вицъ-мундиръ, который супруга его тщетно старалась содержать въ порядкѣ: Иванъ Ивановичъ каждый день умудрялся перепачкать его чернилами, закапать сургучемъ или стеариномъ, а часто и разорвать на локтяхъ или на фалдахъ: пуговицы онъ также терялъ часто, и немилосердно пачкалъ и мялъ рукава рубашки, изъ подъ которыхъ неуклюже выставлялись его большія, красныя руки. На службѣ онъ былъ, что называется, вьючною лошадью, на которую валили все, что̀ ни попало. Онъ зналъ всѣ дѣла, помнилъ наизусть всѣ приказы и сидѣлъ уже 20 лѣтъ столоначальникомъ, безъ малѣйшей надежды превратиться когда либо въ начальника отдѣленія. Онъ впрочемъ не претендовалъ на это и былъ доволенъ своимъ положеніемъ: товарищи любили его и уважали, начальство цѣнило его труды, хотя и обходило постоянно мѣстами, а его пр — ство Николай Гавриловичъ удостоилъ даже крестить самолично его меньшаго сынка Ванюшу, послѣ котораго Марья Кузьминишна объявила мужу, что шабашъ, — больше дѣтей не будетъ.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ мучительномъ ожиданіи, чиновники истомились совсѣмъ и похудѣли, а сторожъ Михеичъ даже пить пересталъ, боясь, что и его оставятъ за штатомъ. Ходили самые разнообразные слухи: одни говорили, что все рѣшено измѣнить, другіе утверждали напротивъ, что все останется по прежнему, — изъ достовѣрныхъ источниковъ, молъ, слышали, что даже директоръ старый остается и никакой ломки не будетъ.

— Конечно, — повторялъ экзекуторъ, — если его

пр—ство Николай Гавриловичъ съ нами останутся, — бояться нечего...

Впрочемъ экзекуторъ не особенно боялся и новаго начальства: онъ зналъ такой секретъ, при которомъ со всякимъ начальствомъ могъ поладить; сверхъ того, имѣлъ и другія основательныя причины быть спокойнымъ насчетъ своей дальнѣйшей судьбы.

— Ну, что, Иванъ Ивановичъ, — повторяла Брызгалову его супруга, Марья Кузьминишна, пришивая пуговицу къ его вицъ-мундиру,—я тебѣ говорила: ничего не будетъ, все вранье одно. И можетъ ли быть, чтобы людей такъ, ни за что, ни про что, со службы прогоняли, — ну, а если, не дай Богъ, что и случится тамъ у васъ въ департаментѣ, такъ тебя не тронутъ, недаромъ же намъ кумъ Николай Гавриловичъ. Да я сама къ нему пойду, и къ новому директору пойду, вотъ что!

— Дай Богъ, дай Богъ!—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, — одѣваясь на службу.

Онъ скоро вышелъ, совсѣмъ готовый, пить чай въ столовую и былъ радостно привѣтствованъ своею семьею. Старшая дочка, Соничка, хорошенькая дѣвушка лѣтъ семнадцати, разливала чай; Марья Кузьминишна, дама уже не молодая, но еще красивая, со строгимъ профилемъ и черными съ просѣдью волосами, сидѣла тутъ же въ утреннемъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ; Сережа, старшій мальчикъ, собирался въ гимназію, а двое меньшихъ, Катюша и Ваничка, тянули молоко изъ большихъ чашекъ, капая на скатерть и на свои передники. Иванъ Ивановичъ пилъ чай, курилъ трубку и сидѣлъ за столомъ, радуясь на свое семейное счастье.

— Какъ хорошо дома,—думалъ онъ, улыбаясь всѣмъ и всему, что̀ видѣлъ передъ собою: женѣ и дѣтямъ, комнатѣ, чашкамъ, самовару; даже улыбнулся на кухарку Арину, которая возилась въ коридорѣ, засучивъ рукава и поднявъ подолъ выше колѣнъ; она почему-то не считала своего барина за мужчину и, повернувшись къ нему широкимъ задомъ, съ азартомъ мыла и терла полы.

— Ну, пора мнѣ на службу, — сказалъ Брызгаловъ, — вставая, и, простившись съ женою и дѣтьми, вышелъ въ переднюю.

Путь былъ далекій, – съ Петербургской стороны, гдѣ онъ жилъ, на Мойку, въ департаментъ; но онъ обыкновенно дѣлалъ его пѣшкомъ, только переѣзжая Неву, лѣтомъ па яликѣ или на пароходѣ, а зимою на санкахъ по льду, съ мужикомъ наونькахъ сзади. Переѣхавъ и на этотъ разъ Неву тѣмъ же способомъ, онъ пошелъ по Дворцовой площади и дорогою думалъ о томъ, что вотъ скоро наступятъ праздники и чиновникамъ дадутъ награду, — деньги изъ остатковъ отъ годоваго кредита; деньги эти выдавались каждый годъ къ рождеству и на нихъ всякій разсчитывалъ, какъ на прибавку къ содержанію.

— Въ этомъ году хорошо! — разсуждалъ самъ съ собою Брызгаловъ, кутаясь въ шубу отъ снѣга и вѣтра, — столоначальникамъ, говорятъ, по 200 рублей дадутъ.

— Шубу надо бы поправить, — продолжалъ онъ мечтать, дрожа отъ холода, — обтерлась совсѣмъ, да и вицъ-мундиръ того! Но онъ вспомнилъ, что надо прежде Соничкѣ сшить новое платье къ празднику, Марьѣ Кузь-

минишнѣ справить бурнусъ, внести за Сережу въ гимназію,—вспомнилъ и махнулъ рукой, такъ какъ цифры расхода очевидно не сходились съ приходомъ. Да и о чемъ тутъ думать? все равно, Марья Кузьминишна отберетъ награду и сама распорядится. Мысли его приняли другой оборотъ:—отчего у людей есть деньги, а у него нѣтъ? Хоть бы 200 тысячъ выиграть на единственный выигрышный билетъ, скопленный въ продолженіе многихъ лѣтъ, да и то заложенный въ банкѣ.

— Ну, хоть не 200 тысячъ, а десять или пять бы выиграть! Домикъ на Петербургской, въ Косомъ переулкѣ, гдѣ они живутъ, можно бы купить тогда; лавочникъ-хозяинъ говорилъ, что за 4 тысячи продастъ; съ переводомъ банковскаго долга осталось бы на приданое Соничкѣ, да шубу можно бы какъ нибудь справить.

„Эй, берегись!“ раздалось у него надъ самымъ ухомъ. Пара лихихъ рысаковъ, съ толстымъ кучеромъ на козлахъ, пронеслась мимо и чуть не сшибла его съ ногъ. Мечты его отъ испуга стали тотчасъ же скромнѣе:

— Хоть бы 200 рублей дали къ празднику и то бы хорошо, а какъ полтораста дадутъ или сто двадцать, какъ въ прошломъ году,—что̀ тогда будетъ? Бѣда!

Марья Кузьминишна уже нѣсколько разъ допрашивала его, сколько дадутъ къ празднику, и все до копѣйки впередъ разсчитала и заранѣе распредѣлила. При ихъ малыхъ средствахъ, малѣйшій дефицитъ въ приходѣ переворачивалъ все вверхъ дномъ и дѣлалъ страшный переполохъ въ хозяйствѣ.

— Ну, а если вдругъ ничего, да и за штатомъ?!—померещилось Ивану Ивановичу; онъ чуть не закричалъ

и громко произнесъ: — Да нѣтъ, не можетъ быть, за что же?

Но сердце его уже било тревогу и онъ почти бѣгомъ бросился по Мойкѣ къ департаменту, желая собственными глазами удостовѣриться, что все еще обстоитъ благополучно, все по прежнему на своемъ мѣстѣ: столъ, чернильница и протертое кресло, дѣла и бумаги, и старыя картонки,—все, съ чѣмъ онъ сжился и свыкся въ продолженіи столькихъ лѣтъ и жить безъ чего, ему казалось невозможнымъ. Все стояло на мѣстѣ, но въ департаментѣ ходили тревожные слухи и между чиновниками замѣчался опять переполохъ. Экзекуторъ разсказывалъ, что вчера вечеромъ курьеръ привезъ *весьма нужный* пакетъ на имя директора, а сегодня утромъ рано его превосходительство уѣхали къ министру. Чтó было въ страшномъ пакетѣ, неизвѣстно; но курьеръ, привозившій его, говорилъ писарямъ, что все кончено—упраздняютъ весь департаментъ! Волненіе росло съ каждымъ часомъ и угрожало превратиться въ ропотъ противъ начальства, какъ вдругъ все стихло и замерло.

Пріѣхалъ директоръ и съ нимъ военный генералъ. Тотчасъ же позвали въ директорскій кабинетъ начальниковъ отдѣленій, и черезъ нѣсколько минутъ все стало извѣстно. Гроза разразилась надъ самою головою: Николай Гавриловичъ былъ смѣненъ и зачисленъ въ сенатъ, на его мѣсто назначенъ другой,—тотъ самый генералъ, который пріѣхалъ съ нимъ; 17-ть человѣкъ чиновниковъ оставлены за штатомъ и въ числѣ ихъ одинъ изъ старѣйшихъ столоначальниковъ, Брызгаловъ. Впереди ожидалась дальнѣйшая ломка, и военный генералъ былъ на-

значенъ, какъ говорили, со спеціальною цѣлью все подтянуть,—привести въ дисциплину распущенную команду стараго статскаго генерала.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ за своимъ столомъ, какъ пораженный громомъ, не говорилъ ни съ кѣмъ и тупо глядѣлъ на свои бумаги.

— Какія бумаги, зачѣмъ онѣ?

Старый столъ, покрытый клеенкой, и кресло, имъ просиженное, какъ будто прощались съ нимъ и говорили: „Иванъ Ивановичъ, какъ же это такъ, неужели мы разстаемся?“ А вонъ чернильница на столѣ, вся закапанная чернилами, съ трещиной на боку, — неужели и она перенесетъ разлуку и не разсыплется на части, проливъ потоки чернильныхъ слезъ?

— Какъ же теперь? что́ будетъ съ нами? — шепталъ Брызгаловъ,—200 рублей, Сережа, платье Соничкѣ!

Мысли путались у него въ головѣ, а надъ ухомъ его звучали чьи-то неотвязчивыя слова: „Иванъ Ивановичъ, ступайте къ директору“.

Надъ нимъ стоялъ экзекуторъ и дергалъ его за плечо.

Въ пріемной залѣ собрался весь департаментъ; чиновники стояли вытянувшись и ожидали новаго начальника; къ нимъ вышли оба директора, старый и новый. Новый обратился къ собравшимся съ привѣтственною рѣчью, въ которой высказалъ надежду, что они будутъ помогать ему на новомъ, пока мало знакомомъ для него, поприщѣ, и что всѣ они призваны трудиться для одной общей благой цѣли.

— Мой долгъ, — прибавилъ онъ, прикладывая руку

къ груди,—цѣнить и поощрять честный, усердный трудъ, но я буду неумолимъ ко всякому нарушенію обязанностей.

Затѣмъ онъ ловко расшаркнулся, звеня шпорами, и уѣхалъ.

Старый директоръ, оставшись съ бывшими своими подчиненными, благодарилъ ихъ за усердную службу и сожалѣлъ, что разстается съ ними; онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но голосъ его оборвался и онъ заплакалъ. Заморгали и чиновники, въ особенности оставшіеся за штатомъ. Старый начальникъ обратился къ нимъ съ утѣшеніемъ, совѣтовалъ тѣмъ, которые выслужили пенсію, подать въ отставку и обѣщалъ похлопотать за нихъ. Нѣкоторые тутъ же приняли это предложеніе, но Брызгаловъ ничего не отвѣтилъ; онъ только моргалъ, переминаясь съ ноги на ногу, и глоталъ слезы; его окружили товарищи со словами искренняго сочувствія и сожалѣнія,—всѣ протягивали ему руки, начальникъ отдѣленія обнялъ и поцѣловалъ его.

— Не ожидалъ, братъ, не ожидалъ, — проговорилъ онъ растроганнымъ голосомъ, — ну, нечего дѣлать; Богъ не безъ милости.

— Обезпечатъ, — проповѣдывалъ экзекуторъ, — что и говорить, обезпечатъ хорошей пенсіей.

— Знаемъ мы эту пенсію,—закричалъ на него Захаръ Семеновичъ, плѣшивый старичокъ, тоже оставшійся за штатомъ: – съ голоду съ ней подохнешь; самъ, небось, въ сенатъ пристроился, а нашъ братъ ступай на всѣ четыре стороны; служилъ, служилъ и вдругъ тебя по шеѣ,—пошелъ вонъ, на улицу!

Экзекуторъ старался его успокоить, но Захаръ Семеновичъ не унимался.

— Семнадцать за штатомъ! — кричалъ онъ. — Погоди, ужо 27-мь сверхъ штата насадятъ, и все камеръ-юнкеровъ да военныхъ, а нашъ братъ, старый чиновникъ, живьёмъ на кладбище ступай.

Захаръ Семеновичъ былъ большой либералъ и, не смотря на свои преклонныя лѣта, всегда ропталъ на все и держалъ оппозицію начальству. Экзекуторъ махнулъ на него рукой и отошелъ, какъ отъ опаснаго человѣка. Самъ онъ оставался на мѣстѣ и получилъ даже прибавку по новымъ штатамъ, а потому утѣшалъ другихъ и старался дѣйствовать въ примирительномъ духѣ.

— Богъ не безъ милости, — повторялъ начальникъ отдѣленія, прощаясь съ Брызгаловымъ и крѣпко пожимая ему руку. — Не унывай, братъ, свѣтъ не клиномъ сошелся, найдешь и другое мѣсто.

Но Ивану Ивановичу казалось, что Богъ покинулъ его, и онъ вздрогнулъ, когда стѣнные часы пробили четыре. Директоръ уѣхалъ и чиновники стали расходиться. Брызгаловъ также пошелъ внизъ по лѣстницѣ. Тучи нависли на небѣ, и снѣгъ валилъ хлопьями прямо ему въ лицо. Шатаясь, онъ поплелся знакомой дорогой и по привычкѣ остановился у спуска на Неву; мужикъ подкатилъ къ нему со своими санками, но онъ оттолкнулъ его и зашагалъ по глубокому снѣгу. Вьюга рвала его шубу, вѣтеръ вылъ на рѣкѣ; онъ сорвалъ ему шапку съ головы и покатилъ по снѣжной равнинѣ. Иванъ Ива-

новичъ побѣжалъ за своей шапкой, но упалъ въ снѣгъ и заплакалъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Брызгаловъ, иззябшій и измокшій, добрался до своего переулка на Петербургской сторонѣ; онъ издали увидѣлъ свѣтъ въ знакомыхъ окнахъ и зналъ, что семья ждетъ его къ обѣду, а Марья Кузьминишна сердится и тревожится.

— Какъ сказать имъ, о Боже! и что сказать? — Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, и не рѣшался войти; но Валетка, дворовая собака, выскочила съ лаемъ изъ калитки и, узнавъ Ивана Ивановича, стала визжать и ласкаться къ нему. Онъ погладилъ ее, Валетка побѣжала впередъ и стала царапаться во входную дверь. Арина отворила, и Иванъ Ивановичъ очутился въ передней.

II.

Поздно ночью, Марья Кузьминишна проснулась, услышавъ, что мужъ ея стонетъ и ворочается въ постели. Она вскочила и подбѣжала къ нему; Иванъ Ивановичъ лежалъ въ жару и бредилъ. Въ одинъ мигъ она разбудила Арину и добыла самоваръ, затѣмъ онѣ заварили бузины, налили въ бутылку горячей воды, водки, уксусу и притащили всѣ эти снадобья въ спальню, вмѣстѣ съ грѣлкой и старымъ ватнымъ салопомъ. Иванъ Ивановичъ, проснувшись, началъ было протестовать, увѣряя, что онъ совсѣмъ здоровъ, но скоро убѣдился, что это напрасно. Съ помощью Арины, Марья Кузьминишна живо

вытерла его съ ногъ до головы уксусомъ съ водкой, причемъ она терла, а Арина прикрывала вытертыя мѣста салопомъ, послѣ чего онѣ напоили его бузиной, уложили на подушки и закутали подъ самый подбородокъ одѣяломъ и салопомъ.

— Лежи и не шевелись, — приказала Марья Кузьминишна и стала на цыпочкахъ ходить по комнатѣ и шептаться съ Ариной. Иванъ Ивановичъ не шевелился, но и не спалъ; онъ видѣлъ, какъ Арина ходила по комнатѣ босикомъ, поправляя сарафанъ, который все сползалъ внизъ и угрожалъ совсѣмъ спуститься; какъ Марья Кузьминишна снимала ночную кофту и надѣвала капотъ, какъ она зажгла ночникъ, загасила свѣчку и, прогнавъ Арину, усѣлась въ кресло, съ очевиднымъ намѣреніемъ не спать и дежурить у больнаго.

Она еще не знала о постигшемъ ихъ несчастіи, но тревожилась и предчувствовала что-то недоброе. Какъ только мужъ вернулся домой со службы, она тотчасъ замѣтила, что ему не по себѣ, что онъ нездоровъ или чѣмъ-то встревоженъ: за обѣдомъ онъ мало ѣлъ, но на всѣ разспросы отвѣчалъ, что ничего не случилось, все благополучно, а такъ, просто, ему нездоровится немножко, — простудился, должно быть, переѣзжая Неву. Такъ и не могла она ничего добиться отъ него; но ночью, когда онъ сталъ бредить, она не на шутку струхнула.

— Сказать ей или не сказать? — думалъ Иванъ Ивановичъ, лежа подъ салопомъ, — нѣтъ, лучше утромъ!

Но мысли его стали путаться, онъ заснулъ и скоро опять сталъ бредить.

— За штатомъ, за штатомъ!—твердилъ онъ.—Прогнали вонъ... пенсія,.. въ отставку.

— Иванъ Ивановичъ!—вскрикнула Марья Кузьминишна, подбѣгая къ нему.—Господь съ тобой, ты опять бредишь?

— Нѣтъ не брежу, — сказалъ онъ, очнувшись, и сѣлъ на постели. — Не брежу, Маша: насъ съ тобой за штатомъ оставили, все кончено, порѣшили!

Марья Кузьминишна только всплеснула руками.

— Не можетъ быть, не правда, ты бредишь?

— Не брежу, Маша; сегодня объявили: 17 человѣкъ за штатомъ, и Захаръ Семеновичъ тоже.

— Вздоръ, вздоръ, не допущу. Я найду судъ и расправу, — къ царю пойду!

Марья Кузьминишна забыла, что теперь ночь, что мужъ ея боленъ, что дѣти спятъ въ сосѣдней комнатѣ,—она громко говорила, почти кричала и, остановившись посреди комнаты, поднимала руку къ верху, какъ будто грозила кому-то или хотѣла сразить невидимаго врага. Но врага никакого не было, а былъ Иванъ Ивановичъ, который сидѣлъ на постели и испуганно глядѣлъ на нее, разметавъ всѣ свои покрывала.

Марья Кузьминишна,—высокая, худощавая женщина, съ большими черными глазами и длинною посѣдѣвшею косою, разметавшеюся по плечамъ,—представляла во всей своей фигурѣ что-то трагическое, въ особенности ночью, при слабомъ свѣтѣ мерцающаго ночника. Она подошла въ упоръ къ постели, схватила мужа за руку и, указывая ею на комнату, гдѣ спали дѣти, громко воскликнула:

— Чѣмъ мы будемъ кормить ихъ, чѣмъ?

Но Иванъ Ивановичъ не зналъ чѣмъ, а только трясся всѣмъ тѣломъ, въ припадкѣ сильнаго озноба.

— Боже мой, онъ раскрылся, — закричала Марья Кузьминишна, только теперь замѣтивъ, что паціентъ ея сидитъ совсѣмъ голый на кровати, и, мгновенно опрокинувъ его на подушки, закутала одѣялами и законопатила всѣ щели ватнымъ салопомъ.

— Спи и потѣй,—приказала она строго.

— Маша... — началъ жалобно Иванъ Ивановичъ, но она перебила его:

— Молчи и не смѣй думать ни о чемъ.

Къ утру Иванъ Ивановичъ забылся тяжелымъ сномъ, а Марья Кузьминишна всю ночь не сомкнула глазъ и просидѣла до утра у его постели.

На другой день она рѣшила, что пойдетъ сама въ департаментъ, разузнать обо всемъ, а Иванъ Ивановичъ долженъ оставаться въ постели, какъ серьезно больной. Она строго наказала старшей дочери не отходить отъ отца, напоить его чаемъ, но отнюдь не спускать съ постели и не позволять раскрываться. Снабдивъ Арину приказаніями по хозяйству и насчетъ больнаго и дѣтей, она наконецъ ушла. Путь былъ далекій и Марья Кузьминишна совершила его разными способами: на конкѣ, потомъ пѣшкомъ, потомъ опять на конкѣ и опять пѣшкомъ. Путешествуя такимъ образомъ, она, выйдя изъ дому въ 10 часовъ, только въ двѣнадцатомъ прибыла въ департаментъ, гдѣ тотчасъ же отъ знакомыхъ чиновниковъ узнала все до мельчайшихъ подробностей. Она пришла въ негодованіе: — неужели въ самомъ дѣлѣ Иванъ Ивановичъ оставленъ за штатомъ, такъ таки про-

сто за штатомъ, и больше ничего? Не можетъ быть; тутъ что нибудь да не такъ, что нибудь скрываютъ отъ нея или не знаютъ сами! Она ухватилась за эту надежду, какъ утопающій за соломенку, и рѣшилась ждать пріѣзда стараго директора, Николая Гавриловича, ея кума и благодѣтеля. Но скоро и соломенка обломилась, пріѣхалъ Николай Гавриловичъ и изъ устъ его пр—ства она услышала подтвержденіе горькой истины.

— Да, за штатомъ, что дѣлать? за штатомъ, на общемъ основаніи.

Тогда Марья Кузьминишна заговорила смѣло и рѣшительно, — такъ рѣшительно, что кумъ и благодѣтель заморгалъ и сталъ усиленно сморкаться. Къ несчастью, онъ могъ только моргать и сморкаться, но оказался безсильнымъ помочь и совѣтовалъ обратиться къ новому генералу.

Битыхъ два часа прождала Марья Кузьминишна въ пріемной; эти два часа показались ей двумя днями. Она думала о бѣдномъ Иванѣ Ивановичѣ, лежащемъ подъ салопомъ въ постели, о Катюшѣ и Ваничкѣ, которые теперь бѣгаютъ по двору съ Валеткой, а дура Арина не смотритъ даже, во что̀ они одѣты. Вдругъ она вспомнила, какъ много лѣтъ тому назадъ она тоже сидѣла въ этой самой залѣ и ждала покойнаго отца своего и Ивана Ивановича, бывшаго тогда ея женихомъ. Она была мо́лода, въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣвичьей красоты, и мечтала объ иной будущности. Но отецъ, служившій вмѣстѣ съ Брызгаловымъ, уговорилъ ее выйти замужъ за хорошаго человѣка и она покорилась. Сначала она не любила своего некрасиваго мужа, но потомъ при-

вышла къ нему; пошли дѣти и она страстно къ нимъ привязалась; Иванъ Ивановичъ былъ ихъ отецъ, хорошій, честный человѣкъ, она и его полюбила. О, какъ она была счастлива, еще недавно; вчера была счастлива, она забыла всѣ невзгоды прошедшаго, заботы, нужду, болѣзни, — и деревянный домикъ на Петербургской сторонѣ, въ Косомъ переулкѣ, показался ей земнымъ раемъ. Теперь ее хотятъ изгнать изъ этого рая злые люди. За что? что она сдѣлала? что сдѣлалъ ея бѣдный мужъ? — Онъ всю жизнь работалъ, какъ волъ, за себя и за другихъ, писалъ, согнувши спину по днямъ и ночамъ, и вдругъ его прогнали вонъ, „за штатомъ, на общемъ основаніи!“ Громкій звонокъ въ передней прервалъ ея мечты. Экзекуторъ бросился внизъ по лѣстницѣ встрѣчать начальство, сторожа вытянулись въ струнку, чиновники разбѣжались по отдѣленіямъ. Пріѣхалъ новый директоръ, но Марьѣ Кузьминишнѣ пришлось дожидаться еще добрый часъ, покуда ее приняли.

— Что вамъ угодно, сударыня? — спросилъ ее блестящій, красивый генералъ, вставая, при ея входѣ въ кабинетъ. Онъ былъ крайне вѣжливъ, усадилъ просительницу на кресло, но отъ него вѣяло такимъ холодомъ, и онъ такимъ взглядомъ смѣрилъ ее съ ногъ до головы, что бѣдная женщина невольно опѣшила. Она начала говорить что-то несвязное. но онъ перебилъ ее.

— Вы за мужа просите? Брызгаловъ? да помню... слышалъ много хорошаго.

— Зачѣмъ же вы его оставили за штатомъ? — рѣшилась спросить Марья Кузминишна, ободряясь.

— Не я, сударыня, а законъ.

— Развѣ законъ велитъ *моего мужа* оставлять за штатомъ? отчего же его, а не другаго?

— Выбирали тѣхъ, которые постарше; пускай вашъ мужъ подастъ въ отставку; я буду хлопотать объ усиленной пенсіи, я это всѣмъ обѣщалъ и сдѣлаю, что̀ возможно.

— На пенсію жить нельзя, ваше превосходительство; у насъ дѣти.

Генералъ пожалъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ, онъ останется за штатомъ, на общемъ основаніи.

— Оставьте его у себя, — умоляла Марья Кузьминишна: — онъ работникъ, заслужитъ.

— Это невозможно.

— Ради Бога!

— Не могу, сударыня, мнѣ очень жаль, но о пенсіи я готовъ хлопотать, если вы уговорите вашего мужа подать въ отставку.

Марья Кузьминишна вдругъ вспыхнула.

— Ни за что, пускай лучше останется за штатомъ.

Она встала съ кресла. Генералъ всталъ тоже. Онъ считалъ аудіенцію оконченною и позвонилъ. Но она не слышала, что генералъ приказывалъ вошедшему сторожу, и бросилась внизъ по лѣстницѣ. Вся душа ея возмущалась противъ неправды и жестокосердія людей, а въ ушахъ звенѣли зловѣщія слова: „за штатомъ, на общемъ основаніи“.

Уже было около пяти часовъ, когда Марья Кузьминишна вернулась домой и, не раздѣваясь, прямо прошла въ столовую. Тамъ она упала на первый попавшійся

стулъ и, закрывъ лицо руками, зарыдала. Она рыдала истерически и такъ громко, что весь домъ сбѣжался въ столовую: Софья снимала съ нея шляпку и шубу, Арина совала въ ротъ стаканъ воды, Катюша лѣзла на колѣни, а Ваничка, увидѣвъ, что мама плачетъ, самъ заревѣлъ благимъ матомъ. Одинъ Сережа, гимназистъ, не подходилъ близко и стоялъ у дверей, глядя на мать испуганными глазами.

Марья Кузьминишна встрѣтилась съ нимъ глазами и вдругъ, переставъ плакать, всплеснула руками.

— Бѣдный мой, бѣдный, я и забыла о немъ.

Она бросилась обнимать сына и слезы опять градомъ полились у нея изъ глазъ. За хлопотами и заботами злополучнаго дня, она позабыла совсѣмъ, что день этотъ былъ днемъ рожденья Сережи, и что онъ давно выпросилъ у нея позволенье не ходить въ этотъ день въ гимназію, а она обѣщала подарить ему пеналъ и одну книгу, о которой мальчикъ давно мечталъ.

— Арина, Арина, взяла ли ты крендель изъ булочной? — Ахъ, Боже мой, Боже, я все перезабыла сегодня.

Марья Кузьминишна достала изъ кармана старый кошелекъ и, вынувъ рублевую бумажку, сунула ее въ руку Сережѣ.

— На, вотъ возьми пока, купи себѣ книгу, а завтра я пеналъ достану.

Но въ эту минуту ее ожидалъ новый сюрпризъ: услышавъ сзади шлепанье туфель, она обернулась и увидѣла передъ собою Ивана Ивановича, блѣднаго, худаго, со взъерошенными волосами и въ старомъ ватномъ салопѣ, наскоро накинутомъ на плечи.

— Всталъ, всталъ, — закричала она, — зачѣмъ пустили?—и, повернувъ его за плечи, втолкнула въ спальню, гдѣ тотчасъ же уложила въ постель и закутала одѣяломъ.

Слѣдующій день былъ воскресный и къ Брызгаловымъ пришелъ гость, Захаръ Семеновичъ, тотъ самый старичокъ-чиновникъ, который держалъ оппозицію начальству. Онъ былъ пріятелемъ Ивана Ивановича и пришелъ навѣстить его, а кстати и отвести душу въ бесѣдахъ съ Марьей Кузьминишной. Онъ тоже былъ оставленъ за штатомъ, а потому устроилось общее совѣщаніе, на которомъ принято важное рѣшеніе: не сдаваться и не подавать въ отставку. Захаръ Семеновичъ былъ маленькій человѣчекъ, всегда горячившійся и кричавшій. Родись онъ французомъ, онъ былъ бы убитъ гдѣ нибудь на баррикадахъ, но у насъ въ Россіи онъ дожилъ до старости, служа въ одномъ департаментѣ съ Брызгаловымъ. Злобу свою и желчь, накипавшую въ душѣ, онъ срывалъ на томъ, что постоянно бранился и критиковалъ все наповалъ. Въ данномъ случаѣ, онъ даже злорадствовалъ, не смотря на то, что самъ остался за штатомъ.

— Вотъ я говорилъ, — кричалъ онъ, размахивая руками: — сто́итъ служить у насъ! Гни спину, работай, а подъ старость тебя выметутъ помеломъ, какъ старую тряпку.

Иванъ Ивановичъ, которому разрѣшено было, наконецъ, встать, попробовалъ противорѣчить, и скромно заявилъ свое мнѣніе, что теперь, при общемъ ходатайствѣ, можетъ быть, дадутъ усиленную пенсію, а потомъ забудутъ и получишь одну простую по закону; такъ не

лучше ли покориться своей судьбѣ и теперь же подать въ отставку. Но слово „покориться“ было невыносимо Захару Семеновичу, и онъ сталъ еще пуще кричать:

— Не вѣрь ты имъ, не вѣрь; всѣ — предатели. Себя вишь въ сенатъ пристроилъ (онъ говорилъ о старомъ директорѣ), а насъ на улицу вымелъ; у нихъ, вишь, желудки особые, имъ бламанже нужно, а мы — пустыя щи хлебай.

Онъ ухватилъ при этомъ Ваничку и усадилъ къ себѣ на колѣни.

— Этъ ты, душа невинная, — сказалъ онъ, гладя его по головкѣ.

— Ну-ка, молодецъ, — прибавилъ онъ черезъ минуту, — сбѣгай въ переднюю, тамъ у меня изъ пальто сверточекъ вытащи, да — смотри — не раздави.

Захаръ Семеновичъ былъ большой другъ дѣтей Брызгаловыхъ и постоянно баловалъ ихъ разными сластями. Мальчикъ въ припрыжку побѣжалъ въ переднюю, откуда черезъ нѣсколько минутъ послышался крикъ и плачъ. Марья Кузьминишна, поспѣшившая на расправу, вывела оттуда за руки Катюшу и Ваничку, сильно вымазанныхъ пастилою, которую они, вырывая другъ у друга, раздавили. Она тотчасъ же отняла пастилу, вымыла дѣтей и разставила ихъ по угламъ въ столовой. Прерванное совѣщаніе опять возобновилось, причемъ Марья Кузьминишна пожелала узнать наконецъ, сколько имъ дадутъ пенсіи, еслибы Иванъ Ивановичъ вышелъ въ отставку? и когда узнала, что рублей 400 съ хвостикомъ, даже при усиленной пенсіи, то объявила категорически, что на это жить невозможно; ужъ лучше остаться за шта-

томъ и хоть одинъ годъ получать еще прежнее содержаніе.

— А тамъ, черезъ годъ, что Богъ дастъ; можетъ, Иванъ Ивановичъ и другое мѣсто получитъ!

Захаръ Семеновичъ улыбнулся скептически, а Иванъ Ивановичъ только вздохнулъ. Ему было въ сущности все равно, остаться за штатомъ или выйти въ отставку; его мучило больше всего то, что онъ былъ выбитъ изъ колеи, вся жизнь его перевернута вверхъ дномъ, и онъ не могъ себѣ представить, какъ это онъ встанетъ утромъ и не пойдетъ въ департаментъ? Долго еще они спорили и бушевали. Захаръ Семеновичъ, подъ конецъ, сталъ говорить такія вещи, что Марья Кузьминишна выслала дѣтей изъ комнаты. Онъ былъ большой скептикъ, а она — горячо вѣрующая, и на эту тему у нихъ происходили ожесточенные споры, причемъ она предсказывала ему геенну огненную.

III.

Брызгаловъ не подалъ въ отставку и былъ оставленъ за штатомъ, на общемъ основаніи. Это означало, что ему сохранено будетъ содержаніе на одинъ годъ, и если въ теченіе этого года онъ не найдетъ себѣ другаго мѣста, то отставка послѣдуетъ уже по закону, а не по собственному желанію. Другаго мѣста Иванъ Ивановичъ, конечно, не нашелъ, а содержаніе выдавалось ему, какъ и всѣмъ заштатнымъ, въ уменьшенномъ размѣрѣ, безъ квартирныхъ и столовыхъ. Награды и денежныя пособія также прекратились.

Брызгаловы и прежде съ трудомъ сводили концы съ концами, а теперь совсѣмъ сѣли на мель; нужда полѣзла во всѣ щели и кредитъ ихъ сильно пошатнулся. Поставщики и лавочники прежде терпѣливо ждали уплаты, зная, что они все таки ее получатъ; теперь же всякій торопился выцарапать, что могъ, по старымъ счетамъ, а новый кредитъ старался сократить или закрыть совсѣмъ. Хозяинъ дома, получавшій плату по третямъ изъ квартирныхъ денегъ Ивана Ивановича и ждавшій терпѣливо, первый сталъ приставать и требовать уплатъ помѣсячно, а такъ какъ Брызгаловы не могли платить, то дѣлалъ имъ разныя гадости: посылалъ дворника чуть ли не каждый день съ напоминаніями о деньгахъ и грозилъ отказать отъ квартиры. Чтобы помочь какъ нибудь горю, Марья Кузьминишна рѣшилась заложить завѣтныя серьги, оставшіяся ей послѣ матери, которыя она, въ свою очередь, рѣшилась оставить Соничкѣ. Разъ ступивъ на этотъ скользкій путь, она продолжала потихоньку отъ мужа покрывать дефициты закладомъ и продажею вещей, покуда было что продавать и закладывать.

Но что было хуже всего, — даже нужды въ деньгахъ,—это то, что Иванъ Ивановичъ совсѣмъ упалъ духомъ и какъ-то вдругъ осунулся. Причиной были не однѣ заботы и хлопоты, а непривычная праздность и тоска, имъ овладѣвшая. Онъ вставалъ по прежнему рано и по привычкѣ начиналъ торопиться, но куда? и самъ не зналъ. Одѣвшись и напившись чаю, онъ выходилъ на улицу и шелъ по обычному пути къ Мытному; тамъ онъ переѣзжалъ Неву и шелъ дальше по площади, куда его вели ноги; но ноги всегда приводили въ одно и то же мѣсто,

на Мойку, къ знакомому подъѣзду. Онъ останавливался, смотрѣлъ на домъ, на подъѣздъ и часто входилъ наверхъ, поболтать со сторожемъ Михеичемъ и старыми товарищами-чиновниками. На его мѣстѣ сидѣлъ новый столоначальникъ, молодой франтъ, въ вицъ-мундирѣ съ иголочки, въ pince-nez и съ иностраннымъ орденомъ въ петлицѣ; про него говорили, что онъ родственникъ новому директору, баронъ и камеръ-юнкеръ. Но не только столоначальникъ обновился, обновилась вся мебель и вся обстановка: старое кресло, съ дырою на сидѣньѣ, было вынесено на чердакъ, а на его мѣстѣ стояло новое, орѣховое подъ воскъ, съ рѣзною спинкой; столъ, чернильница, картонки для дѣлъ, — все было новое и щегольское; старые друзья исчезли безвозвратно. Иванъ Ивановичъ глубоко вздыхалъ и спѣшилъ уйти, чтобы скрыть душившія его слезы. Вернувшись домой, онъ сидѣлъ мрачный, убитый и рѣшительно не зналъ, что съ собой сдѣлать.

Марья Кузьминишна была бодра духомъ, но и ее одолѣвали заботы. Все было заложено и продано, что только возможно было заложить и продать, далѣе тянуть такъ оказывалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ предвидѣлась нужда еще большая: — годъ приходилъ къ концу и предстояла печальная необходимость все таки выйти въ отставку и остаться на одной пенсіи. Кредитъ лопнулъ окончательно, хозяинъ дома отказалъ отъ квартиры, а такъ какъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лавочникомъ, то кстати закрылъ кредитъ и въ лавкѣ. Разъ какъ-то утромъ, кухарка Арина влетѣла въ спальню, гдѣ одѣвалась Марья Кузьминишна, и объявила, что въ

лавочкѣ не отпустили на книжку ни хлѣба, ни капусты, а въ мясной прогнали ее прочь, сказавъ, чтобы безъ денегъ не приходила.

— Какъ хотите, барыня, и меня разсчитайте, срамъ одинъ только!

Какъ ножемъ рѣзнули эти слова по сердцу Марьи Кузьминишны, но она не потерялась и сохранила присутствіе духа.

— Хорошо,—сказала она съ достоинствомъ, — ступай, я сейчасъ размѣняю и дамъ тебѣ.

Но мѣнять было нечего: ни мелкихъ, ни крупныхъ, въ домѣ не было ни копѣйки и предстояла серьезная опасность остаться безъ обѣда. Ей самой это было нипочемъ, но оставить безъ обѣда дѣтей и мужа, бѣднаго Ивана Ивановича, ей казалось невозможнымъ. Къ счастію, его не было въ комнатѣ; она бросилась къ шкапу, выхватила оттуда какое-то старое платье, и, завернувъ его въ салфетку, вышла съ узломъ на улицу. Куда бѣжать? Частный ломбардъ далеко, Арина не поспѣетъ обѣдъ сварить,—куда же? и она рѣшилась идти въ кассу ссудъ, въ сосѣдней улицѣ. Хозяина не было дома, въ кассѣ сидѣла его жена, грязная, всегда беременная и всегда съ подвязанной щекой. Она съ презрѣніемъ оглядѣла шерстяное поношенное платье Марьи Кузьминишны и предложила за него 2 рубля.

— Два рубля,—воскликнула Марья Кузьминишна,— Бога вы не боитесь, да оно мнѣ 20 стоило!

— Мало что стоило, — возразила еврейка, сильно картавя, — десять лѣтъ тому назадъ стоило.

— Нѣтъ, не десять, а всего два года.

Но еврейка была неумолима и на всѣ просьбы и увѣщанія согласилась прибавить только одинъ рубль. Волей-неволей пришлось оставить платье за три рубля, съ уплатой 6% въ мѣсяцъ и съ сильнымъ рискомъ не выкупить его никогда.

Взявъ деньги, Марья Кузминишна поспѣшила домой, но въ корридорѣ столкнулась съ Иваномъ Ивановичемъ, который спросилъ ее, куда она ходила?

— Въ мясную,—отвѣчала она, пряча подъ бурнусъ салфетку.

Иванъ Ивановичъ покосился на бурнусъ, но ничего не сказалъ. Въ этотъ день обѣдъ былъ поданъ въ обыкновенное время, но что̀ будетъ завтра, хозяйка не знала. Въ домѣ не было ни чаю, ни сахару, кофе весь вышелъ и къ вечеру отъ трехъ рублей остался всего двугривенный. Марья Кузьминишна, ложась спать, соображала, что̀ бы ей заложить завтра? — Но завтра случилась новая бѣда: утромъ разсыльный принесъ повѣстку, вызывающую Брызгалова къ мировому судьѣ, по иску домохозяина. Иванъ Ивановичъ весь затрясся и цѣлый день прошатался по городу, отыскивая, гдѣ бы занять денегъ. Но никто не далъ ему ни гроша, одинъ только Захаръ Семеновичъ предложилъ 10 рублей, вывернувъ карманы, въ доказательство, что они пусты. Но 10 рублей не спасли отъ крушенія. Черезъ недѣлю явился судебный приставъ и описалъ всю мебель въ домѣ, до послѣдняго стула. Тогда Марья Кузминишна возроптала на судьбу; но судьба была далеко, а хозяинъ-лавочникъ близко, поэтому на него она и обрушила все свое негодованіе, излила всю скорбь и злобу, накипѣвшія на душѣ.

— Ты, барыня, напрасно горячишься, — отвѣчалъ ей спокойно лавочникъ: — безъ денегъ никто тебя держать не будетъ.

Лавочникъ былъ правъ, конечно, но была права и Марья Кузминишна: не жить же ей съ семьею на улицѣ и не умирать же, въ самомъ дѣлѣ, съ голоду съ дѣтьми?

Домикъ на Петербургской, въ Косомъ переулкѣ, стоялъ пустой; на окнахъ были наклеены билеты, а на дворѣ выла Валетка, тоскуя по старымъ друзьямъ.

Брызгаловы, оставивъ мебель за долгъ домохозяину, переѣхали на Пески, въ 4-ый этажъ, гдѣ наняли квартиру изъ двухъ комнатъ, отъ жильцовъ, съ правомъ стряпать въ общей кухнѣ. Вся семья существовала теперь на 37 руб. въ мѣсяцъ пенсіи, которую получалъ Иванъ Ивановичъ; изъ нихъ 17-ть отдавали за квартиру съ дровами, а на 20 рублей приходилось всѣмъ жить, ѣсть, пить и одѣваться. Душно и тѣсно показалось имъ въ новой квартирѣ и они не могли забыть стараго гнѣзда, гдѣ столько лѣтъ прожили счастливо. Въ день переѣзда всѣ плакали, большіе и малые, а Валетку должны были привязать, чтобы она не убѣжала съ ними. Дѣти, прощаясь съ ней, обнимали ее и цѣловали въ лохматую морду, а собака выла и рвалась съ цѣпи.

Былъ конецъ мая; въ городѣ становилось душно и пыльно; дѣти тосковали по старомъ тѣнистомъ садѣ, который замѣнялъ имъ дачу на прежней квартирѣ; меньшія просились домой и имъ съ трудомъ могли растолко-

вать, что ихъ домъ здѣсь теперь, въ 4-мъ этажѣ большаго каменнаго дома, съ окнами во дворъ, съ вонючей лѣстницей и грязнымъ дворомъ. Чтобы какъ нибудь утѣшить ихъ, отецъ предпринялъ въ воскресенье, съ двумя меньшими дѣтьми, путешествіе на Петербургскую сторону и сердце его билось, когда онъ подходилъ къ старому жилью. Садъ распустился и расцвѣлъ, въ немъ было тихо и хорошо; дѣти мигомъ обѣгали всѣ дорожки и принялись расчищать грядки передъ балкономъ, заросшія травой и остатками прошлогоднихъ цвѣтовъ. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ на балконѣ, глядѣлъ на садъ и на опустѣвшія окна. Собаку дворникъ спустилъ съ цѣпи, по его просьбѣ, и она визжала у его ногъ и ласкалась къ дѣтямъ. Прогулка эта такъ понравилась всѣмъ троимъ, что они повторили ее еще два раза, но на третій, завернувъ въ переулокъ, увидѣли издали, что билетовъ нѣтъ на окнахъ, а подойдя къ дому, узнали, что квартира сдана въ наймы новымъ жильцамъ; въ саду бѣгали чужія дѣти, а Валетка, какъ разсказывалъ дворникъ, сорвалась съ цѣпи и пропала безъ вѣсти. Дѣти горько заплакали, а у Ивана Ивановича точно оборвалось что у сердца. Конецъ всему, даже воспоминаніямъ! Остались: душная улица, вонючая лѣстница, нужда и горе впереди.

Прошелъ еще годъ и положеніе Брызгаловыхъ только ухудшилось. Кредиторы наложили лапу на пенсію Ивана Ивановича и вычитали изъ нея третью часть. Долгъ былъ, конечно, не великъ, но и пенсія такъ мала, что расплата представлялась совершенно безнадежной. Это

былъ матъ для семейства Брызгаловыхъ, и Марья Кузьминишна долго не могла опомниться отъ этого удара. Но ее ожидало новое горе: Сережу, ея любимца, исключили изъ гимназіи за неплатежъ денегъ въ срокъ и ей съ трудомъ удалось помѣстить его въ ремесленное училище пансіонеромъ. Софья искала работы или уроковъ, но не нашла и взяла мѣсто бонны въ деревню, въ отъѣздъ, въ одну богатую семью. Старики остались одни съ двумя меньшими, Катюшей и Ваничкой, которые бѣгали по двору и ничему не учились. Иванъ Ивановичъ пробовалъ было учить ихъ уму-разуму и русской грамотѣ, но самъ скоро свихнулся и захворалъ. Онъ тоже искалъ работы, хотя какой нибудь, готовъ былъ даже переписывать бумаги, но почеркъ у него оказался неважнымъ и ему не дали даже переписки. О новомъ мѣстѣ нечего было и думать; на каждую вакансію являлось двадцать кандидатовъ и бѣдный Брызгаловъ напрасно обивалъ переднія и дежурилъ въ швейцарскихъ, — отвѣтъ былъ одинъ: „мѣстъ нѣтъ и не предвидится, а впрочемъ будемъ имѣть въ виду“. Томимый тоскою и праздностью, онъ представлялъ изъ себя жалкую картину: вставалъ поутру и не зналъ, куда ему дѣваться; онъ по прежнему ходилъ для развлеченія на Мойку, но и это утѣшеніе скоро было отнято у него.

Разъ какъ-то, поднявшись по знакомой лѣстницѣ и войдя въ знакомую переднюю, онъ, вмѣсто добродушной физіономіи Михеича, увидѣлъ незнакомое лицо; передъ нимъ стоялъ новый сторожъ, мрачный и сердитый, который грозно спросилъ: кого ему надо?

— Я, я — Брызгаловъ, — пробормоталъ смущенный

Иванъ Ивановичъ,—служилъ здѣсь, Михеичъ меня знаетъ.

Сторожъ смѣрилъ его съ головы до ногъ, осмотрѣлъ его потертый вицъ-мундиръ и дырявые сапоги, и рѣшительно загородилъ дорогу въ присутственныя комнаты.

— Нельзя, — сказалъ онъ грубо, — не велѣно пущать чужихъ, да вамъ кого надо?

Но Ивану Ивановичу никого не было надо; ему надо было видѣть старыя стѣны, подышать чернильнымъ воздухомъ, взглянуть на кипы дѣлъ и бумагъ. Слово *чужой* уязвило его глубоко и онъ такъ оскорбился, что не догадался даже вызвать кого-либо изъ знакомыхъ чиновниковъ, который, конечно, провелъ бы его въ обѣтованную землю; онъ схватилъ пальто съ вѣшалки и спустился съ лѣстницы. Очутившись на улицѣ, онъ опустилъ голову и тихо побрелъ по канавѣ, не зная самъ, куда ему идти теперь.

„Чужой!“ звучало у него въ ушахъ: — „чужой, не пускаютъ“.

Сердце его болѣзненно сжалось, тоска давила грудь; ему показалось, что больше жить нельзя, что нестерпимо жить на свѣтѣ!

— Иванъ Ивановичъ!—окликнулъ его сзади чей-то знакомый голосъ.

Онъ обернулся, его нагонялъ одинъ изъ старыхъ сослуживцевъ, товарищъ по несчастью, чиновникъ, оставшійся тоже за штатомъ. Но чиновникъ этотъ вовсе не имѣлъ несчастнаго вида, подобно Брызгалову, а, напротивъ, улыбался во весь ротъ, шелъ съ развальцемъ и размахивалъ руками; лицо у него было красное и носъ сильно припухши.

Иванъ Ивановичъ бросился къ нему, какъ къ спасителю; онъ былъ радъ теперь каждому, кто бы ни заговорилъ съ нимъ, радъ былъ всякому доброму слову, какъ исходу изъ гнетущей, нестерпимой тоски. Онъ схватилъ пріятеля за обѣ руки и крѣпко держалъ ихъ, не выпуская изъ своихъ рукъ.

— Петръ Антоновичъ, какъ я радъ тебя видѣть, о! еслибъ ты зналъ, какъ радъ.

— И я радъ,—отвѣчалъ Петръ Антоновичъ, громко чему-то разсмѣявшись, — ну, какъ поживаешь? давно не видались.

— Плохо живу, — отвѣчалъ Брызгаловъ.

— Брось, наплевать, пойдемъ со мной, сейчасъ полегчаетъ.

— Куда? — спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Это ужъ мое дѣло.—И, схвативъ его подъ руку, онъ потащилъ въ улицу направо.

Черезъ нѣсколько минутъ, они сидѣли въ низкой, душной комнатѣ, съ графиномъ передъ ними и закуской на столѣ. Трактиръ былъ грязный, въ комнатахъ воняло щами, лукомъ, табакомъ и водкой. За другими столами сидѣло много народу, все больше изъ простаго званія, въ чуйкахъ и армякахъ.

— Пей, — сказалъ товарищъ Брызгалову, — что жъ ты не пьешь?

Иванъ Ивановичъ, никогда не пившій водки, боялся съ одной рюмки охмѣлѣть, но съ другой стороны не хотѣлъ и обидѣть товарища, а потому, поморщившись, отпилъ глотокъ.

— Э, братъ, ни, ни, такъ нельзя! — воскликнулъ

Петръ Антоновичъ: — пей до дна и по другой пройдемся. — Онъ проглотилъ другую рюмку, крякнулъ и закусилъ огурцомъ. Брызгаловъ оробѣлъ и не зналъ, чтò ему дѣлать; онъ допилъ свою рюмку и закашлялся.

— Ха, ха, — загрохоталъ пріятель: — съ первой поперхнулся, — проглоти вторую — проскочитъ.

— Не могу, — протестовалъ Брызгаловъ, — не пью.

— Вздоръ, вздоръ, пей, чего носъ на квинту повѣсилъ? Оставили за штатомъ, эка бѣда? Прогнали, ну и чортъ съ ними, прахъ съ ногъ своихъ отряхни! — Пей, говорятъ тебѣ, сейчасъ полегчаетъ.

Иванъ Ивановичъ выпилъ еще рюмку и ему показалось, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ полегчало; только въ головѣ шумѣло и вся комната ходила ходуномъ.

— Ну-ка, еще по рюмочкѣ, — приставалъ Петръ Антоновичъ и самъ выпилъ двѣ за разъ.

— Эхма!—воскликнулъ онъ, вскакивая со стула,— мы заштатные, братцы, насъ со службы прогнали, мы и пошли въ кабакъ; куда же намъ идти больше, куда, Ваня, намъ идти съ тобой? — И онъ полѣзъ цѣловаться съ Брызгаловымъ.

Публика, бывшая въ трактирѣ, смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, и какой-то парень въ чуйкѣ засмѣялся.

— Вона, господа-то какъ, — сказалъ онъ своему сосѣду.

Подгулявшій Петръ Антоновичъ тотчасъ же подскочилъ къ нему.

— Ты что? ты какъ смѣешь, ты мужикъ, а я надворный совѣтникъ и кавалеръ, понимаешь ли ты? — кава-

леръ. — И онъ съ гордостью прошелся по комнатѣ, тыкая пальцемъ въ орденскую ленту въ петличкѣ.

— А вотъ онъ — статскій совѣтникъ, понимаешь ли ты? — статскій совѣтникъ, чуть не генералъ. Ваше превосходительство, а, ваше превосходительство! — воскликнулъ онъ, подходя къ Ивану Ивановичу, — выпьемъ что ли! — Выпьемъ, Ваня, съ горя, — началъ онъ вдругъ декламировать, ставъ въ театральную позу: — пьянымъ по колѣно море...

Что было далѣе, Иванъ Ивановичъ не помнилъ; ему мерещились какія-то пѣсни, пляска, ругань и драка, но было ли это во снѣ, или на яву, онъ не зналъ и очнулся только на другое утро, въ своей постели, со страшною болью въ головѣ и мокрымъ полотенцемъ на подушкѣ. Передъ нимъ стояла Марья Кузьминишна, въ утреннемъ капотѣ, съ засученными по локоть рукавами. Лицо ея выражало негодованіе и она, съ укоромъ, глядѣла на мужа.

— Испить бы чего, — простоналъ жалобно Иванъ Ивановичъ.

Она подала ему стаканъ воды, который онъ выпилъ съ жадностью, постояла у постели, покачала головой и, не сказавъ ни слова, вышла изъ комнаты. Иванъ Ивановичъ лежалъ и испытывалъ всѣ муки ада: голова его трещала, языкъ былъ сухъ, какъ суконка, а на лбу и носу болѣло и мѣшало что-то. Онъ провелъ рукою по лицу: на лбу была огромная шишка, а на носу ссадина съ запекшеюся кровью.

— Боже, что это? — и вдругъ онъ вспомнилъ, какъ вчера вышелъ изъ департамента, встрѣтился съ пріяте-

лемъ и пилъ съ нимъ водку въ трактирѣ, но что было далѣе—не могъ припомнить, какъ ни старался. Въ особенности его смущала шишка на лбу: откуда она? неужели онъ дрался вчера, буянилъ, пьяный, въ грязномъ трактирѣ? О, Господи!

— Маша, Маша, — повторялъ онъ все громче и громче.

На порогѣ показалась грозная фигура Марьи Кузьминишны.

— Чего ты орешь? дѣтей бы постыдился... — „пьяница“, чуть не сорвалось у нея съ языка, но она запнулась и не выговорила послѣдняго слова. Въ груди у нея кипѣла буря и сердце было полно негодованія, но она взглянула на смѣшную исхудалую фигуру Ивана Ивановича, съ шишкой на лбу и распухшимъ носомъ, и ей стало жаль его.

— Маша, Маша, прости меня!—молилъ раскаянный грѣшникъ, ловя ея руку и прижимая къ своимъ губамъ: — никогда не буду, прости!

И она простила, взявъ клятвенное обѣщаніе съ мужа, что онъ во всю жизнь болѣе не дотронется до этой *пакости*,—какъ она называла водку, — и никогда болѣе не свидится съ этимъ пьяницей, Петромъ Антоновичемъ, который, конечно, во всемъ виноватъ, и въ департаментѣ еще слылъ за негоднаго человѣка.

Прошло двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ Иванъ Ивановичъ велъ себя примѣрно и даже принялся опять за ученье дѣтей. По утрамъ онъ гулялъ по прежнему, но больше не заходилъ въ департаментъ, а такъ просто бродилъ около, по Мойкѣ, размышляя о коловратностяхъ

судьбы и бренности всего житейскаго. Разъ какъ-то онъ уже повернулъ домой, какъ вдругъ, поднявъ голову, очутился лицомъ къ лицу съ Петромъ Антоновичемъ; въ испугѣ онъ шарахнулся назадъ и хотѣлъ перейти на другую сторону, но пріятель схватилъ его за руку.

— Э, братъ, ты улепетывать; нѣтъ стой, не уйдешь!

Онъ взглянулъ Ивану Ивановичу въ лицо и громко расхохотался.

— Ха, ха, какая рожа, точно касторки проглотилъ!

— Мнѣ некогда, пусти, — защищался Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, шалишь, не уйдешь; что̀, братъ, дома встрепку задали? — и онъ опять залился громкимъ смѣхомъ.

— Пусти! — умолялъ Иванъ Ивановичъ, отбиваясь.

Но Петръ Антоновичъ тащилъ его за собою; онъ былъ пьянъ, по обыкновенію, но вдвое сильнѣе Брызгалова, трезваго, и волокъ его за собою, какъ малаго ребенка. Черезъ минуту они оба исчезли за роковою дверью знакомаго трактира.

Вечеромъ Брызгалова привезли домой мертвецки-пьянаго и втащили, съ помощью дворника, на лѣстницу. Что̀ произошло на другое утро, невозможно описать. Марья Кузьминишна была внѣ себя и разгромила, уничтожила своего злополучнаго мужа; она схватила за руки двухъ меньшихъ дѣтей и объявила, что уйдетъ съ ними изъ дому и ушла бы навѣрное, еслибы Иванъ Ивановичъ не палъ ницъ передъ нею и не сталъ молить о пощадѣ; онъ обнималъ ея колѣни, цѣловалъ подолъ ея платья, клялся, божился, плакалъ навзрыдъ. Но черезъ три дня

напился опять, встрѣтившись съ Петромъ Антоновичемъ; потомъ напился одинъ, а потомъ началъ просто ходить въ сосѣдній кабакъ и пропивать все, что было въ карманѣ. Жена стала прятать отъ него деньги, но онъ пропивалъ платье и однажды вернулся домой безъ пальто и шапки. На него какъ будто недугъ какой напалъ, какъ будто его сглазилъ кто-то. Ему казалось, что жить невозможно безъ водки, до такой степени его грызла тоска, когда онъ былъ трезвъ. Неудержимая сила влекла его къ роковому стакану, въ которомъ топились всѣ печали житейскія.

Онъ сталъ неузнаваемъ: тихій, кроткій Иванъ Ивановичъ, въ пьяномъ видѣ шумѣлъ и ругался непристойными словами; кричалъ, что онъ хозяинъ въ домѣ, что бабы должны повиноваться ему, толкалъ и шлепалъ дѣтей.

Марья Кузьминишна была въ отчаяніи; это новое горе сразило ее.

— Неужели мало было прежняго? — думала она: — Боже милосердый, за что ты насъ караешь?

Она пробовала уговаривать мужа, стыдила его, умоляла, усовѣщевала — все напрасно; старикъ клялся и божился, что никогда болѣе не возьметъ въ ротъ проклятаго зелья, просилъ прощенья, страдалъ и мучился самъ, но праздность и тоска заѣдали его, и онъ опять топилъ свое горе въ винѣ.

Былъ первый часъ ночи; всѣ спали давно въ домѣ Брызгаловыхъ, не спала только Марья Кузьминишна и усердно штопала дѣтское бѣлье. Она сидѣла за лампой, съ дырявымъ абажуромъ, и мучилась надъ рѣшеніемъ неразрѣшимой задачи, куда приложить заплату и какъ за-

штопать прорѣху въ ветхомъ тряпьѣ, которое рвалось и лѣзло отъ всякаго укола иглы. Въ комнатѣ царствовали полумракъ и тишина; только слышно было, какъ за стѣною тикали старинные часы, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшіе отъ общаго погрома.

Она думала о томъ, какъ прискорбно измѣнилась ихъ жизнь въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ не было надежды на лучшее, какъ разомъ все рухнуло въ ихъ семьѣ; даже сама она состарилась, ослабла силами и глаза стали плохи. Она была отличная швея и рукодѣльница, но въ прошломъ мѣсяцѣ, взявъ на-домъ сшить дюжину рубашекъ за хорошую плату, не могла ихъ окончить къ сроку и работу отобрали отъ нея.

— Если бы Соня была дома! У нея глаза молодые, она помогла бы мнѣ. Что-то она дѣлаетъ, моя бѣдная Соня? — писемъ давно нѣтъ. Сначала она часто писала, и письма были все такія веселыя, казалось, ей хорошо тамъ, лѣтомъ, въ деревнѣ; но въ послѣднее время стала рѣже писать, письма сдѣлались грустныя, и вотъ уже цѣлый мѣсяцъ нѣтъ отъ нея ни слова.

— Бѣдная моя Соня, что съ ней будетъ, какая судьба ее ждетъ впереди? — Она стала мечтать о судьбѣ Сони, думала и гадала, шила, штопала, кроила и наконецъ задремала надъ своей работой. Звонокъ въ передней разбудилъ ее.

— Господи, кто это такъ поздно?

Марья Кузьминишна перепугалась; она была одна, прислуги давно въ домѣ не держали, а Иванъ Ивановичъ—плохой защитникъ; онъ съ вечера еще выпилъ и спалъ непробуднымъ сномъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Кто тамъ? — спросила она робко, подходя съ лампой къ двери.

— Отвори!—послышался за дверью женскій голосъ.

Марья Кузьминишна вздрогнула и чуть не уронила лампу.

— Соня, неужели это ты?

— Я, мама, я, отвори.

Дверв растворилась; на порогѣ стояла Соня, вся закутанная, съ мѣшкомъ въ рукахъ, а за нею дворникъ Никита тащилъ на спинѣ знакомый чемоданъ. Мать съ дочерью горячо обнялись, дворникъ ушелъ, шлепнувъ чемоданъ на полъ, и онѣ вошли въ комнату. Марья Кузьминишна стала раскутывать и раздѣвать Софью и засыпала ее вопросами:

— Зачѣмъ пріѣхала такъ вдругъ? на долго-ли? отчего не написала, что̀ случилось?

Софья ничего не отвѣчала, а только порывисто бросалась на шею къ матери, цѣловала ей руки и лицо; она казалась испуганной и не дала снять съ себя широкую кофту, надѣтую подъ салопъ и закрывавшую ей всю талію.

— Сядь, сядь, отдохни, — говорила Марья Кузьминишна, — я тебѣ сейчасъ чаю приготовлю.

— Нѣтъ, не надо, я не хочу.

— Какъ не надо, что̀ за вздоръ, съ дороги чаю не напиться; сама дрожишь, руки, какъ ледъ. — Она пристально поглядѣла на дочь и замѣтила, что та сильно измѣнилась.

— Ты больна? зачѣмъ пріѣхала? отказали отъ мѣста? — да говори же.

— Отказали, — отвѣчала Софья.

— За что? чтó случилось?

— Нельзя было оставаться.

— Отчего?

Соня закрыла лицо руками и безсильно опустилась на стулъ; кофта ея распахнулась, и мать только тогда поняла все.

— Ты, ты... — она не могла договорить и сама опустилась на стулъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Соня, — сказала Марья Кузьминишна, но Соня упала передъ нею на колѣни и спрятала лицо въ ея платье.

— Прости меня, — шептала она, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, — прости. — Опять водворилось молчаніе и только слышно было, какъ Соня всхлипывала, судорожно подергивая плечами.

— Встань, — сказала Марья Кузьминишна, — я тебѣ мать, а не судья. — Она подняла ее, крѣпко обняла и прижала къ своей груди.

Вплоть до утра просидѣли двѣ бѣдныя женщины и наговорились, наплакались вдоволь. Софья сказала все матери и назвала виновника своего несчастія, но между ними было рѣшено, что имя его останется тайной въ семьѣ, и самое положеніе Софьи постараются скрыть отъ всѣхъ, даже отъ отца.

Иванъ Ивановичъ, проснувшись утромъ, очень удивился и обрадовался, увидѣвъ старшую дочь; ему сказали, что она захворала и должна была оставить мѣсто. Чѣмъ она захворала, онъ не допытывался, а больше старался

скрыть отъ нея свою собственную болѣзнь. Софья привезла съ собой нѣсколько мелкихъ бумажекъ и одну сторублевую, зашитую въ платье; мелкія тотчасъ же разошлись, а крупную онѣ рѣшили съ матерью не трогать и оставить про черный день. Но намѣреніямъ этимъ не суждено было осуществиться: бумажку размѣняли въ одну тяжелую критическую минуту и она стала таять понемногу, покуда совсѣмъ не растаяла. А время шло неумолимо и наконецъ насталъ роковой день, котораго ждали давно со страхомъ. Соню свезли въ больницу, гдѣ она пролежала и прохворала болѣе трехъ недѣль. Наконецъ, она поправилась. Тогда возсталъ другой роковой вопросъ, требовавшій немедленнаго разрѣшенія: что дѣлать съ тѣмъ новымъ существомъ, которое явилось на свѣтъ въ больницѣ, съ тѣмъ паріемъ рода человѣческаго, которому, казалось, нѣтъ мѣста на свѣтѣ? Куда дѣвать его? Свезти домой на позоръ семьи, гдѣ и безъ того такъ много горя? или отдать на воспитаніе? Но кому и чѣмъ платить? Оставалось одно: торная дорога на Мойку, въ тотъ общій складъ незаконныхъ дѣтей, гдѣ они мрутъ, какъ мухи, а если и выживутъ, то больныя, искалѣченныя. Софья содрогалась отъ одной мысли объ этомъ исходѣ.

Старшій докторъ обходилъ палаты, съ цѣлой свитой. Онъ подошелъ къ Брызгаловой, которая уже встала и сидѣла у постели, съ ребенкомъ на рукахъ.

— Поправились, — сказалъ онъ ей ласково и пощупалъ пульсъ. — Лихорадки нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Можно выписать завтра, — объявилъ докторъ и прошелъ далѣе.

Въ обыденный часъ пришла Марья Кузьминишна навѣстить дочь и узнала о приказаніи доктора. Она была женщина высоконравственная и считала великимъ грѣхомъ имѣть незаконныхъ дѣтей, но маленькій Митя лежалъ у нея на колѣняхъ и спалъ такъ сладко, — ей показалось даже, что онъ улыбается во снѣ.

— Неповинное дитя,—думала она,—неужели завтра?.. И сердце ея сжалось, но она ничего не сказала дочери и дочь не спросила у ней ни о чемъ.

На другой день Марья Кузьминишна принесла съ собой цѣлый узелъ дѣтскаго бѣлья, одѣяло и шаль; онѣ стали сбирать маленькаго Митю въ путь далекій, укутали его и завернули въ теплую шаль, крестили и цѣловали безъ конца. Наконецъ Марья Кузьминишна взяла ребенка на руки и понесла его внизъ по лѣстницѣ; за ней, шатаясь, шла Софья. Швейцаръ кликнулъ имъ извощика и усадилъ на дрожки.

— Куда ѣхать? — спросилъ извощикъ.

— Мама, ради Бога, хоть до завтра, — простонала Соня.

— Куда ѣхать-то? — повторилъ извощикъ сердито.

— На Пески, — громко провозгласила Марья Кузьминишна, — въ 4-ю улицу.

Извощикъ задергалъ возжами, захлесталъ кнутомъ, и тощая кляча, махая хвостомъ и хромая на всѣ ноги, потащила за собою дребезжащія дрожки.

IV.

Софьѣ было 18 лѣтъ, когда она рѣшилась взять мѣсто, чтобъ прійти на помощь матери, и уѣхала въ деревню на лѣто. Судьба унесла ее изъ роднаго гнѣзда въ ту пору, когда она переродилась изъ ребенка въ дѣвушку, когда новыя мечты и желанія стали впервые волновать ея душу, и сердце радостно билось въ груди, въ ожиданіи новаго, невѣдомаго счастья.

Она всю жизнь помнила первые дни своего пріѣзда въ деревню. Былъ конецъ апрѣля; въ Петербургѣ стоялъ холодъ, и снѣгъ на улицахъ еще не стаялъ; но чѣмъ дальше мчался поѣздъ, тѣмъ становилось теплѣе; лѣсъ зеленѣлъ, въ воздухѣ пахло весною; за Москвою стало совсѣмъ тепло и даже трава показалась на поляхъ. Софья ѣхала съ двумя горничными во второмъ классѣ; графиня съ дѣтьми — въ первомъ. Горничныя болтали безъ умолку и разсказывали, какъ хорошо у нихъ въ деревнѣ и какая большая усадьба у господъ. Софья, никогда не выѣзжавшая изъ Петербурга, ждала съ нетерпѣніемъ, когда же ее выпустятъ изъ вагона — побѣгать по полямъ и нарвать полевыхъ цвѣтовъ, издали манившихъ ее къ себѣ. Наконецъ они пріѣхали къ небольшой станціи, гдѣ горничныя объявили, что надо выходить. Ихъ встрѣтилъ рослый лакей въ ливреѣ и нѣсколько экипажей; поѣздъ засвисталъ и умчался далѣе; пріѣзжіе стали усаживаться въ экипажи. Какъ весело и легко было на душѣ! Солнышко грѣло, воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ, дорога

шла лѣсомъ, но мѣстами лѣсъ рѣдѣлъ и виднѣлись поля и пашни. Лихо взбѣжали рѣзвые кони на высокую гору, откуда открылся далекій, чудесный видъ на другіе лѣса и горы и на большую рѣку, извивавшуюся лентой вдали. Софья вскрикнула отъ восторга, а дѣти, сидѣвшія съ нею въ коляскѣ, стали показывать ей на бѣлую точку вдали и на куполъ церкви, блестѣвшій на яркомъ утреннемъ солнцѣ.

— Вонъ, вонъ, смотрите, — кричали они, — наше *Тригорское,* вонъ домъ, вонъ садъ!

Соня не могла различить ни дома, ни сада, но радовалась не менѣе дѣтей; она какъ будто опьянѣла отъ охватившаго ее восторга передъ чудесною панорамою природы, и забыла, что она одна среди чужихъ людей.

Въ первые дни послѣ пріѣзда, она не выходила изъ своего восторженнаго состоянія: ее восхищало все, что она видѣла: всякая травка, всякое деревцо. Большой барскій домъ показался ей дворцомъ, жизнь въ немъ — непрерывнымъ праздникомъ. Ѣли и пили здѣсь такъ, что Софья думала въ первые дни, нѣтъ ли какого нибудь рожденья или именинъ въ семьѣ; одѣвались къ обѣду, какъ въ гости; прислуга, экипажи, лошади, графская охота — напоминали разсказы о нихъ, читанные въ романахъ, и только опытный глазъ могъ бы различить во всемъ этомъ обширномъ зданіи червяковъ, подтачивавшихъ его фундаментъ. Молодая дѣвушка, конечно, не видѣла этихъ червей, не замѣчала упадка и разрушенія, начавшихся давно въ старинной барской усадьбѣ; она думала, что попала въ сказочный замокъ, гдѣ живутъ одни беззаботные, счастливые люди. Ее радовало и плѣ-

няло все, что она видѣла, но болѣе всего — тѣнистый старый садъ, съ вѣковыми дубами и липами, чисто выметенный передъ домомъ, но заросшій и заглохшій въ глубинѣ; садъ спускался къ рѣкѣ и кончался обрывомъ, съ бесѣдкой надъ нимъ. Соня сразу полюбила эту бесѣдку и часто бѣгала туда, любоваться на широкій видъ на другомъ берегу рѣки и на паруса, бѣлѣвшіе вдали надъ водою.

Понемногу она стала привыкать къ новой жизни и знакомиться съ окружавшею ее средою. Семья, въ которой она жила, состояла изъ графини, пожилой высокой женщины со строгимъ лицомъ и величавой осанкой, старшей дочери Нины, молодой дѣвушки, ровесницы Софьи, и двухъ дѣтей: мальчика, при которомъ состоялъ нѣмецъ-гувернеръ, и дѣвочки 5 лѣтъ, ввѣренной попеченіямъ Софьи. При дѣтяхъ состояла еще няня, но она была такъ стара, что ничего не въ силахъ была дѣлать, хотя во все мѣшалась и постоянно ворчала, какъ всѣ старухи-няни. Стараго графа ждали въ деревню только въ серединѣ лѣта, а молодой, о которомъ ходили оживленные толки, отсутствовалъ гдѣ-то, и Софья его не видѣла. Она находилась въ домѣ на положеніи среднемъ между бонной и гувернанткой, но скоро сдружилась съ молодою графиней и стала членомъ семьи. Дѣти тоже полюбили ее, а нѣмецъ-гувернеръ, Иванъ Богдановичъ, сразу влюбился въ нее, и только старая графиня продолжала обращаться съ нею свысока, не признавая въ ней существа себѣ равнаго.

— Une petite personne assez gentille,—говорила она про нее,—mais pas de manières et des toilettes de l'autre monde!

У бѣдной Софьи, дѣйствительно, не было никакихъ туалетовъ, но, съ помощью Нины и домашнихъ швеекъ, она скоро соорудила себѣ два платья, которыя совсѣмъ преобразили ее. Она была высокая, стройная дѣвушка, съ прелестными глазами и такимъ лицомъ, которое сразу привлекало къ себѣ всякаго, кто ее видѣлъ. Графиня, увидѣвъ ее въ первый разъ въ новомъ платьѣ, сказала только „а!“ и долго глядѣла ей вслѣдъ, покуда она шла съ дѣтьми по аллеѣ.

Такъ началось лѣто, весело и счастливо, и, вѣроятно, окончилось бы благополучно, еслибы не случилось одного обстоятельства, котораго никто не ожидалъ въ домѣ. Разъ какъ-то вечеромъ, когда всѣ сидѣли за чаемъ, графинѣ подали депешу, которую она прочла и радостно воскликнула:

— Дѣти, Сережа ѣдетъ!

Дѣти тоже закричали и захлопали въ ладоши, радость быстро сообщилась по всему дому, и даже старая няня, проходя столовую и узнавъ въ чемъ дѣло, воскликнула, прослезившись:

— Ахъ, онъ мой голубчикъ!

Сережа, молодой графъ, былъ общимъ любимцемъ семьи; онъ находился въ дальней командировкѣ по службѣ, но, окончивъ ее, взялъ отпускъ и уѣхалъ въ деревню.

На другой день утромъ, Софья увидѣла изъ окна своей комнаты подъѣхавшую къ крыльцу коляску, изъ которой выпрыгнулъ молодой офицеръ и бросился обнимать всю семью, высыпавшую къ нему на встрѣчу; его съ тріумфомъ ввели въ комнаты. Она не сошла внизъ къ

чаю и, сама не зная почему, боялась пріѣзжаго. Пришлось однако съ нимъ познакомиться, но она такъ переконфузилась, когда Нина подвела къ ней въ саду брата, что даже не разглядѣла его лица, а видѣла только бѣлый китель, высокіе сапоги со шпорами и протянутую ей маленькую, нѣжную, какъ у женщины, руку.

— Pas mal, du tout,—сказалъ Сергѣй, провожая глазами Софью, и спросилъ у сестры, кто она? Нина объяснила ему положеніе Софьи въ домѣ, и молодой человѣкъ тотчасъ же сообразилъ, что ему будетъ забава въ деревнѣ.

Графъ Сергѣй Валерьяновичъ Воронскій былъ блестящій гвардейскій офицеръ, обѣщавшій пойти далеко въ своей служебной карьерѣ. Онъ былъ ловокъ и очень красивъ, казался богатымъ и носилъ громкое имя; кромѣ того, онъ считался отличнымъ кавалеристомъ въ полку, однимъ изъ лучшихъ танцоровъ на балахъ и имѣлъ блестящій успѣхъ въ дамскомъ обществѣ. Двѣ дуэли уже числились на его вѣку.

Съ его пріѣздомъ въ Тригорское, жизнь сразу оживилась: пошли гулянья, катанья верхомъ, въ экипажахъ и на лодкахъ, даже былъ устроенъ сельскій праздникъ, на которомъ танцовали не одни парни и дѣвки, но и молодые господа. Дѣти были въ восторгѣ отъ старшаго брата и ходили за нимъ по пятамъ, графиня не могла наглядѣться на своего любимца.

На Софью онъ не обращалъ, повидимому, вниманія, и она сторонилась отъ него, но мало-по-малу ледъ растаялъ и они познакомились. Онъ сталъ втягивать ее въ свои игры и забавы съ дѣтьми, заговаривалъ съ ней,

смѣшилъ ее и забавлялъ своими разсказами. Разъ какъ-то онъ былъ особенно веселъ и милъ, и, затѣявъ горѣлки въ саду, заставилъ бѣгать не только всю молодежь, но и гувернера Ивана Богдановича; нѣмецъ пришелъ въ азартъ, шумѣлъ, кричалъ и хлопалъ въ ладоши. Въ самый разгаръ игры, Воронскій, погнавшись за Софьей, нарочно загналъ ее въ глубь темной аллеи и, настигнувъ однимъ прыжкомъ, обнялъ и чмокнулъ прямо въ губы. Она вскрикнула, но онъ уже велъ ее обратно за руку и объявилъ, смѣясь, что теперь Софьѣ Ивановнѣ „горѣть", такъ какъ онъ поймалъ ее въ аллеѣ.

Софья дѣйствительно вся „горѣла" и сердце ея такъ сильно билось, что она не въ силахъ была бѣгать и сѣла на скамейку. Иванъ Богдановичъ вызвался горѣть за нее. Съ тѣхъ поръ Сергѣй сталъ преслѣдовать хорошенькую гувернантку, ловилъ ее въ коридорахъ, крѣпко жалъ ей руки и просилъ прощенья за поцѣлуй въ саду; онъ былъ опытный охотникъ и зналъ, какъ изловить всякаго звѣрка, но онъ не выдержалъ характера и поторопился. Софья слишкомъ волновала его и разъ какъ-то, встрѣтивъ ее въ саду, когда она шла изъ купальни одна, съ распущенною темною косою, онъ обнялъ ея гибкій станъ и покрылъ лицо и шею горячими поцѣлуями. Дѣвушка вырвалась изъ его объятій и съ гнѣвомъ объявила, что разскажетъ все его матери и завтра же уѣдетъ изъ деревни; Сергѣй бросился передъ нею на колѣни, просилъ прощенія, цѣловалъ ея руки и клялся въ вѣчной, неизмѣнной любви. Шаги въ аллеѣ прервали эту сцену; онъ вскочилъ и пошелъ, посвистывая, къ дому, какъ ни въ чемъ не бывало, а она убѣжала въ глубь сада, чтобы скрыть свой стыдъ и волненіе.

Софья не знала, на что ей рѣшиться, хотѣла вернуться къ своей матери, но боялась огорчить ее, начинала писать ей длинныя письма, но рвала ихъ одно за другимъ; хотѣла сказать все Нинѣ, но не сказала ни слова и тосковала одна, не понимая, отчего такъ бьется ея сердце. Черезъ нѣсколько дней повторились тѣ же сцены и клятвы въ любви, но дѣвушка была уже противъ нихъ безсильна; она жила въ какомъ-то чаду и съ ужасомъ замѣтила, что ее самою влечетъ къ нему съ неотразимой силой. Она поняла это въ первый разъ, когда молодой графъ уѣхалъ на цѣлый день изъ Тригорскаго и она протосковала весь этотъ день до того, что нигдѣ не находила себѣ мѣста; къ вечеру Сергѣй вернулся, и она вдругъ ожила и воскресла. А время быстро бѣжало, и все подходило къ развязкѣ. Молодые люди уже объяснились между собою и встрѣчались въ саду по уговору; она повѣрила его клятвамъ и не умѣла скрыть отъ него своей любви. Да и какъ скрыть? Онъ явился передъ нею какимъ-то божествомъ, невиданнымъ и негаданнымъ доселѣ, кумиромъ, котораго внутреннюю пустоту она не съумѣла разгадать, а видѣла только наружный блескъ.

Къ этому времени пріѣхалъ въ деревню старый графъ и очень недружелюбно встрѣтился съ сыномъ. Въ самый день пріѣзда, они заперлись въ кабинетѣ и оттуда скоро послышались крики и сердитый голосъ старика-графа. Шумъ и крики все усиливались и дошли до того, что Сергѣй выбѣжалъ изъ кабинета весь красный и, не отвѣчая на вопросы матери, убѣжалъ наверхъ и заперся въ своей комнатѣ. Она съ трудомъ могла добиться, въ чемъ дѣло, а дѣло было очень просто: молодой человѣкъ на-

дѣлалъ массу долговъ въ Петербургѣ и, въ его отсутствіе векселя предъявили отцу. Старый графъ Валерьянъ Михайловичъ самъ былъ въ долгу, какъ въ шелку, но именно потому вина его сына и казалась ему непростительной; онъ объявилъ ему наотрѣзъ, что долговъ его платить не станетъ и не намѣренъ разорять семью изъ-за мотовства глупаго мальчишки. Сергѣй обидѣлся и сталъ возражать; въ разгарѣ спора, онъ позволилъ себѣ замѣтить, что отецъ самъ разорилъ родовое имѣніе и растратилъ даже приданое матери, которое ему не принадлежало. Тогда старикъ вышелъ изъ себя, разругалъ сына и, схвативъ стулъ, замахнулся на него. Три дня они не говорили другъ съ другомъ и въ домѣ была паника; люди ходили на цыпочкахъ и боялись попасться на глаза старому барину. Сергѣй ходилъ мрачный, какъ Гамлетъ, и пугалъ мать и сестру угрозой застрѣлиться, но, конечно, не застрѣлился и дѣло понемногу уладилось: достали денегъ, подъ залогъ лѣса, у мѣстнаго кулака, и вошли, чрезъ повѣреннаго, въ соглашеніе съ кредиторами; гроза удалилась на время и отецъ съ сыномъ помирились.

А Софья измучилась и изстрадалась за эти дни; она, конечно, узнала отъ Нины обо всемъ случившемся и жила въ лихорадочной тревогѣ за своего возлюбленнаго. Только тогда она поняла, какъ любитъ его, какъ онъ дорогъ ей, и жаждала доказать ему свою любовь, утѣшить его своими ласками, пожертвовать для него всѣмъ, всею жизнью своею. Но она была безсильна помочь, а Сергѣй даже не приходилъ на свиданія въ саду; ему было не до нея. Когда же дѣло уладилось и гроза миновала, онъ

съ новымъ жаромъ принялся охотиться за своимъ звѣркомъ, но звѣрокъ уже былъ пойманъ и бился безсильно въ силкахъ.

Графъ Валерьянъ Михайловичъ недолго оставался въ деревнѣ и скоро уѣхалъ въ Петербургъ, къ важному посту, занимаемому имъ на гражданской службѣ. Передъ отъѣздомъ, онъ опять имѣлъ крупный разговоръ съ сыномъ, и было рѣшено, что Сергѣй не вернется покуда въ полкъ, а во избѣжаніе новыхъ скандаловъ, уѣдетъ опять въ дальнюю командировку, которую отецъ обѣщалъ выхлопотать ему. И дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли послѣ его отъѣзда, молодой офицеръ получилъ предписаніе немедленно выѣхать по назначенію и не возвращаться въ полкъ до новаго приказа. Волей-неволей пришлось разстаться, долгъ требовалъ.

Онъ клялся своей милой Сонѣ, что страстно любитъ ее, что никогда не оставитъ и что они скоро свидятся въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы не разставаться болѣе; но уѣхалъ, не сдѣлавъ ничего для обезпеченія ея судьбы, и когда лихая тройка умчала его за ворота, и родное гнѣздо скрылось изъ виду, онъ откинулся на мягкія подушки коляски, закурилъ дорогую сигару и засвисталъ веселую пѣсню. А она, шмыгнувъ черезъ садъ, выбѣжала на горку и долго смотрѣла вслѣдъ по дорогѣ на пылившую вдали тройку, которая казалась все меньше и меньше, и скрылась совсѣмъ за поворотомъ.

— Кончено!—вздохнула она:—все кончено!

Утренній туманъ еще застилалъ вдали окрестность, и солнце, медленно подымаясь отъ горизонта, казалось краснымъ фонаремъ, свѣтившимъ изъ-за лѣса. Софья

долго стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ и все смотрѣла вдаль; она боялась оглянуться назадъ, на Тригорское. Тамъ — гробъ теперь, туда вернуться страшно, и она быстро пошла по дорогѣ впередъ, туда, гдѣ еще недавно пылила тройка и колокольчикъ звенѣлъ все тише и тише, замирая вдали. Къ обѣду, въ усадьбѣ хватились гувернантки и послали искать ее во всѣ стороны; ее скоро нашли безъ чувствъ на дорогѣ, въ трехъ верстахъ отъ Тригорскаго, и привезли домой. Происшествіе это, совпавшее съ отъѣздомъ сына, показалось страннымъ графинѣ и она стала зорко слѣдить за гувернанткой.

Въ этомъ году семья Воронскихъ оставалась долго въ деревнѣ, вплоть до зимы, но жизнь стала невеселая: погода испортилась, пошли дожди и холода, сосѣди всѣ поразъѣхались и скука была въ домѣ страшная. Всѣ стремились въ городъ, но ѣхать было нельзя, за неимѣніемъ денегъ: годъ былъ неурожайный, дѣла стараго графа крайне разстроены и приходилось просто изъ экономіи жить въ деревнѣ. А тутъ еще новая забота выпала на долю графини: въ Тригорскомъ стали ходить какія-то сплетни о похожденіяхъ ея сына съ гувернанткой, и сама она, наблюдая за ней, замѣчала что-то неладное. Тогда она рѣшилась, во что бы то ни стало, добиться истины и придумала весьма простое средство. Она обшарила всѣ ящики въ комнатахъ уѣхавшаго сына, и тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ письменнаго стола, нашла надорванную записку, которая объяснила ей все.

Она знала, что Сергѣй и прежде пошаливалъ съ горничными, но теперь дѣло было серьезнѣе и угрожало скандаломъ. Графиня была женщина тщеславная и без-

сердечная, ей нисколько не было жаль бѣдной дѣвушки, и мысль, что сынъ ея обязанъ искупить свою вину, даже не пришла ей въ голову; она стала заботиться объ одномъ, какъ бы скорѣе сбыть гувернантку съ рукъ, и рѣшила, что самое лучшее — сдѣлать видъ, что ей ничего неизвѣстно, просто отказать Софьѣ отъ мѣста и отправить ее въ Петербургъ. Такъ она и сдѣлала. Гувернантку „разсчитали", дали ей денегъ на дорогу и объявили, что она можетъ ѣхать домой. Напрасно Нина упрашивала мать не отсылать Софью такъ внезапно и безъ всякой причины, выждать, по крайней мѣрѣ, общаго возвращенія въ Петербургъ, до котораго оставалось недолго. Графиня была неумолима; она объявила дочери, что ей вообще не нравится ея дружба съ Софьей, что у дѣвушки этой дурныя манеры, что она портитъ дѣтей, и что давно пора отослать ее. Нина хорошо знала мать и поняла, что приговоръ ея—безапелляціонный; она съ тоской и слезами стала провожать свою подругу. Она, конечно, не подозрѣвала истины, но если бы и узнала, то стала бы на сторону Сони. Дѣти съ испугомъ глядѣли на внезапный отъѣздъ гувернантки, а маленькая ея питомица Любочка горько плакала, прощаясь съ ней.

Иванъ Богдановичъ подкараулилъ минуту, когда Софья осталась одна въ своей комнатѣ, и тихонько постучался къ ней.

— Войдите, откликнулась Софья. Онъ вошелъ на цыпочкахъ и остановился посреди комнаты.

— Вы уѣзжаете?

— Уѣзжаю, Иванъ Богдановичъ, прощайте.

Онъ подошелъ и положилъ ей руку на плечо.

— Ви хорошій дѣвушекъ,—сказалъ онъ, растроганнымъ голосомъ,—да, и если вамъ что-нибудь нужно, ви мнѣ сказайте. — И онъ застучалъ себѣ въ грудь кулакомъ.

— Благодарю васъ, добрый Иванъ Богдановичъ, мнѣ ничего не нужно, благодарю васъ.—И Софья крѣпко пожала ему руку.

—Вотъ, вотъ, возьмите на дорогъ,—пробормоталъ нѣмецъ, усиленно моргая, и, сунувъ ей въ руку какую-то коробку, поспѣшно вышелъ.

Въ коробкѣ оказались старыя конфекты, которыя Иванъ Богдановичъ получилъ изъ Петербурга въ подарокъ отъ своей дочери, но не съѣлъ ихъ, а сохранилъ на память.

V.

Маленькій Митя очень скоро сталъ общимъ любимцемъ въ семействѣ Брызгаловыхъ, обогатившимся, такимъ образомъ, еще однимъ членомъ.

Но болѣе всѣхъ любила его бабушка; она просто души въ немъ не чаяла и, казалось, сама помолодѣла съ тѣхъ поръ, какъ начала пеленать и няньчить маленькаго буяна. Буянъ кричалъ иногда по цѣлымъ ночамъ, но Марьѣ Кузьминишнѣ это было нипочемъ и, провозившись цѣлый день со своими собственными дѣтьми и по хозяйству, она всю ночь не смыкала глазъ, качая и баюкая внучка. Соню она отсылала спать, подъ предлогомъ, что она еще слаба, сама кормитъ и ей нуженъ покой.

— Послѣ, послѣ,—уговаривала она ее,—когда ты поправишься, тогда я высплюсь, а теперь ступай, ложись.

Марья Кузьминишна, какъ всѣ женщины, была немного суевѣрна и почему-то вообразила, что Митя долженъ непремѣнно принести счастье въ семью.

— Божье благословеніе, — думала она, качая ребенка,—мы не бросили его, не отдали чужимъ людямъ, Господь пошлетъ намъ и на него. Она вѣрила въ возмездье добрыхъ дѣлъ, не только въ будущей жизни, но и въ настоящей.

И, дѣйствительно, въ первое время судьба какъ будто улыбнулась Брызгаловымъ: Иванъ Ивановичъ сталъ меньше пить; вообще, съ пріѣздомъ дочери и въ особенности съ появленіемъ въ семьѣ внука, ему какъ будто стало стыдно за свое безобразіе и жаль этого маленькаго существа, лежавшаго въ колыбели и улыбавшагося ему. Марья Кузьминишна, конечно, принуждена была сказать мужу всю правду, и онъ первый возсталъ противъ того, чтобы Митю отдавать въ воспитательный домъ.

— Грѣхъ великій,—сказалъ онъ:—какъ можно губить дитя!

Марья Кузьминишна прикинулась въ этомъ случаѣ покорной женою и Митя остался въ семьѣ. Затѣмъ Иванъ Ивановичъ пошумѣлъ немного и грозилъ расправиться по своему, подать въ судъ на того злодѣя, который, который... Но, взглянувъ на испуганное лицо Софьи, онъ не договорилъ, въ чемъ виновенъ злодѣй и какую кару онъ ему готовилъ. Случилось и другое происшествіе, совершенно неожиданное, которое Марья Кузьминишна тоже приписала Митѣ и божьему благословенію. Разъ какъ-то, часу въ девятомъ утра, въ квартиру Брызгаловыхъ позвонилъ какой-то господинъ въ статскомъ платьѣ, похо-

жій на артельщика, и отдалъ Ивану Ивановичу толстый пакетъ на имя его дочери, Софьи Ивановны.

— Отъ кого?—спросилъ удивленный Иванъ Ивановичъ.

— Тамъ написано, — отвѣчалъ артельщикъ и поспѣшно ушелъ.

Иванъ Ивановичъ остался съ разинутымъ ртомъ и съ пакетомъ въ рукахъ; въ такомъ положеніи застала его Марья Кузьминишна.

— Что такое? — отъ кого письмо? — спросила она.

— Не знаю, душенька, какой-то господинъ принесъ.

— Гдѣ же онъ?

— Ушелъ.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ ты его отпустилъ? Надо было узнать, спросить отъ кого, можетъ быть, отвѣтить на письмо.—Она схватила пакетъ и отнесла его дочери.

— Соня, тебѣ письмо.

Софья поблѣднѣла. Она давно ждала письма оттуда, гдѣ былъ центръ ея жизни, куда влекло ее горячее сердце; ждала отвѣта на свои письма, на увѣдомленіе о рожденіи Мити, но отвѣта не было. Она поспѣшно разорвала конвертъ; въ немъ было 3,000 рублей, радужными бумажками, но она, не считая, бросила ихъ на столъ и еще чего-то искала въ пакетѣ, искала того, что было ей дороже денегъ,—письма. Но конвертъ былъ пустъ,— ни слова, ни строчки, только одна бѣлая бумага, въ которую были вложены деньги. Она встала и вышла изъ комнаты.

— Заплатилъ! — мелькнуло у нея въ головѣ, — за-

платилъ за мою любовь къ нему, за Митю.—Ее бросало въ жаръ и въ холодъ.

— Не приму!—воскликнула она въ негодованіи,—отошлю назадъ; скорѣй надо отослать.—И она вбѣжала обратно въ комнату, гдѣ мать считала деньги.

— Отошли назадъ, отошли сейчасъ, или я выброшу въ форточку. —И она протянула руку за деньгами; но Марья Кузьминишна поспѣшно спрятала ихъ въ карманъ.

— Въ умѣ ли ты? Этакую сумму, съ ребенкомъ на рукахъ,—это его деньги, да и кому отослать, куда?

Софья знала, куда и кому отослать, но она поняла, что мать не отдастъ денегъ, и замолчала. Марья Кузьминишна старалась утѣшить ее, увѣряя, что письмо будетъ непремѣнно, отдѣльно придетъ, деньги же, можетъ быть, и не онъ прислалъ, а графиня; но Софья была неутѣшна.

— Заплатилъ,—твердила она, оставшись одна,—и больше знать не хочетъ; значитъ, не любилъ никогда, все лгалъ, а я вѣрила!

Мысль эта преслѣдовала ее неотвязно, колебала ея вѣру въ жизнь и людей, и она дѣйствительно отослала бы деньги назадъ, еслибы мать позволила распорядиться ими, но Марья Кузьминишна спрятала деньги за три замка, увернула, укутала въ разныя бумажки и тряпки и твердо рѣшилась не трогать, беречь для Мити про черный день. Она, конечно, не выполнила своего зарока, и сначала размѣняла одну бумажку, потомъ другую и т. д. Брызгаловы были бѣдные и бережливые люди; тѣмъ не менѣе они привыкли жить въ извѣстномъ,—конечно, относительномъ довольствѣ, и нужда, дѣйствительная горь-

кая нужда оказалась имъ не подъ силу. Сверхъ того, они были русскіе чиновники и дворяне, а Марья Кузьминишна происходила даже изъ старинной барской семьи, выросшей на крѣпостномъ правѣ и помнившей лучшія времена. То, что́ другимъ показалось бы сноснымъ, было для нихъ тяжелой нуждою, и невольно, при первой возможности, они расширяли свою жизнь и возвращались къ прежнимъ привычкамъ, всосавшимся имъ въ кровь и плоть. Такъ и теперь они не удовольствовались тѣмъ, что стали обѣдать каждый день и не сидѣли по вечерамъ въ потемкахъ, а не утерпѣли и переѣхали на свою излюбленную Петербургскую сторону, покинувъ душные, ненавистные Пески. Новая квартира была съ садомъ, и на него радовались большіе и малые, вспоминая свой прежній старый садъ, а Марья Кузьминишна даже выставляла этотъ садъ оправдательнымъ мотивомъ для переѣзда на Петербургскую сторону и излишнихъ расходовъ, убѣждая себя и другихъ, что чистый воздухъ необходимъ для маленькаго Мити.

Въ садъ приходили и другіе жильцы, въ томъ числѣ нѣкто Ипатовъ, студентъ медико-хирургической академіи. Студентъ этотъ нанималъ комнату отъ жильцовъ, въ одномъ домѣ съ Брызгаловыми, былъ очень бѣденъ и жилъ уроками. Съ наступленіемъ весны, онъ сталъ часто выходить въ садъ изъ своей душной кануры и зубрилъ съ азартомъ, сидя на скамейкѣ, съ книгой въ рукахъ, или ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ. Въ этихъ прогулкахъ онъ часто встрѣчался съ семьею Брызгаловыхъ, но держалъ себя въ сторонѣ и въ особенности избѣгалъ Софьи и ея ребенка; неизвѣстно, кого онъ больше боялся, —

маленькаго Мити или его маменьки; но только, увидавъ ихъ издали въ аллеѣ, онъ поворачивалъ назадъ и уходилъ къ себѣ, если они оставались въ саду.

Ипатовъ былъ нелюдимъ и даже съ товарищами сходился мало, а все больше сидѣлъ одинъ, уткнувъ носъ въ книгу. Съ виду онъ былъ невзрачный человѣкъ, въ особенности на первый взглядъ, и дѣти Брызгаловыхъ почему-то боялись его и прозвали: *„дядей-козломъ“*. Длинный, худой, со взъерошенными волосами и рѣдкой узкой бородкой, онъ былъ, дѣйствительно, издали похожъ на козла, и только вблизи ласковая, добрая улыбка и умные глаза мирили съ его лицомъ и даже дѣлали его пріятнымъ, въ особенности, когда онъ говорилъ или смѣялся.

Козелъ этотъ, хотя и смотрѣлъ изподлобья, но никогда не бодался, говорилъ груднымъ мягкимъ голосомъ и былъ тихъ и кротокъ, какъ ягненокъ. Старый чиновникъ, у котораго онъ нанималъ комнату, скоро познакомившійся съ Брызгаловыми, очень хвалилъ его и называлъ примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ.

— А ужъ какой прилежный, — разсказывалъ онъ Марьѣ Кузьминишнѣ, вы не повѣрите. Книгъ у него гора, сидитъ и учится по цѣлымъ днямъ, а иногда и ночь напролетъ. Примѣрный молодой человѣкъ, нечего сказать, только одно нехорошо, — въ церковь не ходитъ и въ постъ ѣстъ скоромное. Повѣрите ли, въ страстную пятницу яичницу лопалъ!

— Нехорошо, — говорю я ему, — нехорошо, Андрей Васильевичъ, грѣхъ великій. Вы бы лучше грибковъ или хоть рыбки“. — И предложилъ ему щей съ грибами, — въ этотъ день у насъ варили.

— Что жъ онъ съѣлъ? — спросила Марья Кузьминишна.

— Съѣлъ матушка, еще какъ съѣлъ, только мораль мнѣ такую прочелъ, не дай Богъ.

— Вамъ же и мораль?

— Да вотъ подите! „Вѣра—говоритъ—не въ грибкахъ и не въ рыбкѣ.“—А въ чемъ же? спрашиваю я.— „Въ чемъ, говоритъ, въ чемъ?—въ любви къ ближнему, въ добрыхъ дѣлахъ“. И пошелъ, и пошелъ... Хорошо говорилъ, нечего сказать, красно,—только я, признаться, несовсѣмъ понялъ.

Софьѣ, слушавшей эти разсказы, захотѣлось узнать отъ самого Ипатова, въ чемъ, по его мнѣнію, заключалась вѣра, такъ какъ она давно поняла, что вѣра не въ грибкахъ и не въ рыбкѣ. Но ей не удавалось съ нимъ заговорить. Онъ упорно избѣгалъ ея, хотя она замѣчала, что часто, зайдя за дерево, онъ смотрѣлъ на нее издали, но тотчасъ же исчезалъ, когда она вставала и шла къ нему на встрѣчу.

Май подходилъ къ половинѣ; садъ въ домѣ, гдѣ жили Брызгаловы, былъ старый и тѣнистый; въ немъ становилось хорошо,—трава зеленѣла, деревья распускались и воробьи чирикали безъ устали, перелетая съ вѣтокъ на заборъ и съ забора на вѣтки. Маленькій Митя внимательно слѣдилъ за ними своими глазенками и никакъ не могъ понять, о чемъ воробьи такъ хлопочутъ? Ипатовъ тоже не могъ понять, отчего у него такъ сердце бьется, когда онъ смотритъ на молодую мать, съ ребенкомъ на рукахъ, и отчего такъ неотразимо тянетъ его къ ней? Что она ему, и какое ему до нея дѣло? „На-

конецъ, это глупо,—убѣждалъ онъ самъ себя:—она мнѣ мѣшаетъ заниматься.“

И дѣйствительно, онъ часто по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ книгу, но видѣлъ однѣ черныя строчки, повторялъ фразы, не понимая ихъ смысла; въ глазахъ все мерещилось красивое лицо Софьи, ея высокая грудь и бѣлая шея, а въ ушахъ звучала знакомая колыбельная пѣсня, которую онъ такъ часто слушалъ въ саду или чрезъ отворенныя окна своей комнаты. Онъ уходилъ изъ дому, чтобы не слушать этой пѣсни, но она всюду преслѣдовала его и звучала въ ушахъ вмѣстѣ съ шумомъ городскимъ, съ уличными криками, со свистомъ пароходовъ. Наконецъ онъ рѣшился переѣхать на другую квартиру, подальше куда нибудь, чтобъ не слышать и не видѣть, забыть и Софью и Митю, и ихъ колыбельныя пѣсни, но тутъ встрѣтилось непреодолимое препятствіе: не было денегъ на переѣздъ и нечѣмъ было расплатиться съ хозяиномъ квартиры, которому онъ задолжалъ за нѣсколько мѣсяцевъ.

— Какъ же быть теперь, — спрашивалъ онъ самъ себя,—значитъ переѣхать нельзя? Ну, нельзя, и нечего дѣлать.—Онъ даже обрадовался, что нельзя. Совѣсть какъ будто упрекала его въ чемъ-то, но онъ оправдался отъ этого упрека. Къ концу мая садъ покрылся густою зеленью и число гуляющихъ въ немъ значительно прибыло. Всѣ жильцы сходились туда, быстро перезнакомились между собою и образовали въ саду нѣчто въ родѣ лѣтняго клуба. Члены этого клуба, преимущественно прекраснаго пола, занимались усердно сплетнями и пересудами, обильнымъ матерьяломъ для которыхъ послужили новые жильцы, Брызгаловы, и въ особенности Софья съ ея ребенкомъ. Она

была, какъ бѣльмо на глазу у разныхъ кумушекъ, собиравшихся въ саду, и толкамъ, разговорамъ о ней не было конца.

— Мужа нѣтъ, откуда ребенокъ? вдова или дѣвица?

— Нагуляла, извѣстно, — рѣшила лавочница, молодая, пухлая баба, въ грязной кацавейкѣ, съ шолковымъ платкомъ на головѣ.

— Фи, какія вы гадости говорите, — пугалась Катерина Ивановна, старая дѣвица, племянница хозяйки дома.

— Отецъ пьяница, — зато и со службы прогнали, а она съ офицеромъ уѣхала на Кавказъ, оттуда, говорятъ, и мальчишку привезла.

— Срамъ какой! — восклицала Катерина Ивановна.

— Ужъ если грѣхъ такой случился, такъ надо его прятать, а она въ саду напоказъ всѣмъ носитъ.

— Куда спрятать-то? — спросила, со вздохомъ, лавочница.

— Куда? извѣстно куда, на то есть мѣсто такое.

— Спитательный, — знаемъ мы; нешто бы вы своего туда снесли?

— Ахъ, Боже мой? что это вы говорите? я честная дѣвушка, вы меня обижаете.

— Всяко бываетъ, матушка, не зарекайся: женское дѣло!

Въ это время вошла въ садъ чиновница съ двумя дѣвочками, подросточками, одѣтыми въ свѣтленькія, совершенно одинаковыя платьица. Дама эта, — супруга того самаго чиновника, у котораго Ипатовъ нанималъ квартиру, — была уже не молодая, но еще любила принаря-

диться, и въ этотъ день была въ пестрой турецкой шали и въ шляпкѣ съ цвѣтами. Дѣвочки тотчасъ шмыгнули куда-то, а мать присѣла на скамейку, послушать, о чемъ толкуютъ сосѣдки.

— Что это вы, Дарья Яковлевна, такія нарядныя сегодня?—спросила ее лавочница.

— Въ церкви были, голубушка, молебенъ служили.

— Празднество, что ли, у васъ семейное?

— Да, моей Настеньки день рожденья, 15 лѣтъ сегодня минуло.

— Скажите на милость, какая большая! скоро замужъ выдавать. Готовьте приданое.

— Охъ, голубушка,—вздохнула Дарья Яковлевна,— наше дѣло чиновное, не до приданаго — концы бы съ концами свести, и то слава Богу.

— Да, вотъ подите,—замѣтила лавочница,—съ дочками-то нынѣ бѣда: товаръ такой, не скоро съ рукъ сбудешь.

— Что̀ говорить,—отвѣчала чиновница,—хотя, конечно, дочки всякія бываютъ; вонъ Брызгаловы черезъ дочку капиталъ нажили.

— Какой капиталъ? откуда?—затарантила Катерина Ивановна.

— Извѣстно откуда: Соничку свою за десять тысячъ купцу продали.

— Что вы?—перебила лавочница,—никакого купца у нихъ и въ заводѣ не было; — съ офицеромъ на Кавказъ бѣгала.

— Ну, ужъ извините! я сама своими глазами купца видѣла;— важный такой, съ бородищей.

— Ужъ не знаю тамъ, съ бородищей или бритый, — спорила лавочница, — а только ребеночекъ отъ офицера.

— Отъ купца, мать моя, отъ купца, — твердила Дарья Яковлевна.

— Отъ офицера.

— Не правда, отъ купца; на капиталъ его теперь и живутъ, а то гдѣ жъ тамъ на пенсію, знаемъ мы эти пенсіи.

— Кабы капиталъ имѣли, не должали бы намъ въ лавочку.

— Ужъ не знаю тамъ, какъ у васъ въ лавочкѣ, а только отъ купца—это вѣрно:—онъ и намеднись къ нимъ въ каретѣ пріѣзжалъ, сама видѣла.

— Это не къ нимъ,—вмѣшалась Катерина Ивановна, вся красная отъ волненія,—это къ той, ко вдовѣ Лоскуткиной.

— Очень нужно ему къ Лоскуткиной, къ этакой паскудѣ!

— У мужчинъ вкусы всякіе бываютъ, они достойныхъ дѣвицъ не цѣнятъ.

Ужъ не тебя ли цѣнить?—подумала Дарья Яковлевна, глядя на тощую фигуру старой дѣвы, но не рѣшилась выговорить этого громко, такъ какъ была должна ея теткѣ за квартиру.

— Ну, ихъ совсѣмъ, — заключила она, вставая со скамейки.—Намъ-то что,—купецъ ли, офицеръ ли? Все одинъ срамъ.

— Извѣстно, одинъ, — объявили ея собесѣдницы, и такъ какъ согласіе было на этотъ счетъ полное, то, по

приглашенію Дарьи Яковлевны, онѣ всѣ отправились къ ней на пирогъ—праздновать день рожденья Настеньки.

— Я сейчасъ за вами, — объявила Катерина Ивановна и побѣжала наверхъ въ свою комнату, наколоть бантикъ на платье и поправить прическу. Она надѣялась встрѣтить на пирогѣ студента Ипатова, къ которому втайнѣ питала нѣжныя чувства.

На пирогъ были приглашены и Брызгаловы, но явилась одна Марья Кузьминишна съ дѣтьми; Иванъ Ивановичъ оказался несовсѣмъ въ порядкѣ, а Софья наотрѣзъ отказалась идти и осталась дома съ Митей. Марью Кузьминишну, не смотря на ходившія о семьѣ ея сплетни, принимали съ почетомъ, какъ по высокому чину ея мужа, такъ и по собственной ея величавой фигурѣ и хорошимъ манерамъ, отличавшимъ ее отъ остальнаго общества; ее посадили возлѣ хозяйки на первое мѣсто, подавали ей первой кушанья и вообще ухаживали за ней, не смотря на то, что за спиной разсказывали разный вздоръ и бросали грязью въ ея семью.

Покуда гости ѣли пирогъ въ честь новорожденной Настеньки, къ воротамъ дома подкатила карета, и изъ нея вылѣзъ осанистый, бородатый купецъ, тотъ самый, котораго видѣла собственными глазами Дарья Яковлевна. Но купецъ прошелъ не къ Блызгаловымъ, а прямо въ квартиру вдовы Лоскуткиной, жившей съ ними на одной лѣстницѣ, какъ разъ напротивъ, дверь въ дверь.

— Эй, Анна! — закричалъ онъ, входя въ первую комнату,—гдѣ ты тамъ запропастилась?

Изъ боковой двери выбѣжала женщина въ папильоткахъ на лбу и въ бѣлой кофтѣ. Она была не молода,

но сохранила еще остатки прежней красоты; лицо было круглое, чисто русское, но папильотки на лбу и подмазанные глаза и щеки придавали ей видъ отставной кокотки; грудь обрисовывалась подъ кофтой, пальцы были унизаны затѣйливыми кольцами. Она застыдилась, увидѣвъ гостя, стала запахивать кофту и извиняться, что не одѣта.

— Ну тебя къ чорту съ твоимъ одѣваньемъ,—перебилъ ее купецъ, безцеремонно плюхнувшись на диванъ.

— Садись и разсказывай, что новаго?

— Ничего нѣтъ новаго, батюшка Степанъ Ивановичъ,—отвѣчала хозяйка, робко присаживаясь на стулѣ.

— Врешь, чортова кукла, знаемъ мы тебя, денегъ хочешь.

— Не въ деньгахъ дѣло, Степанъ Ивановичъ.

— Какъ не въ деньгахъ, что мелешь? за деньги все купить можно.

— Извѣстно можно, только наше дѣло не клеится,—ума не приложу, какъ быть?

— Ты дура!

— Извѣстно дура, гдѣ ужъ намъ ума нажить,—женское дѣло.

Онъ говорилъ ей *ты*, а она ему *вы*, и вообще относилась къ нему съ особымъ почтеніемъ и даже страхомъ.

— Время надо, батюшка, Степанъ Ивановичъ, потерпите.

— Терпѣть намъ не полагается, потому мы деньги платимъ, понимаешь ли ты?

— Понимать-то понимаю, а только все же обождать

надо, теперь у нихъ еще деньги водятся, а вотъ какъ всѣ выйдутъ...

— Какія у нихъ деньги,—перебилъ Степанъ Ивановичъ, — нищіе!

— Сама видѣла, своими глазами, какъ старуха въ чайномъ магазинѣ сторублевую бумажку мѣняла.

— Великія деньги—сторублевая бумажка.

— Какъ для кого; для бѣднаго человѣка цѣлый капиталъ.

— Ты что ли бѣдная?

— Вашими милостями живемъ, спасибо вамъ, меня не забываете.—Она схватила его руку и хотѣла поцѣловать.

— Ну тебя, отвяжись.—И онъ вырвалъ у нея руку.

— Сварганъ дѣло, 300 рублей на столъ выложу, сказано.

— Охъ, батюшка, что жъ ты меня такими деньгами пужаешь?

Вдова Лоскуткина въ минуты волненія забывала свою образованность, начиная выражаться на простомъ русскомъ нарѣчіи, и даже говорила гостю „ты“, должно быть, по старой памяти.

Анна Михайловна Лоскуткина была въ молодости простою деревенскою бабой; но, переѣхавъ въ Питеръ, попала въ честь за свое крѣпкое бѣлое тѣло, и много лѣтъ „гуляла“ съ богатыми купцами, переходя изъ рукъ въ руки. Въ этотъ періодъ своей жизни она поставила себѣ двѣ цѣли: первую—скопить деньгу подъ старость, и вторую—уподобиться городскимъ моднымъ кокоткамъ, съ которыми часто встрѣчалась тогда. Первое удалось ей вполнѣ, второе только отчасти; она выбивалась изъ силъ,

чтобы заимствовать хорошій тонъ и манеры французскихъ дамъ полусвѣта, красилась, жеманилась, одѣвалась по послѣдней модѣ, но болтать по французски такъ и не выучилась, а когда входила въ азартъ, то ругалась по извощичьи и превращалась въ простую русскую бабу. Была ли она когда нибудь замужемъ, или титулъ вдовы былъ у нея самозванный, никто не зналъ, да и мало кто интересовался, а была она извѣстна подъ именемъ Анны Михайловны или „Анютки“, которая была въ сильномъ ходу одно время, держала свой экипажъ, нарядную квартиру и даже ложу въ оперѣ, но съ годами стала спадать съ величія, сдѣлалась крайне скупой и кончила тѣмъ, что переѣхала на Петербургскую сторону. Тамъ она занималась темными дѣлами и жила въ двухъ комнатахъ, прикидываясь бѣдною вдовою.

Степанъ Ивановичъ Кудесниковъ, богатый московскій купецъ, былъ старый ея знакомый, и самъ содержалъ ее когда-то, но бросилъ, когда баба, по его выраженію, „износилась“, и выдавалъ ей, по добротѣ душевной, небольшую пенсію, навѣщая иногда пріѣздомъ въ Петербургъ, несовсѣмъ впрочемъ безкорыстно, такъ какъ устраивалъ себѣ, при ея посредствѣ, разныя забавы и развлеченія, вдалекѣ отъ своей постоянной резиденціи, Москвы, гдѣ имѣлъ жену, взрослыхъ дѣтей и пользовался большимъ почетомъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ увидѣлъ случайно Софью Брызгалову и воспылалъ къ ней нѣжною страстью.

— Самая она для меня подходящая,—объявилъ онъ своей пріятельницѣ, Аннѣ Михайловнѣ,—добудь ты мнѣ ее безпремѣнно, никакихъ денегъ на такую красавицу не пожалѣю.

Вдова Лоскуткина наобѣщала на словахъ съ три короба, но на дѣлѣ не могла сдѣлать ничего. Она встрѣтила неожиданный отпоръ въ Марьѣ Кузьминишнѣ, въ первый же разъ какъ заговорила съ ней о своемъ дѣлѣ. И не то, чтобы сразу бухнула о купцѣ Кудесниковѣ, а повела разговоръ издали, политично: „Не подобаетъ, молъ, такой дѣвицѣ, какъ Софья Ивановна, свою молодость губить; вотъ и она сама, Анна Михайловна, смолоду дурой была, красоту свою загубила, а капиталу не нажила, — теперь вотъ горе и мыкаетъ; близокъ локоть, да не укусишь"... Но Марья Кузьминишна съ перваго разу осадила ее такъ, что она во второй не рѣшилась и сунуться, боясь въ конецъ испортить свои добрыя отношенія къ семьѣ Брызгаловыхъ, добытыя длиннымъ путемъ ухаживаній, заискиваній и цѣлымъ рядомъ мелкихъ услугъ по хозяйству. Въ настоящее совѣщаніе, Степанъ Ивановичъ и Анна Михайловна рѣшили, однако, не бросать дѣла, а подойти хотя и дальнимъ, обходнымъ, но болѣе вѣрнымъ путемъ. Плодомъ этихъ совѣщаній было письмо, полученное старикомъ Брызгаловымъ, слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь
Иванъ Ивановичъ.

„Наслышавшись отъ вѣрныхъ людей о прежней службѣ вашей и многой опытности по письменнымъ дѣламъ и по законамъ, я, нуждаясь крайне въ такомъ какъ вы дѣльцѣ, осмѣливаюсь предложить вамъ мѣсто въ моей конторѣ, въ С.-Петербургѣ, съ жалованьемъ въ сто рублей въ мѣсяцъ, а буде сойдемся въ дальнѣйшемъ, то и больше.

Главная моя контора въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ только отдѣленіе, но много дѣловъ въ канцеляріи и по перепискѣ, а потому благоволите пожаловать во вторникъ, въ 11 часовъ утра, въ мою контору, на Мойкѣ, № 17, для личнаго разговора.

„Наслышался я также, что вы въ отставкѣ, пенсію имѣете малую, а семью большую, потому надѣюсь, что не обидитесь моимъ письмомъ. Въ ожиданіи отвѣта, остаюсь

вашъ
покорный слуга
Степанъ Кудесниковъ,
московскій 1-й гильдіи купецъ“.

Письмо было получено въ субботу и доставлено не по почтѣ, а съ разсыльнымъ изъ конторы. Оно было сочинено и набѣло переписано самимъ Степаномъ Кудесниковымъ и заключало въ себѣ немалое число грамматическихъ ошибокъ, которыя остались неисправленными, пройдя черезъ цензуру вдовы Лоскуткиной. Прочитавъ письмо, Иванъ Ивановичъ пришелъ въ неописанный восторгъ и бросился къ Марьѣ Кузьминишнѣ, не сомнѣваясь ни минуты, что она раздѣлитъ его радость и что дѣло кончено: во вторникъ онъ пойдетъ объясняться, а въ среду— на службу. Какое счастье! опять на Мойку, опять будетъ ѣздить черезъ перевозъ отъ Мытнаго, шагать по Дворцовой площади и не такъ себѣ просто, для прогулки или удовольствія, а на службу, конечно, не царскую, а частную, но все же на службу, къ обѣду вернется домой, усталый и счастливый, а 20-го числа при-

несетъ женѣ жалованье. Иванъ Ивановичъ чуть не прыгалъ отъ радости; но Марья Кузьминишна посмотрѣла на дѣло иначе; она прочла письмо три раза, посмотрѣла на свѣтъ, перечитала адресъ и покачала головой.

— Странно, — сказала она, — откуда взялся такой купецъ и зачѣмъ ты ему вдругъ понадобился?

— Что же тутъ страннаго? — возразилъ Иванъ Ивановичъ: — просто слыхалъ обо мнѣ.

— Да ты развѣ его знаешь, видалъ когда нибудь?

— Никогда не видалъ и не слыхалъ о немъ ничего.

— И не слыхалъ? — Странно, нѣтъ ли тутъ какой нибудь шутки. Кто нибудь посмѣялся надъ тобой, вотъ и все.

— Ну, вотъ еще, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, обидѣвшись. — Кому нужно шутить такъ глупо, да и что ты находишь страннаго, что въ моемъ трудѣ люди нуждаются?

— Ну, сходи во вторникъ, попробуй, — рѣшила Марья Кузьминишна, не желая раздражать мужа еще болѣе: — авось Богъ поможетъ, только смотри, будь остороженъ, не попадись въ какую нибудь ловушку, а — главное — не кончай ничего безъ меня.

— Ну, вотъ еще! развѣ я маленькій.

Во вторникъ онъ отправился въ контору, выбритый, вымытый, въ вицъ-мундирѣ и съ Анною на шеѣ; онъ довольно долго не приходилъ домой, но наконецъ явился, весь сіяющій.

— Ну, Маша, — заговорилъ онъ еще въ передней, — еслибъ ты знала, что за человѣкъ Степанъ Ивановичъ.

— Какой Степанъ Ивановичъ?

— Да Кудесниковъ, онъ и есть Степанъ Ивановичъ.

— Ну?

— Какой пріемъ, еслибъ ты знала, какая контора, дѣла милліонныя, самъ такой видный, осанистый.

— Что жъ онъ тебѣ сказалъ?

— Пригласилъ на службу, 100 рублей въ мѣсяцъ жалованья, а коли сойдемся, говоритъ, еще прибавлю.

— Да откуда онъ тебя знаетъ?

— Отъ прежняго, говоритъ, директора, отъ вашего Николая Гавриловича, много, — говоритъ, — о васъ слыхалъ, очень ужъ онъ рекомендовалъ васъ.

Марья Кузьминишна, въ свою очередь, просіяла.

— Ну,—сказала она,—если черезъ Николая Гавриловича, такъ это другое дѣло. Что жъ, ты покончилъ?

— Покончилъ Маша,—отвѣчалъ робко Иванъ Ивановичъ, боясь, какъ бы ему не досталось за то, что онъ покончилъ безъ ея соизволенія.

Но дѣло обошлось благополучно и начальство оказалось на этотъ разъ милостивымъ.

— Сто рублей жалованья? — переспрашивала Марья Кузьминишна.

— Да, 100 рублей и обѣщалъ прибавить...

Марья Кузьминишна перекрестилась.

— Милость божія,—сказала она,—это все за Митю Господь намъ посылаетъ. Надо въ воскресенье молебенъ отслужить, всей семьей пойдемъ въ церковь и его, голубчика, съ собой возьмемъ, причастить надо.

Въ сущности, она была рада не менѣе мужа. Митины деньги таяли, какъ воскъ, и за растрату ихъ Марья Кузьминишна горько себя упрекала. И вдругъ такое счастье: 100 рублей въ мѣсяцъ и пенсія остается. Марья

Кузьминишна поклялась передъ образомъ, что не тронетъ болѣе ни копѣйки изъ завѣтныхъ денегъ, а растраченное пополнитъ, хотя бы ей пришлось голодать изъ-за этого.

— Смотри же ты, Иванъ Ивановичъ, — строго объявила она мужу, — если ты на новомъ мѣстѣ не удержишься изъ-за этого винища...

Но Иванъ Ивановичъ только замахалъ руками.

— И-и, что ты! Я далъ зарокъ.

— Бѣдняга, — подумала Марья Кузьминишна, — онъ съ горя вѣдь только и пилъ, отъ тоски и праздности.

Веселые дни наступили въ семействѣ Брызгаловыхъ и солнышко опять выглянуло на ихъ горизонтѣ. Всѣ точно ожили, въ особенности старики. Иванъ Ивановичъ испытывалъ ощущеніе стараго карася, котораго долго томили въ лаханкѣ, не перемѣняя воды, и вдругъ выпустили въ прудъ, гдѣ онъ могъ плавать и плескаться всласть. Онъ опять дышалъ чернильнымъ воздухомъ; у него опять были свой столъ, чернильница, кресло, да какіе еще, — какихъ не бывало и у самого директора департамента; только одно его удивляло: дѣлъ въ конторѣ, „настоящихъ“, — какъ онъ понималъ ихъ, — совсѣмъ не было, а были какіе-то счеты, контракты и балансы. Нѣтъ того, чтобы настрочить какое нибудь отношеніе, съ излюбленною фразою: „вслѣдствіе сего и имѣя въ виду“, — нѣтъ, слогъ былъ какой-то безобразный: генералу писали: „милостивый государь“; министру отношеніе, а не рапортъ. Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ къ этому привыкнуть и совсѣмъ былъ сбитъ съ толку порядками купеческой конторы. Это не мѣшало ему конечно получать исправно жалованье,

которое ему выдали даже за мѣсяцъ впередъ, сказавъ, что вычтутъ послѣ, когда дадутъ награды къ празднику. Послѣднее обстоятельство очень понравилось Марьѣ Кузьминишнѣ и ей показалось, что она никогда не была такъ богата: шутка ли, каждое 20-е число—100 рублей! Конечно, прежде они получали и больше, но это было уже давно, и они натерпѣлись съ тѣхъ поръ такъ много горя, что 100 рублей въ мѣсяцъ показались ей цѣлымъ капиталомъ.

Недолго думая, она осуществила свою задушевную мечту и залѣчила рану, давно болѣвшую на сердцѣ. Сережа, ея любимецъ, былъ взятъ изъ ремесленнаго училища и водворенъ опять въ гимназію и въ родительскій домъ. День этотъ искупилъ ея страданія; она плакала, обнимала его, не знала, куда посадить; но Сережа, сильно одичавшій въ училищѣ, смотрѣлъ какимъ-то букой и въ особенности косился на старшую сестру и на ея ребенка.

Новый патронъ Брызгаловыхъ, купецъ Кудесниковъ, велъ себя съ большимъ тактомъ. Въ первое время онъ совсѣмъ не показывался на Петербургской сторонѣ и даже нарочно уѣхалъ въ Москву, чтобы дать время Брызгаловымъ освоиться съ ихъ новымъ положеніемъ и не испортить дѣла слишкомъ поспѣшнымъ требованіемъ награды за свои благодѣянія. Но наконецъ и онъ не вытерпѣлъ. Въ одно прекрасное утро, громкій звонокъ въ передней въ необычное время, испугалъ Марью Кузьминишну и ея домочадцевъ. Она отворила; Иванъ Ивановичъ вбѣжалъ въ комнату, весь запыхавшись.

— Что случилось?—воскликнула она въ тревогѣ,—ужъ не отказали ли отъ мѣста?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ.

— Какъ, напротивъ? что это значитъ? да говори же толкомъ!

— Ѣдетъ, ѣдетъ! — только и могъ проговорить Иванъ Ивановичъ, махая руками,—сейчасъ за мной.

— Кто ѣдетъ, куда?—Марья Кузьминишна ничего не понимала.

— Самъ, самъ ѣдетъ къ намъ; вчера изъ Москвы вернулся,—скорѣй!

Марья Кузьминишна насилу могла добиться, что ѣдетъ къ нимъ *самъ* Степанъ Ивановичъ съ визитомъ, а мужъ успѣлъ только забѣжать впередъ и цѣлый полтинникъ проѣздилъ на извощикахъ.

— Ну, такъ что жъ,—сказала она спокойно,—милости просимъ.

— Скорѣй иди, иди; одѣнься, Соню позови.

Иванъ Ивановичъ бѣгалъ и суетился; онъ схватилъ какое-то полотенце и сталъ тереть имъ изо всей мочи спинку стула, попавшагося ему подъ руку, но Марья Кузьминишна вырвала у него полотенце.

— Оставь,—сказала она съ досадой:—личнымъ полотенцемъ стульевъ не обтираютъ. Оставь, говорятъ тебѣ, не твое дѣло, безъ тебя все справятъ, лучше поди умойся,—весь перепачкался, какъ трубочистъ.

Иванъ Ивановичъ былъ, дѣйствительно, весь въ пыли и въ поту, и въ такомъ волненіи, какъ будто ждалъ къ себѣ въ гости владѣтельнаго принца. Но для него Степанъ Кудесниковъ и въ самомъ дѣлѣ явился сказочнымъ принцемъ, магомъ и волшебникомъ, воскресившимъ его къ жизни однимъ прикосновеніемъ волшебнаго жезла.

Ивановны, приподнесъ ей билетъ на ложу въ театръ, въ бельэтажъ.

Софья вспыхнула и не знала: принять ей ложу или нѣтъ? Но мать, боясь обидѣть патрона, шепнула, чтобы она приняла и поблагодарила за вниманіе. Съ тѣхъ поръ аттака повелась правильная: визиты и подарки стали все учащаться и рости въ цѣнѣ: наконецъ Кудесниковъ прислалъ Софьѣ браслетъ, унизанный брилліантами, такой цѣны, что подарокъ этотъ произвелъ полный переполохъ въ семьѣ Брызгаловыхъ. Оказалось, что онъ слишкомъ поторопился. Марья Кузьминишна не на шутку встревожилась и не знала, что̀ думать, а Соня оскорбилась подаркомъ и требовала, чтобы браслетъ немедленно отослали назадъ. Иванъ Ивановичъ тоже сконфузился, но не зналъ, на что̀ рѣшиться, и боялся пуще всего оскорбить своего благодѣтеля и потерять мѣсто.

— Конечно, — бормоталъ онъ, — конечно, браслетъ дорогой, Сонѣ не нужно, зачѣмъ такіе подарки? но, можетъ быть, у нихъ въ купеческомъ быту такъ водится?

— Что водится? крикнула на него Марья Кузьминишна, — что ты болтаешь?

Истинныя причины всѣхъ дѣйствій новаго благодѣтеля начинали выясняться передъ нею въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, но они казались ей настолько позорными, что она отказалась въ нихъ вѣрить.

Оставшись глазъ на глазъ съ мужемъ, она спросила: женатъ или холостъ его купецъ Кудесниковъ? Но Иванъ Ивановичъ не зналъ.

— Узнать завтра же, — приказала она, а пока рѣ-

шила браслетъ отослать, что̀ тотчасъ же и исполнила, при вѣжливой запискѣ отъ Софьи.

На другой день Марья Кузьминишна съ нетерпѣніемъ поджидала мужа.

Если женатъ, — думала она, — значитъ, намѣренія не честныя, надо все порвать, отказаться отъ мѣста и объявить этому купчинѣ, что мы не торгуемъ своею честью!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она невольно думала о 20-мъ числѣ, о жалованьѣ, о счетахъ въ лавкахъ, о платѣ за квартиру и—увы!—о ватномъ салопчикѣ, который она затѣяла шить для Мити на зиму, и безъ котораго его, голубчика, скоро нельзя будетъ и выносить.

— Бѣдный мальчикъ! Прожили его деньги; какъ и когда ихъ пополнимъ?

— Ну, что?—бросилась она на встрѣчу входившему мужу.

— Вдовецъ!—громко объявилъ Иванъ Ивановичъ.

На сердцѣ у Марьи Кузьминишны отлегло и она перекрестилась.

— Вдовецъ, вдовецъ! — повторяла она.—Значитъ, хорошій человѣкъ и намѣренія у него честныя! Самъ Богъ послалъ его намъ.

И она начала жалѣть, зачѣмъ отослала браслетъ, и тревожиться, не обидѣлся ли этотъ хорошій человѣкъ?

— Что онъ тебѣ сказалъ?—допрашивала она мужа:— говорилъ о браслетѣ?

— Ничего не говорилъ, отвѣчалъ сердито Иванъ Ивановичъ,—а я тебѣ говорилъ, что браслетъ отсылать не надо.

Съ этого дня Степанъ Ивановичъ сталъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ Брызгаловыхъ и особымъ любимцемъ Марьи Кузьминишны. Она не знала, куда его посадить и какъ обласкать, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ, а пріѣзжалъ онъ все чаще и чаще. Онъ имѣлъ настолько такту, что не поминалъ о браслетѣ и не дѣлалъ больше цѣнныхъ подарковъ, но зато засыпалъ всю семью конфектами, лакомствами и фруктами, привозилъ билеты на ложи чуть не каждый день, присылалъ экипажъ кататься, и разъ даже соблазнилъ Марью Кузьминишну взять у него въ долгъ 300 рублей, обѣщая вычитать изъ жалованья ея мужа или сосчитаться при наградахъ къ праздникамъ. Сама Софья думала, что онъ имѣетъ честныя намѣренія, и, хотя ей былъ противенъ этотъ бородатый купецъ съ его ложами и конфектами, но она не рѣшалась отвадить его, боясь огорчить отца и мать. Кудесникова можно было, дѣйствительно, принять за жениха Софьи и всѣ въ домѣ считали его такимъ, дивясь и завидуя счастію, выпавшему на долю Брызгаловыхъ.

— Милліонщикъ,—говорила лавочница,—и вдовецъ.

— Удивляюсь, право, этимъ мужчинамъ,—возражала съ запальчивостью старая дѣвица, Катерина Ивановна.— И что только онъ въ ней нашелъ? Ледащая, глаза, какъ плошки, да еще и съ изъяномъ.

— Съ какимъ изъяномъ?—спросила лавочница.

— Какъ съ какимъ? незаконнаго сына, на показъ всѣмъ, на рукахъ носитъ.

— А, можетъ, это и отъ него?

— Какъ отъ него? сами же вы говорили, что отъ офицера.

— Да я почемъ знаю. Мало ли что говорятъ.

Но Катерина Ивановна продолжала злиться, считая почему-то себя лично оскорбленной. Удивлялись и судачили и другіе жильцы, считая Кудесникова объявленнымъ женихомъ Софьи. Не удивлялась только одна вдова Лоскуткина; она посмѣивалась втихомолку, зная по опыту, какого жениха изображалъ изъ себя ея старый грѣховодникъ. Правду сказать, такого рода недоразумѣнія могли случаться только съ одними Брызгаловыми, жившими въ глуши, внѣ всякихъ связей съ внѣшнимъ міромъ, и совсѣмъ не знавшими людей, не смотря на свои немолодые годы; могли случаться именно съ Иваномъ Ивановичемъ, котораго всякій могъ надуть и провести за носъ. Въ тотъ день, когда Марья Кузьминишна поручила ему навести справку о семейномъ положеніи ихъ благодѣтеля, онъ долго бродилъ по конторѣ, стыдясь задать кому либо такой странный вопросъ, и съ трудомъ рѣшился наконецъ спросить управляющаго конторою. Управляющій былъ родственникъ и короткій пріятель Кудесникова, зналъ всѣ его затѣи и, желая услужить ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабавиться надъ Брызгаловымъ, котораго истинное положеніе въ конторѣ было ему хорошо извѣстно,—сказалъ, что патронъ ихъ давно уже вдовецъ и собирается вновь жениться. Еслибы Иванъ Ивановичъ спросилъ кого либо другаго, или вообще прислушался къ разговорамъ и толкамъ въ конторѣ, то онъ давно бы узналъ, что въ Москвѣ проживаетъ толстая, претолстая купчиха, именуемая Степанидой Савишной Кудесниковой, которая была прежде простой деревенской бабой, но теперь стала большой барыней, ѣздитъ на рысакахъ, мотаетъ деньги и удивляетъ

всю Москву своими нарядами. Какъ бы то ни было, но недоразумѣніе длилось, пока наконецъ купецъ Кудесниковъ, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, не объяснился на чистоту съ Софьей. Онъ предложилъ ей просто-на-просто поступить къ нему на содержаніе, обѣщая богатую квартиру, карету съ сѣрыми рысаками и 1000 рублей въ мѣсяцъ на расходы, — „чтобы все хорошо было и прилично“, какъ онъ выразился. Обѣщалъ даже „ребенка обезпечить и положить на его имя пять тысячъ въ банкъ“. Чего бы казалось лучше? Но, къ его удивленію, Софья отвергла съ негодованіемъ эти блестящія предложенія; она выбѣжала изъ комнаты и съ плачемъ бросилась къ матери на грудь. Черезъ нѣсколько минутъ, сама Марья Кузьминишна вышла къ оскорбителю; лицо ея пылало, она остановилась посреди комнаты и гнѣвно смотрѣла прямо въ глаза оторопѣвшему Степану Ивановичу.

— Милостивый государь, — спросила она торжественно: — кто далъ вамъ право оскорблять насъ?

— Чѣмъ, матушка, чѣмъ? — отвѣчалъ Кудесниковъ. — Христосъ съ тобой, и не думалъ.

— Вы сдѣлали моей дочери крайне обидное предложеніе, тѣмъ болѣе обидное, что знали о ея несчастіи.

— Чѣмъ же обидное? я по чести и совѣсти, а не то, чтобы такъ, позабавиться на одинъ день и бросить; я на всю жизнь, можно сказать, обезпечу ее, коли она меня любить будетъ, и семью не оставлю, съ полнымъ уваженіемъ.

— Уваженія не можетъ быть тамъ, гдѣ людей оскорбляютъ.

— Да какое оскорбленіе, съ чего ты взяла?—Степанъ Ивановичъ, приходя въ азартъ, начиналъ обыкновенно говорить своему собесѣднику „ты“: — 12 тысячъ въ годъ предложилъ твоей Соничкѣ, квартиру готовую, мужу твоему въ конторѣ мѣсто далъ, а она толкуетъ объ оскорбленіи! — Ты сама меня обижаешь, Марья Кузьминишна, вотъ что.

— Вы осмѣлились сказать...

— Да постой, не горячись.

— Вы предложили Софьѣ поступить къ вамъ на содержаніе — перебила запальчиво Марья Кузьминишна.

— Ну да, а ты что думала?

— Мы думали, что вы имѣете честныя намѣренія, намъ сказали, что вы вдовецъ.

— Вдовецъ! — усмѣхнулся Степанъ Ивановичъ, — а куда жъ я дѣну свою Степаниду Савишну? въ карманъ что ли спрячу? Не войдетъ—толста больно.

Неудержимый гнѣвъ запылалъ въ груди Марьи Кузьминишны и она подступила къ Кудесникову такъ близко, что тотъ невольно попятился.

— Вонъ!—закричала она, указывая на дверь.

— Да ты не горячись, одумайся,—пробовалъ успокоить ее Степанъ Ивановичъ:—ребятишекъ-то пожалѣй.

— Вонъ! — повторила Марья Кузьминишна, такъ громко и сдѣлала такой выразительный жестъ, что ея собесѣдникъ счелъ за лучшее отретироваться.

На крикъ прибѣжала Софья и застала мать въ обморокѣ на полу.

— Дура-баба! — проговорилъ Степанъ Ивановичъ, шагая по коридору:—бѣлены объѣлась.

— Что, батюшка, грибъ съѣлъ? — послышался сзади знакомый голосъ, и вдова Лоскуткина, забѣжавъ впередъ, остановила его за руку.

— Грибъ съѣлъ,—повторила она съ злорадствомъ.

— Убирайся! — сердито закричалъ на нее Степанъ Ивановичъ.

— Говорила я тебѣ, говорила: самъ не суйся, не мужское это дѣло, пустилъ бы меня орудовать.

— Расшибу!—завопилъ Кудесниковъ, замахнувшись на нее кулакомъ.

Вдова Лоскуткина съ визгомъ отскочила отъ него и скрылась за дверью.

VII.

Въ семьѣ Брызгаловыхъ скоро появилась прежняя нужда. „Митины деньги“, какъ ихъ называла Марья Кузьминишна, таяли съ ужасающей быстротой. Самымъ тяжкимъ ударомъ для нихъ былъ долгъ въ 300 рублей, который пришлось возвратить Кудесникову немедленно послѣ разрыва съ нимъ, и хотя онъ отказывался отъ денегъ и предлагалъ Ивану Ивановичу остаться у него въ конторѣ на службѣ, но Брызгаловы наотрѣзъ отказались. Въ связи съ другими затратами, — ликвидаціей старой квартиры, переѣздомъ на новую и лѣтними расходами,— бѣдная Марья Кузьминишна скоро увидѣла на днѣ завѣтнаго пакета послѣднюю сторублевую бумажку, да и ту пришлось размѣнять на самыя неотложныя нужды. Марья Кузьминишна глядѣла съ ужасомъ на пустой пакетъ и не

[illegible] что они [illegible] Павелъ Ивановичъ сталъ искать новаго мѣста или какой-нибудь работы [illegible], и съ тѣхъ поръ [illegible] даже по [illegible] конторѣ, [illegible] его жизни и [illegible] по утрамъ. Софья и Марья Брызгаловны брали на домъ работу, кроили и шили по [illegible] днямъ, а иногда и по ночамъ, если работа была спѣшная. Софья хотѣла взять мѣсто, но мать рѣшительно воспротивилась этому, да и она сама боялась, послѣ перваго неудачнаго опыта. Такъ онѣ и остались жить вмѣстѣ, работая, сколько силъ хватало, чтобъ поддержать домашній обиходъ.

Наступила осень, а вслѣдъ за ней и зима. Клубъ въ саду закрылся до вешнихъ дней, но сплетни и пересуды не прекратились. Исторія съ Кудесниковымъ получила огласку и истолковывалась на всѣ лады: одни говорили, что не сошлись въ цѣнѣ; другіе, — что красавица пріѣлась старому грѣховоднику; третьи, что перебилъ другой, побогаче и т. д., а Катерина Ивановна, въ порывѣ негодованія, убѣждала свою тетку-домохозяйку отказать Брызгаловымъ отъ квартиры, чтобы избавить домъ отъ такихъ скандаловъ. Всѣ отвернулись отъ нихъ, многіе даже перестали кланяться. Одинъ только студентъ Ипатовъ сталъ ихъ заступникомъ; онъ инстинктивно понялъ, что дѣло ихъ правое и, недолго думая, схватилъ шапку и позвонилъ въ квартиру Брызгаловыхъ. Онъ никогда до этого не бывалъ у нихъ, не говорилъ съ ними, страшно

негодовалъ въ послѣднее время за ихъ знакомство съ богатымъ купцомъ, милліонщикомъ, но теперь вошелъ смѣло въ комнату, горячо пожалъ руки Марьѣ Кузьминишнѣ и Софьѣ, а когда вслѣдъ за нимъ вернулся домой Иванъ Ивановичъ, то обнялъ его и поцѣловалъ. Никто не спросилъ незванаго гостя: что̀ все это значитъ и зачѣмъ онъ пришелъ? Всѣ сразу поняли, зачѣмъ, и пріемъ былъ самый радушный. Только дѣти попрятались по угламъ, увидѣвъ „дядю-козла“ въ ихъ квартирѣ, но и они скоро убѣдились, что „козелъ“ не бодается, и къ концу вечера забрались къ нему на колѣни.

Съ этого дня Ипатовъ сталъ частымъ гостемъ въ семьѣ Брызгаловыхъ, проводилъ цѣлые вечера и ходилъ къ нимъ чуть не каждый день. Ему было хорошо у нихъ, тепло и отрадно, и сами хозяева скоро полюбили его: старики за то, что онъ протянулъ имъ руку въ горѣ, дѣти за то, что ласкалъ ихъ, а Софья, что не осудилъ ея, не бросилъ грязью, подобно другимъ. Въ ея жизни это было больнымъ мѣстомъ, и вся исторія съ Кудесниковымъ еще болѣе растравила наболѣвшую рану, показавъ ей воочію, какъ глядятъ на нее чужіе люди и какъ горько ей придется искупать свое прошедшее. Да, Ипатову было хорошо въ бѣдной комнатѣ, слабо освѣщенной одной лампой, за которою мать и дочь шили за однимъ столомъ, а онъ сидѣлъ возлѣ нихъ, смотрѣлъ на Софью, бесѣдовалъ съ Марьей Кузьминишной. Иногда онъ читалъ имъ вслухъ; тогда и дѣти слушали, и Иванъ Ивановичъ выползалъ изъ своего угла и присаживался къ общему столу. Марья Кузьминишна радовалась на эти чтенія, отвлекавшія всю семью отъ постоянныхъ, неотвяз-

ныхъ заботъ, и не могла нахвалиться своимъ новымъ знакомымъ.—такъ онъ ей пришелся по душѣ.

— Андрей Васильевичъ, — сказала она разъ: — гдѣ ваши родители? я все хотѣла спросить у васъ.

— Отецъ давно умеръ,—отвѣчалъ Ипатовъ — а мать живетъ со старшей сестрой въ деревнѣ.

— Такъ у васъ сестрица есть?

— Есть.

— А братцы?

— Два брата были да померли.

— А сестрица замужняя?

— Нѣтъ, дѣвица.

— Такъ онѣ съ матушкой въ деревнѣ живутъ? гдѣ жъ это ваша деревня?

— Далеко, въ Тамбовской губерніи; тамъ у нихъ имѣньице небольшое, послѣ отца осталось.

— Тамъ и живутъ?

— Да, тамъ.

— Что жъ вы ихъ сюда не выпишете? все бы повеселѣе вмѣстѣ.

— Не на что, Марья Кузьминишна, самъ еле перебиваюсь.

— Ничего, вы скоро разбогатѣете, вотъ ужо курсъ кончите, въ доктора пойдете.

— Развѣ всѣ доктора богаты?

— Говорятъ, всѣ.

— Это не правда, богаты тѣ, которые грабятъ больныхъ.

— Зачѣмъ же грабить, вѣдь больные сами платятъ за визиты.

— Это богатые, а бѣдные еще отъ доктора дароваго лѣкарства попросятъ.

— Зачѣмъ же однихъ бѣдныхъ лѣчить?

— Такъ придется: я уѣду въ деревню, когда кончу курсъ,— тамъ и лѣчить буду.

Андрей Васильевичъ не договорилъ; это лѣченіе бѣдныхъ было мечтой его жизни, причиной, заставившей его избрать медицинскую карьеру. Еще ребенкомъ, пріѣзжая изъ гимназіи домой на каникулы, онъ видѣлъ близко, какъ бѣдные люди хвораютъ и мрутъ по деревнямъ, и горько плакалъ, когда мать и сестра не въ силахъ были помочь имъ. Въ первый разъ, когда мальчикъ сознавалъ это, онъ рѣшилъ, что пойдетъ въ доктора и будетъ самъ лѣчить дядю Власа и тетку Арину, не дастъ померѣть исхудалому, блѣдному Гришуткѣ, товарищу его дѣтскихъ игръ и забавъ. Этотъ Власъ и Арина снились ему во снѣ и въ Петербургѣ, когда онъ уже былъ въ академіи. Ипатовъ былъ большой идеалистъ, не смотря на то, что избралъ практическую карьеру. Теперь, сидя вечеромъ у Брызгаловыхъ, онъ мечталъ о томъ, какъ окончитъ курсъ, уѣдетъ въ знакомую родную глушь и будетъ лѣчить своихъ старыхъ друзей; какъ онъ устроитъ тамъ больницу, по всѣмъ новѣйшимъ правиламъ, какъ свѣтъ науки проникнетъ туда, гдѣ до сихъ поръ царствовала одна непроглядная тьма, лѣчили одни знахари и знахарки. И вдругъ ко всѣмъ этимъ образамъ и мечтамъ примѣшался образъ Софьи, съ ея темною косою и большими глубокими глазами. Да, это ея глаза глядятъ на него изъ-за постели больнаго, ея руки поправляютъ подушки у изголовья, подносятъ лѣкарства къ изсохшему рту. Какъ она

попала туда, онъ и самъ не зналъ, но она была тамъ— это несомнѣнно, тамъ, въ его мечтахъ и видѣніяхъ, и отнынѣ стала съ ними неразлучна. Онъ всталъ и провелъ рукою по лбу; видѣніе исчезло, передъ нимъ сидѣла Софья, склонившись надъ работой, и торопливо шила какое-то бѣлое нарядное платье.

— Готово, мама,—сказала она, положивъ работу:— утромъ можно отнести. Это мы для невѣсты шьемъ,— прибавила она, улыбаясь Ипатову.

Онъ глядѣлъ на нее и не могъ наглядѣться, цѣлая буря кипѣла у него на душѣ; онъ чуть не бросился передъ нею на колѣни. Для него настала новая жизнь; онъ любилъ въ первый разъ, со всею силою молодаго непочатаго сердца. До сихъ поръ онъ былъ одинокъ въ жизни, боялся и дичился людей; въ Петербургѣ у него не было ни друзей, ни знакомыхъ, съ товарищами въ академіи онъ мало сходился и даже въ гимназіи слылъ бирюкомъ среди своихъ сверстниковъ. И вотъ его жизнь озарилась яркимъ свѣтомъ, явилась молодая, красивая женщина, которую онъ видѣлъ каждый день, сидѣлъ возлѣ нея, чувствовалъ ея близость и обаяніе; она улыбалась ему, крѣпко жала руку, называла своимъ другомъ, и онъ зналъ, что она не лицемѣритъ, что она несчастна. Чего же болѣе? Онъ и возвелъ ее на пьедесталъ, олицетворилъ въ ней тотъ идеалъ, который жилъ давно въ его сердцѣ. Такія натуры, какъ у Ипатова, цѣльныя, неиспорченныя, любятъ разъ въ жизни, отдаютъ одинъ разъ свое сердце, и отдаютъ его безвозвратно. Удачно ли падетъ ихъ выборъ, или неудачно,—все равно, они назадъ не пойдутъ и отдадутъ все тому, кого полюбятъ. Софья женскимъ чутьемъ

угадала, какую любовь она внушила молодому студенту, и гордилась ею.

— Вы мой лучшій другъ, — говорила она ему: — всѣ въ меня бросаютъ грязью, вы одни протянули мнѣ руку. — Она взяла его за руку и такъ близко къ нему наклонилась, что онъ почувствовалъ на своей щекѣ ея дыханіе.

— Вѣдь я заклейменная, — продолжала она: — вы знаете мое прошедшее?

— Знаю, — отвѣчалъ онъ. — Все это предразсудки, противъ которыхъ надо бороться.

— Это мужчины могутъ бороться, а женщины безсильны.

— Отчего?

Она не отвѣчала на его вопросъ и только вздохнула. А онъ хотѣлъ спросить, какъ она сама относится къ этому прошедшему; умерло ли оно для нея, или живетъ по прежнему, и есть ли мѣсто для будущаго въ ея сердцѣ? — хотѣлъ, но не рѣшился. Ему показалось, что она испуганно глядитъ на него и читаетъ мысли въ его головѣ.

Маленькій Митя вдругъ захворалъ такъ сильно, что мать и бабушка перепугались до смерти. Одна бросилась за докторомъ и не застала его, другая побѣжала за Ипатовымъ и привела его къ больному.

— Спасите — умоляла его Софья, — я въ васъ вѣрю, спасите его.

Ипатовъ, видя, что дѣло спѣшное, рѣшился дѣйствовать самъ, не дожидаясь доктора; онъ прописалъ рецептъ и побѣжалъ въ аптеку. Но въ аптекѣ, покуда приготовляли лѣкарство, онъ спохватился, что у него нѣтъ ни

гроша денегъ, ни въ карманѣ, ни дома. Что дѣлать? идти назадъ къ Марьѣ Кузьминишнѣ ему претило; можетъ быть у нея самой нѣтъ. Вчера онъ видѣлъ, какъ она, съ узломъ подъ мышкой, шла куда-то, и потомъ вернулась съ пустыми руками, — вѣрно закладывала вещи. Бѣдная старуха! отчего жъ ей закладывать, а не ему, и, не долго думая, онъ пошелъ въ ближайшую кассу ссудъ и заложилъ тамъ свое пальто за что попало, не торгуясь.

Лѣкарство было дано во время, оно спасло жизнь ребенка, но Митя долго еще прохворалъ и Ипатовъ не отходилъ отъ его постели. Сколько нѣжныхъ заботъ онъ оказывалъ своему паціенту, сколько любви и преданности его матери. Софья не знала, какъ и чѣмъ благодарить его, а когда потомъ обнаружился случайно его подвигъ съ пальто и лѣкарствомъ, то она бросилась къ нему на шею и крѣпко поцѣловала его. Пальто было давно выкуплено, а Софья все еще благодарила Ипатова, точно будто онъ въ самомъ дѣлѣ совершилъ великій подвигъ.

Ипатовъ былъ глубоко счастливъ въ эти дни своей жизни и рѣшился жениться на Софьѣ и усыновить ея ребенка. Онъ рѣшился на это, почти не задумываясь; ему казалось это простымъ и естественнымъ дѣломъ, разъ онъ ее любитъ. Мысль о томъ, что онъ еще студентъ, не кончившій курса, что у него нѣтъ ничего, что вмѣстѣ съ Софьей онъ беретъ на себя обузу всей семьи Брызгаловыхъ, нисколько не пугала его; ему казалось, что такъ и быть должно, и чѣмъ тяжелѣе ярмо, которое онъ надѣвалъ на себя, тѣмъ горячѣе онъ любилъ Софью и всѣхъ тѣхъ, кто къ ней близокъ. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе просто, безъ всякихъ предисловій, и поклялся посвятить ей всю

жизнь свою. Но признаніе его испугало Софью—словно, укололо въ сердце. Ея прошедшее вдругъ воскресло передъ нею.

— Андрей Васильевичъ,—сказала она,—я не люблю васъ такъ, какъ вы меня любите: жизнь моя разбита, я не могу больше любить никого; но, можетъ быть, я виновата передъ вами, можетъ быть, я невольно обманула васъ

— Чѣмъ же?—спросилъ Ипатовъ.

Софья считала себя виноватою въ томъ, что ласкала его, высказывала свою дружбу и горячую благодарность, и онъ могъ принять эти чувства за любовь. Но она постыдилась объяснять ему свою вину и повторила только, что не любитъ его и можетъ загубить всю его жизнь. Ипатовъ схватилъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ.

— Я жить безъ васъ не могу, поймите это: — вы мое счастье и сила!—Онъ долго убѣждалъ ее, звалъ съ собою на новую трудовую жизнь, на помощь народу, и рисовалъ картины счастья.

— О, Боже, — вздохнула Софья: — что мнѣ дѣлать?

Она дѣйствительно не знала, что дѣлать, и долго боролась съ собою: ей казалось, что отказать Ипатову было черной неблагодарностью, эгоизмомъ съ ея стороны; но и принять его предложеніе она не рѣшалась, чувствуя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что прошедшее не умерло для нея и что она любитъ по прежнему своего прежняго героя. Мать, узнавъ черезъ нѣсколько дней о предложеніи Ипатова, стала уговаривать ее, умоляла согласиться.

— Ты пойми, Соня: это — счастье для тебя и для

бѣднаго Митюши; самъ Богъ послалъ тебѣ Андрея Васильевича. И ты не думай, — прибавила она, въ видѣ утѣшенія,—что онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ однихъ только бѣдныхъ лѣчить. Это онъ такъ, пустое болтаетъ, а какъ заведется своя семья, станетъ заработывать и деньги. Повѣрь мнѣ, всѣ доктора богаты, это не то, что чиновники.

— Ахъ, мама! — воскликнула Софья,—да развѣ въ этомъ дѣло?

— А въ чемъ же?

— Ты забыла прошедшее.

— Напротивъ, я его помню, а потому и говорю тебѣ: не отказывай Ипатову. Онъ хорошій, честный человѣкъ, любитъ тебя всею душою; ты сама полюбишь его, повѣрь мнѣ, и будешь счастлива. Ну, сдѣлай это для Мити,— уговаривала Марья Кузьминишна;—если для себя не хочешь, сдѣлай для меня, твоей матери, для всей семьи нашей.

— А если прошедшее вернется?—спросила Софья.

— Какъ оно можетъ вернуться?

— А такъ: если я его увижу,—ты знаешь, о комъ я говорю, — и онъ скажетъ слово, я брошу все и уйду за нимъ на край свѣта.

Марья Кузьминишна только всплеснула руками.

— И ты говоришь это, и тебѣ не стыдно!

— Не могу же я лгать тебѣ.

— Зачѣмъ лгать, но ты вспомни только того, о комъ ты теперь жалѣешь; вѣдь онъ твой злѣйшій врагъ, онъ никогда не любилъ тебя, все лгалъ, обманывалъ,—загубилъ и бросилъ.

Софья закрыла лицо руками; она знала все это, но

помнила одну любовь и ласку, а обиды забыла давно.

— Опомнись,— твердила ей Марья Кузьминишна,— опомнись, ты великая грѣшница!

И Софья опомнилась. По крайней мѣрѣ, ей показалось такъ: — она протянула руку Ипатову и сказала ему, что согласна быть его женою и съ вѣрою пойдетъ за нимъ всюду, куда онъ поведетъ ее. Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ, но она осталась холодной къ его поцѣлую и съ грустью глядѣла на его радостное лицо.

— Я много горя принесу вамъ,— сказала она,— но вы не вините меня; я ничего не скрыла отъ васъ, вы знаете все мое прошедшее, знаете и мое сердце, я исповѣдывалась передъ вами.

— О, нѣтъ,— воскликнулъ онъ, съ восторгомъ,— ты мнѣ принесешь счастье, дашь силу, безъ тебя я жить не могу.

— Бѣдный, — сказала она, положивъ ему руку на плечо,—за что вы меня такъ любите?

„За что? — мудреный вопросъ задала Софья своему жениху. За что люди любятъ другъ друга? — да за то, что они люди, что сердце человѣческое должно любить, какъ грудь дышать и голова мыслить; что все счастье жизни въ любви и безъ нея нѣтъ радости на свѣтѣ. За что мать любитъ свое дитя, юноша — дѣвушку, за что люди любятъ своего ближняго? — Да за то, что сердце жаждетъ любви, а любовь—жертвы, и что въ этой жертвѣ и есть высшее счастіе человѣческое.

VIII.

У Софьи Брызгаловой былъ опять женихъ, но на этотъ разъ настоящій. Событіе это, такъ неожиданно и внезапно случившееся, удивило и обрадовало всѣхъ, а Марья Кузьминишна опять приписала его благословенію божію, ниспосланному имъ за бѣднаго Митю.

Но, напуганная прошедшимъ, она послѣ первыхъ порывовъ радости стала бояться, какъ бы опять судьба не посмѣялась надъ ними, и страхъ этотъ возрасталъ съ каждымъ днемъ. Лишь бы дожить до свадьбы, отложенной на осень, послѣ окончанія выпускныхъ экзаменовъ Андреемъ Васильевичемъ. Но время тянулось безконечно и Марья Кузьминишна не знала, какъ заглушить угнетавшую ее тоску. Хоть бы приданое сшить невѣстѣ, думала она, все бы легче,—нельзя же ее выпустить изъ дому въ одной юбкѣ; но шить приданое было не на что, завѣтныя деньги были прожиты, и Марья Кузьминишна должна была сознаться въ этомъ дочери и мужу. Она горько упрекала себя и каялась въ растратѣ денегъ, точно будто украла ихъ или ограбила дочь.

Ее выручилъ Ипатовъ или, лучше сказать, его мать. Узнавъ о женитьбѣ сына, она прислала ему 500 рублей, скопленныхъ по грошамъ и годами для любимаго сына, а вмѣстѣ съ деньгами—ласковое письмо невѣстѣ и подарокъ: старомодныя серьги и брошку, доставшіяся ей самой отъ матери и считавшіяся большою драгоцѣнностью въ семьѣ Ипатовыхъ. Письмо и подарокъ Андрей Васильевичъ передалъ невѣстѣ, а деньги отнесъ Марьѣ

Кузьминишнѣ. Она не хотѣла брать ихъ и упорно отказывалась, боясь, какъ бы опять деньги не уплыли у нея изъ рукъ; однако онъ убѣдилъ ее и настоялъ на своемъ, не оставивъ себѣ ни копѣйки.

— На что мнѣ деньги?—говорилъ онъ.—Что я съ ними сдѣлаю? Я не знаю, что нужно къ свадьбѣ,—возьмите ихъ отъ меня ради Бога.

— Да вѣдь деньги ваши,—настаивала Марья Кузьминишна.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — я членъ вашей семьи и у насъ все общее, интересы и деньги; незачѣмъ ихъ дѣлить.

Онъ принесъ и еще полтораста рублей, заработанныхъ ночными дежурствами у одного больнаго, по рекомендаціи профессора, очень любившаго Ипатова. Марья Кузьминишна усмѣхнулась.

— Вотъ видите, — сказала она, — еще и не докторъ, а ужъ заработали деньги.

Андрей Васильевичъ покраснѣлъ и ему стало досадно, зачѣмъ онъ взялъ деньги отъ больнаго.

Получивъ такимъ образомъ цѣлый капиталъ въ руки, Марья Кузьминишна принялась съ азартомъ шить и кроить, торопясь употребить деньги на приданое, покуда онѣ не уплыли изъ рукъ на домашнія нужды. Она такъ увлеклась этой работой, что забыла нужды остальныхъ своихъ домочадцевъ, и Иванъ Ивановичъ остался въ одинъ прекрасный день на босу ногу,—до того разлѣзлись и изорвались его носки, — а бѣдный Ваничка носилъ три дня лопнувшіе сзади штанишки и съ плачемъ жаловался, что надъ нимъ смѣются на улицѣ мальчишки и не даютъ

ему прохода. Но штанишки зашили, носки Ивана Ивановича заштопали, и общее удовольствіе снова водворилось въ семьѣ; только невѣста почему-то была не весела, и это замѣчали всѣ, въ особенности Марья Кузьминишна. Она допрашивала дочь, но не могла ничего отъ нея добиться; Софья старалась скрыть свою тоску, увѣряла всѣхъ, что она счастлива и довольна, и только по ночамъ давала волю своему горю и плакала, зарывшись въ подушки. Она тосковала все сильнѣе, по мѣрѣ того какъ время приближалось къ свадьбѣ, но о чемъ она тосковала? — Неужели о прежнемъ своемъ кумирѣ; неужели она не поняла до сихъ поръ всю пустоту его и мишурный блескъ? Какъ жалка была его любовь, какъ ложны клятвы! Онъ не любилъ ея никогда, а только игралъ въ любовь; обманулъ и бросилъ дѣвушку, забылъ, можетъ быть, давно, а она все любила, простила все, и сейчасъ отдала бы отца и мать, жениха, сестру и братьевъ, — всю жизнь свою и все будущее, — за одинъ часъ прежней любви, за одинъ день минувшаго счастья.

— Соня, — спросила Марья Кузьминишна, подкравшись ночью къ ея кровати, — о чемъ ты плачешь?

Но Софья, вмѣсто отвѣта, схватила ея руки и стала жадно цѣловать.

— Мама, милая мама, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело!

— Да кто жъ тебя неволитъ, дитя мое, откажи ему.

— О, нѣтъ, ни за что, я убью его; ты не знаешь, какъ онъ меня любитъ!

— Знаю, но ты его не любишь.

— Ничего, привыкну; онъ — святой человѣкъ.

— Такъ о чемъ же ты плачешь?

— Не спрашивай меня, мама, мама... родная, не спрашивай, умоляю тебя.

И мать не стала допрашивать; она крестила, цѣловала ее, убаюкивала своими ласками и долго сидѣла у изголовья, покуда Соня, какъ въ былые годы, не заснула у нея на плечѣ. Она тихо переложила ея голову на подушку, перекрестила еще разъ и неслышными шагами вышла изъ комнаты.

Быстро шло время, оставалось всего двѣ недѣли до свадьбы. Ипатовъ блестящимъ образомъ окончилъ курсъ и ему предложили остаться при академіи, но онъ не рѣшался на это: его все тянуло туда, въ деревню, лѣчить дядю Власа и бѣднаго Гришутку, и они съ Софьей порѣшили, что все таки, послѣ свадьбы, поѣдутъ въ деревню повидаться съ матерью, а тамъ, что Богъ дастъ.

IX.

Морозная, звѣздная ночь стояла надъ Петербургомъ. Неслись рысаки въ саняхъ, Ваньки стегали своихъ клячъ, съежившись на козлахъ; прозябшіе пѣшеходы спѣшили укрыться отъ сердитаго мороза.

По Большой Морской скакала лихая тройка; въ саняхъ сидѣли три офицера и дама, вся закутанная въ соболяхъ и бархатѣ. Тройка проѣхала Дворцовую площадь, проскакала Неву и понеслась по Каменноостровскому проспекту на острова. Въ „Самаркандѣ“ (модномъ

ресторанѣ на островахъ) былъ обычный съѣздъ; въ залѣ пѣли цыгане, татары сновали по коридорамъ съ блюдами и бутылками. Скоро и наша тройка подскакала, вся взмыленная, къ подъѣзду; офицеры высадили свою даму и повели ее вверхъ по лѣстницѣ въ большую ярко освѣщенную комнату, затянутую мягкимъ ковромъ. Они раскутали ее, разоблачили изъ дорогой шубы и шали, и взорамъ предстала высокая, стройная красавица, одѣтая въ черное бархатное платье, слегка вырѣзанное на шеѣ; два крупныхъ бриллiанта блестѣли у нея въ ушахъ, дорогiе браслеты оттѣняли бѣлизну кожи на рукахъ, открытыхъ по локоть.

— Браво! — воскликнули кавалеры, — браво! какъ вы хороши сегодня.

Одинъ изъ нихъ, очевидно пользующiйся особыми правами, обнялъ ее за талiю и шепнулъ что-то на ухо. Молодая женщина покраснѣла и оттолкнула его. Офицеръ засмѣялся и, позвавъ татарина, сталъ заказывать ему ужинъ; онъ сочинялъ такiя блюда, что и не выговорить, тыкая пальцемъ по картѣ ресторана, а татаринъ, почтительно нагнувшись, внимательно слѣдилъ за его пальцемъ, коверкая названiя блюдъ и повторяя всякiй разъ: „слушаю, ваше сiятельство“.

— Да „вдову“ *) подай намъ, только смотри: замороженную.

— Слушаю, ваше сiятельство.

— Я, господа, старину люблю, — прибавилъ онъ,

*) Вдова «*Клико*» извѣстная фирма шампанскаго.

обращаясь къ товарищамъ: — люблю „вдову Клико“, впрочемъ, можно и другаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, давай „вдову“.

— А ты, Соня, чего хочешь?

— Мнѣ все равно, — отвѣчала дама, — я не пью.

— Вздоръ, надо пить, привыкнуть пора; c'est impoli, ma chère, не пить въ хорошей компаніи.

— Нельзя, нельзя, — поддакнули офицеры: — надо выпить, entre camarades, vous savez, а вы намъ добрый товарищъ сегодня. — И они, цѣлуя у нея руки, надѣли ей на голову военную фуражку.

— У товарищей рукъ не цѣлуютъ, — смѣясь, сказала Софья Ивановна, снимая фуражку.

— Да, но когда они такъ хороши, какъ вы, то нельзя воздержаться. — И они снова расцѣловали у нея ручки.

— Воронскій, ты не ревнуй, мы вѣдь, по товарищески.

— Цѣлуйтесъ себѣ, сколько хотите, — отвѣчалъ Воронскій, разглядывая одну изъ поданныхъ бутылокъ.

— Эй, князь, — воскликнулъ онъ, обращаясь къ татарину: — возьми назадъ эту дрянь.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Дама, которую называли Софьей Ивановной, была очень красива и изящна, но немного грустна и, очевидно, не подходила къ кутежной компаніи, въ которую она попала. Она конфузилась и краснѣла, старалась быть веселой и любезной, но это ей не удавалось и она никакъ не могла попасть въ тонъ беззаботной, веселой болтовни своихъ кавалеровъ. Она была одѣта нарядно, но

на лицѣ не было никакихъ прикрасъ, ни бѣлилъ, ни румянъ, ни даже пудры; большіе темные глаза глядѣли прямо и честно; во всемъ ея лицѣ и манерахъ не было и тѣни той искусственности, того кокетства, которыми щеголяютъ дамы полусвѣта.

— Ça viendra, mon cher, — утѣшали товарищи Воронскаго, скорбѣвшаго, что дама его сердца не имѣетъ свѣтскихъ манеръ: — elle est tout de même charmante. — И они недоумѣвали, откуда онъ откопалъ такой драгоцѣнный перлъ.

И, дѣйствительно, появленіе этого перла въ петербургскомъ полусвѣтѣ произвело сенсацію; о ней заговорили, показывали ее въ театрахъ и на улицахъ, и цѣлая толпа поклонниковъ быстро окружила ее.

Принесли разныя закуски и кушанья съ мудреными названіями, защелкали пробки; еще два офицера въ бѣлыхъ фуражкахъ и пикантная блондинка, разряженная въ пухъ и прахъ, присоединились къ обществу. Всѣ были веселы, жизнь кипѣла ключемъ въ этой беззаботной, счастливой молодежи; шумъ, крикъ и хохотъ усиливались съ каждымъ часомъ. Блондинка, которую называли m-me Joséphine, рѣзко отличалась отъ брюнетки, Софьи Ивановны; лицо ея было подкрашено, глаза подведены, платье вырѣзано до непристойности; она глотала шампанское, какъ воду, громко хохотала, напѣвала гривуазныя пѣсни и обнималась съ офицерами. Софья Ивановна невольно сторонилась отъ нея, хотя онѣ и встрѣтились, какъ знакомыя. Къ концу ужина всѣ были полу-пьяны, одна только Софья упорно отказывалась пить. Наконецъ и ее заставили выпить два бокала шампанскаго; послѣ втораго

бокала она поблѣднѣла и стала тихо просить своего покровителя отвезти ее домой, жалуясь, что у нея голова кружится, но онъ громко захохоталъ:

— Выпей еще, и все пройдетъ.

Ей налили новый бокалъ и офицеры поочередно чокались съ нею, становились на колѣни и требовали, чтобы она поцѣловалась съ ними, но она упорно защищалась и расплескала шампанское.

— Налить еще!—кричали кавалеры, но Софья вдругъ опустилась на стулъ: ей сдѣлалось дурно.

— Laissez la tranquille! — воскликнула m-me Joséphine, подбѣгая къ ней: — vous êtes des brutes! — И она бережно уложила Софью на кушетку, растегнула ей платье и опрыскала водой.

— La pauvre innocente,—прибавила она со вздохомъ:—oui, j'étais comme ça, moi aussi.

Она сѣла на кушетку, заботливо прикрыла грудь заболѣвшей отъ нескромныхъ взоровъ, давала ей нюхать какой-то спиртъ и мочила голову ледяной водой.

Уже свѣтало, когда двѣ тройки, перегоняя другъ друга, бѣшено скакали въ городъ. Все было пьяно — сѣдоки и ямщики—и сами кони казались опьянѣвшими: они неслись во весь опоръ, звеня бубенчиками и опрокидывая попадавшіеся на встрѣчу возы съ чухонцами. Одна изъ троекъ свернула на Большую Морскую и остановилась у параднаго подъѣзда. Изъ нея высадились Воронскій и его дама и взошли на верхъ въ богато убранную квартиру. Софья отрезвилась на морозномъ воздухѣ, но туалетъ ея былъ весь измятъ, глаза горѣли лихора-

дочнымъ блескомъ и волосы, когда она сняла мѣховую шапку, упали густою косою на плечи.

— Ты останешься? — спросила она, страстно глядя на Воронскаго.

— Конечно, — отвѣчалъ онъ, бросая на столъ фуражку.

Она тихо склонилась къ нему и обвила его шею своими руками.

X.

Читатель, вы, конечно, признали Софью Брызгалову въ красивой брюнеткѣ, кутившей всю ночь съ офицерами и такъ недавно еще бывшей невѣстою бѣднаго студента.

Какъ она попала въ Самаркандъ и въ богатую квартиру въ Морской, откуда у нея соболя и бриліанты? Все это далъ ей прежній другъ Сергѣй Воронскій, который вернулся въ Петербургъ изъ своей дальней командировки или, лучше сказать, ссылки, выхлопотанной ему отцемъ, для избѣжанія скандаловъ съ кредиторами. Онъ явился какъ разъ кстати, передъ самой свадьбой Софьи съ Ипатовымъ. Молодой графъ получилъ неожиданно наслѣдство отъ дяди, скоропостижно умершаго и распорядился этимъ наслѣдствомъ по своему: онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ полкъ, уплатилъ долги, — конечно, не всѣ, — и зажилъ на славу въ отдѣльной квартирѣ, которую разубралъ и разукрасилъ со всевозможною роскошью. Онъ вздохнулъ свободно, когда вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ и попалъ въ свою обычную колею. Но

Воронскій скоро замѣтилъ, что ему недоставало чего-то для полной обстановки свѣтскаго человѣка, недоставало одной очень дорогой вещицы,—красивой любовницы, которую можно было бы рекламировать передъ свѣтомъ и не стыдно показать добрымъ товарищамъ. Модныя кокотки давно пріѣлись ему, да ими и щеголять не приходилось, такъ какъ онѣ были коротко знакомы всей свѣтской богатой молодежи, всему кругу, въ которомъ графъ вращался.

Онъ сталъ искать чего нибудь новаго, оригинальнаго, и при этомъ невольно вспомнилъ о хорошенькомъ звѣркѣ, на котораго онъ такъ удачно охотился въ деревнѣ, а, можетъ быть, и въ сердцѣ его осталось теплое чувство и упрекъ совѣсти за то, что онъ загубилъ и бросилъ бѣднаго звѣрка. Конечно, ему приходили опасенія насчетъ возможности новаго потомства и проч., но онъ былъ убѣжденъ, что съ деньгами все легко уладить, и рѣшился вновь поманить къ себѣ звѣрка.

Онъ легко отыскалъ Софью и написалъ ей письмо, весьма трогательнаго содержанія, въ которомъ пустилъ въ ходъ всѣ прежнія клятвы и увѣренія, говорилъ, что тоскуетъ по ней, любитъ по прежнему и умолялъ прійти къ нему, хотя на одинъ часъ, на одну минуту, чтобъ онъ могъ обнять ее и вымолить на колѣняхъ прощеніе. Къ несчастію, Софья получила письмо, когда была одна дома, и съ замираніемъ сердца прочла его. Ни минуты не задумавшись, она поспѣшно одѣлась и ушла изъ дому, не зная сама, вернется ли назадъ. Не пойти—ей казалось невозможнымъ; она не думала о томъ, что̀ будетъ далѣе, и боялась только одного: успѣетъ ли она уйти

такъ, чтобы ее не задержали. Если бы ей сказали въ эту минуту: „ты идешь въ пропасть“, она бы не остановилась; „идешь на цѣлую жизнь позора и стыда“, — она бы все таки пошла.

Роковое свиданіе состоялось въ тотъ же день и Софья не вернулась назадъ. Мать прождала ее цѣлый день и не могла понять, куда дѣвалась ея дочка. Наконецъ, поздно вечеромъ посыльный принесъ ей письмо, которое она со страхомъ раскрыла, но не дочла до конца и съ воплемъ упала на свое старое кресло. Письмо валялось на полу и вошедшій Ипатовъ поднялъ его; онъ прочелъ письмо до конца, поблѣднѣлъ какъ полотно, и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты. Что̀ было въ этомъ скорбномъ письмѣ, мы не станемъ описывать; оно было несвязно и все измято отъ слезъ. Въ немъ бѣдная Софья и не думала оправдываться: „я преступница“, — писала она, — „прости меня, мама, но все равно, я бы ушла и послѣ свадьбы“. О Митѣ въ письмѣ не было ни слова; казалось, грѣшная мать стыдилась поминать о немъ...

Ипатовъ уѣхалъ изъ дому на другое утро, никто не зналъ куда; онъ даже не простился съ Марьей Кузьминишной, и она осталась одна со своимъ стыдомъ и горемъ. А горе было великое и трудно пережить его; казалось, судьба добивала свою жертву и хотѣла испытать надъ бѣдной старухой, до чего можетъ дойти долготерпѣніе человѣческое. Но велика была вѣра въ сердцѣ этой женщины и неисчерпаема ея бодрость духа. Пролежавъ въ постели три дня, она встала и начала опять бороться съ жизнью, штопать и чинить, стряпать, стирать, мыть и кормить дѣтей, — словомъ, тянуть ту лямку житейскую,

которая издали кажется такъ мелка и ничтожна, но которую претерпѣть подъ силу только невѣдомымъ и непризнаннымъ героямъ.

Соня опять попала въ заколдованный міръ; все вокругъ нея было такъ богато и нарядно, что она не знала, куда ступить: ковры и бронза, дорогая мебель и картины, груммъ, толстый кучеръ и сѣрые рысаки пугали ее до того, что она готова была убѣжать отъ нихъ. Искусныя француженки нарядили ее, какъ куклу, и преобразили до того, что она сама не узнавала себя въ зеркалѣ, но Сергѣй восхищался ею, ласкалъ ее и любилъ, какъ никогда прежде, и она была счастлива. Она отдалась ему со всею страстью молодаго, пылкаго сердца, наболѣвшаго въ долгой разлукѣ, и не думала, не спрашивала о томъ, что̀ будетъ далѣе, стараясь забыть прошлое.

Но не долго продолжалось такое горячечное состояніе; реакція наступила быстро и Софья очнулась, точно изъ волшебнаго сна. Она затосковала объ этомъ прошедшемъ, которое еще вчера хотѣла забыть, и ее неудержимо потянуло домой, въ свою семью, къ сыну и къ матери. Она рѣшилась, во чтобы то ни стало, повидаться съ ними, броситься на колѣни и вымолить себѣ прощеніе. Черезъ полчаса она уже катила на своихъ рысакахъ на Петербургскую сторону, но чѣмъ ближе она подъѣзжала, тѣмъ сильнѣе билось ея сердце. Рысаки, карета, кучеръ,— все ей казалось оскорбленіемъ бѣдной семьѣ; наконецъ она не вытерпѣла, остановила карету и пошла пѣшкомъ. Вотъ домъ, гдѣ она жила еще такъ недавно, окошко, у котораго, — она знаетъ, — сидитъ теперь за работой бѣдная мама, убитая стыдомъ и горемъ, а тамъ за пе-

регородкой спитъ ея Митя. Какъ она войдетъ туда въ этомъ нарядномъ платьѣ, — она, чужая имъ теперь? Они не признаютъ ея и прогонятъ; нѣтъ, надо бѣжать назадъ, сбросить съ себя эти дорогія тряпки, надѣть прежнее бѣдное платье, вернуться къ нимъ и упасть на колѣни. Она долго смотрѣла на знакомыя окна, съ тоской и замираніемъ сердца, и наконецъ, повернувъ назадъ, добѣжала до кареты.

Пріѣхавъ домой, въ свою нарядную квартиру, она вбѣжала въ спальню и бросилась на стулъ, не раздѣваясь. Передъ ней стояло широкое трюмо, въ которомъ, какъ въ рамкѣ картины, отражалась вся комната съ ковромъ и занавѣсями, съ дорогою мебелью, со всей кричащей роскошью, а на стулѣ, прямо передъ зеркаломъ, сидѣла молодая женщина, въ соболяхъ и въ бархатѣ, въ мѣховой причудливой шапочкѣ, съ кружевной вуалью на лицѣ.

— Кто эта чужая, — неужели она сама? И зачѣмъ она здѣсь, въ этой богатой спальнѣ, съ альковомъ въ глубинѣ, съ широкой постелью въ альковѣ? — Что, еслибы мать вошла сюда? Она бы не признала свою дочь, и съ ужасомъ отвернулась отъ нея! Но вмѣсто матери вошелъ въ комнату графъ Воронскій, и Софья бросилась къ нему на шею. Онъ былъ высокій, стройный брюнетъ, съ тонкими чертами лица и черными усиками. Лицо его было красиво, но съ холоднымъ выраженіемъ и какой-то презрительной улыбкой на губахъ; онъ ходилъ, слегка согнувшись и подгибая колѣни, крутилъ усы и нервно подергивался.

— Eh bien, ma chérie, — сказалъ онъ, цѣлуя ее, — pourquoi ces larmes, въ чемъ дѣло?

— Ничего, я такъ, — отвѣчала Софья, поспѣшно отирая глаза.

— Гдѣ ты была?

— Я, я была... — Она конфузилась и не рѣшалась признаться, что ѣздила къ матери. Она вообще избѣгала говорить съ нимъ о своей семьѣ и даже о сынѣ, хотя онъ нѣсколько разъ и допрашивалъ ее; но на этотъ разъ она рѣшилась.

— Послушай, — сказала она, ласкаясь къ нему и взявъ его за обѣ руки,—ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы я видѣлась со своими?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — съ чего ты взяла? Напротивъ, я очень радъ. Ахъ, да, — прибавилъ онъ, — вынимая бумажникъ, — я давно хотѣлъ просить тебя, — вотъ на, возьми эти деньги, свези своимъ. — И онъ вынулъ нѣсколько сотенныхъ бумажекъ.

Софья вспыхнула.

— Послѣ, послѣ, — сказала она, — теперь не надо.

— Нѣтъ, возьми теперь.

Заткнуть имъ рты — подумалъ Воронскій, но, конечно, не сказалъ и положилъ деньги на столъ.

Она стала говорить ему о сынѣ, видя, что онъ добрый сегодня, и спросила, можно ли привести сюда на квартиру мальчика?

— Конечно можно, отвѣчалъ Воронскій, — оставь его совсѣмъ у себя; это твоя квартира.

Она не дала ему договорить и покрыла все лицо его горячими поцѣлуями.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказалъ онъ, вставая и торопясь, повидимому, покончить разговоръ о потомствѣ

и родственникахъ. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, подгибая колѣни и покручивая усы, и разсказывалъ ей, какъ вчера былъ на балу у какой-то княгини и какая тамъ была скука.

— А сегодня, вечеромъ, — заключилъ онъ, — мы ѣдемъ съ тобой на другой балъ, не великосвѣтскій, конечно, а въ своей компаніи. Fais toi belle, ma chère, et attends moi vers dix heures, я за тобою заѣду.

Онъ поцѣловалъ ее и ушелъ, насвистывая какую-то пѣсню.

— Какой онъ добрый, — подумала Софья, оставшись одна, и самъ Сергѣй Воронскій думалъ, что онъ добръ и великодушенъ, что Софья вполнѣ счастлива и что онъ сдѣлалъ для нея все, что только можно и должно было сдѣлать въ его положеніи.

Софья цѣлыхъ два дня не рѣшалась вновь поѣхать къ матери, боясь найти въ ней грознаго судью; но еслибы она знала, какъ ждала ее мать, какъ билось материнское сердце и тосковало по грѣшной дочери, то давно бы поскакала на Петербургскую. Марья Кузьминишна сама не понимала себя: она строго, неумолимо осудила поступокъ дочери, находила его ужаснымъ, чернымъ, въ особенности передъ бѣднымъ Ипатовымъ; называла Софью преступницей, но съ каждымъ днемъ находила въ этомъ преступленіи все болѣе и болѣе смягчающихъ обстоятельствъ. Она была женщина и понимала женское сердце. Софья не любила Ипатова и не скрывала этого отъ него; она любила другаго—отца Мити и не въ силахъ была разлюбить. Этотъ ужасный человѣкъ, котораго Марья Кузьминишна называла въ мысляхъ своихъ не иначе какъ

злодѣемъ, опять увлекъ бѣдную Соню, — это онъ во всемъ виноватъ, а не она, обманутая, несчастная женщина; его надо карать, а не ее. Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, она все болѣе и болѣе развивала ее и кончила тѣмъ, что совсѣмъ оправдала преступницу. При такомъ настроеніи, мать съ дочерью скоро помирились и, казалось, еще болѣе полюбили другъ друга. Между ними остался только одинъ неразъясненный вопросъ, это — Митя. Гдѣ ему жить отнынѣ? — у матери, тосковавшей по немъ, или у бабушки, не чаявшей въ немъ души? Но на этотъ счетъ Марья Кузьминишна оказалась неумолимою.

— Не отдамъ ни за что, — объявила она, — покуда ты живешь въ грѣхѣ; вернись домой, если Митя тебѣ дорогъ.

Но Софья наотрѣзъ отказалась вернуться и оставила Митю у бабушки. Тогда возникъ другой вопросъ, болѣе жгучій, о матеріальномъ обезпеченіи ребенка. Софья настаивала на томъ, чтобы ей платить за его воспитаніе, это — ея право и обязанность. Марья Кузьминишна отказывалась, спорила, сердилась, но нужда сломила ее и она приняла помощь. Разъ ступивъ на этотъ скользкій путь, при страшномъ безденежьѣ въ домѣ, дѣло очень быстро дошло до того, что вся семья Брызгаловыхъ стала жить на счетъ Мити или, лучше сказать, Софьи, на деньги, получаемыя отъ Воронскаго. Какъ помирились съ этимъ страннымъ положеніемъ дѣйствующія лица нашего разсказа, не трудно объяснить. Мирятся же, вообще, люди съ нуждою и тѣмъ униженнымъ положеніемъ, въ которое она ихъ ставитъ? Кто броситъ камень въ Марью Кузьминишну за то, что она принимала помощь отъ дочери,

когда ей самой нечего было ѣсть, нечѣмъ платить за квартиру; когда Сережа, ея старшій сынъ, приходилъ изъ гимназіи и съ плачемъ объявлялъ, что ему не велѣно возвращаться назадъ, покуда родители не внесутъ за него денегъ. Кто зналъ эти ежедневныя, ежечасныя мученія, эту горькую нужду, тотъ не осудитъ Марью Кузьминишну и отпуститъ ей всѣ ея прегрѣшенія. Она жила въ надеждѣ, что не долго продлится такое положеніе, что Господь просвѣтитъ умъ и сердце этого „злодѣя“, какъ она продолжала называть Воронскаго,—и онъ покроетъ законнымъ бракомъ позоръ ея дочери. Насколько сбылись эти мечты, мы увидимъ впослѣдствіи, а пока время шло своимъ чередомъ и съ новою жизнью свыклись понемногу всѣ члены семьи Брызгаловыхъ.

Софья была счастлива, что могла помогать своимъ; Марья Кузьминишна терпѣла по неволѣ эту помощь, а Иванъ Ивановичъ сначала погорячился и пошумѣлъ, но кончилъ тѣмъ, что тоже смирился. Онъ ходилъ два раза къ графу Воронскому, съ твердымъ намѣреніемъ объясниться съ нимъ и потребовать, чтобы онъ женился на его дочери, но рослые лакеи не допустили его до графа и онъ ни съ чѣмъ вернулся домой. Онъ писалъ и угрожалъ принести жалобу въ судъ, но письменнаго отвѣта не получилъ, а къ нему явился какой-то старичокъ, сѣденькій и маленькій, который назвалъ себя повѣреннымъ графа. Старичокъ повелъ рѣчь спокойно и тихо; онъ объяснилъ Ивану Ивановичу, что горячиться тутъ нечего, что Софья Ивановна совершеннолѣтняя и можетъ проживать, гдѣ ей угодно, что она не насильно была увезена графомъ, а сама добровольно пришла къ нему на квар-

тиру; что, наконецъ, самъ Иванъ Ивановичъ не можетъ быть врагомъ собственной дочери, осрамить ее судебнымъ процессомъ и лишить того счастія, которое Богъ послалъ ей. При этомъ онъ очень краснорѣчиво описывалъ, какъ прекрасно живетъ Софья Ивановна, какъ она любитъ графа, а графъ любитъ ее, — и неужто въ самомъ дѣлѣ Иванъ Ивановичъ, такой почтенный и разсудительный человѣкъ, захочетъ лишить ее всего этого и повергнуть въ прежнюю нужду или выдать замужъ за „какого нибудь нигилиста“. Онъ явно намекалъ на Ипатова, о которомъ уже собралъ надлежащія справки.

Что было дѣлать Ивану Ивановичу? онъ поникъ своею сѣдою головою и только вздохнулъ глубоко. Старичокъ попробовалъ всучить ему отъ своего довѣрителя довольно крупную сумму денегъ, но Иванъ Ивановичъ запальчиво отказался; въ тотъ же вечеръ онъ запилъ горькую и три дня пьянствовалъ непробудно.

Марья Кузьминишна сама никогда не бывала у дочери и своихъ дѣтей не пускала къ ней; но Софья ѣздила къ нимъ часто и иногда увозила съ собою Митю; она накупала ему дорогихъ игрушекъ, наряжала, какъ куклу, и пичкала разными сластями до того, что онъ возвращался домой нездоровымъ, но разсказывалъ, какъ хорошо у мамы, и спрашивалъ бабушку: отчего и они не такъ живутъ? Отчего?—Марья Кузьминишна съ ужасомъ думала о томъ времени, когда ребенокъ войдетъ въ разумъ и осудитъ свою мать; или, можетъ быть, отецъ и мать успѣютъ пріучить его къ своей жизни и испортить эту невинную душу. Въ страхѣ за будущее ребенка, она начинала умолять Софью, вернуться въ семью и бросить

свою позорную жизнь, — но когда дочь спрашивала ее, чѣмъ они будутъ жить дома, то старуха не знала, что отвѣчать, и путалась въ своей морали. Роковые вопросы женскаго труда, тяжелой нужды и человѣческой чести возставали передъ ними, какъ привидѣнія, и двѣ бѣдныя женщины не знали, какъ съ ними справиться и какъ ихъ разрѣшить.

— Вотъ моя мать,—невольно думала Софья,—всю жизнь свою жила честно и отецъ тоже, а до чего они дожили? Имъ ѣсть нечего, я же, безчестная, падшая женщина, кормлю ихъ.—Она, конечно, не высказывала своихъ мыслей, но Марья Кузьминишна сама ихъ понимала, ей самой онѣ приходили въ голову и звучали горькимъ упрекомъ за помощь, принимаемую отъ дочери. Тогда она отказывалась отъ денегъ и храбро боролась съ нуждою. Но нужда одолѣвала, опять ихъ гнали съ квартиры, они сидѣли безъ дровъ, иногда безъ обѣда; дѣти плакали, Митя просился къ мамѣ. Марья Кузьминишна не выдерживала, принимала помощь, и всѣ оживали.

XI.

Прошло два года, и Софья свыклась съ новою жизнью. Въ душѣ она оставалась тою же простою, любящею женщиною, но, по внѣшности и манерамъ, съ каждымъ днемъ все болѣе приближалась къ типу дамы полусвѣта, который ей ставилъ въ примѣръ ея возлюбленный. Въ угоду ему, она готова была все сдѣлать и одного только не могла: разлюбить его; эта любовь охраняла ее и не да-

вала утонуть въ глубокой тинѣ, въ которую жизнь тянула ее.

Сергѣй Воронскій самъ давно погрязъ въ этой тинѣ. По его взглядамъ, на свѣтѣ было только два типа женщинъ, достойныхъ подражанія: grande dame большаго свѣта и французской кокотки; другихъ женщинъ онъ не признавалъ и считалъ ихъ кухарками.

Его Софья, конечно, не могла быть дамой большаго свѣта, поэтому онъ и старался обратить ее въ кокотку, самъ, можетъ быть, не сознавая этого, а такъ, просто, изъ симпатіи къ этому излюбленному типу.

Онъ никогда не любилъ ея, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ она его любила; въ деревнѣ забавлялся ею отъ скуки; въ городѣ, гдѣ онъ возвелъ ее въ санъ своей патентованной любовницы, щеголялъ ею передъ товарищами и гордился ея успѣхами. Всѣ эти товарищи, весь кругъ золотой молодежи, въ которомъ онъ вращался, съ перваго появленія Софьи, признали ее драгоцѣннымъ алмазомъ, который откопалъ гдѣ-то счастливецъ Воронскій, и рѣшили, что этотъ алмазъ стòило только пошлифовать немного, чтобъ сдѣлать изъ него бриллiантъ первой величины. Этой шлифовкой они занимались усердно и, главнымъ образомъ, самъ обладатель алмаза. Мысль, что онъ поступилъ безчестно, что онъ тяжко виновенъ передъ неопытной дѣвушкой, которую сбилъ съ пути, не приходила ему въ голову, — напротивъ, онъ считалъ себя ея благодѣтелемъ и былъ убѣжденъ, что вытащилъ ее изъ мрака въ храмъ свѣта—полусвѣта, конечно,—но Воронскій находилъ этотъ полусвѣтъ неизмѣримо выше тѣхъ полныхъ потемокъ, въ которыхъ Софья провела свою пер-

вую молодость, той жизни кухарки и няньки, на которую она была обречена по рожденію.

Еслибы ему сказали: „Женись на Софьѣ Брызгаловой, ты обязанъ это сдѣлать, ты разбилъ ея жизнь, отнялъ у нея все, чтó есть лучшаго на свѣтѣ — честь и доброе имя,—онъ засмѣялся бы въ лицо тому, кто обратился къ нему съ такою моралью и назвалъ бы его мечтателемъ и даже нигилистомъ.

А Софья жила, не разсуждая, жила сердцемъ, а не умомъ, какъ большинство женщинъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе втягивалась въ новую жизнь. Воздухъ, которымъ она дышала, былъ отравленъ, но она привыкла къ нему и не задыхалась; привыкла къ праздности, не краснѣла больше отъ нескромнаго взгляда; пила вино, какъ воду, и удивляла всѣхъ своими нарядами. Въ ея гостиной собиралась блестящая молодежь и пріѣзжали даже старички, со звѣздами, цѣловать ея бѣлыя ручки. Одинъ изъ нихъ былъ до-зарѣзу влюбленъ въ нее и преслѣдовалъ немилосердно. Про него говорили, что онъ страшно богатъ, и M-me Joséphine, пріятельница Софьи, называла его: *une mine d'or*.

— Cultivez cette mine,—говорила она ей:—je ne vous dis que ça.

У Софьи былъ еще другой обожатель, блестящій офицеръ, который держалъ большое пари, что отобьетъ ее у Воронскаго, и всѣми силами старался выиграть пари.

Самъ Воронскій былъ крайне польщенъ побѣдами своей любовницы, а когда она жаловалась ему и просила защиты, то онъ хохоталъ и увѣрялъ, что это неизбѣжно, что только женщины-уроды не имѣютъ поклонниковъ.

Софья оскорблялась такимъ равнодушіемъ и, не зная, какъ отдѣлаться отъ преслѣдованій, становившихся часто дерзкими, обратилась за совѣтомъ къ M-me Joséphine.

— Mais au contraire, ma belle,—отвѣчала француженка: — il faut les encourager, surtout le vieux, vous savez.

Софья подумала, что это шутка, и спросила: серьезно ли она говоритъ?

— Mais tout-à-fait, mon enfant, on fait une petite infidélité, et voilà tout. Oui, oui,—прибавила она со вздохомъ,—faut bien penser à son avenir.

M-me Joséphine была добрая женщина и очень полюбила Софью, sa belle enfant, какъ она ее называла; она считала своею обязанностью патронировать ее, преподавать ей свою мораль и учить уму-разуму, какъ она сама ихъ понимала.

— Les hommes sont des gredins,—говорила она:— они сначала обманутъ насъ, бѣдныхъ женщинъ, а потомъ бросятъ. Et c'est toujours comme ça, croyez moi, ma belle. И вашъ Сержъ не лучше другихъ; онъ добрый малый, но также броситъ васъ, рано или поздно.

— Jamais,—воскликнула Софья.

— Ni *jamais*, ni *toujours*, c'est la devise de l'amour! — И, обнявъ свою пріятельницу, она лукаво спросила ее:

— Ну, а еслибы ce polisson de Serge самъ измѣнилъ вамъ?

— О, я бы бросила его и ушла къ матери.

Француженка засмѣялась.

— Allons donc, est-ce que c'est possible? Croyez-

moi, mon enfant,—кто разъ попробовалъ *такой* жизни, c'est fini, on n'en revient plus.—C'est comme moi,—продолжала она: — j'étais une petite fleuriste et j'ai aimé, oh, comme j'ai aimé, moi!

И она разсказала свою жизнь въ Парижѣ: какъ она полюбила какого-то красавца барона, какъ баронъ бросилъ ее и она хотѣла вернуться назадъ къ прежней трудовой жизни, но не могла, была не въ силахъ: руки не слушались ея, тоска заѣдала, она все портила, что̀ ей ни давали. Наконецъ, ее прогнали изъ магазина и она поступила на содержаніе къ одному банкиру, très riche, vous savez, потомъ къ какому-то rentier и т. д. Какимъ путемъ она попала изъ отечества въ Россію, M·me Joséphine не разсказала, и хотя приврала немножко, но тронула свою слушательницу и сама плакала, вспоминая свою молодость и первую любовь. Слезы ея осушили гости, съѣхавшіеся къ Софьѣ, и француженка въ одинъ мигъ утѣшилась.

Въ этотъ вечеръ, гостей собралось много; въ числѣ ихъ—старичокъ, влюбленный въ Софью, и офицеръ, державшій пари отбить ее отъ Воронскаго, и самъ Воронскій, игравшій въ карты до утра и сильно проигравшійся.

Софья была сначала не въ духѣ и думала о зловѣщихъ предсказаніяхъ своей пріятельницы, но понемногу развеселилась, стала хохотать, бойко болтала по французски, и, выпивъ за ужиномъ, плясала со своими гостями. Танцы сопровождались легкимъ канканомъ и хозяйка дома не отставала отъ другихъ: она дразнила своихъ кавалеровъ, кокетничала съ ними, приводила ихъ

въ восторгъ, а влюбленный старичокъ совсѣмъ потерялъ голову и, казалось, былъ готовъ отдать ей свои милліоны.

— Cultivez la mine d'or, — шепнула ей на ухо M-me Joséphine, — проходя мимо ея въ котильонѣ, и въ слѣдующемъ турѣ прибавила:

— Вашъ Сержъ разорился: je le sais de source certaine.

Вечеръ окончился ссорой изъ-за картъ и женщинъ, но такъ какъ поссорившіеся были истые джентельмены, то они не пустили въ ходъ кулаковъ, а дрались на благородномъ оружіи и при секундантахъ за городомъ, въ лѣсу; но этотъ бой не имѣлъ вредныхъ послѣдствій и окончился выпивкой въ ресторанѣ, на обратномъ пути въ городъ.

Француженка сказала правду: Воронскій былъ разоренъ; онъ промоталъ, проигралъ въ карты наслѣдство дяди и опять попалъ въ лапы ростовщиковъ. Положеніе его все ухудшалось и становилось опаснымъ. Крушеніе и скандалъ съ кредиторами висѣли надъ нимъ грозной тучей, но онъ твердо рѣшился не допускать катастрофы. Необходимо было принять крутыя мѣры, въ томъ числѣ развязаться съ Софьей, стѣснявшей его свободу дѣйствій. Но планы его еще не созрѣли и надо было продолжать прежнюю жизнь, со всѣми ея декораціями: роскошной квартирой, орловскими рысаками, дорогой, нарядной любовницей и проч. Такъ тянулось время, все ближе подходя къ неизбѣжной развязкѣ, и сама Софья начинала тревожиться, замѣчая, какъ ея Сергѣй, съ каждымъ днемъ, становился мрачнѣе, и боялась сознаться самой себѣ, что онъ уже не любитъ ея по прежнему.

Разъ какъ-то она каталась съ Митей въ саняхъ; день былъ чудесный, рысаки бойко бѣжали по набережной, засыпая снѣжною пылью медвѣжью полость и бородатаго толстаго кучера. Митя, обратившійся въ кудряваго, чудеснаго мальчишку, былъ въ восторгѣ, смѣялся и болталъ безъ умолку; онъ забавлялъ даже кучера Архипа, который, оборачиваясь и разговаривая съ нимъ, наскочилъ какъ-то на другія сани, ѣхавшія на встрѣчу; въ саняхъ сидѣлъ Сергѣй съ молодою нарядною дамою. Митя захлопалъ въ ладоши и закричалъ ему: „папа, папа!“ Но Воронскій сдѣлалъ видъ, что не узналъ ихъ, и, выругавши кучера, пронесся мимо по набережной. Мальчикъ, очень любившій отца, горько заплакалъ и сталъ допрашивать мать, отчего отецъ имъ не кланяется? Софья поблѣднѣла, не смотря на морозъ, и, не отвѣтивъ ни слова, велѣла кучеру ѣхать домой. Она не знала той дамы, которая сидѣла съ Сергѣемъ въ саняхъ, и не могла себѣ представить, кто она. Нину, молодую графиню, она хорошо помнила, но это была не она; такъ кто же такая? Вопросъ этотъ сталъ сильно ее тревожить, тѣмъ болѣе, что Воронскій уже нѣсколько дней не пріѣзжалъ къ ней, казался чѣмъ-то озабоченъ и за что-то дулся на нее. За что? она не знала и не могла придумать вины своей передъ нимъ. Всю ночь напролетъ она не спала, напрасно дожидаясь его. Къ утру не вытерпѣла и написала записку, въ которой просила его пріѣхать немедленно. Онъ пріѣхалъ поздно, на нѣсколько минутъ, казался еще болѣе не въ духѣ и на вопросъ, съ кѣмъ онъ катался вчера по набережной, сердито отвѣчалъ:

— Съ одной пріѣзжей родственницей. Да, пожа-

луйста,—прибавилъ онъ сухо,—запрети ты этому мальчишкѣ на улицѣ кричать мнѣ „папа“; это крайне неприлично, и я удивляюсь, какъ ты сама этого не понимаешь.

Софья замолчала.

— Что жъ тебѣ надо было отъ меня?—продолжалъ Воронскій.—Неужели только для того звала, чтобы спросить, съ кѣмъ я катался по набережной?

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣчала она:—я просто соскучилась по тебѣ, ты такъ давно не былъ.

— Что за странныя претензіи! Неужели ты не понимаешь, что я могу имѣть свои дѣла, свои занятія; наконецъ, мнѣ просто некогда; я и теперь только на минуту...

— Когда ты опять пріѣдешь?

— Не знаю.

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, крутя усы и нервно подергиваясь; казалось, онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но только пожалъ плечами, взялъ фуражку и уѣхалъ, даже не простившись съ нею. Софья долго стояла неподвижно послѣ его ухода и думала горькую думу: неужели въ самомъ дѣлѣ ей суждено быть покинутой, какъ и другія; а она думала, что онъ наконецъ полюбилъ ее. Она поспѣшно одѣлась и поѣхала къ M-me Joséphine. Зачѣмъ? она и сама не знала,—такъ просто, чтобъ отвести душу и выплакать передъ кѣмъ либо свое горе. Француженка сидѣла въ своей уборной, полураздѣтая, за трудной работой; она притиралась передъ зеркаломъ разными красками и мазями: глаза подводила черной краской, щеки — розовой, лобъ и шею — бѣлой; но все это

дѣлалось такъ искусно, такъ нѣжно, что только опытный глазъ могъ разглядѣть эту тонкую живопись. Въ общемъ картина выходила очень красивая, въ особенности, когда весь туалетъ былъ оконченъ и все подтянуто и подлажено какъ слѣдуетъ быть. Своихъ bons amis M-me Joséphine принимала повсюду, гдѣ они ее ни заставали: въ туалетной, въ постели, въ ванной, и конечно приняла Софью въ будуарѣ, не стѣсняясь продолжать при ней свою работу. Онѣ стали болтать о разныхъ разностяхъ, но опытный взглядъ хозяйки тотчасъ же разглядѣлъ, что гостья ея не въ духѣ, и она мигомъ отъисповѣдывала ее.

— Que vous disais-je ma petite! — воскликнула француженка,—не слѣдуетъ ждать, чтобъ васъ бросили: faut prendre les devants.

Софья сидѣла, какъ опущенная въ воду, и казалась убитою горемъ.

— Eh bien, eh bien, faut pas se désoler comme ça.

— Нельзя ли узнать, кто была эта дама, которая каталась съ нимъ?

— Кто? mais c'est un secret de polichinelle; всѣ это знаютъ, кромѣ васъ.

— Кто же, кто? скажите ради Бога.

— Его невѣста, ma bonne amie.

Произнеся это роковое слово, Жозефина наклонилась къ зеркалу, чтобы прилѣпить черную мушку на лѣвую щеку, но, обернувшись по окончаніи этой трудной работы, увидѣла, что bonne amie лежитъ въ обморокѣ въ креслахъ и потихоньку сползаетъ на полъ. Она испугалась, стала кричать и звать на помощь. Прибѣжала гор-

ничная, и вмѣстѣ онѣ подняли бѣдную Соню, уложили на кушетку и стали опрыскивать ее водою, одеколономъ, духами, всѣмъ, что̀ ни попадалось подъ руку, и наконецъ привели ее въ чувство. Софья вздохнула и открыла глаза; она не вдругъ могла прійти въ себя; но, вспомнивъ, что̀ случилось, горько заплакала. M-me Joséphine, выславъ горничную, стала утѣшать ее по своему. Она говорила, что все это вздоръ, и отчаяваться нечего.

— Faut prendre le vieux, et voilà tout.

На вопросъ, какъ она узнала, что Воронскій женится, и правда ли это, Жозефина отвѣчала, что это всѣ знаютъ, и, вѣроятно, онъ самъ сказалъ бы ей на дняхъ, такъ какъ свадьба назначена скоро; графъ прожилъ все наслѣдство дяди, опять надѣлалъ долговъ и, чтобъ спасти себя отъ крушенія, женится на богатой наслѣдницѣ.

— Да куда жъ онъ могъ прожить столько денегъ?— спросила Софья.

Француженка захохотала.

— Куда! промоталъ, проигралъ въ карты, на женщинъ прожилъ, où est-ce que ces gredins là dépensent leur argent? На васъ, между прочимъ, моя милая, pour vous entretenir.

Соня вспыхнула; она съ ужасомъ увидѣла въ зеркалѣ крупные брилліанты въ своихъ ушахъ, дорогіе браслеты и кольца на рукахъ, и невольно, какимъ-то машинальнымъ движеніемъ, сорвала съ себя эти украшенія.

— Que faites vous là,— засмѣялась француженка,— êtes vous bête! Gardez ces breloques, ma belle; они могутъ вамъ пригодиться со временемъ, — и она надѣла ей опять на руки всѣ браслеты и кольца.

— Est ce joli ça,—любовалась она однимъ браслетомъ,—oh, ça coute bien mille francs!

XII.

Вернувшись домой, Софья стала съ ужасомъ думать о своемъ положеніи; она чувствовала, что Жозефина сказала правду, но не хотѣла вѣрить въ эту правду.

— Пускай онъ самъ мнѣ скажетъ,—думала она:—тогда я повѣрю.—И все надѣялась на что-то, хваталась, какъ утопающая, за соломенку.—О, скорѣй бы онъ пришелъ и я могла бы спросить его.

Но онъ не являлся, какъ нарочно, и она изнывала въ ожиданіи.

— Да, — припоминала она: — совсѣмъ онъ не тотъ, чтò былъ прежде; онъ разлюбилъ меня и сталъ обманывать. Разъ какъ-то онъ сказалъ ей, что уѣзжаетъ изъ Петербурга, и цѣлую недѣлю не былъ, но она узнала потомъ, что это не правда, что онъ не уѣзжалъ никуда и его видѣли два раза, въ театрѣ и на балу; до нея доходили и другіе слухи о разныхъ его похожденіяхъ съ женщинами, но она не вѣрила этимъ слухамъ,—она все еще вѣрила въ него. Софья забыла, что этотъ человѣкъ уже разъ обманулъ ее, разбилъ безжалостно ея сердце и, не смотря на то, она оправдала его въ прошедшемъ. Какимъ путемъ, какою логикою? Это была ея тайна; но и въ настоящемъ она жаждала оправдать его и все еще надѣялась, что не онъ, а другіе люди во всемъ виноваты. Знакомые шаги въ сосѣдней комнатѣ прервали ея

мечты. Вошелъ Воронскій и, бросивъ фуражку на столъ, опустился въ мягкое кресло. Онъ былъ, очевидно, не въ духѣ и холодно отвѣчалъ на ея привѣтствія и ласки. Они сидѣли въ комнатѣ, слабо освѣщенной лампою съ матовымъ колпакомъ; не смотря на то, онъ разглядѣлъ тотчасъ же, что она плакала, и рѣзко спросилъ ее:

— О чемъ ты плачешь?

Она молчала, не рѣшаясь сама обратиться къ нему съ роковымъ вопросомъ.

— Какъ это скучно, — сказалъ онъ: — ты все плачешь, точно губка.

— Сергѣй, — рѣшилась наконецъ выговорить Софья, — скажи мнѣ правду: говорятъ, ты женишься?

— Кто тебѣ сказалъ?

— Все равно кто, правда ли это?

— Можетъ быть, я и женюсь когда нибудь, я не давалъ обѣта безбрачія.

— Я не говорю о будущемъ, я спрашиваю: теперь, въ настоящую минуту, у тебя есть невѣста?

— Много, всѣ маменьки за мною бѣгаютъ!

— О, Боже мой, ты шутишь, а мнѣ не до шутокъ, я спрашиваю тебя серьезно.

— И я серьезно говорю съ тобой. Неужели ты думаешь, что такая жизнь, какъ наша, можетъ продлиться еще надолго? У меня есть обязанности, положеніе въ свѣтѣ, имя, которое я долженъ беречь, — не могу же я все это отдать тебѣ; наконецъ, ты пойми, у насъ просто не хватитъ средствъ продолжать эту жизнь.

— Зачѣмъ же продолжать, мнѣ ничего не надо, — я могу жить въ двухъ комнатахъ.

— Merci, l'amour et la chaumière, на это я не способенъ.

— Чего жъ ты хочешь отъ меня?

— Я ничего не хочу, это ты меня допрашиваешь.

— Я уѣду къ матери.

— Поѣзжай, — я тебѣ назначу пенсію или положу капиталъ на твое имя въ банкъ.

— Т. е. ты мнѣ заплатишь.

— Fi, quel vilain mot.

— Такъ это правда, ты женишься.—Она вся дрожала и со страхомъ ждала отвѣта.

— Обстоятельства могутъ вынудить меня сдѣлать эту глупость.

— Такъ ты женишься на деньгахъ?

— Конечно, а ты думала по любви, ха, ха!

Соня опустилась на стулъ и закрыла лицо руками.

— Опять слезы; нѣтъ, я прошу тебя: безъ сценъ, или я уѣду.

Она открыла лицо, поспѣшно вытерла глаза и старалась говорить спокойно.

— Какъ же ты хочешь, чтобы я не плакала, если намъ приходится разстаться.

— Зачѣмъ? это ты хочешь уѣхать къ матери, а я совсѣмъ этого не требую, все останется по прежнему.

— Какъ?

— Очень просто. Мало ли есть на свѣтѣ женатыхъ людей, которые имѣютъ любовницъ; ты сама знаешь. Намъ придется только на первое время быть осторожнѣе, можетъ быть, не видѣться два, три мѣсяца, а потомъ все пойдетъ по старому.

— Но я не хочу такой жизни, я не могу.

— Мало ли чего! я тоже не хочу, да приходится.

— Кто жъ тебя заставляетъ?

— Обстоятельства, мой другъ,—пойми ты это.

— Какія обстоятельства?

— Денежныя, я опять попалъ въ лапы жидовъ, и единственный исходъ...

— Значитъ, ты женишься! — перебила она, — скажи же мнѣ прямо.

— Т. е. беру милліонное приданое, которое выпутаетъ меня изъ всѣхъ затрудненій и поставитъ наконецъ на твердую ногу въ жизни; но я не разстанусь съ тобой, о, никогда! Я слишкомъ люблю тебя.—Онъ хотѣлъ обнять ее, но она оттолкнула его.

— Прощай, я уѣду и мы больше не увидимся; я оставлю здѣсь все, что ты далъ мнѣ, все до послѣдней нитки, мнѣ ничего не нужно.

— Чтò за вздоръ, кýда ты уѣдешь?

— Все равно.

— Я не пущу тебя.

Соня дѣлала страшныя усилія, чтобы не плакать, но слезы душили ее и подступали къ самому горлу. Вдругъ она бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Сережа, не дѣлай этого, — ты меня погубишь, вѣдь я люблю тебя!

Она обнимала его колѣни, хватала за руки, цѣловала ихъ. Ему стало жаль ея, онъ поднялъ, усадилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ возлѣ.

— Соня, будь же благоразумна, вѣдь ты не ребе-

нокъ; подумай, такъ тянуть нельзя, я провалюсь все равно и долженъ буду оставить полкъ и уѣхать.

— Я уѣду съ тобой.

— Это невозможно, я долженъ беречь свое имя; у меня карьера впереди, не могу же я все бросить; отецъ и мать настаиваютъ на моей женитьбѣ, это они все устроили.

И это была правда; графиня въ особенности давно хлопотала о женитьбѣ возлюбленнаго сына и искала ему богатую невѣсту; она давно желала вырвать его изъ рукъ Софьи, которую глубоко ненавидѣла и считала виновницей всѣхъ золъ и бѣдствій, постигавшихъ ея Сергѣя. Онъ продолжалъ говорить и урезонивать Софью, но она уже плакала навзрыдъ и, казалось, не слушала никакихъ резоновъ.—Онъ отодвинулся отъ нея.

— Вотъ женщины!—сказалъ онъ съ досадой.—Онѣ только плакать умѣютъ, а здраво и спокойно обсудить серьезное дѣло не могутъ; у нихъ одно оружіе—слезы.

Онъ сталъ опять уговаривать ее и старался успокоить; онъ говорилъ убѣдительно и даже краснорѣчиво,— въ результатѣ выходило, что не она жертва, а онъ; онъ любилъ ее, берегъ, лелѣялъ; — онъ предлагаетъ обезпечить ея будущность, а его упрекаютъ—и въ чемъ же?— въ томъ, что онъ рѣшается спасти отъ гибели себя и ее вмѣстѣ, спасти отъ окончательнаго крушенія, отъ стыда и позора.

— Ты представь себѣ, Соня, что̀ будетъ, если меня объявятъ несостоятельнымъ должникомъ, меня, графа Воронскаго. Отецъ умретъ со стыда и горя, я самъ не переживу этого,—неужели ты хочешь моей смерти?

О, нѣтъ, она не хочетъ,—она со страхомъ и тоской прижалась къ нему и обхватила его обѣими руками.

Онъ продолжалъ говорить.

— Еслибы отецъ могъ спасти меня, конечно, я бы не подумалъ жениться, но онъ самъ раззоренъ въ конецъ, я говорю это тебѣ по секрету; отецъ промоталъ все наше наслѣдство, раззорилъ родовое имѣніе и самъ виситъ на волоскѣ; женившись, я и его спасаю, заплачу его долги, обезпечу тебя и Митю, и самъ стану на твердую почву.

Онъ такъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что повѣрилъ самъ во все, что̀ разсказывалъ ей, и показался самому себѣ какимъ-то героемъ. Въ заключеніе, онъ предложилъ ей одно изъ двухъ: уѣхать къ матери, гдѣ онъ будетъ содержать ее и всю семью, или остаться жить на отдѣльной квартирѣ и только переѣхать куда нибудь подальше отъ центра города и не показываться въ ихъ теперешнемъ обществѣ.

— Но это только на время, — прибавилъ онъ, въ видѣ утѣшенія—а потомъ все пойдетъ по прежнему. Tu sais nos mariages du grand monde, c'est pour la forme seulement, до перваго ребенка, а потомъ взаимная свобода, *carte blanche* полнѣйшая мужу и женѣ, — дѣлать что угодно и жить на разныхъ половинахъ.

Онъ хотѣлъ было предложить ей третью комбинацію: перейти на содержаніе къ богатому старику, который за ней ухаживалъ, но не рѣшился...

„Она дура", подумалъ онъ, „и не пойметъ всей практической мудрости этой комбинаціи".

А Софья слушала его и, казалось, не понимала. Слова звучали у [illegible]хъ, но смыслъ ихъ оставался ей

чуждымъ. Ей было все равно, гдѣ и какъ жить; ее терзала мысль, что она раздѣлитъ его съ другою женщиною, что другая, а не она одна, будетъ владѣть имъ и ласкать его; она находилась въ такомъ состояніи, какъ будто ее ударили обухомъ по головѣ и еще не опомнилась отъ этого удара. Разныя мысли мелькали у нея въ головѣ: „Да, онъ правъ“, — почему? она не знала, но онъ всегда правъ, — „онъ спасетъ свою семью, отца и мать; онъ долженъ беречь свое имя, у него карьера впереди“. Но она-то тутъ причемъ, она, бѣдная Соня? Чтó она имъ сдѣлала, за что они ее гонятъ? А въ его жизни, — что она такое? — содержанка, любовница, ихъ всѣ бросаютъ, et ça finit toujours comme ça.

— О, Господи, помоги мнѣ! Она сказала эти слова громко и сама испугалась звука своего голоса.

Сергѣй взглянулъ на нее; она была блѣдна, какъ полотно, слезы высохли на глазахъ и она глядѣла на него со страхомъ.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ и броситъ ее опять? — Нѣтъ, этого быть не можетъ; что нибудь да не такъ, что нибудь иное случится!

Но ничего инаго не случилось. Онъ уѣхалъ, нѣжно расцѣловавъ ее и обѣщавъ вернуться завтра, чтобы хорошенько перетолковать обо всемъ. Но завтра онъ не пріѣхалъ, толковать было не о чемъ, все само собою устроилось.

XIII.

Старый другъ Брызгаловыхъ, Захаръ Семеновичъ, пришелъ навѣстить ихъ. Онъ всегда приходилъ навѣщать друзей въ бѣдѣ и чутьемъ угадывалъ, когда случалось что либо недоброе. Но на этотъ разъ положеніе было совсѣмъ особое: бѣду, случившуюся съ Брызгаловыми, нельзя было, по строгимъ правиламъ морали, назвать бѣдой, а слѣдовало, напротивъ, признать счастіемъ: блудная дочь вернулась въ лоно родительское, бросила свою позорную, праздную жизнь и принялась за честный трудъ. Но честный трудъ давалъ 40 коп. въ день, а праздная жизнь приносила тысячи. Софья оказалась въ своемъ родѣ безсребренницей; она отказалась отъ всякой денежной помощи со стороны Воронскаго и ушла изъ своей нарядной крартиры въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ въ первый разъ вошла въ нее, не взявъ съ собой ничего. Въ семьѣ ее встрѣтили съ отверстыми объятіями, закололи для нея тельца, но—увы!—телецъ былъ скоро съѣденъ и прежняя нужда стала мало по малу появляться въ домѣ. Ранѣе всѣхъ ощутила ее, конечно, Марья Кузьминишна, но она тщательно скрывала ото всѣхъ свою бѣду и стыдилась говорить о ней даже съ дочерью. Это становилось, однако, съ каждымъ днемъ труднѣе, тѣмъ болѣе, что отъ нужды поотвыкли, и широкую помощь, приносимую въ семью старшей дочерью, трудно было замѣнить продажею и закладомъ стараго тряпья да усидчивымъ шитьемъ, за которое опять принялись Марья Кузминишна и Софья.

Захаръ Семеновичъ понималъ положеніе, но имѣлъ деликатность не говорить о немъ; онъ просто заставлялъ Марью Кузьминишну принимать отъ него, подъ видомъ займовъ, посильную помощь и только махалъ руками, когда она протестовала и отказывалась. Сонѣ было труднѣе помочь; она казалась совсѣмъ разбитою горемъ и равнодушною ко всему, даже къ сыну. Она шила машинально съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра, не смотря на протесты матери, и на просьбы ея поберечь себя, отвѣчала одно:

— Зачѣмъ беречь? чѣмъ скорѣе конецъ, тѣмъ лучше.

О чемъ думала Софья въ эти длинные часы работы, она не могла дать себѣ отчета. Вся жизнь ея и все прошедшее проходили передъ нею и казались тяжелымъ кошмаромъ.

Неужели ее никто не любилъ и она нужна была только какъ женщина, какъ вещь или красивая лошадь? Неужели правы тѣ падшія созданія, которыхъ она видѣла такъ много въ послѣдніе годы своей жизни? Онѣ проповѣдуютъ свою особую мораль, не отдаются сердцемъ никому и сами презираютъ тѣхъ, которые дѣлаютъ ихъ игрушками своихъ страстей; онѣ мстятъ имъ, опустошая ихъ карманы, и смотрятъ на свою молодость и красоту, какъ на капиталъ, изъ котораго надо извлечь возможно большій процентъ, покуда онъ не растраченъ. Зачѣмъ же тогда терпѣть нужду, — свою и своихъ близкихъ, и не быть въ силахъ помочь имъ? — О, нѣтъ! она не помирится съ такою жизнью, она отомститъ. И самые жестокіе планы мщенія создавались у нея въ головѣ, но она не приводила ихъ въ исполненіе, а жила изо дня въ день, тоскуя и мучась все тѣми же вопросами и сомнѣніями.

Между тѣмъ, за ней зорко слѣдила вдова Лоскуткина, ожидая только случая, чтобы запутать ее въ свои сѣти. M-me Joséphine тоже отыскала ее и все толковала о богатомъ старичкѣ, — „la mine d'or» (золотая руда) которую она предлагала Софьѣ эксплуатировать вмѣстѣ. Она рѣшительно не могла понять, зачѣмъ это „belle amie“ терпитъ нужду и убивается надъ грошовой работой, когда ей стоитъ сказать одно слово, кивнуть головой, чтобы тысячи посыпались къ ея ногамъ.

— Est on bête comme ça, говорила она ей въ глаза и за глаза:—oh, si j'avais moi votre âge et votre beauté!

— Et cette bonne mère!—восклицала француженка, при видѣ Марьи Кузьминишны:—о, еслибы у меня была такая мать! Но моя мать умерла, при моемъ появленіи на свѣтъ.

И она заливалась горькими слезами, вытирая ихъ батистовымъ платкомъ, до того надушеннымъ, что вся комната пропахивала духами. M-me Joséphine была добрая женщина и имѣла очень мягкое сердце; всѣ ея разсказы о мщеніи мужчинамъ,—„ces monstres“, какъ она ихъ называла,—были только однимъ хвастовствомъ; въ дѣйствительности же она никому не мстила, никого не раззорила, сама не имѣя ни гроша за душой, и часто отдавала послѣднія деньги какому нибудь парикмахеру, въ котораго влюблялась безъ памяти. Появленіе этой разряженной кокотки въ семьѣ Брызгаловыхъ произвело необычайное впечатлѣніе: ея парижскія шляпки, яркіе туалеты, духи, которыми она была вся пропитана, кричали противъ бѣдной обстановки дома; ей казалось тѣсно во

всей квартирѣ, некуда сѣсть со своими накрахмаленными юбками и шумящимъ шелковымъ платьемъ. Дѣти сначала дичились ея и Марья Кузьминишна смотрѣла на нее косо, но она побѣдила всѣхъ своимъ добродушіемъ, дѣтей зацѣловала, задарила конфектами, а къ Марьѣ Кузьминишнѣ проявила настоящій культъ. Она съ перваго взгляда почувствовала къ ней благоговѣніе, признала въ ней высшее существо и готова была молиться на нее. Не смотря на то и по смѣшенію всѣхъ понятій, она упорно уговаривала Софью поступить на содержаніе къ богатому старичку и убѣждала ее принести себя въ жертву своей матери, „à cette sainte mère“, какъ она ее называла, „à ces petits chéris“. И все это она говорила совершенно искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей морали.

Иванъ Ивановичъ отнесся очень странно къ появленію новой гостьи въ своей семьѣ, и когда увидѣлъ въ первый разъ M-me Joséphine, принялъ ее за графиню, пріѣхавшую къ его дочери, расшаркался передъ ней самымъ утонченнымъ образомъ и былъ крайне удивленъ, когда графиня хлопнула его по плечу и, громко расхохотавшись, чмокнула въ щеку и назвала „cher papa“.

Марья Кузьминишна не сразу догадалась, чего добивалась отъ ея дочери француженка, но разъ увидѣла, какъ она передавала ей письмо и, учившись смолоду по французски, поняла, что она уговаривала ее ѣхать на какой-то вечеръ, гдѣ и *онъ* будетъ, но Соня отказалась. Кто это *онъ?* Марья Кузьминишна не разобрала, но какъ только Jesépbine уѣхала, тотчасъ допросила дочь и узнала всю истину. Она пришла въ негодованіе и напи-

сала француженкѣ письмо по русски, прося избавить отъ своихъ посѣщеній, но m-me Joséphine явилась на другой же день, какъ ни въ чемъ не бывало, и клялась, что желала только добра à la belle Sophie, которую она такъ любитъ. Но если это считаютъ за обиду, то всему дѣлу конецъ— „c'est fini, n'en parlons plus“. За что же ее выгонять, когда она всѣхъ такъ любитъ?

Марья Кузьминишна махнула на нее рукой, но стала серьезно думать о судьбѣ своей дочери. Устоитъ ли она противъ соблазна и что готовитъ ей будущее? Она съ ужасомъ думала объ этомъ будущемъ, въ особенности тогда, когда ея не станетъ; а она чувствовала, что силы ея слабѣютъ, что заботы и нужда одолѣваютъ ее. „Иванъ Ивановичъ опять сталъ пить, на него надежда плохая и когда я умру, — думала Марья Кузьминишна, — единственной опорой семьи останется Соня. Бѣдная Соня, гдѣ у нея силы, чтобы тянуть такую лямку?“

А нужда съ каждымъ днемъ подступала все ближе и ближе; послѣдніе гроши были истрачены, кредитъ изсякъ и помощи не откуда было ждать. Брызгаловы перебивались какъ могли, закладывая, продавая, что только возможно, и все таки остались, въ одинъ прекрасный день, буквально безъ копѣйки въ домѣ. До пенсіи было далеко; за шитье, взятое на домъ, еще не заплатили, и Марья Кузьминишна ломала себѣ голову: что будетъ завтра и на что ей сварить обѣдъ? Она сидѣла въ комнатѣ, штопая старое бѣлье; Софья укладывала Митю, а Иванъ Ивановичъ лежалъ пьяный за перегородкой и громко храпѣлъ. Стало темнѣть, надо зажечь лампу, чтобъ работать, чтобъ дѣтей напоить чаемъ; но керосину не было ни капли въ

домѣ, даже сальнаго огарка нигдѣ не валялось; сахару тоже не было, а чай совсѣмъ на донышкѣ чайницы, такъ что вечеромъ только напиться, а на завтра ужъ ничего не останется. Не зная, что ей дѣлать, она встала и пошла за перегородку будить мужа; онъ лежалъ навзничъ съ открытымъ ртомъ и тяжело дышалъ; видъ его возбудилъ злобу и отвращеніе въ сердцѣ несчастной женщины; она стала толкать его и дергать за руки.

— Проснись,—говорила она,—какъ тебѣ не стыдно, валяешься съ утра, а мы съ голоду скоро умремъ.

Но Иванъ Ивановичъ только мычалъ.

— Да встань же, встань!—Послушай, у насъ нѣтъ ни гроша въ домѣ и не на что сахару купить; я ходила въ лавку, мнѣ не даютъ безъ денегъ.

Онъ открылъ глаза, но тупо глядѣлъ на нее и, казалось, не понималъ, чего отъ него хотятъ.

— Иванъ Ивановичъ, проснись ради Бога, сходи ты въ лавку, попробуй достать керосину, или хоть свѣчку попроси, скажи, что завтра заплатимъ.

— Керосину,—повторилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, скорѣй ступай, темно совсѣмъ.

— Керосину! — прохрипѣлъ онъ. — Къ чорту керосинъ, давай водки!

— Будь ты проклятъ со своею водкой! — воскликнула внѣ себя Марья Кузьминишна и замахнулась на него.

Внезапный порывъ гнѣва вдругъ охватилъ пьянаго; онъ вскочилъ на ноги.

— А, ты драться, старая вѣдьма!

И со всего размаха ударилъ ее кулакомъ по головѣ.

Марья Кузьминишна, какъ стояла передъ нимъ, такъ и грохнулась на полъ, не вымолвивъ ни слова, не вскрикнувъ даже.

Хмѣль разомъ вышибло изъ головы Ивана Ивановича; онъ бросился передъ нею на колѣни и громко завопилъ:

— Убилъ, убилъ, помогите!

Соня и дѣти вбѣжали въ комнату и увидѣли мать на полу, а отца на колѣняхъ передъ нею; онъ колотилъ себя въ грудь и въ голову и кричалъ въ полномъ отчаяніи:

— Маша, Маша, прости меня!

Испуганныя дѣти также заплакали и закричали, а Соня бросилась къ матери и стала прыскать ее водою, тереть виски и примачивать голову. Марья Кузьминишна очнулась и начала обнимать и цѣловать всѣхъ, даже Ивана Ивановича. Но испугъ и горе надломили окончательно ея силы. Храбрый боецъ на полѣ житейской брани былъ побѣжденъ наконецъ: она слегла въ постель. Позвали доктора и онъ объявилъ, что болѣзнь серьезная, давно готовившаяся и обнаружившаяся вдругъ отъ испуга и сотрясенія мозга, что болѣзнь опасная и требуетъ внимательнаго лѣченія, а главное—полнаго спокойствія для больной. Какъ достигнуть этого спокойствія?—было задачей неразрѣшимой. Марья Кузьминишна лежала большую часть дня безъ памяти, но какъ только приходила въ себя, начинала тотчасъ же тревожиться обо всемъ: о дѣтяхъ, объ обѣдѣ, о лѣкарствахъ и докторѣ, чѣмъ платили ему, на что варили обѣдъ, есть ли чай и сахаръ? Всѣ эти вопросы терзали ее, она порывалась встать, но

не могла; опять теряла сознаніе и, очнувшись, опять начинала свои разспросы.

Иванъ Ивановичъ не отходилъ отъ ея постели и самъ страдалъ невыразимо, но онъ мало могъ помочь общему горю, и вся забота о домѣ, о дѣтяхъ, о деньгахъ выпала на долю Софьи. M-me Joséphine сама пришла къ ней на помощь и отдала все, что было у нея въ наличности, предложила даже заложить свои брилліантовыя серьги, но брилліанты, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказались фальшивыми. Затѣмъ Софья занимала у Захара Семеновича, у вдовы Лоскуткиной, словомъ, гдѣ только могла, на свой рискъ и страхъ; но дѣло, очевидно, не могло такъ идти далѣе. Лѣченіе стоило дорого, все хозяйство шло наизворотъ, за отсутствіемъ его главной руководительницы, и деньги таяли, какъ воскъ въ рукахъ неопытной хозяйки. Она скоро оказалась неоплатной должницей; болѣзнь матери тянулась и принимала зловѣщій характеръ; француженка и вдова Лоскуткина приставали къ ней,—одна со своимъ старичкомъ, а другая съ купцомъ Кудесниковымъ. Софья теряла голову и не знала, на что рѣшиться.

Въ одинъ изъ визитовъ доктора, онъ нашелъ больную въ такомъ опасномъ положеніи, что счелъ нужнымъ созвать консиліумъ. На другой день пріѣхалъ новый эскулапъ, старикъ, и — повидимому — изъ важныхъ; онъ измучилъ больную, стукая, слушая, ощупывая ее со всѣхъ сторонъ, потолковалъ со своимъ коллегой и объявилъ Ивану Ивановичу, что надежды мало и чтобы онъ приготовился къ самому худшему исходу. Старикъ схватился за голову и застоналъ, а Софья побѣжала за докторами,

уже спускавшимися съ лѣстницы, и остановила старшаго изъ нихъ.

— Докторъ, ради Бога, неужели нѣтъ надежды?

— Мало, сударыня.

Она совала ему въ руку бумажку, но онъ не взялъ.

— Вы сами успокойтесь, — прибавилъ старикъ съ участіемъ.

— Неужели спасти нельзя?—допрашивала Софья.— Пріѣзжайте еще разъ, умоляю васъ.

— Извольте, я пріѣду, но тутъ не я нуженъ и не мои лѣкарства.

— А что же?

— Другая обстановка: перемѣна воздуха, полный, безусловный покой.

— И тогда она поправится?

— Протянетъ, можетъ быть; мой совѣтъ—свезти ее въ больницу.

— О, ни за что!

Доктора уѣхали. Софья осталась одна и продолжала стоять на лѣстницѣ въ глубокомъ раздумьѣ. Въ эту минуту противоположная дверь пріотворилась и изъ нея выглянула вдова Лоскуткина; она поманила къ себѣ Софью, и та машинально вошла. Черезъ полчаса онѣ вмѣстѣ уѣхали куда-то на извощикѣ. Софья вернулась домой только къ вечеру, блѣдная, взволнованная, и привезла съ собой толстую пачку денегъ; сколько—она не считала, но тотчасъ же расплатилась съ лавками, за квартиру, и объявила отцу, что завтра ѣдетъ въ Гатчину—нанимать дачу для мамы. Иванъ Ивановичъ не могъ прійти въ себя отъ

удивленія и допрашивалъ дочь, откуда у нея столько денегъ?

— Все равно,—отвѣчала она, но прибавила, что заѣзжала къ доктору. Это онъ указалъ ей на Гатчину и совѣтовалъ какъ можно скорѣй перевезти туда больную.

— Да откуда деньги?—повторялъ Иванъ Ивановичъ.

— Отъ Воронскаго,—солгала Софья, чтобъ отвязаться отъ него.

Иванъ Ивановичъ повѣрилъ и тотчасъ же сталъ мечтать о томъ, какъ дача сдѣлаетъ чудо, воскреситъ больную, какъ всѣ они отдохнутъ на свѣжемъ воздухѣ, дѣти будутъ бѣгать въ саду и Марью Кузьминишну туда вынесутъ. Самъ онъ тоже станетъ человѣкомъ и пить не будетъ, — о, теперь конецъ, ни за что! Онъ обнялъ дочь и сталъ разсказывать дѣтямъ, какъ они переѣдутъ на дачу.

Въ началѣ мая погода стояла теплая, совсѣмъ лѣтняя, и первые эмигранты на дачи уже потянулись со своими возами изъ города. Въ числѣ ихъ были и Брызгаловы. Они переѣхали въ Гатчину и перевезли туда больную, но бѣдная Марья Кузьминишна не замѣтила перемѣны; она все время была въ забытьи, не узнавала никого, и не видала ни зелени, ни сада, окружавшаго ихъ дачу, не слышала радостныхъ криковъ дѣтей, когда ихъ пустили бѣгать въ этомъ саду. Чудесный, живительный воздухъ, повидимому, не оживлялъ ея, и Софья съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала, когда же она очнется. Но къ этому нетерпѣнію примѣшивалась боязнь. Что скажетъ мать, когда увидитъ высокую, большую комнату, въ которую ее положили, съ хорошею мебелью, съ окнами

въ садъ, съ полною тишиною вокругъ. „Откуда все это“? спроситъ она, и чтó ей отвѣтить? Какою цѣною она купила всю эту новую жизнь и довольство, и приметъ ли отъ нея мать такую жертву? А если мать не поправится и жертва будетъ напрасна, что тогда? Софья съ ужасомъ думала о своемъ поступкѣ и сама безпощадно осуждала себя. Она продала себя безъ любви, безъ увлеченья, просто за деньги. Сергѣя она любила и любитъ до сихъ поръ; вернись онъ къ ней нищій, она бы обняла его, простила все и стала бы жить для него одного. Она ненавидитъ бородатаго купца, которому продала себя; онъ ей противенъ, но она должна будетъ жить съ нимъ, терпѣть его ласки.—О, лучше сто разъ умереть! Но теперь ужъ поздно, роковой шагъ совершенъ, назадъ нельзя вернуться. Такъ мучилась она, сидя у изголовья больной, прислушиваясь къ ея тяжелымъ стонамъ, и все ждала, ждала, когда же она очнется? Но Марья Кузьминишна не очнулась, и въ бреду ей чудились ея дѣти, оборванныя, голодныя, просящія милостыню на улицѣ. Ее неотвязно преслѣдовала мысль о дѣтяхъ, забота всей жизни являлась ей, какъ призракъ передъ смертью.

— Вонъ, вонъ, тамъ,—повторяла она,—Катюша на улицѣ, безъ башмаковъ, протянула руку, прохожій подалъ ей копѣйку.—Ваничка, не плачь, я тебѣ налью молока; онъ голоденъ, Соня, накорми его. — Сдѣлавъ страшное усиліе, больная сѣла на постели, дико озираясь кругомъ.

— Гдѣ я, что это за комната?

— Мама, мама, успокойся,—говорила Софья, обни-

мая ее.—Мы на дачѣ, въ Гатчинѣ, дѣти бѣгаютъ въ саду, имъ хорошо тамъ, смотри вонъ они.

Но мать упала на подушки и начала опять стонать и бредить.

— Иванъ Ивановичъ,—спрашивала она, — гдѣ жъ онъ? Ему пора на службу; постой, пуговица оборвалась на вицмундирѣ; дай я пришью.—Она помолчала съ минуту, потомъ опять заговорила:

— Праздникъ скоро. Сколько награды получимъ? Узнай скорѣй, чтобъ я могла разсчитать все до копѣйки, безъ меня не сосчитаешь.

— Пропьетъ, пропьетъ!—воскликнула она вдругъ и громко зарыдала.

Иванъ Ивановичъ стоялъ у кровати, какъ приговоренный къ смерти; холодный потъ выступалъ у него на лбу и онъ вытиралъ его платкомъ вмѣстѣ со слезами.

— За штатомъ, — опять стала бредить больная, — за штатомъ, на общемъ основаніи. — Ваше превосходительство, за что вы гоните его? онъ прослужилъ 30 лѣтъ безпорочно!

— Служба не богадѣльня, сударыня,—путала Марья Кузьминишна изъ воспоминаній прежнихъ дней и вдругъ захохотала.

— Статскій совѣтникъ, статскій совѣтникъ! смотри, твои дѣти по міру ходятъ.

Она металась по постели, хватаясь за грудь; сердце ея разрывалось на части.

Ночью она заснула. Соня сидѣла одна въ комнатѣ больной, она отпустила отдохнуть сестру милосердія, взя-

тую по настоянію докторовъ, и уговорила отца прилечь въ постель. Она сидѣла у окна и глядѣла въ садъ, на чудесную майскую ночь, на аллею липъ въ саду, и вспоминала другой садъ, далеко въ деревнѣ, гдѣ она впервые любила и была счастлива.

Вдругъ она услышала свое имя и бросилась къ постели больной. Мать открыла глаза и еще разъ повторила: „Софья"!

— Мама моя, мама дорогая, ты узнаёшь меня?

— Приподними,—прошептала Марья Кузьминишна и обвила ея шею рукою.

— Скорѣй, я опять забудусь, слушай меня. — Она перевела дыханіе, дочь со страхомъ глядѣла на нее.

— Я умру, Соня, и тебѣ завѣщаю отца и дѣтей.

— Ты не умрешь! — воскликнула Софья, покрывая поцѣлуями ея руки,—или я умру съ тобой.

— Нѣтъ, ты должна жить, я тебѣ завѣщаю ихъ. Не покинь ихъ, Софья, и Господь милосердый проститъ тебя.—Она положила ей руку на голову и притянула къ себѣ.

— Клянись!—громко и внятно произнесла она.

— Клянусь!—повторила за ней Софья и перекрестилась.

Марья Кузьминишна вздохнула глубоко, какъ будто тяжесть какая свалилась у нея съ груди.

— Не покинь!—еще разъ вздохнула она и упала на подушки. Къ утру она скончалась.

Ее похоронили въ Гатчинѣ, на загородномъ кладбищѣ,

въ тишинѣ полей и лѣсовъ. Тамъ виденъ до сихъ поръ чугунный крестъ надъ ея могилой и на крестѣ надпись:

„Здѣсь похоронено тѣло незабвенной жены моей, супруги статскаго совѣтника, Марьи Кузьминишны Брызгаловой. Здѣсь обрѣла покой многострадальная душа ея“.

Надпись сочинена самимъ Иваномъ Ивановичемъ.

XIV.

Андрей Васильевичъ Ипатовъ, окончивъ курсъ въ медицинской академіи, уѣхалъ въ деревню, на свою родину, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ безвыѣздно. Онъ скоро назначенъ былъ земскимъ врачемъ и честно работалъ на этомъ поприщѣ.

Сталкиваясь ежедневно съ простымъ народомъ, онъ съумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе и сдѣлался по преимуществу врачемъ бѣдныхъ, какъ онъ обѣщалъ когда-то. Его личныя горести показались ему мелкими и ничтожными по сравненію съ тѣмъ громаднымъ общимъ горемъ, которое онъ видѣлъ ежедневно вокругъ себя и помогать которому—стало цѣлью его жизни. Онъ осуществилъ свою давнишнюю мечту, устроилъ больницу въ деревнѣ, и скоро сдѣлался извѣстнымъ во всемъ уѣздѣ. Сосѣдніе помѣщики стали прибѣгать къ нему за помощью и дѣятельность его расширялась съ каждымъ днемъ; но онъ продолжалъ жить особнякомъ, чуждался людей, въ особенности женщинъ, и всѣ попытки вовлечь его въ жизнь мѣстнаго общества оставались тщетными.

Онъ жилъ съ матерью и сестрою, окружившими его своей любовью и ласками, но онъ не говорилъ съ ними о прошедшемъ и самъ старался забыть о немъ. Тѣмъ не менѣе рана, нанесенная его сердцу, долго болѣла и зажила ли она совсѣмъ, или только затянулась на время, онъ не зналъ. Ипатовъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые долго плачутся надъ своимъ горемъ и драпируются имъ передъ другими; онъ храбро принялся за работу и въ ней нашелъ облегченіе своему горю. Онъ трудился не только практически, но и научно,—печаталъ отдѣльныя статьи, писалъ въ журналахъ и завоевалъ себѣ почетное имя въ медицинскомъ мірѣ. Одна изъ такихъ работъ привела его въ Петербургъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія. Онъ поселился въ меблированныхъ комнатахъ, въ одной изъ центральныхъ улицъ столицы, и проводилъ свое время въ библіотекахъ и лабораторіяхъ, работая надъ однимъ спеціальнымъ вопросомъ, крайне его интересовавшимъ.

Онъ жилъ въ Петербургѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, но, по какому-то странному, непонятному чувству стыда и страха, ни разу не справился о судьбѣ своихъ старыхъ друзей, Брызгаловыхъ, не зналъ что̀ съ ними, не встрѣчался съ ними нигдѣ. Разъ какъ-то въ сумерки, онъ шелъ по Невскому; начинали зажигать газъ и толпа гуляющихъ быстро рѣдѣла. Ипатовъ шелъ быстро, опустивъ голову и нахлобучивъ на лобъ поярковую шляпу. Вдругъ онъ столкнулся съ двумя женщинами, шедшими ему на встрѣчу; одна изъ нихъ засмѣялась, другая прошла молча мимо. Лицо послѣдней показалось ему такъ знакомымъ и

такъ поразило его, что онъ пошелъ вслѣдъ за ними; ему захотѣлось во что бы то ни стало увидѣть это лицо еще разъ. Женщины повернули съ Невскаго на Казанскую улицу, вошли въ переулокъ и стали подыматься по лѣстницѣ высокаго каменнаго дома. Ипатовъ шелъ за ними; у дверей, въ третьемъ этажѣ, онѣ остановились, и одна изъ женщинъ сказала ему: „войдите“.

Онъ вошелъ въ комнату, освѣщенную лампой. Комната была большая, просторная, съ триповою потертою мебелью; на окнахъ висѣли кисейныя занавѣски, на стѣнахъ гравюры, въ углу стояла широкая кровать. Одна изъ красавицъ исчезла въ боковую дверь; другая, снявъ шляпку и пальто, подошла къ нему и глядѣла на него вопросительно.

— Боже мой,—думалъ Ипатовъ,—какое сходство: неужели это она?

— Извините,—сказалъ онъ,—ваше лицо мнѣ показалось знакомымъ...

Но въ эту минуту она сама бросилась къ нему и схватила его за руки.

— Андрей Васильевичъ, вы ли это?—Передъ нимъ стояла Софья Брызгалова. Лицо ея было одною тѣнью прошлаго, но глаза и улыбка оставались все тѣ же. Его захватило за сердце; онъ бросился цѣловать ея руки, но она отдернула ихъ и закрыла свое лицо. Онъ распрашивалъ ее о ней самой, о семьѣ, о матери.

— Мама умерла,—сказала Софья,—вотъ уже пятый годъ,—и разсказала ему все, что было до смерти матери.—А теперь,—продолжала она и остановилась. Яркая

краска, не смотря на румяна, покрывавшія щеки, разлилась по ея лицу.

— Теперь,—и она отодвинулась отъ него, какъ будто боялась запачкать своимъ прикосновеніемъ.

— Андрей Васильевичъ, развѣ вы не видите, кто я?

— Кто, кто?—спрашивалъ онъ со страхомъ,—и наконецъ догадался.

Онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать отъ нея, но она остановила его.

— Ради Бога, не уходите, выслушайте меня.

Ипатовъ машинально сѣлъ; онъ былъ пораженъ точно громомъ и не могъ вмѣстить въ своей головѣ этой ужасной мысли. Какъ ни странно казалось ему все, что онъ видѣлъ передъ собою,—сама Софья, ея нарядъ, нарумяненныя щеки, встрѣча на Невскомъ, комната, куда она привела его,—но онъ все-таки не могъ вдругъ повѣрить, что она упала такъ низко.

— Не можетъ быть! Я не такъ понялъ, — и онъ сталъ опять допрашивать ее. Но послѣднія сомнѣнія скоро исчезли; кумиръ его лежалъ въ грязи.

— О Боже,—воскликнулъ онъ,—зачѣмъ я встрѣтилъ васъ?

— Простите меня, — сказала она, — простите за все. — Но онъ молчалъ. „За что мнѣ прощать ее? не передо мной она виновата“, подумалъ онъ.

— Гдѣ вашъ сынъ?—спросилъ, наконецъ, Ипатовъ.

— Митя умеръ,—отвѣчала она,—онъ недолго пережилъ маму; мы похоронили ихъ въ одной могилѣ.

— Бросьте эту жизнь, — началъ онъ ее уговаривать, — кому она нужна теперь?

— Имъ нужна.

— Кому имъ?

— Отцу и дѣтямъ: — мама завѣщала ихъ мнѣ.

— Развѣ ихъ нельзя кормить иначе?

— Я пробовала, — не могу.

Зловѣщій, страшный припадокъ кашля перебилъ ее. Ипатовъ опять замолчалъ. Жалость къ этой несчастной росла съ каждой минутой въ его сердцѣ.

— Прочь отсюда, — воскликнулъ онъ вдругъ, — изъ этого вертепа. Я буду кормить отца и дѣтей; идемъ со мной. — И онъ потащилъ ее за собой, но она упала въ изнеможеніи на стулъ.

— Выслушай меня прежде, — стала она просить его, — выслушай, а потомъ суди.

— Я не судить пришелъ, а помочь: я твой старый другъ.

— Все равно, выслушай.

Онъ сѣлъ возлѣ и сталъ ее слушать.

— Когда Митя умеръ, — торопилась разсказывать Софья, — я не помню, что со мною было и долго ли я прохворала; я очнулась въ большой богатой комнатѣ и надо мной стоялъ тотъ самый купецъ Кудесниковъ, которому я продала себя, чтобы лѣчить маму. Онъ былъ добръ ко мнѣ, ухаживалъ за мною, какъ за ребенкомъ, помогалъ отцу и, казалось, любилъ меня, но я ненавидѣла его и не могла превозмочь этого чувства. Я промучилась съ нимъ цѣлый годъ и еслибы вы знали! —

О, я не съумѣю разсказать; я ненавидѣла его, а онъ привязался ко мнѣ и съ каждымъ днемъ любилъ все больше; онъ сталъ ревновать меня и приставилъ ко мнѣ для надзора вдову Лоскуткину, — помните, ту, которая жила съ нами на Петербургской; — но она вздумала торговать мною и сама толкала меня въ развратъ. Кончилось тѣмъ, что онъ прогналъ насъ обѣихъ. Я вернулась къ своимъ и пробовала работать, отыскала уроки, но я все перезабыла, чему училась прежде, — мнѣ отказали. Я брала на домъ шитье, какъ бывало при матери, но руки не слушались меня, — я все портила, что̀ мнѣ давали шить, рвала работу и плакала надъ ней, вспоминая бѣдную маму. Тогда одна француженка, прежняя моя пріятельница, сманила меня къ богатому старику; она за что-то любила меня и думала сдѣлать добро, но столкнула меня въ самую глубь омута. Я бросила и старика, и убѣжала съ офицеромъ, который ухаживалъ за мною еще при Воронскомъ. Тогда началась для меня жизнь въ какомъ-то чаду и угарѣ: я пила, кутила, переходила изъ рукъ въ руки и даже съ нимъ опять жила, съ Сергѣемъ Воронскимъ.

Она крѣпко схватила Ипатова за руки; ей показалось, что онъ хочетъ опять уйти.

— Не пущу, дослушай! Да, я и съ нимъ жила, — продолжала Софья задыхаясь, — тѣшилась надъ нимъ и мстила ему; онъ ревновалъ меня, а я его дразнила, мучила, хотя сама любила его со всею страстью прежнихъ дней. — Она глядѣла на Ипатова въ упоръ, сухими горящими глазами и не стыдилась своихъ признаній.

— Довольно!—сказалъ онъ, вставая. Но она упала передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки и умоляла не покидать. Онъ поднялъ ее, усадилъ, старался успокоить, но она не слушала его и все говорила съ лихорадочнымъ смѣхомъ, съ криками, вырывавшимися изъ груди.

— Дослушай меня, дослушай изъ милосердія. Я опомнилась въ больницѣ, куда они свезли меня, когда я захворала; да, въ больницу свезли меня друзья и любовники, и бросили тамъ умирать одну. Но я не умерла, какъ видишь, я жива! Изъ больницы я опять вернулась къ своимъ и застала ихъ въ нищетѣ; отецъ пропилъ все, что̀ я ему оставила, и пенсію свою пропивалъ, въ домѣ была страшная нужда, работы не было, сколько я ни искала ея; дѣти голодали и плакали, я выбилась изъ силъ, совсѣмъ упала духомъ и кончила тѣмъ, что вышла на улицу... Она глубоко вздохнула, какъ будто ее облегчилъ этотъ скорбный разсказъ.

Вернувшись домой, Ипатовъ долго не могъ заснуть, ему все грезился образъ Софьи и слышалась ея горькая исповѣдь. Утромъ онъ всталъ, какъ въ чаду, и, выйдя на улицу, прямо пошелъ къ ней, какъ будто ему и идти было больше некуда. Онъ засталъ ее совсѣмъ одѣтою, комната была чисто прибрана; она ждала его. Румяна и бѣлила исчезли съ лица, волосы были гладко причесаны, на ней было простое черное платье. Ему показалось, что передъ нимъ воскресла прежняя Софья. Они сѣли рядомъ и стали говорить, вспоминать прошедшее. Она тосковала по матери; онъ разсказалъ ей, какъ трудился всѣ эти годы.

— Пойдемъ со мной на новую жизнь, на честный трудъ,—и онъ крѣпко сжалъ ей руку.

Она покачала головой.

— Нѣтъ.

— Отчего нѣтъ?—спросилъ онъ въ изумленіи.

— Я запачкаю тебя, я не могу принять такой жертвы; изъ всѣхъ моихъ грѣховъ этотъ былъ бы самый тяжкій.

— Не правда! ты молода, вся жизнь впереди, воскреени, Софья!

— Я не могу. Тутъ пусто,—прибавила она, указывая на грудь,—нѣтъ ничего, ни силы, ни воли.

Она сидѣла передъ нимъ въ глубокой тоскѣ, блѣдная, худая, съ одною тѣнью прежней красоты. Но для него она была прежнею Софьей, и онъ попрежнему любилъ ее. Онъ обнялъ ее и крѣпко сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Я все забуду, все прощу, пойдемъ со мной. Я дамъ тебѣ честное имя, честный трудъ, семью твою возьму съ собой, отдамъ тебѣ всю свою жизнь. О, пойдемъ, пойдемъ со мною!

Она высвободилась изъ его объятій.

— Нѣтъ, не пачкайся объ меня, вспомни, кто я, мой милый, дорогой Андрей: во мнѣ нѣтъ больше силы любить!

Онъ ничего не могъ добиться отъ нея, какъ ни упрашивалъ, ни умолялъ; она все повторяла одно:

— Не могу я такой грѣхъ взять на душу, оставь меня, забудь; все равно, мнѣ жить не долго.

Онъ ушелъ отъ нея въ отчаяніи.

На другой день онъ опять вернулся и засталъ у нея

Ивана Ивановича. Старикъ обрадовался, увидавъ его, и бросился обнимать, но скоро застыдился и спрятался въ уголъ. Онъ былъ неузнаваемъ: небритый, нечесанный, страшно исхудалый; голова и руки у него тряслись, глаза слезились; отъ него пахло издали полугаромъ и весь онъ представлялъ изъ себя жалкую картину разрушенія. Былъ праздничный день; дѣти пришли изъ пансіона и бросились обнимать сестру; они жались къ ней, цѣловали ее и, казалось, не хотѣли отойти ни на минуту, чувствуя, что въ ней одной ихъ опора въ жизни, въ ней одной — ласка и любовь. Вся семья была въ сборѣ, не хватало только Сережи, старшаго брата. Ипатовъ спросилъ о немъ.

— Онъ теперь въ университетѣ, — отвѣчала Соня, — но ко мнѣ не ходитъ: онъ отказался отъ моей помощи и содержитъ себя самъ уроками; онъ стыдится меня, Андрей Васильевичъ, — прибавила она съ грустью, — и правъ, конечно. — Она умолчала о томъ, какія сцены ей дѣлалъ братъ, и какъ жестоко и обидно укорялъ за ея постыдную жизнь.

Софья стала поить всѣхъ чаемъ и подала стаканъ отцу; онъ выползъ изъ своего угла, притронулся губами къ стакану, но не допилъ и поставилъ на столъ; онъ жалобно глядѣлъ на дочь и умолялъ ее о чемъ-то глазами. Къ дѣтямъ онъ не подходилъ и, казалось, стыдился ихъ; они тоже дичились его. Наконецъ, Софья сжалилась надъ нимъ и сунула ему что-то въ руку. Иванъ Ивановичъ весь просіялъ, сталъ пробираться къ двери и незамѣтно юркнулъ въ нее, ни съ кѣмъ не простившись.

— Зачѣмъ вы даете ему деньги? — спросилъ Ипатовъ: — вѣдь онъ пропьетъ ихъ?

— Все равно, пропьетъ платье, если не дать денегъ; я ужъ пробовала, ничего не помогаетъ.

„И вѣдь живетъ же такой человѣкъ на свѣтѣ, — подумалъ Ипатовъ, — и зачѣмъ живетъ? Сто разъ лучше было бы ему умереть“.

Прошла недѣля; Андрей Васильевичъ все уговаривалъ Софью уѣхать съ нимъ въ деревню, но она упорно отказывалась; онъ умолялъ ее, просилъ, горько упрекалъ, но все напрасно. Онъ предлагалъ взять съ собою дѣтей, увезти даже Ивана Ивановича, но Софья отвѣчала:

— Ты возьми ихъ съ собой, а я здѣсь останусь, все равно я скоро умру.

Но Ипатовъ не терялъ надежды. Онъ рѣшился во что бы то ни стало спасти ее, считалъ это своимъ долгомъ, священной обязанностью.

— Она умретъ здѣсь, я это знаю, — убѣждалъ онъ самъ себя, — силы ея надломлены, она серьезно больна, ей нуженъ отдыхъ и покой. Если я оставлю ее теперь, она погибнетъ.

Но ему пришлось ее оставить: онъ получилъ изъ деревни письмо, которымъ его вызывали немедленно къ захворавшей матери, и на другой же день уѣхалъ. До отъѣзда ему удалось, однако, переселить ее на другую квартиру, уговорить принять отъ него денежную помощь и взять съ нея торжественную клятву, что она броситъ свой позорный промыселъ. Пріѣхать назадъ онъ обѣщалъ какъ можно скорѣе, лишь только матери станетъ легче,

а пока они условились писать другъ другу чуть ли не каждый день. Онъ устроилъ ее на новой квартирѣ какъ только могъ, снабдилъ лѣкарствами, которыя она должна была принимать акуратно, всѣмъ необходимымъ, и простился съ нею, съ тоскою въ сердцѣ и горькими слезами.

Первое время переписка шла исправно; письма Софьи были бодрыя и радовали его, но мало по малу они стали приходить неакуратно, все рѣже и рѣже, и наконецъ, совсѣмъ прекратились. Ипатовъ былъ въ страшной тревогѣ, писалъ, телеграфировалъ, но не получалъ отвѣта. Онъ рвался въ Петербургъ, но его мать все хворала, болѣзнь принимала зловѣщій характеръ и онъ не могъ, не вправѣ былъ, ее оставить.

XV.

Въ одной изъ большихъ больницъ Петербурга ожидали посѣщенія сановнаго гостя. Больницу терли и скоблили, лощили полы, устилали коврами лѣстницу; больныхъ мыли и теребили, не давали имъ умереть спокойно, переворачивали тюфяки, перемѣняли бѣлье, постилали новыя одѣяла.

Наконецъ, все было готово, — насталъ вожделѣнный день. Попечитель больницы, доктора, смотритель ходили по коридорамъ въ мундирахъ, и все заглядывали на лѣстницу, гдѣ швейцаръ съ булавой въ рукахъ стоялъ, вытянувшись у параднаго подъѣзда, а сторожа въ новыхъ кафтанахъ курили какимъ-то ѳиміамомъ въ коридорахъ.

Вдругъ раздался звонокъ въ швейцарской и всѣ высыпали на лѣстницу.

Сановный гость обходилъ палаты, съ цѣлой свитой позади себя; онъ милостиво разговаривалъ съ попечителемъ, останавливался у кроватей больныхъ и разспрашивалъ о нихъ старшаго доктора; его сопровождалъ нарядный адъютантъ, который также останавливался у кроватей и отъ нечего дѣлать разсматривалъ въ pince nez надписи.

На одной изъ кроватей, въ женскомъ отдѣленіи, лежала больная, со страждущимъ, исхудалымъ лицомъ и большими темными глазами, смотрѣвшими безучастно на все окружающее; вдругъ эти глаза загорѣлись и уставились на адъютанта; онъ подошелъ ближе и прочелъ надпись надъ кроватью: „Софья Брызгалова“. Адъютантъ поблѣднѣлъ и отвернулся.

— Какое прекрасное лицо,—сказалъ высокій гость, замѣтивъ больную, — кто это?

Старшій докторъ отвѣтилъ ему и почтительно объяснилъ, что больная очень трудная и врядъ ли доживетъ до вечера.

Процессія двинулась далѣе, но адъютантъ отсталъ на нѣсколько шаговъ и взялъ подъ руку смотрителя.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—вы знаете эту больную?—Онъ указалъ на кровать Брызгаловой.

— О, конечно, я всѣхъ больныхъ знаю, — совралъ смотритель.

— Вотъ вамъ 25 рублей,—продолжалъ адъютантъ, вынимая бумажникъ.—Примите ихъ отъ меня. Его высокопревосходительство изволилъ обратить вниманіе на эту

несчастную,—я желаю облегчить ея страданія; сдѣлайте, что возможно, а если она умретъ, дайте мнѣ знать. Вотъ моя карточка.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ смотритель, почтительно кланяясь. Онъ взглянулъ на карточку, на ней было написано: „Графъ Сергѣй Воронскій. Дворцовая набережная, собственный домъ“. Смотритель еще разъ поклонился, и они вышли изъ палаты.

Весь этотъ день графъ Воронскій былъ мраченъ, ходилъ по комнатамъ, нервно подергивался и крутилъ усы, но вечеромъ поѣхалъ въ театръ, а потомъ на балъ въ австрійское посольство, гдѣ пробылъ до утра.

Всю эту ночь Софья Брызгалова провела въ страшной агоніи; она металась на постели, бредила и громко повторяла чье-то имя, звала на помощь, простирала руки, искала кого-то,—но никто не пришелъ къ ней. Только дежурная сидѣлка, просыпаясь отъ ея стоновъ, сердито подавала ей пить и подымала сброшенное на полъ одѣяло. Къ утру Софья умерла. Лампада загасла. Конецъ всему: печалямъ и радостямъ, надеждамъ и мечтамъ, любви и ненависти,—всему конецъ.

На кладбищѣ, въ отдаленной его части, среди забытыхъ, поросшихъ травою могилъ, цвѣтетъ одна могила живыми, яркими цвѣтами; ихъ насадила заботливая рука. На могилѣ крестъ, вокругъ ограда. Андрей Ипатовъ ходитъ на эту могилу, склоняется къ сырой землѣ и плачетъ горькими слезами; это онъ воздвигнулъ крестъ и ограду, онъ насадилъ цвѣты,—никто другой не ходитъ на могилу.

Онъ опоздалъ и, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, Софью уже похоронили. Онъ отправилъ дѣтей и старика къ себѣ въ деревню, но самъ остался въ Петербургѣ. Ему давно пора вернуться къ своимъ больнымъ и къ осиротѣвшей сестрѣ, но онъ все не можетъ разстаться съ дорогою могилой, все ходитъ на кладбище и плачетъ по своей погибшей, разбитой любви.

ИРИША.

Повѣсть.

I.

Въ квартирѣ у Амаліи Ивановны фонъ-Шуппе отдавалась комната внаймы, о чемъ и вывѣшено было объявленіе на воротахъ. Объявленіе это поручено особому надзору горничной Ириши, которая, бѣгая въ лавочку или въ булочную, должна была неусыпно наблюдать за тѣмъ, цѣло-ли объявленіе, не изорвано-ли оно, или не запачкано-ли грязью. Если бы случилось что-либо подобное, то Амалія Ивановна сочла бы себя крайне оскорбленной, такъ какъ писала этотъ важный документъ собственноручно и много потрудилась надъ нимъ. Объявленіе было составлено на трехъ языкахъ: по-нѣмецки, по-французски и по-русски; послѣднее въ особенности стоило

большихъ хлопотъ, такъ какъ русская грамота не давалась г-жѣ фонъ-Шуппе; напримѣръ, надъ словомъ „отдается“ она промучилась битый часъ и все-таки не осилила его; она сдѣлала изъ этого слова три: „отъ-даетъ-ца“, соединивъ ихъ черточками и поставивъ въ началѣ послѣдняго слова букву *и*, нѣсколько увеличенную въ размѣрѣ.

Вывѣсивъ письменное объявленіе, Амалія Ивановна предоставила себѣ право устно допросить будущаго жильца: женатъ онъ, или холостъ, имѣетъ-ли дѣтей и не держитъ-ли собакъ?—а если нанимательницей явится дама, то внушить ей, прежде чѣмъ отдать комнату внаймы, о необходимости соблюдать строгую нравственность и приличія, такъ какъ она, хозяйка, не держитъ *меблированныхъ комнатъ,* а, имѣя обширную квартиру, отдаетъ двѣ лишнія комнаты внаймы, въ другихъ же двухъ живетъ сама.

Вотъ, напримѣръ, одинъ жилецъ у ней, Фирсовъ, Иванъ Ардальонычъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, живетъ третій годъ, человѣкъ пожилой и почтенный. Другою жилицей была дама, вполнѣ порядочная и не очень молодая; къ ней ходилъ племянникъ, тоже очень приличный человѣкъ, но хозяйка узнала, что это вовсе не племянникъ и даже не родственникъ, ну и должна была отказать жилицѣ, для соблюденія своей чести и репутаціи своихъ комнатъ.

Всѣ эти рѣчи Амалія Ивановна приготовляла заранѣе, на случай, если бы нанимательницей явилась дама.

Но никакихъ дамъ, ни кавалеровъ не являлось, и комната стояла пустою уже болѣе мѣсяца.

Хозяйка начинала тревожиться и допрашивала свою горничную, не приходилъ-ли кто нанимать комнату?

— Нѣтъ, не приходилъ, отвѣчала горничная.

— А объявленіе виситъ?

— Виситъ.

Амалія Ивановна сама знала, что виситъ, такъ какъ вернулась только-что домой и видѣла объявленіе собственными глазами, но спрашивала такъ, больше для порядка.

Госпожа фонъ-Шуппе была вдова, происходящая изъ благородной дворянской фамиліи, какъ она объясняла, и требовала, чтобы ее величали *фонъ*, а не просто Шуппе, иначе можно было подумать, что она мѣщанка, или какая-нибудь аптекарша, мужъ которой (по фамиліи тоже Шуппе) содержалъ аптекарскій магазинъ напротивъ.

Она была женщина еще не старая и хорошо сохранившаяся, только цвѣтъ лица измѣнилъ ей и она должна была прибѣгать къ искусству, чтобъ поддержать его, да волосы у ней немножко вылѣзли спереди и она надѣвала накладку, чтобы скрыть этотъ недостатокъ. Вотъ эта-то накладка, или проще сказать, парикъ и составлялъ предметъ ея неусыпныхъ забстъ и попеченій, въ тайны которыхъ была посвящена одна только горничная Ириша.

Независимо отъ участія въ этихъ таинствахъ, на горничной лежали и другія обязанности: она стирала и стряпала, мыла полы, одѣвала барыню, прислуживала жильцамъ и исполняла всякія другія дѣла въ домѣ, такъ какъ не имѣла помощницы и была единственной прислугой. Но Ириша не роптала на свою судьбу и поспѣвала всюду. Она поступила въ услуженіе къ Амаліи Ивановнѣ

прямо изъ деревни и не была избалована подобно другимъ горничнымъ-франтихамъ, да она и франтить не умѣла, а носила старыя изношенныя платья, которыя хозяйка дарила ей съ своего барскаго плеча. Платья эти сидѣли на ней уродливо; хозяйка была высокая и полная, горничная маленькая и худенькая; но о томъ, какъ должны сидѣть платья, она еще не додумалась, перешивала ихъ, какъ умѣла, и находила чудесными, потому что они были даровыя.

Ириша была черненькая, небольшаго роста дѣвушка, некрасивая собой, въ особенности на первый взглядъ; но большія глаза ея горѣли, какъ уголья, и темная густая коса падала чуть не до полу, когда она ее распускала. Она была круглая сирота и привезена еще дѣвочкой, лѣтъ пятнадцати теткой въ Петербургъ, такъ какъ въ деревнѣ ѣсть стало нечего. Тетка опредѣлила ее въ услуженіе къ Амаліи Ивановнѣ, старой своей знакомой, приказала жить тутъ, слушаться хозяйки и учиться уму-разуму. Съ тѣхъ поръ прошло четыре года; тетка уѣхала обратно въ деревню и болѣе не возвращалась, а Ириша преобразилась изъ деревенской дикарки въ ловкую, расторопную горничную. Переживъ суровое дѣтство, она считала свою жизнь въ городѣ сравнительно привольною. Каждый день она ѣла до сыта, жила въ теплѣ, баловалась чаемъ и кофеемъ и даже имѣла деньжонки. Сначала хозяйка ей ничего не платила, а только кормила и одѣвала ее, но видя, что Ириша дѣвченка смышленная, побоялась, чтобы ее не переманили на другое мѣсто, и положила ей жалованье, сперва два рубля въ мѣсяцъ, потомъ три и наконецъ, пять рублей, все изъ опасенія конкуренціи.

Сосѣдки горничныя, знакомыя Ириши, смѣялись надъ этимъ жалованьемъ и называли ее дурой, но она мѣрила на свой деревенскій аршинъ и считала себя богачкой. Она стала даже копить деньги, прибавляя къ нимъ все то, что перепадало ей отъ жильцовъ сверхъ жалованья.

У Амаліи Ивановны она, повидимому, упрочилась и не отходила отъ нея, не потому, чтобы не было случая, а потому, что привыкла къ ней, и по своему мягкому сердцу готова была полюбить ее, если бы только нѣмка поменьше злилась и не пилила ее по цѣлымъ днямъ. Иногда, впрочемъ, Амалія Ивановна смягчалась, дарила горничной какую-нибудь тряпку и, положивъ ей руку на голову, говорила по-нѣмецки „du armes Kind" (бѣдное дитя). Этого было довольно: дѣвочка, въ своемъ сиротствѣ, цѣнила и такую ласку, цѣловала руку у барыни и вытирала передникомъ глаза. Другая на ея мѣстѣ, конечно бы, сбаловалась въ столицѣ,—случаевъ было много и соблазнъ великъ,—но крѣпкая вѣра въ Бога хранила ее отъ зла. Она была невинная дѣвушка и грѣховныя мысли не приходили ей въ голову.

Въ сердцѣ ея жила горячая жажда любви, но вся любовь ея осталась въ деревнѣ, похоронена на деревенскомъ кладбищѣ, а здѣсь, въ этомъ огромномъ городѣ, она оставалась чужою; ей некого было любить.

Комната Амаліи Ивановны все стояла пустою, и, можетъ быть, долго бы простояла, если бы горничная, на бѣгу изъ булочной, не увидѣла прилично-одѣтаго господина у воротъ, который внимательно читалъ ихъ объявленіе. Она окликнула его.

— Баринъ, а баринъ, это у насъ отдается, комната хорошая; пожалуйте посмотрѣть.

— Можетъ быть, у васъ дорого? спросилъ господинъ.

— Нѣтъ, что вы—и она шмыгнула подъ ворота, а оттуда на лѣстницу, въ третій этажъ. Баринъ шелъ за ней. Опрометью бросилась она въ спальню хозяйки и подъ самое ухо закричала ей: „жилецъ, жилецъ“!

Извѣстіе это произвело страшный переполохъ. Дѣло было утреннее и Амалія Ивановна въ полнѣйшемъ deshabillé. Она вскочила и, впопыхахъ, не знала что надѣть прежде: платье, парикъ или вставные зубы и по привычкѣ стала звать Иришу, но горничная была занята болѣе важными дѣлами, она показывала комнату жильцу.

Наконецъ, явилась и хозяйка, блистая всѣми атрибутами своей красоты. Она была пріятно удивлена, войдя въ комнату: передъ ней стоялъ молодой человѣкъ, до того изящный и красивый, что вдовье сердце ея невольно забилось.

— Баринъ настоящій, рѣшила она: — нечего и допрашивать его о дѣтяхъ, собакахъ и проч. Съ своей стороны и нанимателю понравилась комната своей чистотой и въ особенности прекрасной меблировкой; онъ сказалъ хозяйкѣ, въ видѣ комплимента, что все то, что онъ видитъ у ней, не похоже вовсе на меблированныя комнаты. При словахъ „меблированныя комнаты“, Амалія Ивановна только воскликнула: „пфуй“! и пожала плечами. Затѣмъ она поспѣшила объяснить, что такихъ комнатъ она не держитъ, а, имѣя обширную квартиру, от-

дастъ двѣ лишнія комнаты внаймы, а въ другихъ двухъ живетъ сама, строго соблюдая въ домѣ тишину и приличіе.

Въ цѣнѣ они скоро сошлись, причемъ хозяйка, въ виду необыкновенной симпатичности жильца, уступила ему пять рублей въ мѣсяцъ. Молодой человѣкъ далъ свою карточку и объявилъ, что вечеромъ переѣдетъ. На карточкѣ было написано:

„Андрей Александровичъ Азарьевъ“.

— Азарьевъ! какая прекрасная фамилія, восхищалась Амалія Ивановна, когда жилецъ ушелъ:—видно сейчасъ, что аристократъ! Ириша, какъ онъ тебѣ понравился?

Но Ириша промолчала, она была въ такомъ волненіи, что сама себя не помнила. На улицѣ она не разглядѣла хорошенько барина, который читалъ ихъ объявленіе, но когда онъ вошелъ въ комнату, снялъ пальто и шляпу, она была поражена его лицомъ и всею его наружностью. Такого барина она еще никогда не видѣла. И этотъ баринъ будетъ жить у нихъ, а она ему прислуживать; Господи, какъ-бы только угодить!

Новый жилецъ оказался событіемъ въ квартирѣ Амаліи Ивановны; за нимъ всѣ ухаживали, даже старый жилецъ Иванъ Ардальонычъ сдѣлалъ ему визитъ, который тотъ отдалъ на другой день. Но всѣхъ болѣе хлопотала Ириша. Она перечистила все его щегольское платье, разобрала бѣлье, оказавшееся тонкимъ, голландскимъ, и вычистила сапоги такъ, что они горѣли, какъ жаръ, или какъ сама Ириша, въ то время, когда ихъ чистила. Утромъ, когда Азарьевъ ушелъ на службу, она разло-

жила, по его порученію, и прочія вещи: книги его, шляпы, перчатки и галстухи; все это было превосходное, въ особенности галстухи поражали своимъ количествомъ и разнообразіемъ; но что еще болѣе восхитило простодушную горничную, — это туалетныя принадлежности. Боже, чего тутъ не было, два зеркала, большое и малое, въ серебряныхъ рамкахъ, разные несессеры, вышитыя полотенца, для драпированія туалетнаго стола, гребни и гребенки, щетки и щеточки, духи, помада, пахучее мыло, большія банки съ одеколономъ и туалетнымъ уксусомъ.

Бритвъ не было, Азарьевъ носилъ бороду и усы, мягкіе, шелковистые, цвѣтомъ темнѣе волосъ, а волосы были темнорусые, густые, красиво вились на головѣ и зачесывались назадъ безъ пробора.

Словомъ, онъ былъ красавцемъ въ полномъ смыслѣ и маленькая Ириша скоро обратилась въ идолопоклонницу.

Разъ въ комнату жильца пришла въ его отсутствіе сама хозяйка. Она перебрала всѣ его вещи и вещицы, осмотрѣла гардеробъ и, оставшись всѣмъ отмѣнно довольною, вылила на свой платокъ чуть не полбанки чужихъ духовъ и вымыла руки одеколономъ.

— Какъ мило у него все, какъ мило, — говорила она, потирая свои бѣлыя руки: — только знаешь, Ириша, какъ странно, онъ мнѣ еще не отдалъ денегъ за квартиру; ти скажи ему, что у насъ впередъ платятъ за мѣсяцъ, и чтоби онъ заплатилъ мнѣ непремѣнно.

Нѣмка очень не любила буквы „ы" въ русской азбукѣ и старалась замѣнить ее болѣе мягкими звуками, отчего рѣчь ея выходила особенно пріятною. Ириша ни-

чего не отвѣтила, но рѣшила не говорить съ жильцомъ о такихъ деликатныхъ предметахъ.—Пускай барыня съ нимъ вѣдается какъ знаетъ. Она впрочемъ и сама замѣтила нѣкоторыя странности за новымъ жильцомъ: онъ, напримѣръ, не спросилъ у ней, какъ берутъ у нихъ хлѣбъ въ булочной и сливки у молочницы, на книжку, или на деньги, какъ съ лимонами въ лавочкѣ, съ керосиномъ, свѣчами и проч. Онъ только кушалъ съ аппетитомъ все, что она ни подавала ему, а на счетъ чая и сахара она замѣтила, что у него тоже плохо: на донышкѣ въ ящикѣ осталось, но онъ не возобновлялъ запаса. Она рѣшила обождать со всѣми этими дѣлами и не сказала о нихъ ни слова своей барынѣ, не говорила и съ жильцомъ, такъ какъ боялась его. Онъ казался ей такимъ гордымъ и холоднымъ, что она не смѣла подступиться къ нему. Впрочемъ, знакомыя горничныя увѣряли ее, что это и есть настоящій баринъ.

— Хорошіе господа всегда такъ дѣлаютъ, только приказываютъ, а разговаривать съ прислугой имъ не о чемъ.

Ириша не понимала такихъ отношеній къ прислугѣ, тѣмъ болѣе, что ея собственная барыня была очень словоохотлива, а другой жилецъ, Иванъ Ардальонычъ, всегда былъ добръ и ласковъ къ ней; часто усаживалъ ее съ собою пить чай и разсказывалъ о своихъ плаваніяхъ въ дальнія страны. Старикъ служилъ въ молодости во флотѣ и много видывалъ разныхъ видовъ на своемъ вѣку.

Съ самой Иришей произошла въ это время большая перемѣна: она вдругъ поняла, что старыя платья хозяйки никуда не годятся и заказала себѣ разомъ два новыхъ у зна-

комой портнихи. Когда она надѣла ихъ, то сама себя не узнала въ зеркалѣ; платья сидѣли на ней, какъ на куколкѣ, и совсѣмъ преобразили ее. Иванъ Ардальонычъ похвалилъ, когда увидѣлъ дѣвушку въ новомъ нарядѣ, и сказалъ: — „давно-бы такъ“. А Амалія Ивановна только всплеснула руками и воскликнула:

— Herr Je! ти стала мотовкой!

Ириша покраснѣла, такъ какъ чувствовала себя виноватой. Но увы, тотъ, для кого были сшиты новыя платья, не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія! Азарьевъ даже не посмотрѣлъ на нее, когда она вошла къ нему въ комнату гладко причесанная, въ новомъ хорошенькомъ платьицѣ; онъ только приказалъ ей подать скорѣе самоваръ, такъ какъ торопился куда-то.

Боже мой, какое горе и для чего были всѣ эти хлопоты? Иванъ Ардальонычъ похвалилъ и швейцаръ внизу тоже. Да развѣ въ нихъ дѣло?

Иванъ Ардальонычъ ее любитъ, онъ добрый старикъ, а швейцаръ дуракъ и что въ немъ! Ириша чуть не заплакала, такъ ей было горько, но старыхъ платьевъ больше не надѣвала и вообще стала заниматься своимъ туалетомъ.

II.

У Азарьева былъ пріятель, Петръ Михайловичъ Пушкаревъ, который часто навѣщалъ его.

Мало было людей такъ рѣзко отличавшихся другъ отъ друга, какъ эти двое. Азарьевъ былъ красивый, вы-

сокій блондинъ съ густыми вьющимися кудрями, Пушкаревъ — небольшаго роста, коренастый малый, съ рыжей бородой и коротко обстриженной щетиной на головѣ; первый одѣвался всегда щеголемъ,—второй небрежно, въ потертую куртку технологическаго института; отъ одного пахло духами, отъ другаго какимъ-то спиртомъ изъ лабораторіи; у Азарьева руки были бѣлыя, выхоленныя, какъ у женщины, у Пушкарева, жесткія, выпачканныя краской. Но не по одной наружности они отличались другъ отъ друга, — они расходились во всемъ: во вкусахъ, взглядахъ на жизнь, въ убѣжденіяхъ. Почему же они были пріятелями? а такъ, случайно, потому что выросли вмѣстѣ въ деревнѣ и были связаны воспоминаніями своего дѣтства.

Азарьевъ и Пушкаревъ были дворяне Т. губерніи и родители ихъ жили въ двухъ усадьбахъ, въ полуверстѣ одна отъ другой.

Азарьевы были богаты, Пушкаревы—бѣдны, но судьба позаботилась сгладить это различіе: отецъ Азарьева, заслуженный военный генералъ, скоропостижно умеръ и оставилъ по себѣ крупные долги и крайне разстроенныя дѣла. Тѣмъ не менѣе барскія привычки остались у семьи и въ особенности у единственнаго мужскаго наслѣдника, общаго баловня—Андрюши. Отецъ предназначалъ его въ пажескій корпусъ и въ военную службу, но, по волѣ судебъ, онъ попалъ вмѣсто корпуса въ губернскую гимназію, куда отправили вмѣстѣ съ нимъ и Петю Пушкарева.

Эту гимназію и послѣдовавшій за симъ университетъ въ Петербургѣ молодой Азарьевъ никакъ не могъ пере-

варить и вѣчно упрекалъ за это всѣхъ, отъ кого зависѣло его воспитаніе.

Оно зависѣло отъ матери, больной слабохарактерной женщины и старшей сестры Ларисы, не вышедшей замужъ и оставшейся послѣ смерти отца жить съ матерью въ деревнѣ. Эта Лариса и была козлищемъ отпущенія для Андрея Азарьева, ей онъ приписывалъ всѣ свои невзгоды. Онъ называлъ сестру нигилисткой и былъ убѣжденъ, что если бы не она и не ея совѣты, то онъ былъ бы теперь, вмѣсто жалкаго кандидата университета, нарядныкъ гвардейскимъ офицеромъ и сдѣлалъ бы блестящую карьеру.

Лариса Азарьева была дѣвушка, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ. Она училась въ одномъ изъ женскихъ институтовъ, но потомъ сама образовала себя, подъ вліяніемъ своего жениха, высокоразвитаго и ученаго человѣка, который умеръ, къ несчастію, за нѣсколько дней до свадьбы. Съ тѣхъ поръ Лариса обрекла себя на безбрачіе, но продолжала идти по тому пути, который былъ ей указанъ любимымъ человѣкомъ. Послѣ смерти отца, она взяла въ руки всѣ запутанныя дѣла семьи и воспитаніе меньшаго брата, и дѣйствительно ей былъ обязанъ Андрей тѣмъ, что его опредѣлили въ гимназію вмѣсто корпуса, о которомъ онъ мечталъ, чуть не съ колыбели. Въ гимназію она приготовила его сама, причемъ къ урокамъ былъ допущенъ Петя Пушкаревъ, какъ ближайшій ихъ сосѣдъ и товарищъ брата. Странно, какое различное воспоминаніе осталось объ этихъ урокахъ у дѣтей: Пушкаревъ вспоминалъ о нихъ съ благоговѣніемъ: Азарьевъ—со злобой и насмѣшкой. Онъ называлъ сестру си-

нимъ чулкомъ и предсказывалъ, что они провалятся на экзаменахъ; но экзамены прошли благополучно, и когда они лѣтомъ пріѣхали въ деревню на каникулы, то уроки продолжались съ успѣхомъ. Въ этотъ пріѣздъ и въ послѣдующіе Петя Пушкаревъ привязался всѣмъ сердцемъ къ своей учительницѣ и потомъ, когда выросъ и вошелъ въ разумъ, громко говорилъ, что ей онъ обязанъ всѣмъ своимъ нравственнымъ развитіемъ, всѣми здравыми взглядами на людей и на жизнь.

— Ну да, высмѣивалъ его Азарьевъ: — знаемъ мы чему тебя Лариса научила; мужика обожать, вотъ чему! а ты и ее сталъ обожать для компаніи.

Вскорѣ послѣ переѣзда къ Амаліи Ивановнѣ оба пріятеля сидѣли вмѣстѣ вечеромъ въ комнатѣ у Азарьева и распивали чай.

— На кой чортъ ты сюда переѣхалъ?—спрашивалъ Пушкаревъ, доканчивая третій стаканъ и вытирая потъ со лба.

— А что-жъ, развѣ здѣсь худо? отвѣчалъ Азарьевъ.

— Не худо, а дорого, я думаю.

— Пустяки, нѣсколько рублей лишнихъ.

— Знаемъ мы твои пустяки! у тебя сотни считаются пустяками; ты мотъ настоящій!

— Ну пошелъ опять; да какое тебѣ дѣло, твои деньги, что-ли, я трачу?

— Не мои, а хуже, чѣмъ мои.

— Вотъ тебѣ на!

— Да, хуже; ты бариномъ здѣсь живешь, ни въ чемъ себѣ не отказываешь, а тамъ нужду терпятъ.

— Гдѣ тамъ?

— Въ деревнѣ.

— Ты почемъ знаешь?

— Мнѣ писали.

— Гмъ! Лариса? странно, что она мнѣ не написала?

— Послушай, Андрей, ты невозможный человѣкъ, и рѣшительно не понимаешь настоящаго дѣла.

— Объясни, пожалуйста.

— Изволь: въ деревнѣ у васъ тяжелые долги, неурожай, проценты не внесены въ банкъ, а ты денегъ требуешь и отказать тебѣ нельзя.

— Почему?

— Да потому, другъ любезный, что вопросъ этотъ деликатный; имѣніе твое, ты имѣешь законное право получать съ него доходы, но нравственное право на ихъ сторонѣ.

— Я не отрицаю ихъ права, но что же дѣлать, надо жить чѣмъ нибудь.

— А жалованье на службѣ?

— Ты шутишь,—пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и ты называешь это жалованьемъ?

— Конечно; жить слѣдуетъ по средствамъ; это первая мудрость житейская.

— Что ты мнѣ изъ прописей мораль выкладываешь?

— Отговорка одна; мораль не стала хуже отъ того, что она въ пропись попала.

— Правда, но на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ я все-таки жить не могу.

— Ну, заработай еще что нибудь.

— Чѣмъ же? мостовую, что-ли, мостить?

— Давай уроки: хочешь я тебѣ достану?

— Самъ-то ты много уроками заработываешь?

— Рублей сорокъ, пятьдесятъ въ мѣсяцъ.

— И этимъ живешь?

— Конечно.

— На обѣдъ не хватитъ.

— Не хватитъ, такъ колбасы изъ лавочки возьму, да съ чаемъ и побалуюсь.

— Врешь.

— Не вѣришь, приходи обѣдать.

— Нѣтъ ужъ ты лучше ко мнѣ приди, чѣмъ колбасой питаться.

— Благодарю, я привыкъ; а вотъ самоварчикъ подогрѣть бы еще, хорошо.

Онъ высунулся въ дверь и сталъ звать горничную.

— Душенька, душенька, нельзя-ли подогрѣть самоварчикъ?

На зовъ прибѣжала Ириша и вихремъ унеслась съ самоваромъ.

— Славная дѣвочка! сказалъ Пушкаревъ, — ты, братъ, знаешь, гдѣ раки зимуютъ.

— Пошелъ къ чорту, стану я горничными заниматься, да и рожа!

— Вотъ ужъ врешь, прехорошенькая, одни глаза чего стоятъ.

— У насъ, братъ, съ тобой вкусы различны.

— Это вѣрно. Ты баричъ, а я мужикъ. Тебѣ нуженъ шелкъ, да щелкъ, а человѣка ты въ горничной не видишь.

— Не то, не то говоришь, возразилъ Азарьевъ: — все это ваше съ Ларисой ломанье, „человѣка въ горнич-

ной не видишь“! неправда, вижу, но всякій человѣкъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Къ тому же у всякаго свои вкусы, я, напримѣръ, изъ горничной героини своего романа не сдѣлаю.

— Почему?

— Да потому, какъ тебѣ сказать? ну, потому, что у ней руки грязныя, что она сапоги чиститъ.

— Вѣдь твои же! перебилъ его Пушкаревъ.

— Такъ что-жъ, что мои?

— А ты возьми да самъ и вычисти, прежде чѣмъ ее за свои сапоги хаять.

Разговоръ прервался на этомъ, такъ какъ вошла Ириша съ самоваромъ.

— Душа моя, спросилъ ее ласково Пушкаревъ: — ты одной здѣсь прислугой?

— Одной, сударь.

— И поспѣваешь?

— А какъ же, отвѣчала весело Ириша.

Вотъ дѣвочка, подумалъ Пушкаревъ, почти дитя, а работаетъ за двоихъ, сама себя кормитъ, оттого, что изъ народа, а нашъ баричъ Андрей Александровичъ только плакаться умѣетъ, да отцовскія деньги мотать. Но онъ не высказалъ этого сравненія, а по уходѣ горничной, продолжалъ прерванный разговоръ.

— Такъ какъ-же, Андрей, насчетъ уроковъ?

— Перестань, пожалуйста, я не могу давать уроковъ, перезабылъ всю эту латынь, ариѳметику, Александра Македонскаго.

— Вспомнишь.

— Наконецъ, у меня не хватитъ терпѣнія, я съ пер-

ваго же урока изобью того мальчишку, котораго мнѣ дадутъ учить.

— Вотъ видишь, другъ, сказалъ Пушкаревъ:—какими ты пустяками отговариваешься, когда вопросъ идетъ о серьезномъ дѣлѣ.

— Въ чемъ серьезъ? спросилъ, улыбаясь, Азарьевъ.

— Какъ въ чемъ? больная мать и сестра бьются, какъ рыба о ледъ, всего себя лишаютъ, чтобы тебѣ лишнюю сотню выслать, а ты?

— Что-жъ я могу сдѣлать?

— Все: ты оставь ихъ въ покоѣ, не требуй денегъ, онѣ и поправятся.

— Ну ужъ извини, онѣ сами во всемъ виноваты, зачѣмъ меня отдали въ гимназію.

— А куда-же тебя было дѣвать?

— Въ военную службу отдать, какъ хотѣлъ отецъ.

— Гроша въ домѣ не было, когда отецъ умеръ, кредиторы набросились, чуть съ молотка имѣніе не продали, какая-же тутъ военная служба, вѣдь ты въ гвардію норовилъ, въ пажескій корпусъ.

— Не въ корпусъ, такъ въ лицей, въ училище правовѣдѣнія бы отдали, оттуда все-таки карьера, товарищи вытащатъ, коли самъ оплошаешь.

— Карьера, что это за слово? Карьера — это большею частью тунеядство, и люди, которые дѣлаютъ карьеру, не трудомъ пробиваются впередъ, а интригами и лестью.

— Ну, ужъ ты пошелъ; а я тебѣ вотъ что скажу: твои университеты да гимназіи плодятъ пролетаріевъ съ аттестатомъ зрѣлости и больше ничего.

— Кто это тебѣ сказалъ, самъ что-ли выдумалъ?

— Бисмаркъ сказалъ.

— Бисмаркъ! У нихъ, братъ, другое дѣло, все переполнено, набито, а у насъ пролетаріемъ будетъ тотъ только, кто лѣнтяй отчаянный или пьяница непробудный.

— Да самъ-то ты что? университетъ бросилъ и въ технологическій пошелъ.

— А тебѣ кто мѣшалъ?

— Слуга покорный, пол-жизни зубрить и держать экзамены, чтобъ потомъ на заводѣ какомъ-нибудь пачкаться.

— Ну, ступай въ адвокаты, ты юристъ.

— Благодарю, теперь и адвокаты безъ хлѣба сидятъ, сливки-то ужъ сняты.

— А ты сливокъ захотѣлъ сразу, нѣтъ, похлебай молока прежде.

— Хлебай самъ, я тебѣ не мѣшаю.

— Я и то хлебаю.

Послѣдовало молчаніе. Пушкаревъ тянулъ чай, Азарьевъ расхаживалъ по комнатѣ.

— Такъ какъ-же, опять началъ первый: — насчетъ уроковъ.! У меня какъ разъ есть въ виду для тебя—и хорошіе

— Отстань ты отъ меня со своими уроками, отвѣчалъ съ досадой Азарьевъ. — Не могу я давать уроковъ; наконецъ, мнѣ некогда.

— Некогда? Вотъ удивилъ! Что-жъ ты дѣлаешь?

— Пишу романъ, который, надѣюсь, дастъ мнѣ имя и деньги и тогда, даю тебѣ слово, я не буду брать гроша изъ деревни.

— Романъ! воскликнулъ Пушкаревъ въ удивленіи, и даже развелъ руками. А позволь тебя спросить, большой твой романъ, и скоро ты его кончишь?

— Романъ бытовой и задуманъ широко, а когда я его кончу — не знаю, это не ремесло какое, не сапоги сшить.

— Понимаю, только вотъ что, покуда ты будешь свой романъ писать, имѣніе съ молотка продадутъ и тогда придется тебѣ деньги туда посылать, а не оттуда высасывать.

— Что ты врешь? закричалъ на него со злобой Азарьевъ.

— Нѣтъ, не вру, а правду говорю; если имѣніе продадутъ, то матери твоей и сестрѣ жить будетъ негдѣ и нечѣмъ.

— Все это вздоръ! Лариса выдумала и больше ничего.

— Какъ знаешь, отвѣтилъ Пушкаревъ и взялся за шапку.

— Погоди, куда ты?

— Нѣтъ, ты начнешь опять Ларису бранить, а я этого слушать не хочу, даже отъ тебя, ея брата. Прощай! и онъ ушелъ, не смотря на протесты Азарьева.

— Хорошій ты человѣкъ, сказалъ онъ неизвѣстно съ чего горничной, когда она подавала ему пальто въ передней, и потрепалъ по плечу.—А вотъ пріятель мой, такъ дрянной, подумалъ Пушкаревъ, спускаясь съ лѣстницы:—совсѣмъ дрянной, и онъ махнулъ рукой въ знакъ того, что считалъ пріятеля пропащимъ человѣкомъ. — И за что я его люблю? продолжалъ онъ разсуждать

самъ съ собою, шагая по улицѣ:—право не знаю, такъ, по глупой привычкѣ.

Оставшись одинъ, Азарьевъ сталъ думать о томъ, что говорилъ ему другъ и товарищъ дѣтства, и долженъ былъ сознаться, что въ словахъ его была доля правды, во всякомъ случаѣ много теплой дружбы къ нему и къ его семьѣ.

Конечно, положеніе его матери и сестры въ деревнѣ тяжелое; конечно, было-бы лучше не брать отъ нихъ ни гроша, но какъ-же ему-то самому жить? Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ поступилъ заштатнымъ чиновникомъ въ одно изъ министерствъ, получая, и то по протекціи, пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Чѣмъ тутъ жить, спрашивается? Давать уроки, какъ предлагаетъ Пушкаревъ—невозможно; это значитъ размѣняться на пятачки и погрязнуть въ этой учительской тинѣ,—ждать повышенія по службѣ? Но когда дождешься, да и велика-ли разница? Сто рублей вмѣсто пятидесяти, все-таки жить не чѣмъ, по крайней мѣрѣ такъ, какъ онъ привыкъ и всегда жилъ, съ ранняго дѣтства; нѣтъ, все это вздоръ. Одинъ исходъ: написать романъ, составить себѣ имя и заработать сразу здоровый кушъ, тысячи двѣ, три въ журналахъ, да еще продать отдѣльное изданіе. О! тогда онъ конечно денегъ изъ деревни брать не станетъ, а самъ еще пошлетъ туда. Скорѣй писать и кончить!

Въ порывѣ столь похвальныхъ чувствъ, онъ сѣлъ за письменный столъ и раскрылъ красивую папку, гдѣ лежалъ его „бытовой“ романъ, исчерканный, измаранный,

но, увы, далеко не конченный и даже не обдуманный хорошенько.

Труда еще много впереди, онъ зналъ это и времени надо много потратить, чтобы окончить романъ. А денегъ нѣтъ и онѣ нужны дозарѣзу; чтожъ дѣлать? придется сократить задуманный планъ, пожертвовать многимъ. И злосчастный авторъ сталъ ломать себѣ голову, какъ сократить романъ и гдѣ урѣзать? Но ничего не могъ придумать. Уморить развѣ главнаго героя, трагически и разомъ съ нимъ покончить. А героиню куда дѣвать? — нельзя-же и ее уморить?

Нѣтъ, это пустое, сокращать невозможно, все испортишь. Авторъ терзался этими мыслями и пробовалъ просто продолжать начатую главу, не задаваясь планами о коренной ломкѣ; но ничего не выходило въ этотъ вечеръ, не писалось, не вытанцовывалось, какъ говорится, и онъ сидѣлъ въ большомъ горѣ, опустивъ голову на руки.

Ириша вошла въ комнату, за потухшимъ самоваромъ, потомъ вернулась и стала убирать чайную посуду.

— Это она во всемъ виновата, нельзя писать, когда стучатъ подъ ухомъ. И обрадовавшись, что нашелъ виноватую, Азарьевъ сердито крикнулъ на нее.

— Уйди, ради Бога, ты мнѣ мѣшаешь!

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала горничная:—только чашку вымою.

Но юнаго автора захватилъ за сердце внезапный гнѣвъ.

— Уйди, уйди, закричалъ онъ, вскакивая съ кресла и угрожая ей кулаками:—брось все!

Испуганная горничная дѣйствительно бросила все,

въ томъ числѣ и дорогую чашку, изъ которой молодой баринъ пилъ чай каждый день. Чашка упала на полъ и разбилась въ дребезги.

— Ай! воскликнула Ириша, помертвѣвъ отъ испуга: — что это, кто разбилъ? лепетала она, совсѣмъ растерявшись.

— Ты разбила мою чашку, дура! пошла вонъ! и онъ затопалъ на нее ногами.

Дѣвушка убѣжала, заливаясь слезами. Азарьевъ сѣлъ опять за работу; но вдохновеніе не приходило, онъ злился на всѣхъ и на все: на самого себя, на Иришу, на разбитую чашку, на пріятеля, читавшаго ему мораль, и на сестру Ларису, виновницу всѣхъ золъ и несчастій.

Не прошло пяти минутъ, какъ дверь снова отворилась и на порогѣ появилась Ириша.

— Баринъ милый, простонала она: — простите меня!

Баринъ обернулся.

— Чего тебѣ?

— Чашку, чашку, простите, куплю новую.

— Ты съ ума сошла, вся-то ты со своими юбками моей чашки не стоишь, убирайся!

Дѣвушка глубоко вздохнула и, нагнувшись, хотѣла подобрать осколки злополучной чашки, но раздосадованный баринъ снова закричалъ на нее: — вонъ! и она убѣжала.

Амаліи Ивановны не было дома въ этотъ вечеръ и Ириша усѣлась въ своей коморкѣ, дожидать ее. Спать она не могла; ее, бѣдную, такъ горько обидѣли.

Вся, съ юбками, одной чашки не стоишь! Неправда, у ней есть деньги и она купитъ новую чашку,

еще лучше старой. Но онъ не приметъ, пожалуй, и опять закричитъ на нее, опять обидитъ! А она его такъ жалѣетъ. Какъ увидала, сразу захватило за сердце, такъ и стала жалѣть.

Она говорила: „жалѣю“ вмѣсто „люблю“, какъ говорили у нихъ въ деревнѣ, и не могла понять любви иначе, какъ въ смыслѣ безпредѣльной жалости. Сердце ея билось, какъ испуганная птичка въ клѣткѣ; она заплакала, рыданія перешли въ спазмы и долго еще она убивалась, упавъ головой на подушку, покуда не задремала въ изнеможеніи.

III.

Дѣтство свое Ириша провела въ деревнѣ. Она родилась въ крестьянской семьѣ, гдѣ долго оставалась единственнымъ ребенкомъ. Когда ей минуло десять лѣтъ, родился братъ, названный Ваней; но мать умерла въ родахъ и оставила сиротами двухъ дѣтей. Кормилицъ нанимать въ крестьянскомъ быту не полагается, и маленькій Ваня попалъ на рожокъ и на попеченіе старшей сестры, десятилѣтней дѣвочки.

Казалось-бы, гдѣ тутъ жить? а между тѣмъ онъ выжилъ, согрѣтый любовью своей маленькой няни. Такой фактъ показался-бы невѣроятнымъ въ нашемъ быту, но въ деревнѣ ему никто не удивлялся.

Отецъ, пріѣхавъ домой съ работы, бралъ сына на руки и, убѣдившись, что онъ живъ и здоровъ, называлъ Иришу умницей и отдавалъ ей обратно ребенка. Сердо-

больная баба, сосѣдка, забѣгала иногда въ избу и учила дѣвочку, какъ ухаживать за Ваней, растирать ему животикъ, когда онъ плакалъ, мыть его въ корытѣ и смотрѣть, чтобы молоко не скислось въ рожкѣ. Вотъ и вся наука; все остальное дѣлала любовь, охватившая сердце Ириши, и въ этой любви была главная охрана и вся связь младенца съ жизнью.

Ваня выжилъ, сталъ лепетать и бѣгать и называлъ сестру своей мамой.

Такъ прошло три года, и дѣвочка до того привязалась къ своему маленькому сыночку, что, казалось, жила и дышала имъ однимъ. Но счастью ея пришелъ конецъ; отецъ женился во второй разъ и въ семьѣ явилась мачиха. Она отняла у Ириши брата и запрягла ее въ тяжелую работу. Но дѣвочка не роптала, лишь-бы какъ-нибудь урваться и поберечь своего Ваню. Но и Ванѣ приходилось жутко: мачиха колотила его, онъ плакалъ, ушибался, голодалъ подчасъ и убѣгалъ къ сестрѣ на работы, въ поле.

За деревней, гдѣ жили дѣти, былъ большой дремучій лѣсъ; въ немъ жили лѣшіе и медвѣди, водилась всякая птица, росли ягоды и грибы. Въ этотъ лѣсъ убѣгали Ириша съ Ваней, когда мачиха не доглядывала за ними, и гуляли тамъ на волѣ. Они бѣгали, пѣли пѣсни, ѣли ягоды, набирали грибовъ и, уставши, садились на одинъ пенечекъ и повѣряли другъ другу свое горе.—Хорошо было въ лѣсу, тихо такъ, пахло смолою, птичка только вспорхнетъ съ куста или листъ зашумитъ на деревѣ. Долго дѣти гуляли въ лѣсу и сидѣли вмѣстѣ,

покуда, вспомнивъ о злой мачихѣ, не возвращались домой, Ириша со вздохами, а Ваня со слезами.

Лѣсъ этотъ снился Иришѣ во снѣ долго потомъ, когда она жила уже въ городѣ и, проснувшись, она горько плакала, вспоминая своего Ваню.

Черезъ годъ послѣ свадьбы, у мачихи родился сынъ и дѣтямъ отъ перваго брака стало полегче; мачихѣ было не до нихъ, своихъ хлопотъ довольно. Ириша стала няньчить новаго братца и по привычкѣ привязалась и къ нему. Тоже повторилось со вторымъ ребенкомъ и мачиха уже начинала мириться съ падчерицей, какъ вдругъ случилось горе, поссорившее ихъ вновь. Ваня захворалъ и Ириша бросила все и сидѣла у его постельки.

Мальчикъ два дня горѣлъ, какъ въ огнѣ, на третій сталъ бредить и не узнавалъ никого.

Тогда мачиха потребовала, чтобы его отправили въ больницу.

— Не отдамъ! воскликнула Ириша, внѣ себя отъ страха и негодованія:—не пущу!

Она боялась больницы, какъ всѣ деревенскіе жители, и считала отправленіе туда равносильнымъ смерти.

— Дура! закричала на нее мачиха, скорѣй собирай, еще другихъ дѣтей зачумитъ.

Но дѣвочка не трогалась съ мѣста и не позволяла никому подойти къ постелькѣ Вани.

Ее оттащили силой и мачиха сама на-скоро снарядила больнаго; его отнесли въ телѣгу, прикрыли чѣмъ попало и повезли въ больницу. Сзади бѣжала Ириша, хныкая и спотыкаясь.

Село, гдѣ была больница, отстояло отъ ихъ деревни

на семь верстъ худой проселочной дороги, на дворѣ стояла холодная осень, и бѣднаго Ваню привезли полумертваго въ больницу. Сестру, конечно, съ нимъ туда не пустили, но она пріютилась на селѣ у тетки, и никакія просьбы, ни угрозы не могли убѣдить ее вернуться домой.

Она бѣгала каждый день въ больницу, сидѣла около брата, когда ее пускали къ нему, топталась на лѣстницѣ и въ коридорахъ, когда не пускали, не ѣла, не пила ничего, и такъ похудѣла за нѣсколько дней, что ее узнать было нельзя.

А Ванѣ становилось все хуже, никакія лѣкарства не помогали и, наконецъ, сидѣлка въ больницѣ объявила Иришѣ, что нѣтъ больше надежды и что больной не встанетъ.

— Что? спросила дѣвочка въ смущеніи.

— Помретъ, пояснила сидѣлка.

Иришу точно пришибло что, такъ она перепугалась; но она не повѣрила сидѣлкѣ, разсердилась на нее и ушла изъ больницы, не простившись съ нею. На другое утро, когда она опять пришла, ея Ваня уже лежалъ на столѣ, прикрытый чѣмъ-то бѣлымъ, съ образкомъ въ изголовьѣ. Она подошла къ нему и тронула за руку; рука была холодная, лицо мертвенно-блѣдное, глазки закрыты.

— Ваня! прошептала она,—но отвѣта не было.

— Ваня! повторила она громче, — Ваня, Ваня! — закричала она и упала къ нему на грудь.

Ее подняли съ полу безъ чувствъ и положили въ той же больницѣ, гдѣ померъ Ваня.

Долго она пролежала тамъ въ нервной горячкѣ, но

молодыя силы одолѣли болѣзнь: она выздоровѣла и вернулась домой. Тамъ она ходила, точно потерянная, вездѣ искала Ваню, хотя знала и помнила, что онъ умеръ. Она звала его по ночамъ, и головка его, съ золотыми кудрями, часто грезилась ей во снѣ и наяву.

Но плакать долго по мертвымъ въ деревнѣ не полагается; Иришу отшлепали за ея хныканье и запрягли опять въ работу. Пришло лѣто и дѣвочка совсѣмъ поправилась, но мѣсто Вани осталось пустымъ въ ея сердцѣ, она все плакала втихомолку и замѣнить его не могли ей ни отецъ, ни мачиха, ни сводные братья.

Есть пословица, которая говоритъ: „Придетъ бѣда, отворяй ворота“. Такъ случилось и въ семьѣ Ириши. Вслѣдъ за Ваней умерли дѣти мачихи, одинъ за другимъ, отъ какой-то заразной болѣзни; потомъ захворалъ отецъ. Онъ ѣхалъ какъ-то въ телѣгѣ, выпивши, и угодилъ съ горы не на мостъ, а въ рѣку. Мужикъ не утонулъ, но переломилъ себѣ нѣсколько реберъ, съ тѣхъ поръ сталъ хворать и скоро умеръ, оставивъ семью въ нуждѣ. Мачиха, не долго думая, продала что могла, въ домѣ и перебралась въ другую деревню, къ своимъ роднымъ.

Ириша осталась круглою сиротой, одна на свѣтѣ. Надъ ней сжалилась ея тетка, сестра покойной матери, и взяла съ собой въ Питеръ, когда сама туда поѣхала. Тамъ она опредѣлила ее, какъ мы видѣли, къ знакомой нѣмкѣ, Амаліи Ивановнѣ, уѣхала куда-то, и всѣ связи дѣвочки съ деревней порвались.

IV.

Былъ одиннадцатый часъ утра; Андрей Александровичъ Азарьевъ только-что проснулся, но не вставалъ, не смотря на поздній часъ, а лежалъ въ постели, зѣвая и потягиваясь.

Онъ всю ночь протанцовалъ на большомъ балу и теперь мечталъ о немъ спросонковъ. Балъ былъ блестящій во всѣхъ отношеніяхъ и Азарьевъ долженъ былъ сознаться, что еще не видалъ такого: какая роскошь во всемъ, какія женщины, туалеты, цвѣты; буфетъ съ шампанскимъ и дорогими фруктами, чудесный ужинъ и дорогія, тончайшія вина.

Балъ произвелъ на него впечатлѣніе, и все тамъ пережитое показалось ему волшебнымъ сномъ.

— Да, думалъ онъ, такъ надо жить, какъ эти люди живутъ, а не такъ, какъ мы, грѣшные. Вотъ, я, напримѣръ, въ такой обстановкѣ живу: одна комната, въ ней и сплю, и ѣмъ; придетъ кто, принять негдѣ. Хоть бы одну гостинную имѣть, не то что цѣлую квартиру! а прислуга какая здѣсь? Онъ вспомнилъ рослыхъ лакеевъ на балу, въ напудренныхъ парикахъ и красныхъ ливреяхъ и невольно сравнилъ съ ними маленькую Иришу.

Чортъ знаетъ что! лакея бы завела приличнаго, проклятая нѣмка, а то держитъ одну дѣвчонку на весь домъ. Придетъ кто изъ порядочныхъ людей, отворить некому. Нѣтъ, надо переѣхать отсюда, вотъ только расплачусь.

Онъ потянулся, позѣвалъ еще и, рѣшивъ, что все-таки нора вставать, опустилъ ноги на коврикъ у постели.

— Туфли гдѣ? опять нѣтъ ихъ?—и онъ сталъ звать горничную.

— Что прикажете? спросила Ириша, явившись на зовъ.

— Туфли мои куда запропастила?

— Вотъ онѣ, извольте; она вытащила туфли изъ-подъ кровати и пододвинула ихъ барину.

— Ахъ, Боже мой, не видалъ! Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ въ туфляхъ и одной рубашкѣ, точно будто ему прислуживалъ казачокъ, а не молодая дѣвушка.

Ириша застыдилась и хотѣла уйти, но онъ остановилъ ее.

— Постой, ты зачѣмъ меня не разбудила во время?

— Я васъ, сударь, будила два раза, да вы не встаете, чтожъ мнѣ съ вами дѣлать?

— Одѣяло сдерни, подушки отними, вотъ что.

— Я васъ въ другой разъ водой оболью, засмѣялась горничная и убѣжала.

— Пострѣлъ эдакій! проговорилъ ей вслѣдъ Азарьевъ.

Онъ сталъ мыться и одѣваться, что продолжалось довольно долго; наконецъ, все было окончено и онъ усѣлся пить чай.

— Вотъ, сказалъ онъ горничной, наливая чай въ новую чашку: — старую мою, хорошую, разбила, теперь дрянь и подаешь.

Ириша вся вспыхнула. Она затратила большія деньги на новую чашку изъ своихъ кровныхъ, и чашка была лучше старой, она это знала: ей сказалъ Иванъ Ардальонычъ. А вотъ этотъ баринъ говоритъ, что чашка дрянь и думаетъ, что это изъ хозяйскихъ. Какъ же, найдешь у ней такую! Она разсердилась на молодаго барина и пошла къ старому, опять показать ему чашку и отвести съ нимъ душу.

Добрый этотъ Иванъ Ардальонычъ, думала она, хорошій, никогда безъ халата мнѣ не покажется, не то что Андрей Александровичъ: голый, въ одной рубашкѣ по комнатѣ ходитъ.

Явившись въ этотъ день на службу поздно, въ исходѣ перваго часа, Азарьевъ не получилъ за это ни выговора, ни замѣчанія отъ начальства; онъ считался бѣленькимъ въ своемъ департаментѣ, т. е. привиллегированнымъ; черненькіе же чиновники давно сидѣли на своихъ мѣстахъ и строчили.

Такое положеніе на службѣ было обусловлено тѣмъ, что онъ всегда былъ безукоризненно одѣтъ, благодаря кредиту у портнаго и сапожника, говорилъ прекрасно по-французски и бывалъ на вечерахъ у директора департамента, какъ ловкій и красивый танцоръ. По тѣмъ же причинамъ онъ водилъ дружбу преимущественно съ начальниками отдѣленій и столоначальниками, а своего брата, заштатнаго чиновника, считалъ паріемъ и обращался съ нимъ свысока.

Въ особенности онъ посѣщалъ часто одного бывшаго лицеиста, по фамиліи Бронникова, который тоже считался привиллегированнымъ и сынкомъ богатаго папеньки.

Этотъ Бронниковъ былъ фонтанелью для тощаго кармана Азарьева; онъ затягивалъ его постоянно въ кутежи, въ картежную игру и въ разные другіе расходы не по его средствамъ, но отстать отъ него Андрей Александровичъ не рѣшался, такъ какъ не хотѣлъ признать свою денежную несостоятельность и погубить себя во мнѣніи порядочныхъ людей.

— Андрей Александровичъ! воскликнулъ Бронниковъ, какъ только его завидѣлъ въ департаментѣ: — ты гдѣ обѣдаешь сегодня?

— Нигдѣ особенно, отвѣчалъ Азарьевъ.

— Такъ приходи въ шесть часовъ къ Донону, тамъ будутъ наши, вмѣстѣ пообѣдаемъ.

Азарьевъ зналъ, что это значитъ „вмѣстѣ пообѣдаемъ", но тѣмъ не менѣе храбро обѣщалъ придти. Въ карманѣ у него было двадцать пять рублей, выпрошенныхъ впередъ у казначея, для самыхъ неотложныхъ расплатъ, напримѣръ: прачкѣ, въ лавочку, въ булочную, горничной по мелкимъ счетамъ, не говоря уже о крупномъ долгѣ хозяйкѣ за квартиру, который не зналъ, чѣмъ заплатить. Но онъ ни на минуту не задумался послать всѣхъ этихъ кредиторовъ къ чорту и въ назначенный часъ явился къ Донону.

Обѣдъ былъ прекрасный, компанія развеселая и выпито много вина. Послѣ обѣда всѣ отправились во французскій театръ, а оттуда въ Большую Морскую, въ ресторанъ „Pivato", заканчивать вечеръ. Тамъ они ѣли устрицы и запивали ихъ итальянскимъ шампанскимъ, называемымъ „Asti", очень недурнымъ. Послѣ сего разговоръ принялъ нѣсколько легкій характеръ и было разсказано много пикант-

ныхъ анекдотовъ изъ жизни дамъ полусвѣта, „ces dames“, какъ ихъ называлъ Бронниковъ. Къ этимъ дамамъ и направилась вся компанія, прямо отъ „Pivato“, за исключеніемъ Азарьева, который отговаривался головною болью. Настоящей же причиной была не боль въ головѣ, а пустота въ карманѣ; послѣ „Pivato“ у него осталось всего два пятіалтынныхъ, какъ разъ, чтобы доѣхать на извозчикѣ домой.

Уже было поздно, когда онъ вернулся и Ириша отворила ему заспанная. — Разгоряченный выпитымъ виномъ и отуманенный цѣлымъ днемъ угара, онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее. Мысли его были у „дамъ“, къ которымъ поѣхали товарищи, и рисовали ему картины самаго соблазнительнаго содержанія. Дамъ этихъ, конечно, не было въ меблированныхъ комнатахъ Амаліи Ивановны, но вертѣлась горничная, въ ночной кофточкѣ, съ растегнувшимся воротникомъ и съ засученными по локоть рукавами. Она была дурнышка, по мнѣнію Азарьева, но все-таки женщина, и онъ замѣтилъ въ этотъ вечеръ, что у ней волосы чудесные и глаза большіе, глубокіе.

Въ головѣ у него помутилось, сердце застучало въ груди и, въ порывѣ нахлынувшей страсти, онъ обнялъ ее и покрылъ лицо и шею горячими поцѣлуями.

Вся кровь прилила къ сердцу Ириши, она поблѣднѣла и на минуту потеряла сознаніе, но это была одна минута. Стыдъ и оскорбленное самолюбіе придали ей силы, она оттолкнула отъ себя Азарьева и твердо сказала ему:

— Баринъ, силой ты меня не возьмешь, а любови ко мнѣ у тебя нѣтъ ни капли.

Губы ея искривились въ горькую улыбку и она прямо

взглянула на него своими большими глазами. Азарьеву показалось, что глаза эти горятъ особымъ блескомъ и, не помня себя, онъ снова сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Между ними завязалась борьба, но изъ борьбы этой слабая женщина вышла побѣдительницей; она сдѣлала отчаянное усиліе, и вырвавшись, прыгнула къ двери, но онъ загородилъ ей дорогу.

— Не пущу!

Неизвѣстно, чтобы случилось, если бы борьба продолжалась, но Ириша вдругъ упала на колѣни и стала молить о пощадѣ.

— Милый, дорогой мой баринъ, не губи меня, я честная дѣвушка, отпусти меня!

У Азарьева было мягкое сердце, онъ опомнился, позорная страсть его въ минуту остыла.

— Иди съ Богомъ, — сказалъ онъ, широко растворяя ей двери, и дѣвушка выпрыгнула изъ комнаты.

На другое утро горничная Амаліи Ивановны ходила, какъ потерянная, все дѣлала не во время и жаловалась на головную боль.

— Иришь, кричала на нее хозяйка: — ти угорѣль сегодня?

— Нездоровится мнѣ, барыня.

— Нездоровится, и ти мнѣ не скажешь ничего? я сейчасъ тебѣ дамъ капель.

У Амаліи Ивановны были универсальныя капли, которыми она лечила отъ всѣхъ болѣзней. Капли эти прописалъ ей докторъ-нѣмецъ, когда она еще жила въ Курляндіи, на родинѣ, и она имѣла въ нихъ такую вѣру, что сама глотала безпрестанно и подчивала ими всѣхъ, кто только

заикался о болѣзни. Ириша должна была пройти чрезъ испытаніе капель, отчего голова у нея еще хуже разболѣлась, но Амалія Ивановна объявила, что это одни капризы, и предложила еще пріемъ капель.

Иришѣ было не до капризовъ: ее оскорбили въ самыхъ ея святыхъ чувствахъ и кто оскорбилъ? тотъ, кого она боготворила.

Неужели она ошиблаеь, и онъ такой-же, какъ и другіе? грубый, безстыжій! О, она пристыдитъ его и скажетъ... но что сказать, она не знала.

— Вѣдь онъ баринъ, а она горничная, можетъ быть, баре всегда такъ поступаютъ съ горничными, и онъ только осмѣетъ ее и прогонитъ прочь, какъ прогналъ тогда, когда она разбила его чашку. Но чашку она купила новую, а сердце разбитое чѣмъ замѣнить?

Она надрывалась отъ слезъ и горя, а хозяйка ѣла ее поѣдомъ цѣлый день. Она была не въ духѣ и ничѣмъ нельзя было ей угодить, все не такъ: полы грязны, пыль вездѣ, жаркое не дожарила вчера, кофе пережарила сегодня; наконецъ она накинулась на горничную за то, зачѣмъ новый жилецъ не платитъ денегъ за квартиру, — за одинъ мѣсяцъ только и отдалъ, а за два до сихъ поръ долженъ.

— Ты что думаешь,—кричала нѣмка:—я его держать стану за то, что онъ тебѣ полюбился? нѣтъ, прогоню, къ мировому подамъ!

Но тутъ Ириша не выдержала.

— Гоните, коли хотите,—воскликнула она съ сердцемъ:—не мое дѣло.

— Какъ не твое? Иди сейчасъ къ нему и скажи,

чтобъ сейчасъ отдалъ деньги, всѣ до копѣйки, я ждать больше не стану.

— Не пойду! — объявила рѣшительно Ириша,—ступайте сами.

Ей казалось невозможнымъ послѣ того, что было вчера, идти къ жильцу и требовать денегъ, зная, что ихъ нѣтъ у него.

Нѣмка подняла гвалтъ.

— А ти грубить! иди сейчасъ.

— Не пойду! давайте паспортъ и разсчетъ.

Слова эти точно водой окатили Амалію Ивановну. Она знала, что другой такой Ириши ей не найти.

— Не хочешь,—сказала она, сразу понизивъ тонъ,— и не надо, я сама пойду.

И дѣйствительно пошла.

Что они говорили съ жильцомъ, Ириша не могла разобрать даже черезъ растворенную дверь, такъ какъ говорили по-нѣмецки, сначала тихо, потомъ хозяйка начала кричать и баринъ тоже. Черезъ минуту Амалія Ивановна вылетѣла, какъ бомба, изъ комнаты, вся красная, ругаясь уже по-русски. Ириша убѣжала въ испугѣ, чтобы не попасться ей на глаза.

Положеніе Азарьева было критическое: его гонятъ съ квартиры, а денегъ нѣтъ ни гроша, вчера прокутилъ послѣднія. Надо достать, но гдѣ достать, онъ не зналъ. Всѣ кредиты были истощены, а скорыхъ получекъ не предвидѣлось. Написать развѣ Пушкареву, онъ выручалъ иногда. Не придумавъ ничего лучшаго, онъ написалъ письмо пріятелю и позвонилъ.

На порогѣ остановилась горничная, не подымая на него глазъ.

— Иришенька, душенька, — началъ онъ ласково,—я имѣю просьбу до васъ.

Дѣвушка молчала.

— Письмо у меня вотъ къ Пушкареву, знаете этотъ рыжій, что у меня бываетъ?

— Знаю.

— Письмо спѣшное и отвѣтъ нужно сейчасъ же, а по почтѣ когда еще получишь.

Ириша все молчала.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ за руку.

— Вы меня простите за вчерашнее, — сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ: — я больше никогда не буду, клянусь вамъ.

У Ириши точно камень свалился съ души, она взглянула на него и сразу все простила.

— Давайте письмо.

— Вотъ, тутъ и адресъ, сказалъ обрадованный Азарьевъ, отдавая письмо.

Она улыбнулась и хотѣла уйти, но онъ остановилъ ее.

— Вы, душенька, попросите его, чтобы не отказалъ, я денегъ прошу, крайне нужны: хозяйка съ квартиры гонитъ, вы сами знаете; а если онъ дастъ, привезите на извощикѣ и туда тоже извощика возьмите, я отдамъ.

— Ладно, отвѣтила Ириша и убѣжала съ письмомъ.

— Какая добрая дѣвушка, проговорилъ ей вслѣдъ Азарьевъ.

Пушкаревъ очень удивился, увидѣвъ передъ собою горничную Азарьева.

— Какимъ вѣтромъ занесло? спросилъ онъ ласково, усаживая ее на стулъ.

— Съ письмомъ къ вашей милости отъ Андрея Александровича, отвѣчала Ириша, подавая письмо. Пушкаревъ пробѣжалъ его глазами.

— Денегъ проситъ; что такъ приспичило?

— Хозяйка, сударь, съ квартиры гонитъ; надо отдать безпремѣнно, хоть за мѣсяцъ.

— А сколько?

— Тридцать рублей въ мѣсяцъ у насъ комната ходитъ.

— Ого! Ну, душа моя, такихъ денегъ у меня нѣтъ.

— Какъ же быть-то? сказала Ириша, исполняя добросовѣстно роль адвоката.

— Ужъ не знаю; попросить надо хозяйку обождать.

— Не станетъ ждать, не таковская, хоть за мѣсяцъ да отдать надо.

— Ну, вотъ что, сказалъ Пушкаревъ, подумавъ, свезите ему десять рублей; скажите, что остальные я постараюсь добыть завтра.

— Не надо занимать, проговорила робко Ириша.

— Какъ не надо?

Она замялась и видимо не рѣшалась досказать то, что думала.

— Да говори, душа моя, не бойся, я не выдамъ. Пушкаревъ перешелъ съ ней на ты, думая ободрить ее.

— Такъ вотъ что, сударь, только вы меня не выдавайте; вы десять дадите?

— Да.

— Да я дамъ двадцать, вотъ тридцать и будетъ.

— Что ты, Христосъ съ тобой!—воскликнулъ въ

изумленіи Пушкаревъ,—двадцать рублей, да откуда у тебя такія деньги?

— Накопила, сударь, за четыре года, и еще есть, вы не бойтесь, не краденыя.

— Знаю, душа моя, знаю, да только не надо. Боже упаси, твои кровныя деньги ему отдать, да вѣдь онъ не вернетъ.

— И не надо, перебила его Ириша.

— Золотая ты моя!—воскликнулъ Пушкаревъ: — ты его не знаешь, не вернетъ, я тебѣ говорю.

— И не надо, повторила настойчиво Ириша.

— Ну, заколдовалъ онъ тебя, сказалъ Пушкаревъ и посмотрѣлъ ей пристально въ глаза. Ириша вспыхнула.

— Худо, подумалъ Петръ Михайловичъ, глядя съ искреннимъ сожалѣніемъ на свою собесѣдницу:—загубитъ онъ ее ни за грошъ.

— Такъ какъ-же, баринъ? спросила Ириша.

— Что такое?

— На счетъ денегъ?

— Не возьму ни за что, и не думай, и ему ты не говори, что у тебя деньги есть, понимаешь: всѣ выудитъ.

— Напрасно вы такъ худо думаете о нихъ, сказала обиженно Ириша.

— Нѣтъ, не напрасно, я его знаю съ малолѣтства, такой всегда былъ. А ты обѣщай мнѣ, что о деньгахъ своихъ ему не скажешь ни слова, а то я ничего не дамъ и дѣлайте, какъ знаете.

— Пожалуй, не скажу, коли въ другомъ мѣстѣ достанете.

— Достану, даю тебѣ слово. Вотъ на, возьми десять

рублей, отдай ему и скажи, что завтра принесу остальныя. А о своихъ деньгахъ ни гугу.

— Пожалуй, не скажу, если не велите.

— Побожись.

— Ей Богу!

— Ну, ладно; теперь ступай домой, да смотри, его сказкамъ не вѣрь. Нашъ братъ, баринъ, какъ разъ вашу сестру окрутитъ.

Ириша ушла. Но Пушкаревъ продолжалъ думать о ней и о своемъ пріятелѣ.

„Дуракъ этотъ Андрей говоритъ: рожа, горничная! Не видитъ ничего и не понимаетъ: одни глаза чего стоятъ, а душа какая! Если бы меня полюбила такая дѣвушка, да я бы—онъ остановился на минуту въ своихъ мечтахъ, не рѣшивъ еще, чтобы онъ сдѣлалъ, если бы мечты его осуществились.—Да я бы, вдругъ сказалъ онъ громко:—я бы всю жизнь ей посвятилъ и никогда бы съ нею не разстался“.

Весь день онъ промечталъ объ Иришѣ и ночью даже видѣлъ ее во снѣ. О, если бы узналъ объ этомъ его пріятель Азарьевъ, какъ бы онъ высмѣялъ его!

Пушкаревъ былъ идеалистъ, хотя и занимался съ успѣхомъ практическимъ дѣломъ. Эта природная склонность была усиленно развита въ немъ первой его наставницей въ жизни, старшей сестрой Азарьева, Ларисой, которую молодой Пушкаревъ обожалъ, какъ мальчики часто обожаютъ взрослыхъ дѣвицъ; всякое слово ея было для него закономъ и ея вліяніе на него сохранилось на всю жизнь. Андрей Азарьевъ смѣялся надъ ними и увѣрялъ, что сестра его и Петя занимаются вмѣстѣ обожа-

ніемъ русскаго мужика, что отчасти и было справедливо. Только обожаніе это было, какъ все, что дѣлала Лариса, разумнымъ и не доходило до тѣхъ смѣшныхъ размѣровъ, въ которыхъ оно практикуется по нынѣ въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества. Она просто видѣла ближняго во всякомъ человѣкѣ, скорбѣла о нуждахъ народа и готова была всегда помочь страждущему человѣчеству. Симпатіи ея раздѣлялъ, конечно, и Петръ Пушкаревъ, причемъ онѣ выросли въ немъ съ годами и окрѣпли при ближайшемъ знакомствѣ съ народомъ. Онъ былъ до такой степени внѣ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, что готовъ былъ жениться на простой деревенской дѣвушкѣ, если бы она ему понравилась.

При такомъ направленіи, увлеченіе его такою личностью, какъ Ириша, не имѣло въ себѣ ничего напускнаго и было совершенно искреннимъ.

Онъ сталъ чаще видѣться съ нею подъ предлогомъ посѣщеній пріятеля, и увлеченіе его съ каждымъ днемъ возростало.

Такъ какъ Азарьевъ рѣдко бывалъ дома, то онъ познакомился съ другимъ жильцомъ, старикомъ Фирсовымъ, и они очень скоро сошлись. Первымъ звѣномъ ихъ дружбы была любовь къ Иришѣ, отеческая со стороны Ивана Ардальоныча, болѣе пылкая со стороны Пушкарева. Въ комнатѣ у Фирсова устраивались своеобразные вечера; новые пріятели сходились между собой не въ одной симпатіи къ Иришѣ, но и во многомъ другомъ: въ литературныхъ вкусахъ, во взглядахъ на жизнь и пр. Иванъ Ардальонычъ былъ человѣкъ образованный, много видавшій на своемъ вѣку и интересный собесѣдникъ. Въ тѣ дни,

когда Амаліи Ивановны не было дома, что случалось нерѣдко, такъ какъ она любила поиграть въ картишки въ клубѣ, Ириша приглашалась разливать чай въ комнатѣ Ивана Ардальоныча, причемъ ее усаживали, какъ гостью, за общій столъ и оказывали ей всевозможное вниманіе. Она дичилась сначала этихъ бесѣдъ, понемногу, однако, привыкла къ нимъ, весело болтала съ добрыми господами, но втайнѣ считала ихъ обоихъ чудаками. Она боялась одного, какъ бы не накрылъ ихъ и не высмѣялъ другой жилецъ, Андрей Александровичъ; и разъ, когда онъ вернулся домой ранѣе обыкновеннаго, убѣжала въ кухню и никакія просьбы не могли ее заставить вернуться въ комнату Ивана Ардальоныча.

Старикъ Фирсовъ былъ вдовецъ, рано потерялъ жену, и всѣ привязанности свои перенесъ на единственную дочь и на двухъ дѣтей ея, своихъ внучатъ. Семья эта жила въ губернскомъ городѣ, гдѣ отецъ былъ учителемъ въ гимназіи, и къ нимъ пріѣзжалъ раза два въ годъ дѣдушка, повидаться съ дочерью и поласкать внучатъ.

Оставляя квартиру за собою, Иванъ Ардальонычъ всегда отдавалъ ключи и поручалъ всѣ свои вещи горничной Иришѣ, такъ какъ имѣлъ къ ней неограниченное довѣріе и успѣлъ хорошо узнать ее за время пребыванія своего въ меблированныхъ комнатахъ Амаліи Ивановны. Ириша имѣла порученіе за отсутствіемъ жильца охранять его имущество отъ пожара, отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и свято исполняла эти обязанности; онъ же въ благодарность привозилъ ей всегда какой-нибудь подарочекъ и вообще баловалъ ее, чѣмъ только могъ.

— Сирота,—говорилъ онъ о ней Пушкареву;—умру я, некому будетъ баловать ее.

Онъ даже хотѣлъ упомянуть объ Иришѣ небольшой суммой въ своемъ духовномъ завѣщаніи, о чемъ совѣтовался съ Пушкаревымъ и просилъ его быть душеприкащикомъ, но составленіе завѣщанія все откладывалъ, боясь помереть, какъ только его подпишетъ.

V.

Въ квартирѣ у г-жи фонъ-Шуппе случилось большое горе: одинъ изъ ея жильцовъ внезапно захворалъ.

Проснувшись утромъ, Азарьевъ не могъ встать съ постели и жаловался на страшную головную боль. Горничная, войдя къ нему въ комнату, испугалась, такъ онъ былъ красенъ и горѣлъ; она пощупала ему лобъ и руки и бросилась за докторомъ, не говоря никому ни слова.

Докторъ осмотрѣлъ больнаго, прописалъ лѣкарство и сказалъ, что вечеромъ опять пріѣдетъ.

Ириша заплатила ему, не безпокоивъ хозяйки, которая въ этотъ день вышла куда-то съ утра.

Но больному становилось хуже, онъ начиналъ бредить, и скрывать долѣе его положеніе было невозможно.

Вернувшись домой и узнавъ о случившемся, Амалія Ивановна пошла сама навѣстить больнаго, но, при видѣ его, всплеснула руками и воскликнула: Um Gottes Willen, er ist am Sterben! (Боже мой, онъ умираетъ).

Ириша схватила ее за плечи и вытолкнула въ корридоръ.

— Тише, онъ слышитъ.

— Мнѣ какое дѣло, — затарантила обиженная нѣмка:—я его держать не стану, въ больницу отправлю.

— Въ больницу, — повторила Ириша, вспомнивъ свою мачиху и бѣднаго Ваню. Какъ, и этого у ней отнять хотятъ;—не отдамъ ни за что! — рѣшила она и гнѣвно воскликнула:

— Не пущу!—забывъ, что сама говорила до того шопотомъ.

Амалія Ивановна отшатнулась отъ нея. Маленькая горничная глядѣла такъ грозно, что, казалось, готова была ее прибить.

— Какъ ти смѣешь,—закричала она, въ свою очередь: — сейчасъ бѣги за извощикомъ, я его со швейцаромъ отправлю въ больницу.

— Не бывать этому, и не думайте.

— Ти дура!

— Пускай, а больнаго на извощикѣ не дамъ везти.

— Возьми карету, я ему на счетъ поставлю.

— И въ каретѣ нельзя.

— Отчего?

— Онъ крѣпко боленъ и докторъ не велѣлъ его трогать.

— А развѣ былъ докторъ?

— Былъ, и еще пріѣдетъ вечеромъ.

— А кто ему заплатилъ?

— Я.

— И вечеромъ заплатишь?

— Заплачу и вечеромъ.

— И за лѣкарство будешь платить?

— Буду.

— А кто за нимъ ходить станетъ?

— Я.

Нѣмка пожала плечами. Она страшно боялась, чтобы всѣ эти расходы не пали на ея карманы, такъ какъ убѣдилась, что карманъ Азарьева крайне плохъ, и рѣшилась дальнѣйшаго кредита ему не дѣлать.

— А если, — продолжала она допрашивать бѣдную дѣвушку: — жилецъ умретъ, на чей счетъ мы его похоронимъ?

— На мой, отвѣчала рѣшительно Ириша и горько заплакала.

Амаліи Ивановнѣ стало жаль ее, но финансовыя соображенія были выше всего и она пожелала узнать, откуда у ея горничной деньги, и есть ли еще?

— Накопила,—отвѣчала Ириша,—сейчасъ принесу вамъ.

Но въ эту минуту послышался стонъ за дверью и она бросилась въ комнату Азарьева.

Больной лежалъ разметавшись въ постели и шепталъ что-то невнятное, но Ириша поняла его.

— Пить, голубчикъ, проситъ.—Она подняла одной рукой его голову, а другой поднесла кружку къ его изсохшимъ губамъ.

— На, на, мой дорогой.

Больной сталъ жадно глотать воду. Напившись, онъ, казалось, успокоился. Ириша опустилась на стулъ возлѣ кровати и закрыла лицо руками.

— Неужели онъ уйдетъ за Ваней? и опять ей некого будетъ любить. Ваню она пережила, но если онъ умретъ,—и она взглянула съ любовью на своего дорогаго больнаго, — она не переживетъ его. Долго ли умереть? Вотъ дѣвушка изъ сосѣдняго дома выпрыгнула изъ окошка и разбилась, и она выпрыгнетъ, или утопится въ рѣкѣ.

Больной застоналъ и она подошла къ нему, но онъ опять затихъ и, казалось, уснулъ; рука его свѣсилась съ постели. Ириша опустилась на колѣни и стала цѣловать эту руку.

— Все отдамъ за тебя, мой милый,—шептала она:— себя продамъ, а не пущу въ больницу!

Одно слово это пугало ее, какъ призракъ смерти, и она была убѣждена, что Ваня ея не выжилъ только потому, что его свезли въ больницу.

Тишина была въ комнатѣ и только слышно было, какъ больной тяжело дышалъ во снѣ.

Ириша встала и вышла на цыпочкахъ. Черезъ минуту она была въ комнатѣ хозяйки и положила ей на столъ пятьдесятъ рублей.

— Вотъ деньги на лѣченіе.

— Не надо! — воскликнула сконфуженная Амалія Ивановна, но не утерпѣла и спрятала деньги въ карманъ. Она была поражена великодушнымъ поступкомъ своей горничной, но не могла придти въ себя отъ удивленія, откуда у ней столько денегъ?

Она не стала, впрочемъ, допрашивать, но, желая поддержать собственное достоинство, объявила, что беретъ деньги на сохраненіе и возвратитъ ихъ немедленно, какъ только господинъ Азарьевъ поправится и расплатится съ ней.

„А если не поправится, мелькнуло у ней въ головѣ, что тогда будетъ?“ Но она не стала останавливаться на такихъ мрачныхъ мысляхъ, такъ какъ вѣрила въ Провидѣніе и въ милость Божію.

Ириша ушла отъ нея утѣшенною; хозяйка обѣщала не трогать больнаго, похвалила ее за добрыя чувства и даже поцѣловала въ лобъ. Было рѣшено сверхъ того взять на время въ квартиру Матрену, жену швейцара, для помощи по хозяйству, а Иришѣ посвятить себя всецѣло уходу за больнымъ; при этомъ Амалія Ивановна выговорила въ свою пользу только одно: чтобы парикъ ея остался на попеченіи у горничной, такъ какъ Матрена своими толстыми руками могла испортить его.

Къ вечеру явился Пушкаревъ, увѣдомленный Иришей о болѣзни Азарьева. Онъ тотчасъ-же захлопоталъ: надо то и другое: сидѣлку, доктора, а главное денегъ, такъ какъ ихъ не оказалось у больнаго. Но Ириша успокоила его; все уже сдѣлано, докторъ сейчасъ пріѣдетъ, сидѣлкой будетъ она, а всѣ расходы приняла на себя хозяйка съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ на счетъ Андрею Александровичу; при этомъ она умолчала о своихъ собственныхъ подвигахъ и упросила Амалію Ивановну тоже не говорить о нихъ никому.

— Ну, и чудесно! воскликнулъ Пушкаревъ, спасибо тебѣ, душа моя, и онъ похлопалъ ее по плечу.

За симъ онъ пошелъ къ хозяйкѣ и объявилъ ей, что отвѣчаетъ за всѣ расходы на больнаго, чтобы она не тревожилась и что онъ на-дняхъ привезетъ ей деньги; Амалія Ивановна отвѣчала ему, сладко улыбаясь, что она совершенно спокойна и искренно ему благодарна, но

сдержала данное Иришѣ слово и умолчала о ея деньгахъ; при этомъ она рѣшила, что успѣетъ еще возвратить деньги горничной тогда, когда Пушкаревъ дѣйствительно разсчитается съ ней за пріятеля, а то, кто его знаетъ, пожалуй, надуетъ.

Болѣзнь, которою захворалъ Азарьевъ, была серьезная и длилась долго. Болѣе недѣли онъ былъ при смерти и Пушкаревъ хотѣлъ уже вызвать телеграммой въ Петербургъ сестру Ларису, но докторъ успокоилъ его, сказавъ, что немедленной опасности не видитъ. Тѣмъ не менѣе Петръ Михайловичъ и Ириша провели вмѣстѣ нѣсколько тяжелыхъ дней, такъ какъ больной бредилъ, метался и страдалъ невыносимо. Ириша оказалась примѣрной сидѣлкой, и даже докторъ похвалилъ ее. Она тихо, спокойно ходила за больнымъ, строго исполняла предписанія доктора и не смыкала глазъ, ни днемъ, ни ночью. Какъ ни уговаривали ее отдохнуть, она не соглашалась, увѣряя, что ей спать совсѣмъ не хочется и что она успѣетъ еще выспаться, когда больной поправится. А что онъ будетъ живъ и поправится, Ириша не сомнѣвалась и твердо вѣрила, уповая на Бога. Она горячо молилась за раба Божія Андрея, и Пушкаревъ, разъ задремавшій ночью въ креслахъ, увидѣлъ, проснувшись, какъ она стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ и кладетъ земные поклоны. Она молилась такъ, какъ молятся только любящія женщины, и нѣмой свидѣтель этой молитвы, Петръ Пушкаревъ, былъ до того тронутъ ея горячей, пылкой вѣрой, что, самъ невѣрующій, невольно перекрестился и прошепталъ молитву, пришедшую ему на память съ дѣтства.

Къ утру Азарьевъ, бывшій болѣе недѣли въ забытьѣ, очнулся; онъ узналъ товарища и протянулъ ему руку. Пушкаревъ усиленно заморгалъ, Ириша подошла къ кровати, но когда больной и ей улыбнулся, сердце дѣвушки, переполненное радостью, не выдержало, она зарыдала и выбѣжала изъ комнаты.

Радость была всеобщая: радовалась Амалія Ивановна, умоляя, чтобы Азарьеву давали ея чудодѣйственныя капли, отъ которыхъ онъ долженъ черезъ два дня выздоровѣть; радовался Иванъ Ардальонычъ, пришедшій пожать руку больному; радовалась и толстая Матрена, которая, увидѣвъ чрезъ пріотворенную дверь, какъ умиравшій баринъ сидитъ на постели и кушаетъ бульонъ, сваренный ею, вдругъ такъ завыла, что ее выпроводили въ кухню.

О Пушкаревѣ и Иришѣ и говорить было нечего, они просто сіяли и встрѣтившись въ коридорѣ одни, радостно обнялись. За время болѣзни Азарьева они еще болѣе сблизились и Пушкаревъ совсѣмъ влюбился въ молоденькую горничную. Онъ ревновалъ ее къ больному, хотя понималъ самъ, что это глупо, но ревность не слушаетъ разсудка, и чѣмъ болѣе Ириша ухаживала за оживающимъ съ каждымъ днемъ больнымъ, тѣмъ болѣе Пушкаревъ ревновалъ ее. Онъ такъ привыкъ къ ней за время болѣзни Азарьева, что тосковалъ, когда ея не видѣлъ, и разъ какъ-то, пробывъ дома цѣлыя сутки по спѣшному дѣлу, до того соскучился, что бросилъ все и убѣжалъ къ Азарьеву.

Встрѣтивъ Иришу въ передней, онъ сталъ цѣловать ей руки, и чуть не заплакалъ отъ радости, когда она, вырвавъ руки, сама обняла его.

— Золотая ты моя, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ:—если бы ты знала!

— Что? спросила простодушно Ириша.

— Заколдовала ты меня совсѣмъ, жить безъ тебя не могу, вотъ что, и онъ поспѣшно прошелъ въ комнату къ больному.

— Вотъ тебѣ и на,—засмѣялась ему вслѣдъ дѣвушка: — заколдовала! шутишь ты, добрый, хорошій баринъ.

Она сама привыкла къ нему, полюбивъ его, какъ брата, и, не подозрѣвая истины, смѣло отдавала ему его ласки.

Со своей стороны и Азарьевъ привязался къ Иришѣ, какъ больной къ своей сидѣлкѣ, какъ дитя къ нянѣ. Онъ привыкъ къ ней и тоже скучалъ, когда ея не видѣлъ. Толстую Матрену, все еще помогавшую въ хозяйствѣ, онъ терпѣть не могъ, сердился, когда она къ нему входила, и гналъ ее прочь. Что касается до Ириши, то, избавленная отъ тяжелыхъ работъ присутствіемъ Матрены, она выбѣлилась и выхолилась, и стала такая миленькая, что Азарьевъ сталъ называть ее своею куколкой и посылалъ ей вслѣдъ воздушные поцѣлуи, когда она выходила изъ комнаты. Нравственныя ея качества онъ тоже оцѣнилъ.

Какъ ни хранила Ириша въ тайнѣ свои финансовыя операціи съ хозяйкой, но онѣ все-таки всплыли наружу. Сама Амалія Ивановна проболталась. Пушкаревъ добылъ гдѣ-то денегъ и расплатился съ нею за больнаго товарища.

Нѣмка, не ожидавшая этого, пришла въ восторгъ и

выболтала все, что у нея было на душѣ; она разсказала, стараясь выставить и собственное великодушіе, какъ она была поставлена въ безвыходное положеніе тяжелою болѣзнью жильца, какъ у нея, у бѣдной вдовы, не было ни гроша денегъ, а лѣченіе стоило дорого; конечно, она могла отправить больнаго въ госпиталь; но не рѣшалась на это, такъ жаль ей было бѣднаго Андрея Александровича. Но тутъ явилась на помощь Ириша и выручила всѣхъ изъ бѣды.

Пушкаревъ пришелъ въ телячій восторгъ и разсказалъ все Андрею.

— Послушай, сталъ совѣтоваться съ нимъ Азарьевъ:— какъ ты думаешь, надо вознаградить чѣмъ-нибудь эту добрую дѣвушку; вѣдь безъ нея меня въ самомъ дѣлѣ стащили-бы въ больницу и я бы подохъ тамъ, пожалуй.

— Что-жъ, вознагради.

— Вотъ кстати, продолжалъ Азарьевъ: — мнѣ сегодня и деньги прислали изъ деревни; ты писалъ туда о моей болѣзни, ну, онѣ и переполошились. Теперь, другъ, я могу съ тобой расплатиться, да и ей подарить что-нибудь, а, какъ ты думаешь?

Пушкаревъ вспыхнулъ.

— Что-жъ ты и мнѣ не предложишь подарка? Вѣдь я тоже ходилъ за тобой.

— Перестань дурить, сказалъ Азарьевъ:—я говорю серьезно; сколько дать ей, какъ ты думаешь?

Но собесѣдникъ его вскочилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ.

— Отдай ей все, что у тебя есть и что когда-либо будетъ, и ты не расплатишься съ ней.

Азарьевъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ,—продолжалъ горячиться Пушкаревъ,—знаешь, что сдѣлалъ?

— Ну, что?

— Я бы бросился передъ ней на колѣни и сталъ цѣловать ея руки, она бы и знала, что ты ее понялъ и оцѣнилъ.

— Ну, ужъ ты заврался,—отвѣчалъ, улыбнувшись, Азарьевъ:—становиться на колѣни передъ горничной.

— Молчи, молчи!—закричалъ на него Пушкаревъ:—неужели, послѣ всего, что было, ты не можешь забыть горничную и признать въ ней человѣка?

— Да я призналъ давно, но что изъ этого? Какой прокъ? Она бѣдная дѣвушка, живетъ своимъ трудомъ и, можетъ быть, ей денежная помощь важнѣе моего признанія.

— Можетъ быть, попробуй предложить ей.

На томъ разговоръ и кончился. Пушкаревъ ушелъ разсерженный къ старику Фирсову.

„Фантазеръ невозможный, подумалъ Азарьевъ, а чудесный человѣкъ“.

— Баринъ неисправимый, отозвался о немъ съ своей стороны Пушкаревъ.—Отчего онъ мнѣ денегъ не предлагаетъ за мои заботы о немъ? Вѣдь я тоже бѣдный. Нѣтъ, тутъ предразсудки касты, въ кровь вошедшіе, ихъ ничѣмъ не выкуришь.

И онъ сталъ горячо проповѣдывать противъ кастъ и предразсудковъ почтенному Ивану Ардальонычу, который, однако, не во всемъ съ нимъ согласился. Онъ находилъ,

напримѣръ, что Ириша безсребренница, но тѣмъ не менѣе дѣвушка бѣдная, и денежная помощь ей не лишняя.

Для Ириши настали счастливые дни. Дорогой ея баринъ видимо поправлялся, но его не выпускали еще изъ комнаты, и онъ принадлежалъ ей всецѣло.

Азарьевъ былъ ласковъ съ ней, какъ никогда, называлъ ее душечкой, куколкой, милой няней и все просилъ, чтобъ няня посидѣла съ нимъ. Должно быть уроки пріятеля подѣйствовали, или ужъ скука одолѣла сидѣть одному, но только воскресшій больной былъ милъ до нельзя. Денегъ онъ ей не предлагалъ, а подарилъ красивыя сережки, которыя просилъ носить на память о немъ. Ириша надѣла сережки и больше не снимала ихъ.

Но всякому счастью положенъ предѣлъ.

Азарьевъ соскучился, наконецъ, сидѣть съ няней и сталъ жаждать другаго общества. Сначала его навѣщали Пушкаревъ, Амалія Ивановна и старикъ Фирсовъ, но мало-по-малу стали появляться и другіе друзья. Бронниковъ съ компаніей приходилъ чаще всѣхъ. Они играли съ больнымъ въ карты и часто засиживались за полночь. За это Ириша страшно злилась на нихъ, боясь, какъ-бы второй ея Ваня не утомился и не захворалъ опять. Но дѣлать было нечего, приходилось терпѣть и изъ няни попасть опять въ горничную, а изъ душечки, въ Иришу.

Наконецъ появилась и еще гостья: молодая дама, такая нарядная и красивая, что горничная совсѣмъ растерялась, увидавъ ее. Дама была, какъ оказалось, дальняя родственница Азарьевыхъ и нѣсколько разъ пріѣзжала къ Андрею, какъ она его называла, освѣдомиться

о его здоровьѣ. Всякій разъ послѣ нея оставался острый запахъ духовъ, который страшно мучилъ Иришу. Ей казалось, что это и есть ея главная соперница, и что Андрей влюбленъ въ нее страстно. Она узнала тоже муки ревности, дотолѣ ей невѣдомыя, и еще болѣе полюбила своего втораго Ваню, какъ она стала мысленно называть Андрея Азарьева послѣ его болѣзни.

Но Ваня начиналъ выходить изъ-подъ ея опеки; ему дозволено было гулять и онъ сначала только гулялъ или катался, но потомъ сталъ ѣздить въ гости; а въ одинъ прекрасный день вдругъ объявилъ ей, что не будетъ обѣдать дома. Няня перепугалась.

— Что вы, Христосъ съ вами, устанете, простудитесь и опять сляжете.

— Не бойся, цѣлъ буду, а если и слягу, такъ не бѣда, ты опять выходишь.

Онъ уѣхалъ, и Ириша была цѣлый день какъ на иголкахъ.

Ну, какъ опять захвораетъ?

Чтожъ, шевельнулось у нея въ самомъ тайникѣ души, опять будетъ мой, опять стану поить его съ ложечки, укладывать спать и цѣловать его руки, когда онъ забудется. Она знала, что это грѣховныя мысли, но не могла отъ нихъ отдѣлаться, покуда не вернулся домой Азарьевъ и не убѣдилъ ея веселымъ смѣхомъ, что онъ остался цѣлъ и невредимъ.

VI.

Наступила весна и близилось лѣто. Доктора гнали Азарьева изъ города, и было рѣшено, что онъ поѣдетъ къ матери въ деревню; Пушкаревъ вызвался проводить его.

Одновременно съ такими планами возникъ вопросъ о комнатѣ, занимаемой Азарьевымъ, что съ нею дѣлать? оставить ли за собою, или отказаться отъ нея на лѣто, съ рискомъ не получить обратно осенью? Но вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ Андреемъ Александровичемъ по барски; онъ былъ выше мелкихъ меркантильныхъ разсчетовъ и, не желая быть неблагодарнымъ передъ людьми, оказавшими ему дружбу и теплое участіе во время тяжкой его болѣзни, объявилъ, что оставляетъ комнату за собою, и просилъ только Амалію Ивановну обождать уплаты всѣхъ денегъ до осени, когда онъ вернется изъ деревни: на это она охотно согласилась, имѣя въ виду, что комната и безъ того лѣтомъ останется пустою.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ рѣшено было, что жилецъ все-таки оставитъ небольшую сумму денегъ въ видѣ залога и свои вещи, ненужныя въ дорогу, на что Азарьевъ съ своей стороны согласился.

Какъ хорошо выѣхать въ концѣ мая изъ душнаго города и, оставивъ не менѣе душный вагонъ, очутиться на свѣжемъ воздухѣ среди полей и лѣсовъ. Удовольствіе это испытали наши пріятели, доѣхавъ до одной изъ большихъ станцій К... желѣзной дороги, откуда путь лежалъ на лошадяхъ до усадьбы Азарьевыхъ.

На станцію имъ былъ высланъ фаетонъ, запряженный четверкой, чему Азарьевъ очень обрадовался. Но, сѣвъ въ экипажъ и отъѣхавъ немного, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что не все обстоитъ благополучно: фаетонъ былъ сильно потертъ и довольно тряскій, кучеръ сидѣлъ на козлахъ неумѣлый, онъ безпрестанно дергалъ возжами и махалъ кнутомъ; очевидно, онъ былъ не только кучеромъ, но и садовникомъ, кухоннымъ мужикомъ и проч., словомъ соединялъ въ себѣ нѣсколько спеціальностей, а не одну только. Лошадки были сытенькія, но разношерстныя и пузатенькія,—онѣ, вѣроятно, тоже возили воду и воеводу.

Вообще по образчику экипажа, конечно, самаго лучшаго, высланнаго на встрѣчу дорогимъ гостямъ, можно было заключить, что конюшенная часть не въ блестящемъ видѣ въ Старомъ Меденцѣ, имѣніи Азарьевыхъ, но молодой баринъ рѣшилъ, что онъ все это приведетъ въ порядокъ за лѣто.

Впрочемъ, досадное впечатлѣніе, произведенное экипажемъ, скоро прошло; день былъ чудесный, воздухъ упоительный и мѣста по дорогѣ все знакомыя, родныя.

— Вонъ, Петя, смотри направо, Кудино озеро,—воскликнулъ Азарьевъ:—а вотъ сейчасъ на берегу будетъ усадьба старухи Панфиловой. Жива ли она, спросилъ онъ у кучера.

— Померла, отвѣчалъ кучеръ:—въ Петровки будетъ годъ.

— Царство ей Небесное. А помнишь, Петя, какъ мы съ тобой на Кудинѣ озерѣ рыбу ловили и чуть не потонули, опрокинувъ лодку?

— Какъ же, помню,—отвѣчалъ Пушкаревъ:—рыбаки подхватили, а то-бы шабашъ!

— Да вотъ поди ты,—сказалъ Азарьевъ:—оба потонули бы!

— И лучше, если бы потонули.

— Пошелъ къ чорту, я жить хочу, смотри, какъ славно здѣсь.

— Да, хорошо, а въ городѣ теперь сунься-ка.

— Смотри, смотри,—воскликнулъ опять Азарьевъ:—сейчасъ „Заборье“.

И дѣйствительно, только они выѣхали изъ лѣса, вдали показался погостъ, называемый Заборье. Церковь построена была на горѣ и блестѣла, золотымъ куполомъ на солнцѣ. Подъѣхавъ къ ней, наши путники вышли изъ экипажа. Здѣсь было сельское кладбище, на которомъ похоронены отецъ Азарьева и вся семья Пушкаревыхъ. Поклонившись праху родителей и полюбовавшись на чудный далекій видъ съ горы, они отправились далѣе и, проѣхавъ еще версты четыре, увидали хорошо знакомыя имъ три березы, откуда дорога раздѣлялась на-двое и видны были обѣ усадьбы Азарьевыхъ и Пушкаревыхъ.

Здѣсь встрѣтила ихъ сестра Лариса; они бросились къ ней и обнялись. Оставалось всего полверсты до Стараго Меденца, и всѣ пошли пѣшкомъ, отправивъ экипажъ впередъ.

Лариса была высокая, стройная дѣвушка, красивая, какъ всѣ Азарьевы, но уже съ просѣдью въ черныхъ густыхъ волосахъ и съ лицомъ, на которомъ виднѣлись двѣ-три морщины, плоды тяжелыхъ пережитыхъ ею дней. Когда они подошли къ саду, изъ калитки вышли двѣ

старушки: мать и няня Андрея Азарьева; мать такъ и захлебнулась слезами, когда сынъ бросился цѣловать ей руки, и, пошатнувшись, упала бы, если бы ея не поддержали. Няня тоже проливала слезы и съ ней также обнялся Андрей.

Веселые дни настали въ ожившей старой усадьбѣ; сынъ не былъ дома болѣе двухъ лѣтъ, возмужалъ и похорошѣлъ за это время, и мать не могла на него налюбоваться. Набожная старушка всегда грѣшила противъ второй заповѣди и творила себѣ кумира изъ Андрюши. Сестра также любила его, но относилась къ нему болѣе критически и видѣла въ немъ многіе недостатки, которые страшили ее въ будущемъ.

Пушкарева приглашали остаться жить въ Меденцѣ, такъ какъ онъ осиротѣлъ совсѣмъ два года тому назадъ и усадьба его была пуста; но онъ отказался, боясь обидѣть старую ключницу, ожидавшую его съ нетерпѣніемъ домой.

— Все равно будемъ каждый день видѣться,—сказалъ онъ, прощаясь уже ночью съ сосѣдями:—недалеко.

И дѣйствительно, было недалеко.

На другой сторонѣ озера, въ полу-верстѣ не болѣе, виднѣлась усадьба Пушкаревыхъ, называемая „Новый Меденецъ“ и принадлежавшая нынѣ всецѣло Петру Михайловичу, за смертію всѣхъ его родныхъ. Наслѣдіе, впрочемъ, было небольшое: оно состояло изъ 200 десятинъ земли и стараго дома, гдѣ жили ключница Ѳекла и мужъ ея Агафонъ, бывшій садовникъ, а нынѣ управляющій, онъ же и кучеръ, и поваръ, и кузнецъ—словомъ, все, что было нужно и что только требовалось.

Имѣніе это не приносило никакого дохода, и если бы не мельница, сданная въ аренду, то пришлось бы заколотить домъ и продать землю за что попало, такъ какъ нечѣмъ было бы уплачивать повинности и содержать Ѳеклу съ Агафономъ.

Тѣмъ не менѣе, Пушкаревъ былъ счастливъ, очутившись въ родномъ гнѣздѣ, расхаживалъ по пустымъ комнатамъ, вспоминая умершихъ, а главное, наслаждался въ старомъ тѣнистомъ саду, спускавшемся къ озеру; тамъ онъ выбиралъ какое-нибудь укромное мѣсто, ложился на спину и глядѣлъ сквозь листья высокихъ деревъ на облака, бѣгущія мимо.

Онъ очень любилъ такое препровожденіе времени и часто засыпалъ лежа на травѣ и мечтая о будущемъ. У Азарьевыхъ онъ бывалъ каждый день, обѣдалъ у нихъ и проводилъ вечера, бесѣдуя съ Ларисой. Онъ сразу подчинился опять ея вліянію, какъ только ее увидѣлъ. Онъ не былъ влюбленъ въ нее, какъ дразнилъ его Азарьевъ; между ними было десять лѣтъ разницы, но боготворилъ ее, какъ старшую сестру, и радъ былъ, въ своемъ сиротствѣ, что было кого любить на свѣтѣ.

Азарьевъ съ перваго дня своего пріѣзда предался самой кипучей дѣятельности. Сестра приготовила ему сюрпризъ, обрадовавшій его, какъ ребенка: верховую лошадь, купленную у раззорившагося сосѣда помѣщика.

На этомъ, не молодомъ уже, но еще добромъ конѣ Андрей сталъ объѣзжать свои владѣнія: обширный паркъ, примыкавшій къ дому, поля, лѣса и все хозяйство. Онъ нашелъ все въ порядкѣ и тотчасъ же сошелся съ лѣсникомъ, бывшимъ главнымъ охотникомъ еще при покойномъ

баринѣ. Дичи было пропасть въ окрестностяхъ и охотничьи бесѣды нескончаемы. У лѣсника Леонтія былъ старый лягашъ, который могъ служить по нуждѣ на птичью охоту, но на звѣриную не было ни одной собаки, и Андрей поручилъ лѣснику пріискать ему свору гончихъ.

— Господи! куда это все дѣвалось, вздыхалъ онъ, вспоминая, какая была охота при отцѣ, какія гончія, борзыя, и доѣзжачіе даже, въ красныхъ кафтанахъ.

— Было, да сплыло, сударь,—отвѣчалъ лѣсникъ,—теперь не то что собаки, коня добраго не найдешь во всей конюшнѣ, окромя вашего верховаго, однѣ крысы, что, подъ экипажъ господскій, что подъ борону—все одно.

Леонтій былъ пессимистъ и критически относился къ новымъ порядкамъ.

— Ужо, погоди, утѣшалъ его молодой баринъ, я все это исправлю.

И онъ сталъ мечтать о томъ, какъ онъ займется самъ хозяйствомъ и быстро возстановитъ прежніе доходы и прежніе порядки. Онъ даже говорилъ объ этомъ съ сестрой Ларисой и упрекалъ ее въ томъ, что въ ихъ деревенской жизни слишкомъ мало обращено вниманія на внѣшнюю обстановку.

— Не на что, другъ мой,—отвѣчала Лариса,—и то концы съ концами еле сводимъ.

— Да, конечно, но во всемъ есть предѣлъ; экипажъ, напримѣръ, надо имѣть приличный.

— Чѣмъ же у насъ неприличный? наши савраски славно бѣгутъ, даже обгоняютъ другихъ.

— Ну, поди пожалуйста. Живете вы также Богъ

знаетъ гдѣ, домъ большой, барскій, стоитъ возлѣ пустой, а вы во флигелѣ помѣщаетесь.

— Намъ, Андрюша, большаго дома не отопить, сажень слишкомъ въ день дровъ нужна. Да и чѣмъ же худо у насъ во флигелѣ: просторно, чисто, намъ съ мамой и того много; а воздухъ какой? она распахнула окно въ садъ, гдѣ подъ окнами цвѣли густые сирени и разведенъ былъ цвѣтникъ, наполнявшій воздухъ благоуханіемъ.

— Эхъ, голубчикъ, за всѣмъ не угонишься, а мы для тебя же хлопочемъ, чтобы имѣніе очистить отъ долговъ и тебѣ со временемъ было чѣмъ жить.

Андрей ничего не могъ возразить противъ такой логики, но находилъ, все-таки, что экипажъ надо имѣть приличный, все равно какъ платье, чтобы не возить за собою на показъ людямъ свою нужду.

Во флигелѣ, предназначавшемся прежде для гостей и гдѣ нынѣ жила семья Азарьевыхъ, было дѣйствительно очень хорошо, въ особенности лѣтомъ; только параду въ немъ не было, а это-то и мучило Андрея, описывавшаго въ Петербургѣ свое родное гнѣздо волшебнымъ замкомъ. Онъ даже звалъ къ себѣ въ гости Бронникова и другихъ пріятелей, а Фани, ихъ родственница, такъ сильно душившаяся, положительно обѣщала пріѣхать, такъ какъ должна была лѣтомъ гостить у дяди, одного изъ дальнихъ сосѣдей Азарьева.

Во всей обстановкѣ нынѣшней ихъ жизни въ деревнѣ, одинъ кто утѣшалъ молодаго барина и вполнѣ сочувствовалъ ему, былъ старый дворецкій, Потапычъ, сѣдой, какъ лунь, всегда гладко выбритый, въ бѣломъ галстухѣ и одѣтый въ ливрею, съ блестящими пуговицами; онъ былъ

то, что называется вполнѣ correct, какъ по наружному виду, такъ и по убѣжденіямъ и одинъ поддерживалъ въ домѣ, на сколько могъ, традиціи прошлаго.

— Теперь что,—говорилъ онъ, раздѣвая и одѣвая молодаго барина, право, которое онъ считалъ священнымъ и которое не уступилъ бы никому: — теперь людей не стало: кучеръ на козлахъ сидѣть не умѣетъ, лакей мужикомъ выглядитъ, а о женской прислугѣ и говорить нечего, какъ есть одна шваль, и онъ глубоко вздохнулъ.

— Да-съ, — продолжалъ онъ, подавая сапоги барину,—былъ бы живъ покойный генералъ, царство ему небесное, онъ бы задалъ имъ, всѣхъ бы на конюшнѣ перепоролъ.

— Теперь ужъ не тѣ времена, Потапычъ,—утѣшалъ его Андрей Александровичъ: — теперь и покойникъ батюшка ничего бы не подѣлалъ.

— То-то и худо, сударь, жили мы за господами, какъ у Христа за пазухой, и мужикъ зналъ свое мѣсто, и баринъ, а тутъ вдругъ воля, ну, и оголдѣли всѣ, пьянство пошло, дерзость, неповиновеніе и обнищалъ народъ чуть не до рубашки.

Потапычъ былъ закоснѣлымъ крѣпостникомъ и забылъ совсѣмъ, что новые порядки начались за долго еще до смерти стараго барина, который не имъ однимъ, а и себѣ самому былъ обязанъ обѣдненіемъ стариннаго рода Азарьевыхъ.

— Какъ жаль мнѣ брата, говорила Лариса Пушкареву на одной изъ частыхъ прогулокъ, которыя они совершали вмѣстѣ.

Пушкаревъ посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Да,—продолжала она,—я думала, что изъ него выйдетъ человѣкъ, и кажется, ошиблась.

— Рано еще такое сужденіе,—возразилъ Пушкаревъ:—онъ слишкомъ молодъ и мало испыталъ въ жизни, только горе вырабатываетъ человѣка.

— Правда, но въ немъ есть такіе задатки, которые обѣщаютъ мало хорошаго: тщеславіе, барство, стремленіе къ роскоши.

— Какъ много людей съ такими недостатками, не только у насъ, но вездѣ.

— Да, но у насъ они своеобразны: русскій баричъ, это чисто національное произведеніе, все равно какъ дуга съ колокольчиками, какъ тройка съ бубенчиками.

— Или, какъ квасъ съ капустой и щи съ кашей, продолжалъ за нее Пушкаревъ.

Лариса засмѣялась.

— Да,—сказала она, — все это было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно.

— О чемъ грустить, мой другъ (Пушкаревъ былъ съ ней на ты, и она называла его Петей),—его жизнь впереди, и повѣрь мнѣ, люди съ такими взглядами, какъ Андрей, счастливѣе насъ съ тобою.

— Можетъ быть, но меня страшитъ его будущность; много еще надо времени и труда, чтобы освободить наше имѣніе отъ всѣхъ этихъ долговъ и кредиторовъ, въ особенности, при тратахъ брата въ Петербургѣ; а протяну-ли я долго, Богъ знаетъ! О мамѣ и говорить нечего, она плоха совсѣмъ и слабѣетъ съ каждымъ днемъ.

— Ты проживешь долго,—сказалъ Пушкаревъ, взявъ ее за руку,—потому что намъ всѣмъ нужна.

— Петя, — сказала Лариса въ волненіи, — ты не знаешь, у меня порокъ сердца, и я могу умереть каждую минуту.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Докторъ, я ѣздила нарочно въ городъ поговорить съ нимъ, мнѣ было такъ худо зимою.

— Боже мой!—воскликнулъ Пушкаревъ, — и ты не написала.

— Что-жъ писать, вѣдь не поможешь. Петя,—продолжала она послѣ минутнаго молчанія, — если я умру, ты не оставь Андрюши, вѣдь ты тоже его любишь?

— Люблю,—отвѣчалъ Пушкаревъ,— кого же мнѣ и любить, кромѣ васъ всѣхъ?

— Да, если я не проживу еще нѣсколько лѣтъ, у Андрюши ни гроша не останется, имѣніе продадутъ съ молотка, а онъ самъ ничего не заработаетъ; какъ ты думаешь, вѣдь онъ не способенъ на устойчивый трудъ?

— Мало, но вѣдь кромѣ труда есть и другія средства къ жизни: счастіе, напримѣръ, удача, богатая жена; онъ такъ красивъ.

— Какая гадость!—воскликнула съ негодованіемъ его собесѣдница,—и ты мнѣ это говоришь, ты рыцарь чести.

— Постой, — перебилъ ее Пушкаревъ,—не горячись, я вѣдь не говорю, что это будетъ, я говорю только, что часто бываетъ въ жизни.

— Сто разъ лучше умереть, чѣмъ жить такими средствами.

— О, идеалистка неисправимая,—сказалъ, улыбаясь, Пушкаревъ: — не даромъ говорятъ, что я твой ученикъ. Да,—повторилъ онъ: — я твой ученикъ и всѣмъ, что во мнѣ есть лучшаго, я тебѣ обязанъ.

— Ладно, оставимъ это и повторимъ объ Андрюшѣ. Неужели гимназія, университетъ и то воспитаніе, которое я старалась дать ему, не спасли его отъ общей заразы?

— Какой заразы?

— Какой, и ты спрашиваешь. Эгоизма современной молодежи, полнаго равнодушія къ вопросамъ общественнымъ и къ нуждамъ народа.

— Не всѣ же такіе, Лариса.

— Не всѣ, конечно; вотъ ты, напримѣръ, у меня умникъ, за то и люблю тебя, и она погладила его по жесткимъ волосамъ.

— Твой ученикъ.

— Ну, пускай, мой, а все-таки хорошій.

Они сидѣли на скамейкѣ въ паркѣ, въ тѣнистой аллеѣ. Въ это время послышался конскій топотъ и къ нимъ выѣхалъ Андрей, красиво сидѣвшій на своемъ борзомъ конѣ.

— А, счастливая парочка,—воскликнулъ онъ, смѣясь,—откуда и куда?

— Мы изъ дому, а идемъ въ деревню къ больному,—отвѣчала Лариса:—пойдемъ съ нами.

— Спасибо, пѣшій конному не товарищъ, да и воняетъ въ вашихъ избахъ кислымъ, мочи нѣтъ.

Онъ тронулъ хлыстомъ согнутую подъ мундштукомъ шею лошади и скрылся изъ виду.

— Кислымъ воняетъ!—повторила съ грустью Лариса,—вотъ онъ каковъ, больше ничего не видитъ въ бѣдной избѣ, гдѣ живутъ такіе-же, какъ и онъ, люди; Петя, голубчикъ, неужели ты его вразумить не можешь?

послѣднія слова она произнесла съ какимъ-то отчаяніемъ, встала и пошла къ выходу изъ парка. Петя пошелъ за ней, неся въ рукахъ корзину съ разной провизіей и лѣкарствами.

Такъ странствовали они вмѣстѣ много лѣтъ тому назадъ, когда Петя былъ еще ребенкомъ, такъ ходили и теперь по окрестнымъ деревнямъ и селамъ, обходя больныхъ и бѣдныхъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Азарьевыхъ. Тамъ всѣ ихъ знали, въ особенности Ларису, встрѣчали дома, какъ родныхъ, а на улицѣ мужики, завидѣвъ издали, снимали шапки и низко кланялись, а бабы подходили и лобызались съ голубушкой, барышней Ларисой Александровной.

Лѣто еще было въ полной красѣ своей, а Азарьевъ уже началъ скучать въ деревнѣ. Ежедневныя забавы его: верховая ѣзда и охота наскучили ему; онъ сталъ думать о городѣ и его увеселеніяхъ; Аркадія, Ливадія, ужины въ Самаркандѣ живо представлялись ему, въ веселой компаніи, а описанія въ газетахъ разныхъ новыхъ примадоннъ и французскихъ оперетокъ только разжигали его воображеніе и усиливали тоску деревенской жизни. Сосѣдей было мало, да и тѣ очень скучные. Отцовскую библіотеку и книги сестры Андрей быстро перебралъ и не нашелъ въ нихъ ничего для себя интереснаго; тогда онъ взялся за свой заброшенный романъ, случайно попавшій въ его дорожный сундукъ, и попробовалъ писать. Неожиданно дѣло пошло на ладъ, онъ увлекся имъ и быстро окончилъ романъ. Онъ самъ удивился такому результату; хандры его какъ не бывало и онъ забылъ о городѣ и его шумныхъ забавахъ.

Узнавъ о романѣ, Лариса пришла въ неописанную радость, потребовала, чтобы Андрей прочелъ ей свое сочиненіе, и похвалила его; романъ былъ бойко задуманъ, доказывалъ въ авторѣ извѣстный талантъ, и нѣкоторыя сцены оказались живо и недурно написанными. Лариса ликовала, ея Андрюша писатель, все сказано этимъ словомъ и будущее представлялось ей въ розовомъ цвѣтѣ. Но требовалось еще много труда, чтобы отдѣлать написанное, исправить то, что было ошибочно или набросано только въ чернѣ, и на этотъ трудъ она и разсчитывала главнымъ образомъ, какъ на возрожденіе нравственныхъ силъ брата. Не надѣясь на себя, она обратилась къ Пушкареву, присутствовавшему при чтеніи, и спросила его наединѣ, что онъ думаетъ о сочиненіи брата?

— Ничего, не дурно, отвѣчалъ Пушкаревъ:—я даже не ожидалъ отъ него такой прыти, но зелено еще и требуетъ большой разработки.

Лариса взяла съ Андрея слово, что онъ займется зимою своимъ романомъ, отдѣлаетъ его на сколько сможетъ и привезетъ опять на слѣдующее лѣто въ деревню на окончательное обсужденіе, прежде чѣмъ отдать въ печать.

Приведено-ли было это обѣщаніе въ исполненіе и появилось-ли произведеніе Азарьева въ печати, намъ неизвѣстно, но Лариса возлагала большія надежды на этотъ романъ и всю зиму вела о немъ дѣятельную переписку съ братомъ.

VII.

Былъ сентябрь въ исходѣ; наши друзья уже давно вернулись изъ деревни и жили на прежнихъ квартирахъ. Азарьевъ поправился совершенно, пополнѣлъ, загорѣлъ и отъ прежней его болѣзни не осталось и слѣда.

Онъ еще не принимался за свой романъ и все собирался съ силами. Въ деревнѣ онъ все-таки много поскучалъ и надо было развлечься въ городѣ, вознаградить себя за тѣ темные, тоскливые вечера, которые ему пришлось проводить въ Старомъ Меденцѣ. Онъ и вознаграждалъ себя на всѣ лады: Бронниковъ и комп., обѣды у Дононъ, французскій театръ, кузина Фани и проч. Но ко всѣмъ этимъ развлеченіямъ прибавилось еще новое „карты“, не игравшія до сихъ поръ роли въ его жизни. Онъ игралъ, какъ всѣ, въ винтъ, въ пикетъ по маленькой, но отъ азартныхъ игръ постоянно отказывался. Разъ какъ-то послѣ хорошаго обѣда Бронниковъ, его злой геній, сманилъ его перекинуть въ банкъ, шутя, по маленькой. Но шутка скоро обратилась въ серьезную игру, пошли большія ставки, и Азарьевъ, какъ часто бываетъ съ новичками, выигралъ въ этотъ вечеръ крупную сумму. Съ тѣхъ поръ его потянуло неудержимо къ зеленому полю. Онъ сошелся, при помощи Бронникова, съ настоящими игроками и проводилъ ночи за картами. Игралъ онъ съ перемѣннымъ счастіемъ, но все больше выигрывалъ, и скоро у него образовался денежный фондъ, который позволилъ ему сильно возвысить игру.

Азарьевъ совсѣмъ ошалѣлъ, сталъ сорить деньгами

направо и налѣво, почти не жилъ дома и удивлялся одному, какъ прежде не пришла ему въ голову мысль попробовать счастья на зеленомъ полѣ, такъ легко и быстро выпутавшаго его изъ всѣхъ прежнихъ денежныхъ заботъ. Къ этому времени его повысили и по службѣ, дали штатное мѣсто, и нашъ Андрей Александровичъ поплылъ на всѣхъ парусахъ.

Въ числѣ домовъ, куда ввелъ его Бронниковъ, былъ одинъ, который они посѣщали чаще другихъ потому, что онъ казался имъ всѣхъ приличнѣе.

Хозяинъ былъ офицеръ, служившій адъютантомъ въ одномъ изъ военныхъ штабовъ, очень милый и добродушный малый. Онъ имѣлъ хорошее состояніе, но проигралъ его въ карты; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ игру, надѣясь отыграться или получить наслѣдство отъ дяди, который былъ очень старъ и дышалъ на ладонъ. Фамилія этого офицера была Румянцевъ, и хотя онъ не былъ потомкомъ знаменитаго Румянцева, но имѣлъ хорошія связи и вертѣлся въ свѣтскомъ кругу. Изъ этого круга и выбирались главнымъ образомъ посѣтители его вечеровъ, куда гости допускались съ большимъ выборомъ и только по надежной рекомендаціи.

Вечера начинались обыкновенно со скромныхъ игръ, въ винтъ, въ шахматы, на билліардѣ и только послѣ ужина допускались болѣе интересныя забавы, какъ, напримѣръ: штосъ, ланскнехтъ и тому подобныя. Игроки по профессіи въ домъ Румянцева не допускались, игра велась безукоризненно честная и только на наличныя деньги. Въ крайнихъ случаяхъ допускался кредитъ, но не болѣе какъ на 24 часа, и не уплатившій въ срокъ

подвергался остракизму, т. е. исключался изъ числа играющихъ. Вообще на вечерахъ у Румянцева были введены строгія правила чести, для отличія его дома отъ игорнаго и успокоенія совѣсти гостей и самого хозяина.

Вотъ на этихъ-то вечерахъ и подвизался Андрей Азарьевъ, съ рѣдкимъ успѣхомъ, породившимъ много завистниковъ. Онъ думалъ, что долго такъ будетъ, и мечталъ уже о томъ, что выиграетъ состояніе, подобно другимъ счастливцамъ, о которыхъ слышалъ разсказы въ ихъ кругу. Счастливый игрокъ твердо вѣруетъ въ свою звѣзду и поколебать эту вѣру такъ-же трудно, какъ вѣру идолопоклонника въ своего фетиша.

Увлеченный новымъ счастьемъ, Азарьевъ совсѣмъ забылъ о своихъ старыхъ друзьяхъ, въ томъ числѣ и о герояхъ своего романа, которые спали мертвымъ сномъ, упакованные въ толстую папку.

Но живые друзья не спали и оплакивали его, какъ погибшаго. Въ особенности горевала Ириша. Стосковавшись до смерти за лѣто, она надѣялась вознаградить себя осенью, когда милый баринъ ея вернется изъ деревни. Но баринъ совсѣмъ отбился отъ рукъ, забылъ свою няню и пропадалъ съ утра до вечера изъ дому. Въ такомъ горѣ она обратилась къ Пушкареву, продолжавшему навѣщать ее и ласкавшему ее по прежнему.

— Что, голубушка,—говорилъ онъ, посмѣиваясь,— улетѣлъ твой соколикъ.

— Ужъ не говорите, — плакалась Ириша, — гдѣ пропадаетъ и Богъ вѣсть, съ утра ушелъ и до другаго утра не увидишь.

— Хочешь я скажу, гдѣ онъ пропадаетъ?

— Скажите.

— Что дашь?

— Что хотите.

— Ну, поцѣлуй.

— Извольте.

И она совершенно спокойно поцѣловала его.

— Ну, говорите теперь.

— Въ карты играетъ твой Андрей Александровичъ, каждую ночь въ банкъ рѣжется.

— Такъ вотъ отчего у него денегъ стало такъ много, сказала Ириша.

— А развѣ много? спросилъ Пушкаревъ.

— Страсть сколько! Всѣмъ заплатилъ: хозяйкѣ, въ лавки, въ булочную, новыхъ платьевъ себѣ нашилъ, бѣлья.

— А тебѣ не давалъ?

— Совалъ въ руку большую бумажку, да я не взяла.

— Напрасно.

— Мнѣ на что?

— Какъ на что, деньги всегда нужны; ему же дашь, когда попроситъ.

— А вотъ и неправда, ни разу не просилъ.

— Погоди еще, попроситъ, какъ продуется.

— А попроситъ, такъ дамъ.

Пушкаревъ потеръ себѣ лобъ и задумался.

— А долго это будетъ еще? спросила Ириша.

— Что будетъ?

— Да карты.

— Я почемъ знаю, вотъ погоди проиграется, къ тебѣ вернется.

— Зачѣмъ проигрывать, пущай деньги наживаетъ.

— Глупая ты! развѣ деньги, нажитыя въ карты, идутъ когда нибудь въ прокъ, это все равно что ограбленныя, изъ чужаго кармана.

— Вы зачѣмъ же ему не скажете?

— Что сказать-то?

— Чтобъ онъ не игралъ больше.

— Ты думаешь, онъ послушаетъ?

— А какъ же, если деньги-то ограбленныя, да изъ чужаго кармана.

— Ничего ты не понимаешь, сказалъ съ досадой Пушкаревъ, ты лучше брось о немъ думать.

Ириша замолчала.

— Да брось, повторилъ Пушкаревъ: — онъ баринъ и тебѣ не пара; вернись въ деревню, тамъ за мужика замужъ выйдешь, дѣти пойдутъ, работа, то-ли дѣло.

— Не къ кому мнѣ ѣхать въ деревню, возразила Ириша, никого у меня тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да такъ, отецъ, мать померли и Ваня тоже.

— Какой Ваня?

— Братишка у меня былъ, страсть я его любила, да померъ, вотъ я и осталась одна.

— А коли такъ, воскликнулъ Пушкаревъ, какъ будто разсердившись на что-то:—коли такъ, повторилъ онъ, забѣгавъ по комнатѣ въ волненіи, и вдругъ остановился передъ Иришей въ упоръ и выпалилъ ей подъ самое ухо.

— Выходи за меня замужъ, коли ты одна на свѣтѣ.

— Замужъ! повторила дѣвушка въ изумленіи.

— Да, за меня, я тоже сирота, будемъ жить вмѣстѣ.

— Шутишь ты, милый баринъ, ха, ха! и она громко захохотала.

— Чего ты смѣешься?

— Да вѣдь ты баринъ и тоже мнѣ не пара, самъ сказалъ. Ириша начала говорить ему ты, должно быть, для большаго вразумленія.

— Я баринъ, да не такой; я люблю тебя, и онъ хотѣлъ обнять ее, но она его оттолкнула.

— Шутишь, шутишь, повторила она, краснѣя, и пошла къ двери, но онъ схватилъ ее за руку.

— Постой, отвѣчай прежде, пойдешь за меня?

— Не пойду.

— Отчего?

— Не хочу, не любъ ты мнѣ.

Огорченный ея отказомъ, Пушкаревъ ушелъ домой, но цѣлый день, до глубокой ночи, размышлялъ о сдѣланномъ имъ серьезномъ шагѣ въ жизни. Онъ провѣрялъ себя и свои чувства къ Иришѣ и пришелъ къ сознанію, что рѣшился сдѣлать ее своею женою не подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, а согласно съ убѣжденіями и взглядами всей своей жизни.

Жениться на дѣвушкѣ изъ своего сословія онъ могъ бы только на Ларисѣ, но она десятью годами старше и никогда бы не пошла за него. Другихъ женщинъ изъ своего класса онъ мало зналъ и считалъ ихъ всѣхъ пустыми, тщеславными, куклами, а не живыми существами.

Онъ давно рѣшилъ, что если женится, то возьметъ себѣ жену изъ народа, и вотъ судьба столкнула его съ

дѣвушкой простой, безискусственной, съ горячимъ сердцемъ и самоотверженною душою. Правда, она любитъ другаго, но этотъ другой не достоинъ ея, и женитьба на ней равносильна спасенію ея отъ гибели. Пушкаревъ былъ убѣжденъ, что отказъ ея временной и что она согласится на его предложеніе, какъ только пойметъ всю пустоту и мелочность своего кумира. Бояться за будущее, за измѣну, онъ не могъ, вѣруя свято въ ея честную, правдивую душу.

Да, онъ женится на ней, и сдѣлаетъ ее царицей въ своемъ родномъ гнѣздѣ. Царство, конечно, небольшое, но тамъ они будутъ работать вмѣстѣ не только дома, но и въ полѣ, какъ простые мужики.

Онъ зналъ, что существуютъ опыты интеллигентныхъ людей, посвятившихъ себя такому труду, и что опыты эти оказались плодотворными. Онъ примкнетъ къ этимъ піонерамъ новой жизни и примѣнитъ къ труду науку.

Мечты эти до того воодушевили и заняли молодаго технолога-идеалиста, что онъ пробредилъ ими всю ночь, а утромъ написалъ длинное письмо своему другу Ларисѣ, въ которомъ изложилъ всѣ свои взгляды на жизнь и планы на будущее.

Онъ былъ увѣренъ, что Лариса приметъ тепло его подругу жизни, не смотря на то, что она родилась въ простой крестьянской избѣ и жила горничной въ столицѣ. Она повліяетъ и на нее на столько же благотворно, на сколько повліяла на него, бѣднаго мальчика, бывшаго въ дѣтствѣ ея ученикомъ. Письмо было вложено въ конвертъ и отправлено „заказнымъ“ въ деревню.

Отвѣта на него ждалъ съ нетерпѣніемъ его авторъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ квартиру Румянцева съѣзжались гости. Квартира была холостая, но просторная и роскошно убранная: вездѣ были ковры, зеркала и бронза; дорогія картины украшали стѣны; между ними были до того нескромныя, что завѣшивались зеленой тафтой, и лампа съ рефлекторомъ ярко освѣщала тафту, а не полотно, открывавшееся только для избранныхъ.

Хозяинъ принималъ гостей въ длинной столовой, гдѣ разливала чай нарядная и красивая горничная. Гости усаживались у стола, накрытаго бѣлоснѣжной скатертью, или расходились по другимъ комнатамъ, гдѣ уже составлялись партіи въ винтъ, въ билліардъ и шахматы, а пріютившись у окна, два старичка играли въ домино, повидимому, съ большимъ аппетитомъ. Все было обставлено крайне прилично въ домѣ Румянцева, и вечеръ казался обыкновеннымъ, какіе бываютъ въ холостой компаніи, безъ дамъ, но въ хорошемъ обществѣ. Только тѣ, которые оставались попозже, узнавали, въ чемъ суть дѣла и для чего собиралась вся эта честная компанія.

Послѣ ужина, всегда ранняго и обыкновенно скромнаго, хозяинъ вставалъ и любезно говорилъ своимъ гостямъ:

— А что, господа, не позабавиться-ли намъ на сонъ грядущій?

Гости изъявляли полное согласіе и валили гурьбой въ другія комнаты, гдѣ уже были приготовлены столы съ картами, мѣлками и прочимъ оружіемъ для предстоящаго горячаго сраженія, а на одномъ изъ столовъ красовалась рулетка, ярко освѣщенная висячей лампой.

Черезъ какіе-нибудь полчаса азартная игра была уже

въ полномъ разгарѣ; слышались возгласы, щелканіе рулетки, лица повытянулись и сбросили съ себя маски; одни были блѣдны, какъ полотно, другія красны, какъ ракъ, съ каплями пота на лбу.

Одинъ хозяинъ былъ невозмутимъ; онъ металъ банкъ и въ этотъ вечеръ крупно выигрывалъ, укладывая пачки бумажекъ въ карманъ или подъ тяжелый прессъ, лежавшій возлѣ него на столѣ. Къ нему подошелъ изящный молодой человѣкъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, только что пріѣхавшій съ бала. Онъ сказалъ „атанде“, вынулъ радужную бумажку и закрылъ ее картой.

Карту дали — онъ взялъ деньги и сталъ обходить другіе столы, гдѣ тоже метали банкъ; вездѣ онъ выигрывалъ и все удвоивалъ куши. Наконецъ, онъ вернулся къ столу хозяина и поставилъ на одну карту цѣлую пачку сотенныхъ.

— Сергѣй Ивановичъ, сказалъ улыбаясь Румянцевъ: — вы мой банкъ сорвете.

— Идетъ или нѣтъ? спросилъ мрачно понтеръ.

— Идетъ, отвѣчалъ банкометъ, убилъ карту и загребъ всѣ сотенныя.

Сергѣй Ивановичъ отошелъ отъ стола и сѣлъ на диванъ въ той-же комнатѣ. Къ нему подошелъ лакей съ подносомъ, онъ выпилъ залпомъ большой стаканъ вина и вздохнулъ глубоко. Увы, его первая радужная, поставленная на карту, была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею, болѣе не было ни гроша ни въ карманахъ, ни дома; а на завтра предстоялъ платежъ по векселю, крупному векселю у ростовщика на двойную сумму займа и съ неустойкой. Все взыщутъ неумолимо, если не заплатить въ срокъ,

и тогда конецъ, крушеніе полное! Молодая жена его танцуетъ беззаботно на балу, откуда онъ урвался къ Румянцеву, чтобы попробовать спасенья въ игрѣ; но счастье не выгорѣло, а это была послѣдняя надежда. Пора ѣхать назадъ на балъ, за женою, и дорогой домой разсказать ей все; но нѣтъ, онъ не скажетъ, пускай она спокойно проспитъ ночь. Онъ взглянулъ на часы:—пора, да и нечего здѣсь дѣлать болѣе.

Онъ пошелъ въ переднюю, но въ дверяхъ столкнулся съ Азарьевымъ, котораго зналъ еще со школьной скамьи; онъ схватилъ его за руку.

— Азарьевъ! спаси меня.

— А! Шатиловъ, что съ тобой?

— Я продулся въ конецъ, дай денегъ отыграться!

— Худая примѣта для меня, ну, да чортъ съ ней; на, возьми, сколько?

Шатиловъ взялъ у него двѣсти рублей и вернулся къ игорнымъ столамъ, но онъ не ставилъ больше крупныхъ кушей, а игралъ мелкими, тѣмъ не менѣе, чрезъ какіе-нибудь полчаса, занятыя деньги уплыли. Когда послѣднюю его бумажку убили, онъ страшно поблѣднѣлъ, всталъ, сдѣлалъ два шага и грохнулся на полъ. Его съ трудомъ привели въ чувство и въ каретѣ одного изъ гостей отвезли домой.

Происшествіе это надѣлало переполохъ въ домѣ и произвело непріятное впечатлѣніе на присутствующихъ, но игра продолжалась и скоро все было забыто.

Азарьевъ игралъ въ этотъ вечеръ, противъ обыкновенія, неудачно, ему не повезло съ первой карты; но вмѣсто того, чтобы бросить игру и уѣхать домой, онъ

продолжалъ понтировать, увеличивалъ ставки и горячился.

— Чортъ возьми! воскликнулъ онъ, когда у него убили крупную карту,—вотъ что значитъ худая примѣта.

— Какая примѣта? спросилъ, отодвигаясь отъ него, сосѣдъ, страшно боявшійся примѣтъ.

— Да вотъ, какъ входилъ сюда, далъ взаймы Шатилову, знаете Шатилова, съ которымъ сдѣлалось дурно? Онъ хотѣлъ отыграться и просилъ меня.

— И вы дали?

— Далъ, двѣсти рублей.

— Ай, батюшки, хуже нѣтъ примѣты.

Но Азарьевъ вѣровалъ въ свое счастье и продолжалъ игру.

— Играй, да не отыгрывайся, пробасилъ одинъ изъ зрителей, стоявшихъ сзади.

— Это вы про кого? обернулся къ нему Азарьевъ.

— Про васъ.

— Да не я проигрался, а Шатиловъ.

— Все равно.

— Какъ все равно? Позвольте, такъ нельзя подъ руку говорить.

— Нельзя, нельзя, протестовали и другіе игроки:— пятый игрокъ подъ столъ.

Зловѣщій басъ отошелъ въ сторону.

Азарьевъ продолжалъ играть, но ему замѣчательно не везло въ эту ночь. Скоро онъ проигралъ всѣ свои запасы и вынулъ послѣднюю бумажку, бывшую у него въ карманѣ. Но когда и эту бумажку убили, онъ ударилъ кулакомъ по столу и бросилъ карты.

— Нельзя играть, воскликнулъ онъ:—когда говорятъ подъ руку.

Онъ всталъ и ушелъ въ столовую, гдѣ подавали кофе. Осеннее утро уже глядѣло въ окно и на улицахъ гасили фонари.

Онъ въ первый разъ еще проигрался до чиста и находилъ это крайне глупымъ. Были деньги и сплыли, ушли въ чужіе карманы. Онъ забылъ, что такъ бывало и съ нимъ, когда онъ обыгрывалъ другихъ. Чужія деньги переходили въ его карманы, и кто-нибудь да плакалъ, когда онъ смѣялся. Что теперь дѣлать? Денегъ не осталось ни гроша, даже дома, онъ все проигралъ до чиста.

„Пускай Шатиловъ отдаетъ, думалъ онъ, откуда хочетъ; это онъ виноватъ, что я проигрался: будь у меня еще двѣсти рублей сегодня, можетъ быть, я выигралъ-бы на нихъ тысячи“.

— Занять развѣ у Румянцева?

„Играй, да не отыгрывайся“, прозвучалъ у него въ ушахъ зловѣщій басъ, и онъ уѣхалъ домой, не пробуя новаго счастья.

Дома Ириша отворила ему и испугалась, взглянувъ на его блѣдное, искаженное лицо.

— Что съ вами, спросила она:—вы больны?

— Нѣтъ, усталъ, скорѣе лягу; ложись и ты.

— Я ужъ встала.

— Какъ такъ?

— Утро давно, восьмой часъ, а я въ шесть встала.

— Боже мой, въ самомъ дѣлѣ. Разбуди меня завтра въ 10 часовъ.

— То есть, сегодня.

— Ну, все равно, разбуди.

Онъ легъ въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ первомъ часу горничная насилу добудилась его. Онъ жаловался на головную боль и просилъ напиться; она тотчасъ-же стала ухаживать за нимъ: положила ему компрессъ на голову и напоила содовой водой.

— Вотъ, сказала она,—по ночамъ не спите, опять захвораете.

— Это не бѣда.

— А въ чемъ же бѣда?

Но онъ не отвѣчалъ ей и угрюмо глядѣлъ въ стѣну.

— Вчера былъ Петръ Михайловичъ, начала она,—и хотѣлъ повидать васъ.

— Зачѣмъ?

— Не могу знать.

— Ну, чортъ съ нимъ.

Ириша хотѣла было передать ему свой разговоръ съ Пушкаревымъ о картахъ, такъ они мучили ее, но не посмѣла: Андрей Александровичъ глядѣлъ сердито и былъ крайне не въ духѣ.

Онъ лежалъ и думалъ о томъ, что ему теперь дѣлать? Бросить игру, не позволяютъ правила чести, онъ два мѣсяца всѣхъ обыгрывалъ и теперь, когда ему не повезло, забастовать казалось не возможнымъ. Всѣ его осудятъ и Румянцевъ первый.

Рѣшивъ, что надо, во что-бы-то ни стало, продолжать и дать противникамъ шансъ отыграться, онъ всталъ и

поѣхалъ къ Шатиловымъ, подъ благовиднымъ предлогомъ навѣстить больнаго, а въ сущности, чтобы получить обратно свои двѣсти рублей и съ ними явиться вечеромъ къ Румянцеву. „Авось, шевелилась у него на душѣ тайная надежда, кривая вывезетъ и я опять выплыву на чистую воду“.

У Шатиловыхъ онъ засталъ большой переполохъ. Сергѣй Иванычъ, придя въ себя на короткое время, по возвращеніи домой, опять впалъ въ безпамятство и лежалъ въ постели, никого не узнавая.

Къ Азарьеву вышла его жена, красивая блондинка, съ распухшими отъ слезъ глазами. Она объявила, что мужъ тяжело боленъ и докторъ приказалъ никого не принимать къ нему.

— Андрей Александровичъ, спросила она:—вы были тамъ вчера, какъ я слыхала; разскажите, какъ это все случилось?

Азарьевъ разсказалъ, что видѣлъ, но умолчалъ изъ деликатности о своихъ двухъ стахъ рубляхъ.

— О, эти карты! воскликнула она,—сколько разъ я просила Сергѣя не играть, но онъ меня не слушаетъ. Онъ вѣрно много проигралъ вчера?

— Право не знаю, кажется немного, и сначала, говорятъ, былъ въ выигрышѣ.

— О! вы не знаете; онъ все проигралъ, у насъ не осталось ни гроша денегъ въ домѣ, я вездѣ искала и ничего не нашла.

Она приложила къ глазамъ батистовый, надушенный платокъ, очевидно, оставшійся у нея въ рукахъ послѣ бала. Азарьеву стало жаль ее, она была такъ хороша

въ утреннемъ голубомъ капотѣ, замѣнившемъ бальное платье, вся въ слезахъ, съ распущенными волосами.

Что за прелестная женщина, подумалъ онъ,—къ несчастію, я не могу ей помочь.

Въ это время лакей подалъ ей на серебряномъ подносѣ какой-то конвертъ на имя мужа. Шатилова распечатала его и передала гостю.

— Скажите, что это; я не понимаю.

— Это, это... смущенно проговорилъ Азарьевъ, пробѣжавъ бумагу глазами,—это повѣстка отъ нотаріуса, по векселю.

— По векселю! да развѣ мужъ мой выдавалъ векселя? а гдѣ же мое приданое? гдѣ его деньги?

Азарьевъ понималъ, что онъ присутствуетъ при семейной драмѣ, но не зналъ, какъ утѣшить стоявшую передъ нимъ, въ полномъ отчаяніи, молодую женщину.

— Это только протестъ, сказалъ онъ,—вы не тревожьтесь.

— Протестъ, а потомъ что?

— Потомъ... потомъ, да это можно уладить, надо поговорить съ кредиторомъ.

Онъ взглянулъ на повѣстку, оставшуюся у него въ рукахъ.

— Я его знаю, хотите пришлю къ вамъ?

— Ахъ, нѣтъ, Бога ради, переговорите съ нимъ сами.

— Извольте, только прежде я желалъ-бы повидаться съ Сергѣемъ Иванычемъ.

— Онъ безъ памяти.

— Въ такомъ случаѣ я заѣду завтра.

— Сдѣлайте милость, и она горячо пожала ему руку.

Азарьевъ вышелъ, но въ передней, обернувшись, увидѣлъ черезъ отворенную дверь, какъ въ сосѣднюю комнату вбѣжала маленькая дѣвочка, живой амуръ, съ золотыми кудрями на головкѣ. Мать быстро пошла къ ней на встрѣчу, подняла ее и крѣпко сжала въ своихъ объятіяхъ.

Бѣдная женщина, подумалъ Азарьевъ, садясь на извозчика, неужели онъ все спустилъ? а состояніе было, кажется, порядочное.

— Однако, мои двѣсти рублей тютю, надо на нихъ крестъ поставить.

VIII.

Василій Алексѣевичъ Румянцевъ только-что возсталъ отъ послѣ-обѣденнаго сна и, перейдя въ туалетную, началъ умываться. Онъ лилъ холодную воду широкою струею изъ умывальника на свою голову, шею и обнаженную грудь, полоскался, фыркалъ и обтирался мокрой губкой, послѣ чего долго вытиралъ шаршавымъ полотенцемъ свое выхоленное бѣлое тѣло, слегка ожирѣвшее. Все это онъ дѣлалъ систематически, каждый день, считая необходимыми такія упражненія, при своемъ образѣ жизни, для поддержанія бодрости духа и для того, чтобы не клюкать носомъ во время своихъ безсонныхъ ночей.

Онъ былъ человѣкъ еще молодой, съ закаленнымъ здоровьемъ и нервами; имѣлъ характеръ невозмутимый, рѣдко сердился и никогда не выходилъ изъ себя. Какъ онъ умудрился при такомъ темпераментѣ проиграть въ

карты свое состояніе, никто не могъ понять, самъ же онъ не огорчался этимъ, считалъ потерю состоянія не болѣе, какъ однимъ изъ эпизодовъ игры, и былъ увѣренъ, что въ будущемъ наверстаетъ вдвое.

Онъ получилъ прекрасное воспитаніе, говорилъ въ совершенствѣ на трехъ языкахъ и казался джентльменомъ, въ полномъ смыслѣ слова.

Въ настоящій вечеръ онъ далеко не успѣлъ еще окончить своихъ омовеній, какъ къ нему пріѣхалъ ранній гость, Андрей Александровичъ Азарьевъ.

— Что-же, проси сюда, отвѣчалъ онъ лакею, только предупреди, что я голый.

— Извините, батюшка, сказалъ онъ вошедшему Азарьеву:—что я васъ принимаю въ такомъ видѣ, но вы не женщина и вѣрно по дѣлу, что такъ рано пріѣхали.

— Да, я хотѣлъ переговорить съ вами.

— Ну, садитесь и говорите, только подальше, а то вымокнете, и онъ продолжалъ фыркать и обливаться.

— Вотъ въ чемъ дѣло, началъ Азарьевъ, видя, что омовеніямъ не скоро еще конецъ:—я вчера проигрался.

— Примѣтилъ, отвѣчалъ Румянцевъ:—что-жъ, пора и вамъ, „не все коту масляница, придетъ и великій постъ“.

— Да, но постъ можетъ продлиться долго, я проигралъ всѣ наличныя деньги и не на что продолжать игру, а забастовать мнѣ, вы понимаете, не приходится.

— Къ дѣлу, батюшка, къ дѣлу, денегъ вамъ, что-ли, нужно?

— Да, хотѣлъ попросить у васъ.

— Много-ли?

— Пятьсотъ, шестьсотъ рублей.

— Можно, но только на извѣстныхъ условіяхъ, вы знаете ихъ?

— Слыхалъ.

— Я повторю на всякій случай: занятыя деньги вы должны отдать мнѣ завтра вечеромъ, срокъ 24 часа. Если не отдадите, кредитъ закрытъ для васъ навсегда и наши двери тоже.

— Тяжелыя условія, замѣтилъ Азарьевъ.

— Что-же дѣлать, батюшка, со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся. За то у насъ есть и льготы: ни процентовъ, ни документа, на честное слово.

— Скажите, Василій Алексѣичъ, спросилъ Азарьевъ:—давая деньги на такихъ условіяхъ, вы часто ихъ теряете?

— Очень рѣдко. Тутъ честь замѣшана, сударь мой, ну, а если кто чести своей не бережетъ, такъ ужъ извините; этимъ мы очищаемъ нашъ личный составъ, понимаете.

— А долгъ неуплаченный все-таки взыскиваете?

— Никогда, списываемъ въ проигрышъ и шабашъ.

— Ну, а если сумма крупная?

— Такихъ мы не даемъ, по мелочамъ кредитуемъ и то съ выборомъ.

— Я на все согласенъ и завтра привезу вамъ деньги обратно, а, можетъ быть, и сегодня отдамъ, если повезетъ по прежнему.

Румянцевъ вытеръ руки и какъ былъ голымъ, только туфляхъ и съ полотенцемъ, накинутымъ на плечи,

вышелъ въ сосѣднюю комнату, откуда и принесъ деньги.

— Сколько вамъ, пятьсотъ? извольте получить.

— Покорно васъ благодарю.

— Напрасно безпокоитесь, у насъ не благодарятъ. Пройдите въ столовую, я только одѣнусь и сейчасъ къ вамъ.

Въ столовой возсѣдала за самоваромъ та-же благообразная, нарядная горничная, которую хозяинъ дома называлъ Анютой, а всѣ прочіе, въ томъ числѣ и гости, Анной Павловной. Она ласково улыбнулась Азарьеву, какъ знакомому, и предложила чаю.

Скоро явился и самъ хозяинъ, гладко причесанный, раздушенный и въ щегольскомъ военномъ сюртукѣ. Сюртукъ былъ растегнутъ и подъ нимъ виднѣлся бѣлый жилетъ, съ массивной золотой цѣпочкой на боку.

— Анюта, сказалъ онъ, сегодня надо вина получше и ужинъ, чтобы того, гость будетъ почетный.

— Знаю, отвѣчала Анюта, какъ-бы обидясь, что ее учатъ.

— Ну, и прекрасно, если ты все знаешь. Давай чаю.

Онъ принялся за чай, проглотивъ прежде два стакана пѣнистаго квасу, поданнаго ему въ стеклянномъ кувшинѣ.

— А! хорошъ квасъ, крякнулъ онъ, не хотите-ли? домашній.

Но Азарьевъ отказался.

— Кто у васъ будетъ сегодня? спросилъ онъ: — какая особа?

— Много будете знать, состаритесь, отвѣчалъ, улы-

баясь, Румянцевъ, но при этомъ нагнулся и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Ого! сказалъ Азарьевъ.

— Тише, это секретъ, смотрите не проболтайтесь.

Но секретъ былъ всѣмъ извѣстенъ; особа, посѣщавшая вечера Румянцева, бывала тамъ нерѣдко и преисправно метала банкъ направо и налѣво.

Гости стали понемногу съѣзжаться, и все пошло обычнымъ порядкомъ.

Послѣ ужина, за которымъ подавали шампанское и старый рейнвейнъ, хозяинъ пригласилъ гостей „позабавиться на сонъ грядущій“, и всѣ, въ томъ числѣ и особа, пріѣхавшая къ ужину, направились изъ столовой въ другія комнаты, гдѣ и размѣстились по зеленымъ столамъ.

Въ самый разгаръ игры ввалился въ комнату толстый, претолстый господинъ, высокаго роста, коротко обстриженный и съ рыжей бородой, котораго хозяинъ радостно привѣтствовалъ.

— А, Петръ Петровичъ, давненько не бывали.

Появленіе новаго гостя произвело сенсацію, все равно какъ крупнаго звѣря на охотѣ, въ загонѣ.

Игроки раздвинулись и очистили ему мѣсто. Петръ Петровичъ грузно сѣлъ, закурилъ длинную сигару и вынулъ изъ кармана толстую пачку радужныхъ.

Сзади собрались зрители, смотрѣть на его игру. Онъ, пыхтя, поставилъ на карту 300 рублей, которые ему дали, загнулъ уголъ и объявилъ мазу по сто рублей на очко. Карта шла въ полторы тысячи; ее убили, но Петръ Петровичъ даже не поморщился, продолжалъ играть круп-

ными кушами и кончилъ тѣмъ, что сорвалъ банкъ у Румянцева.

— Кваску-бы испить, проговорилъ онъ басомъ, вставая. Ему подали „крушонъ“, въ большомъ стеклянномъ кувшинѣ, наполненномъ льдомъ, шампанскимъ и апельсинами. Онъ выпилъ его одинъ, закурилъ новую сигару и перекочевалъ въ другую комнату, играть въ рулетку.

Азарьевъ въ этотъ вечеръ опять проигрался. Сначала ему повезло, но онъ не остановился во время и спустилъ все, что было въ карманѣ. Поневолѣ пришлось прекратить бой, за неимѣніемъ пороха. Просить новой ссуды у Румянцева, не уплативъ старой, было невозможно, да онъ и не далъ-бы, такъ какъ самъ сильно проигрался. Андрей походилъ по комнатамъ, повѣся носъ, подошелъ къ рулеткѣ, гдѣ царствовалъ Петръ Петровичъ, и поставилъ на номеръ завалявшійся у него въ карманѣ золотой, но № не вышелъ, а золотой былъ послѣдній, поневолѣ пришлось отретироваться.

На другое утро Азарьевъ проснулся рано, но долго лежалъ въ постели, обдумывая свое положеніе. Оно казалось ему критическимъ: вечеромъ, не позже девяти часовъ, надо отдать долгъ Румянцеву, иначе... но онъ не допускалъ и мысли, чтобы возможно было не отдать денегъ, взятыхъ на честное слово, и подвергнуть себя позору изгнанія изъ общества порядочныхъ людей.

Нѣтъ, деньги надо отдать въ срокъ, во что-бы то ни стало, хотя заложить себя, продать все и остаться голымъ. Но гдѣ достать такую сумму, пятьсотъ рублей, и въ такой короткій срокъ, до вечера?

— Что дѣлать, Боже мой, что дѣлать?

Онъ сѣлъ на постель и схватился за голову. Въ это время къ нему постучалась горничная.

— Войди.

— Какъ, вы еще въ постели, воскликнула она: — вставайте, давно пора, я сейчасъ самоваръ подамъ.

— Постой, остановилъ ее Азарьевъ: послушай меня.

— Что прикажете?

— У тебя есть деньги?

— Есть, пятьдесятъ рублей и еще жалованье получу сегодня.

— Можешь ты мнѣ одолжить ихъ на одинъ день?

— Могу на сколько хотите, мнѣ не нужны.

— А больше нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И достать гдѣ не знаешь?

— Не знаю.

— Ну, вотъ что: возьми мои часы съ цѣпочкой и заложи ихъ въ частномъ ломбардѣ; тутъ недалеко на Литейной отдѣленіе есть; да вотъ еще два кольца, — и онъ снялъ кольца съ пальцевъ:—за все дадутъ рублей пятьдесятъ, шестьдесятъ, съ твоими вмѣстѣ сто будетъ.

— Хорошо, сказала Ириша, схожу, какъ уберусь.

— Да сбѣгай ты къ Пушкареву, спроси, нѣть-ли у него денегъ? пускай все дастъ, до послѣдней копѣйки, завтра возвращу.

— Спросить-то я спрошу, а только онъ не дастъ, да и нѣтъ у него.

— Ну, все равно сходи къ нему; а у хозяйки нашей нѣтъ?

— Что вы, и были бы — не дастъ, скорѣй зада-

вится; она и то намеднись меня къ вамъ посылала: опять, говоритъ, за квартиру не платитъ.

— Ну ее къ чорту съ ея квартирой. Такъ ты, душенька, сходишь въ ломбардъ и къ Пушкареву?

— Схожу. Да на что вамъ столько денегъ, опять въ карты играть?

— Не твое дѣло.

Онъ наскоро напился чаю и уѣхалъ на поиски. Началъ со знакомыхъ ростовщиковъ, объѣхалъ ихъ всѣхъ, но не добылъ ни гроша: одинъ совсѣмъ отказалъ, другой обѣщалъ дать денегъ завтра, а третій черезъ недѣлю. Онъ выругалъ ихъ мысленно и отправился въ департаментъ. Тамъ, съ помощію казначея и пріятелей, собралъ кое-какъ сто рублей, и того вмѣстѣ съ деньгами, которыя должны быть у Ириши—двѣсти рублей; а триста откуда достать, онъ не зналъ и, ничего не придумавъ, заѣхалъ домой узнать, не далъ-ли Пушкаревъ хотя сколько нибудь денегъ.

Но Ириша, передавъ ему сто рублей (пятьдесятъ своихъ и пятьдесятъ изъ ломбарда), объявила, что Петръ Михайловичъ не далъ ни гроша и только заругался.

— На кого?

— На васъ, зачѣмъ вы въ карты играете.

— Свинья! о, если бы онъ зналъ мое положеніе.

— Да на что вамъ столько денегъ? спросила Ириша, двѣсти рублей есть и слава Богу, довольно вамъ, чтобы играть въ карты, на цѣлую недѣлю.

— Ты ничего не понимаешь.

Она замолчала.

— Ты знаешь-ли, заговорилъ запальчиво Азарьевъ: —

мнѣ нужно пятьсотъ рублей и ни копѣйки меньше, сегодня нужно, сейчасъ и если я не получу ихъ, то застрѣлюсь.

— Господи помилуй, воскликнула Ириша.

— Да, застрѣлюсь, повторилъ онъ мрачно:—ничего болѣе не остается и онъ вынулъ изъ стола заряженный револьверъ.

— Вотъ видишь, такъ, очень просто; и онъ сталъ подымать револьверъ къ своей головѣ:

— Бацъ и конецъ!

Въ эту минуту послѣдовалъ выстрѣлъ, какъ и отчего, осталось неразъясненнымъ, но пуля пролетѣла на волосъ отъ виска Азарьева, и самъ онъ, блѣдный, какъ полотно, откинулся на спинку кресла. Ириша взвизгнула пронзительно и бросилась къ нему. Она поспѣшно стала ощупывать его голову, лицо, грудь и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, допрашивала его, гдѣ онъ раненъ, куда попала пуля?

— Никуда, слабо произнесъ Андрей, приходя понемногу въ себя, и перекрестился.

— Цѣлъ, вонъ пуля, и онъ указалъ на стѣну, гдѣ виднѣлась дыра съ засѣвшею въ ней пулей.

Ириша зарыдала и упала къ нему на грудь.

— Отдай, отдай, говорила она, ощупывая его карманы и руки.

— Что отдать?

— Пистолетъ отдай.

— Не отдамъ, пригодится.

— Что ты, Христосъ съ тобой.

— Застрѣлюсь непремѣнно, если не достану денегъ до вечера.

— Отдай, я тебѣ достану.

— Ты?

— Да, я.

— Откуда?

— Не твое дѣло.

— Нѣтъ, ты скажи прежде, а потомъ я отдамъ револьверъ.

— У Ивана Ардальоныча, прошептала чуть слышно Ириша.

— Вѣдь онъ уѣхалъ.

— Да, но ключъ оставилъ у меня.

— Какой ключъ?

— Отъ стола.

— И тамъ деньги?

— Да.

— А когда онъ вернется?

— Черезъ недѣлю.

— Спасенъ, спасенъ! закричалъ Азарьевъ и бросился обнимать Иришу.

— Погоди, сказала она, отстраняя его: — когда отдашь?

— Завтра.

— Вѣрно-ли, а если не отдашь, что тогда?

— Отдамъ, Боже мой, вѣдь еще цѣлая недѣля, чего ты боишься?

— Деньги чужія.

— Ну да, Ивана Ардальоныча.

— Нѣтъ, не его, совсѣмъ чужія, ты пойми, если пропадутъ, тогда что будетъ?

— Не пропадутъ, клянусь тебѣ.

— Ихъ отослать надо, какъ только онъ вернется.

— И отошлемъ.

— Нѣтъ, ты пойми, повторяла Ириша, начинавшая все болѣе и болѣе тревожиться:—вѣдь деньги чужія, онъ отъ того и не взялъ ихъ съ собой, что чужія, боялся, какъ-бы не украли у него дорогой.

Азарьевъ самъ начиналъ приходить въ волненіе; онъ страшился, чтобы этотъ шансъ, послѣдній, упавшій ему съ неба, не пропалъ изъ-за пустаго упрямства дѣвушки.

Онъ сталъ передъ ней на колѣни.

— Ириша, душенька, спаси меня, если любишь, спаси мою честь и жизнь.

Онъ обнималъ ее и цѣловалъ въ лицо и губы, она вся дрожала въ его объятіяхъ.

— Желанный ты мой! простонала она, сама крѣпко обнявъ его и цѣлуя,—я-ли не люблю тебя! Все тебѣ отдамъ, свое и чужое, только не губи себя.

Ириша думала, что онъ не нечаянно выстрѣлилъ и что только Богъ одинъ его спасъ.

Онъ не сталъ разувѣрять ее и, поднявъ револьверъ, упавшій на полъ, положилъ на столъ.

— На, возьми и спрячь подальше.

Она поспѣшно схватила револьверъ и спрятала къ себѣ въ карманъ.

— А деньги? спросилъ онъ тревожно.

— Дамъ, не бойся, не обману.

И она отдала ему ключъ отъ стола.

— На, возьми самъ, только скажи мнѣ правду, на что тебѣ такая куча денегъ?

Онъ разсказалъ ей все, что съ нимъ случилось вчера,

не утаивъ ничего, и старался объяснить ей, на какихъ условіяхъ ему даны были деньги.

— Пойми ты, говорилъ онъ горячо,—честь моя тутъ замѣшана, а честь дороже жизни.

— Не понимаю я вашихъ дѣловъ, сказала Ириша, но, коли ты говоришь, что надо, пусть будетъ по твоему, я тебѣ вѣрю.

Въ столѣ у Ивана Ардаліоныча оказалось триста рублей, ровно столько, сколько не хватало Азарьеву, чтобы пополнить взятыя у Румянцева.

Деньги всѣ перешли въ карманъ Андрея Александровича, а у Ириши остался ключъ отъ пустаго ящика и томительное сознаніе, что она совершила грѣшное дѣло.

IX.

Всю ночь прождала Ириша своего возлюбленнаго барина, уѣхавшаго съ вечера изъ дому, но онъ не вернулся и къ утру.

На слѣдующій день повторилось то же самое. Азарьевъ пропалъ безъ вѣсти, и встревоженная Амалія Ивановна хотѣла уже подать объявленіе въ полицію, думая, что съ нимъ случилось несчастіе, но рѣшилась обождать еще день.

Ириша была ни жива, ни мертва, исполняла свои обязанности машинально, по привычкѣ, но ходила, какъ потерянная, и тревога ея съ каждымъ часомъ росла.

Съ нимъ случилась бѣда навѣрное, думала она, не можетъ быть, чтобы онъ не вернулся по своей волѣ и

не отдалъ ей взятыхъ денегъ. Онъ такъ увѣрялъ ее, что отдастъ, клялся, божился. Утонулъ, вѣрно, гдѣ-нибудь или его ограбили, убили? Господи! что дѣлать и гдѣ искать его?

Она думала бѣжать къ Петру Михайловичу, сказать ему все и просить о помощи; но чувство стыда и страха удержало ее. Какъ признаться ему въ своемъ поступкѣ, этому доброму, милому барину, такъ горячо ее полюбившему, какъ сказать ему: я украла чужія деньги, хуже, чѣмъ украла, я отдала ихъ своему возлюбленному потому только, что онъ просилъ меня, ласкалъ и цѣловалъ, стоялъ передо мною на колѣняхъ.

Бѣдная Ириша ломала себѣ руки и выплакала всѣ глаза.

— О чемъ ты плачешь? допрашивала ее Амалія Ивановна, и это было жестоко съ ея стороны.

Она знала, о чемъ плачетъ дѣвушка, и давно подмѣтила ея слабость къ молодому барину. Но ей самой нравился красивый жилецъ и она радовалась случаю подразнить Иришу.

— Ты думаешь, гдѣ твой возлюбленный баринъ? приставала она къ ней,—пропалъ что-ли?—нѣтъ, голубушка, онъ веселится гдѣ-нибудь, у гадкихъ женщинъ ночуетъ, или за этой барыней ухаживаетъ, помнишь, что пріѣзжала къ нему, когда онъ былъ боленъ, такая разряженная и раздушенная.

Иришу точно укололо что въ сердце и она вдругъ почуяла опять запахъ тѣхъ самыхъ духовъ, которые такъ мучительно ее преслѣдовали.

На другой день, вечеромъ, пришло письмо отъ Азарь-

ева, положившее конецъ всѣмъ тревогамъ о немъ. Онъ писалъ квартирной хозяйкѣ, что уѣхалъ внезапно въ деревню къ одному изъ своихъ товарищей по дѣлу и на охоту, не успѣвъ предупредить о своемъ отсутствіи; но теперь онъ пишетъ ей, чтобы она не тревожилась: онъ живъ, здоровъ и скоро вернется.

— Вотъ, видишь, видишь, объявила Амалія Ивановна Иришѣ радостную новость,—я тебѣ говорила, что онъ веселится, а ты плачешь, сама не знаешь, о чемъ.

Но Ириша выбѣжала изъ комнаты и чуть не упала въ обморокъ въ корридорѣ.

— На охоту! когда она страдаетъ,—не живетъ, а бредитъ!

Онъ обманулъ ее! Мысль эта, какъ обухомъ, ударила ее въ голову и съ тѣхъ поръ не покидала ея.

Обманулъ бѣдную дѣвушку, такъ слѣпо ему повѣрившую.

Теперь явилась другая забота, не менѣе жгучая: онъ не отдастъ денегъ и что скажетъ она Ивану Ардаліонычу, когда онъ пріѣдетъ.

Обманулъ! стучало у нея въ головѣ и билось въ сердцѣ, неужели обманулъ? Слабая надежда еще жила въ ней: оставалось два дня до возвращенія старика Фирсова, уѣхавшаго навѣстить свою дочь и внучатъ, а, можетъ быть, въ эти два дня Андрей Александровичъ вернется и отдастъ ей деньги?

Но и эта послѣдняя надежда скоро рухнула: пришло письмо отъ самого Фирсова на имя Ириши. Онъ извѣщалъ ее, что вернется раньше, чѣмъ думалъ, и пріѣдетъ въ четвергъ, въ 10 часовъ утра, по московской дорогѣ,

причемъ просилъ выслать ему дворника или швейцара на вокзалъ.

— Въ четвергъ, это значитъ завтра, соображала Ириша, въ десять утра; одна ночь осталась до его пріѣзда, а денегъ нѣтъ и баринъ ея не ѣдетъ. Въ ужасѣ она хотѣла бѣжать, сама не зная куда, но ноги у нея подкашивались, темная ночь стояла на дворѣ и она упала на свою постель, какъ была, одѣтою.

Мы оставимъ пока злополучную Иришу въ ея понятныхъ тревогахъ и посмотримъ, что дѣлалъ за это время нашъ герой и на какого звѣря онъ охотился.

Получивъ деньги, онъ поѣхалъ прежде всего къ Румянцеву чтобы не пропустить условленнаго срока и отдать ему долгъ, взятый на честное слово. Онъ былъ въ такомъ праздничномъ настроеніи и такъ радовался, что ему чудомъ удалось выпутаться изъ бѣды, что удивился хладнокровію, съ которымъ кредиторъ его взялъ деньги и спряталъ въ карманъ; ему казалось, что всѣ должны радоваться его аккуратности, а Румянцевъ болѣе всѣхъ. Но Василій Алексѣевичъ оставался совершенно спокойнымъ и казалось куда-то торопился.

— Сегодня нѣтъ игры, сказалъ онъ, какъ-бы удивляясь, что гость не уѣзжаетъ.

— Я знаю, отвѣчалъ Азарьевъ, — мнѣ сказали въ передней, но я хотѣлъ поговорить съ вами.

— О чемъ это?

— Хотѣлъ просить васъ возобновить кредитъ, мнѣ крайне нужны деньги.

— Не могу, рѣзко отвѣчалъ Румянцевъ.

— Почему? Вѣдь я отдалъ вамъ въ срокъ и даже раньше, кажется.

— Да, но я самъ безъ денегъ.

— Василій Алексѣевичъ, не откажите, я разсчитывалъ на васъ, какъ на каменную гору; ну, дайте хотя меньше, 300 рублей.

— Послушайте, отвѣчалъ Румянцевъ, — я-бы не отказалъ вамъ въ такихъ пустякахъ, но я самъ проигрался вчера въ пухъ и прахъ; вы помните этого Петра Петровича?

— Какъ-же.

— Онъ два раза сорвалъ у меня банкъ въ одинъ вечеръ и облупилъ до чиста.

— Отыграетесь, вамъ не въ первый разъ.

— Нѣтъ, батюшка, кажется, пришелъ конецъ.

Онъ замолчалъ на минуту и сталъ ходить по комнатѣ.

— Пожалуй, я скажу вамъ, — продолжалъ онъ: — все равно узнаете; казначей нашъ уѣхалъ въ отпускъ и меня назначили исправлять его должность; вотъ я и исправилъ, проигралъ казенныя деньги въ карты, а завтра ревизія кассы; собралъ что могъ, но все-таки не хватаетъ крупной суммы.

Азарьевъ остолбенѣлъ.

— Да, — сказалъ Румянцевъ, расхаживая взадъ и впередъ по кабинету; — завтра меня арестуютъ и отдадутъ подъ судъ. Нашимъ забавамъ „на сонъ грядущій“ пришелъ конецъ, да и чортъ съ ними, надоѣли! Жаль только Анюту, пропадетъ безъ меня.

— Анюта! — крикнулъ онъ въ боковую дверь, —

пришли мнѣ коньяку, да только хорошаго, № 57, знаешь, тамъ, направо.

Ему подали бутылку коньяку и онъ сталъ глотать рюмку за рюмкой. Лицо его было совершенно спокойно и даже не краснѣло отъ выпитаго вина.

— Хотите?—предложилъ онъ Азарьеву: — коньякъ чудесный.

— Не пью.

— Напрасно, коньякъ первое средство отъ чахотки въ карманахъ.

— Развѣ помогаетъ?—спросилъ Азарьевъ.

— Да, мысли такія въ голову приходятъ, блестящія; а впрочемъ, мнѣ пора, надо ѣхать, извините.

Они вышли вмѣстѣ; Румянцевъ сѣлъ въ коляску, запряженную крупными рысаками.

— Лошадей продавать ѣду,—сказалъ онъ по-французски:—прощайте, не скоро увидимся.

Онъ быстро укатилъ. Азарьевъ остался одинъ на улицѣ.

— Сорвалось! — произнесъ онъ такъ громко, что прохожій обернулся.

— Чортъ возьми! не ожидалъ.

Онъ поѣхалъ къ Бронникову и остался у него ночевать, такъ какъ не хотѣлъ безъ денегъ вернуться домой.

Бронниковъ тоже здорово проигрался, и оба они сидѣли вмѣстѣ и плакались надъ своею судьбою. Азарьевъ разсказалъ ему о всѣхъ своихъ неудачахъ за послѣдніе дни, замѣнивъ только горничную дальней родственницей изъ обѣднѣвшей дворянской семьи.

— Ты понимаешь, mon cher, въ какомъ я нахожусь

положеніи, я взялъ у нея послѣдніе гроши, на одинъ, на два дня не болѣе, подъ честное слово и вдругъ этотъ Румянцевъ посадилъ меня на мель: проигралъ казенныя деньги! да мнѣ какое дѣло, я разсчитывалъ на него, какъ на каменную гору, отдалъ ему долгъ въ его глупый срокъ и въ правѣ былъ надѣяться на продолженіе кредита. Какъ ты думаешь, былъ я въ правѣ?

— Конечно, отвѣчалъ Бронниковъ.

— И я бы отыгрался, продолжалъ запальчиво Азарьевъ:—и все бы уладилъ.

— Еще бы!—поддакнулъ Бронниковъ:—да онъ не тебя одного, онъ насъ всѣхъ подкосилъ, началъ онъ жаловаться съ своей стороны:—вотъ я, напримѣръ, тоже разсчитывалъ отыграться. Болванъ этакій, кто же проигрываетъ казенныя деньги! Это глупо во-первыхъ, а потомъ уже все остальное.

— И всѣхъ насъ можетъ скомпрометтировать, замѣтилъ Азарьевъ:—если начнется слѣдствіе и обнаружится, что онъ держалъ игорный домъ.

— Конечно.

И оба пріятеля, рѣшивъ единогласно, что Румянцевъ болванъ, отправились спать, не придумавъ ничего лучшаго.

На другое утро Азарьевъ, славно выспавшись, отправился вновь на поиски за деньгами, но ничего не добылъ, кромѣ нѣсколькихъ рублей на карманные расходы. Онъ вернулся опять къ Бронникову, такъ какъ рѣшился не показываться Иришѣ на глаза безъ денегъ. Онъ сильно пріунылъ и начиналъ понимать, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ; онъ можетъ не только посадить на мель бѣдную, неповинную ни въ чемъ, дѣвушку, но и быть

самъ замѣшанъ въ скандальную исторію о пропажѣ денегъ изъ стола Ивана Ардальоныча. Онъ сидѣлъ мрачно въ кабинетѣ у Бронникова и курилъ его папиросы, такъ какъ свои всѣ вышли. Вдругъ Бронниковъ, сидѣвшій противъ него и тоже курившій, воскликнулъ:

— Une idèe!

Азарьевъ даже вздрогнулъ.

— Ѣдемъ ко мнѣ въ деревню, на охоту, черезъ часъ поѣздъ, и мы еще поспѣемъ.

— Дай мнѣ триста рублей въ займы, отвѣчалъ уныло Азарьевъ:—и я поѣду съ тобой на край свѣта.

— Дурень ты, возразилъ Бронниковъ:—неужели-бы я не далъ, если-бы были, но ты самъ знаешь, что нѣтъ, а вотъ въ деревнѣ добудемъ.

— Что ты говоришь, воскликнулъ въ свою очередь Азарьевъ, вскакивая съ кресла:—гдѣ ты тамъ добудешь?

— У управляющаго возьмемъ, а нѣтъ, такъ у кабатчика или арендатора; тамъ у насъ, братъ, оброчныя статьи есть, ты какъ думаешь. Ѣдемъ, говорю я тебѣ, и какъ славно мы тамъ поохотимся, по первой порошѣ на зайчиковъ.

— Да у меня нѣтъ съ собой ничего, возразилъ сильно поколебленный Андрей Александровичъ:—ни бѣлья, ни платья охотничьяго, ни сапогъ, перемѣниться нечѣмъ, надо домой послать.

— Гдѣ тамъ домой посылать, опоздаемъ на поѣздъ и пропустимъ свободный праздничный день; я всего тебѣ дамъ, бѣлья и платья, мы одного роста съ тобой, а ружья и сапоги въ деревнѣ.

На такіе доводы нечего было возражать, тѣмъ болѣе,

что представлялся большой шансъ добыть деньги въ деревнѣ, и пріятели укатили въ тотъ-же вечеръ къ Бронникову, на мызу Горки, находившуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Луги, по Варшавской желѣзной дорогѣ. Ѣзды было всего какихъ-нибудь четыре часа, вмѣстѣ съ чугункой и лошадьми, и представлялась полная возможность вернуться назадъ на другой день къ ночи, или въ крайности къ утру на третій, т. е. поспѣть во всякомъ случаѣ домой, по разсчетамъ Азарьева, дня за два до возвращенія Ивана Ардальоныча.

Онъ сразу повеселѣлъ, и пріятели пріѣхали ночью въ деревню, оба въ отличномъ расположеніи духа.

Давъ знать еще изъ Петербурга телеграммой о своемъ пріѣздѣ управляющему, они нашли господскій домъ въ деревнѣ освѣщеннымъ, отопленнымъ и, поужинавъ, легли спать, заказавъ охоту на утро. Къ охотѣ поспѣлъ еще одинъ гость изъ Петербурга, приглашенный Бронниковымъ и пріѣхавшій съ ночнымъ поѣздомъ.

День въ деревнѣ былъ проведенъ отлично: съ утра поѣхали въ лѣсъ на охоту, съ загонщиками. На первомъ загонѣ Бронниковъ убилъ зайца и пару куропатокъ; на второмъ Азарьевъ промахнулъ лису, которая, выскочивъ изъ лѣса и прорвавъ цѣпь стрѣлковъ, вихремъ понеслась по снѣжному полю; на третьемъ, пріѣзжій гость изъ Петербурга угодилъ весь зарядъ крупной дроби въ колѣно одному деревенскому парню, шедшему съ загономъ, послѣ чего былъ завтракъ въ лѣсу, а парня увезли въ ближайшую больницу, гдѣ ему вынули зарядъ, но объявили, что онъ останется калѣкой на всю жизнь, „estropiè“ какъ перевелъ Бронниковъ по французски.

Охота продолжалась съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ до заката солнца, послѣ чего охотники вернулись на мызу къ обѣду. Обѣдъ былъ очень вкусный, съ надлежащими возліяніями, и какъ обратный поѣздъ въ Петербургъ проходилъ ночью, то не ложились спать, а проиграли въ винтъ до тѣхъ поръ, покуда не пришло время ѣхать на станцію.

Утренняя заря разбудила въ вагонѣ Азарьева, спавшаго крѣпкимъ сномъ. Онъ потянулся, зѣвнулъ и, сѣвъ на бархатную кушетку, вспомнилъ лису, которую промахнулъ на охотѣ.

— Эхъ, чортъ возьми, досадно.

Затѣмъ онъ сталъ думать объ Иришѣ, о томъ, какъ она будетъ счастлива, увидѣвъ его, и какъ обрадуется, когда онъ отдастъ ей деньги, добытыя въ деревнѣ.

Но вагонъ укачивалъ его, паровозъ свистѣлъ и пыхтѣлъ, проходя какую-то станцію, онъ повалился на диванъ и опять заснулъ.

Ему приснились во снѣ лиса и Ириша; онѣ бѣжали вмѣстѣ по снѣжному полю, и онъ, приложившись, выстрѣлилъ въ лису, но попалъ въ человѣка, а не въ звѣря.

Та-же поздняя осенняя заря разбудила Иришу, спавшую одѣтою на кровати. Она вскочила, протерла глаза и не могла сразу опомниться, такъ крѣпко она заснула подъ утро. Первая мысль ея была объ Азарьевѣ.

Не пріѣхалъ ли онъ, покуда она спала? И не смотря на всю невѣроятность такого предположенія, она проскользнула въ его комнату и остановилась у постели. Комната была пуста, приготовленная съ вечера постель не измята.

— Обманулъ! произнесла она громко и сама испугалась своего голоса. Голова у нея кружилась, въ вискахъ стучало и, шатаясь, какъ пьяная, она вернулась въ свою каморку. Тамъ она сѣла на кровать и стала думать горькую думу.

— Обманулъ! Все кончено, умирать надо.

Она смотрѣла пристально на окно и думала о томъ, какъ отворить его и броситься внизъ на панель; такъ бросилась дѣвушка изъ сосѣдняго дома и убилась до смерти. Вдругъ она вспомнила о револьверѣ, отобранномъ ею отъ барина; поспѣшно вынула она его изъ сундука и положила на столъ.

Она знаетъ, какъ надо выстрѣлить изъ этого пистолета, ей показывалъ Андрей Александровичъ и она примѣтила хорошо.

— Грѣхъ великій убить себя, шепчетъ Ириша. Она крестится и глядитъ на образъ Божьей Матери, висящій въ углу, съ зажженной лампадкой передъ нимъ.

— Богородица, Дѣва, радуйся, начинаетъ она читать молитву, которую учила въ дѣтствѣ, но не можетъ окончить молитвы, падаетъ на колѣни передъ образомъ и плачетъ.

— Грѣхъ великій убить себя, повторяетъ она:—О Господи! не попусти. Она горячо молится за всѣхъ: за раба Божія Андрея и за младенца Ваню, за упокой души его.

На кухонныхъ часахъ бьетъ восемь. — Въ десять пріѣдетъ онъ, добрый, хорошій Иванъ Ардальонычъ и спроситъ у нея кротко: „Ириша, за что ты меня обманула“?

Она больше не плачетъ, глаза у нея высохли и горятъ лихорадочнымъ блескомъ.

— Убѣжать изъ дому, думаетъ она и начинаетъ одѣваться, но ее зоветъ хозяйка и Ириша, по привычкѣ, идетъ на зовъ.

Какъ въ бреду исполняетъ она свои дневныя обязанности: завиваетъ и расчесываетъ парикъ своей барыни, убираетъ комнаты, ставитъ самоваръ.

— Ты не забыла, допрашиваетъ ее Амалія Ивановна,—что сегодня Иванъ Ардаліонычъ пріѣзжаетъ?

— Нѣтъ, не забыла.

— А дворнику говорила, чтобы онъ не опоздалъ на машину?

— Говорила, отвѣчаетъ Ириша.

— Смотри-жъ ты, чтобы все было въ порядкѣ: комнату старика убери хорошенько, да кренделько възьми ему изъ булочной, знаешь, которые онъ любитъ.

Ириша исполняетъ все машинально, точно сквозь сонъ: убираетъ комнату, беретъ крендельки въ булочной, а сама все смотритъ на часы: бьетъ девять, половина десятаго, десять.

— Сейчасъ пріѣдетъ.

Ужасъ нападаетъ на дѣвушку; она опять хочетъ уйти совсѣмъ изъ дому, но не въ силахъ двинуться, ноги подкашиваются, колѣни у нея трясутся. Она стоитъ посреди комнаты и ждетъ: передъ ея глазами кроткій, тихій Иванъ Ардаліонычъ выростаетъ вдругъ въ грознаго неумолимаго судью.

— Гдѣ деньги? спрашиваетъ онъ сердито.—Ихъ нѣтъ.

Онъ клеймитъ ее позорнымъ именемъ воровки и тащитъ въ тюрьму.

Въ передней раздается звонокъ; какъ молотомъ ударяетъ онъ въ голову Иришу, въ умѣ все спуталось, сердце нестерпимо ноетъ, страшно какъ!...

— Боюсь, боюсь! кричитъ она и хватается за револьверъ.

Звонокъ въ передней раздается во второй разъ и почти, вслѣдъ за нимъ, громкій выстрѣлъ.

— Ириша, Ириша! кричитъ изъ своей комнаты Амалія Ивановна, думая, что упало что-то тяжелое въ кухнѣ, — что-жъ ты не отворяешь? Вѣрно, въ булочную ушла, экая дура! И она бѣжитъ сама отворять.

Въ переднюю входятъ Иванъ Ардаліонычъ въ шинели и флотской военной фуражкѣ, за нимъ дворникъ, съ чемоданомъ и мѣшкомъ въ рукахъ.

— Да гдѣ же это Ириша? хлопочетъ хозяйка.

Она идетъ въ комнату горничной и съ воплемъ выбѣгаетъ оттуда, блѣдная, какъ полотно.

За ней слѣдуютъ дворникъ и Иванъ Ардаліонычъ; они тоже ищутъ Иришу и находятъ ее на полу, лежащую навзничъ: глаза открыты и неподвижны, возлѣ револьверъ, изъ подъ платья, на груди, сочится кровь.

— Боже милосердый! восклицаетъ Иванъ Ардаліонычъ и падаетъ передъ ней на колѣни.

Онъ щупаетъ руки и лобъ — они похолодѣли, прикладываетъ ухо къ груди — сердце не бьется больше, — оно перестало страдать!

— Умерла! горько плачетъ старикъ; дворникъ утираетъ глаза кулакомъ, а изъ-за двери выглядываетъ

голова Амаліи Ивановны, безъ парика, въ ночномъ чепцѣ, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ.

Иришу похоронили и проводили на кладбище: хозяйка, оба жильца и Петръ Михайловичъ Пушкаревъ. Послѣдній казался болѣе всѣхъ огорченнымъ и горько заплакалъ, когда гробъ опустили въ землю.

На другой день, послѣ похоронъ, оба жильца съѣхали отъ Амаліи Ивановны и на воротахъ ея дома снова появилось знакомое объявленіе о томъ, что отдаются комнаты въ наймы.

Иванъ Ардаліонычъ никому не сказалъ о пропавшихъ изъ его стола деньгахъ, а когда Андрей Александровичъ пришелъ къ нему объясниться по этому дѣлу и принесъ триста рублей, будто бы отданные ему покойной Иришей на храненіе, то онъ не взялъ денегъ и, пристально взглянувъ въ глаза Азарьеву, сказалъ ему:

— Деньги эти проклятыя, отдайте ихъ нищимъ.

Азарьевъ въ точности исполнилъ это порученіе, опустивъ деньги въ кружку, выставленную у дома комитета о нищихъ, за что и получилъ въ газетахъ благодарность на имя неизвѣстнаго, щедраго благотворителя.

